

-56

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), **В. П. Алексеев**, **С. А. Арутюнов**,
Н. А. Баскаков, **С. И. Брук**, **Л. М. Дробижева**, **Г. Е. Марков**, **Л. Ф. Моногарова**,
А. П. Окладников, **Д. А. Ольдерогге**, **А. И. Першиц**, **Н. С. Полищук**
(зам. главн. редактора), **Ю. И. Семенов**, **В. К. Соколова**, **С. А. Токарев**,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), **К. В. Чистов**

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И НАРОДЫ ВОСТОКА

В первом декрете Советского правительства, принятом 8 ноября 1917 г. непосредственно после победы Великой Октябрьской социалистической революции — в Декрете о мире были провозглашены принципы политики мира революционной России. «Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,— говорилось в декрете,— миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии,— таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций... Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»¹.

Провозглашение стремления ко всеобщему миру без аннексий и контрибуций было подкреплено принятием первым в истории рабоче-крестьянским правительством 15 ноября 1917 г. «Декларации прав народов России» и 3 декабря 1917 г.— обращения «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».

Утверждая политику мира, Советское правительство одновременно провозглашало равенство народов независимо от их расовой и этнической принадлежности, уровня культурного и социально-экономического развития; утверждало их право на свободный, самостоятельный выбор исторического пути. Это органическое сочетание ленинской политики мира с ленинской национальной политикой стало практическим осуществлением принципа, сформулированного основоположниками научного социализма: «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»².

Все, что провозгласило и что осуществило первое в истории правительство победившего пролетариата, было полной противоположностью тому, на что была направлена политика мировой буржуазии. Ведь именно буржуазия, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте коммунистической партии», «так же как деревню ...сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 13, 14.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 509.

зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы — от буржуазных народов, Восток — от Запада»³. Именно с капитализмом неразрывно связана кровавая история колониальной системы.

Великий Октябрь преобразил мир, стимулировал рост пролетарского и национально-освободительного движения во всех странах, открыл эпоху крушения под натиском окрепшего национально-освободительного движения колониальных империй в Азии, Африке и Океании — в тех районах мира, которые прежде назывались одним словом — Восток.

Первая русская революция 1905—1907 гг. пробудила азиатские народы к сознательному демократическому освободительному движению. Великий Октябрь и шесть пройденных Советским Союзом десятилетий на путях социалистического, коммунистического строительства, в огне самой кровопролитной в истории Великой Отечественной войны, указали народам всех стран Востока практические пути достижения независимости и осуществления коренных преобразований во всех сферах жизни общества — преобразований, направленных на создание свободной и счастливой жизни для сотен миллионов колониальных рабов.

В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятом 3 декабря 1917 г., говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»⁴.

Утверждая принципы равноправия, принципы свободного развития народов восточных районов России, первое рабоче-крестьянское правительство обращалось и к соседним народам зарубежного Востока, извещая о желании строить свои отношения с ними на равноправной основе. Этот призыв позволял демократическим, прогрессивным силам зависимых и колониальных стран Востока опираться на моральную поддержку Советской России в их национально-освободительной борьбе.

Такую поддержку от страны, еще находившейся в состоянии гражданской войны и борьбы с интервенцией, получили революционно-демократические и национально-освободительные силы Турции и Персии, Афганистана и Китая. Выполняя свой интернациональный долг, молодая республика Советов оказала вооруженную помощь революционной Монголии.

Эти первые, но действенные шаги Советской России показали всему миру, что в мировой политике появилась новая и реальная сила, препятствующая империалистическим державам беззастенчиво делить сферы грабежа, закабалять народы. Сколь бы ни была ослаблена Советская Россия семью годами мировой и гражданской войн, но, начав восстановление народного хозяйства, она все равно была в экономическом и военном отношениях мощнее своих восточных соседей. И то обстоятельство, что по отношению к слабым странам она категорически отвергала военную агрессию, рождало признание ее исключительной роли в глазах народов Востока, которых десятилетиями и столетиями подавляли силой, которых силой превращали в колониальный придаток империалистической метрополии.

В докладе на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. В. И. Ленин говорил, касаясь революционного движения на Востоке: «Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредст-

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

⁴ «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, с. 113, 114.

венной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств,— между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком,— нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма»⁵.

Принципы равенства и свободного развития всех наций и народов, провозглашенные Родиной Советов, превратили ее в оплот борьбы за национальное освобождение всех угнетенных народов. Первая мировая война вовлекла в свой водоворот и колониальные народы. «Этой наукой они воспользуются против господ империалистов,— говорил в том же докладе В. И. Ленин.— За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судьбы всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения»⁶. Великий Октябрь заметно революционизировал этот процесс пробуждения Востока, привел к возникновению кризиса колониальной системы, к принципиальным, решающим изменениям в социально-политическом облике стран Азии и Африки, народы которых поднимались на борьбу за национальную независимость, за освобождение от ига империализма и одновременно за создание нового, демократического общества, свободного не только от власти колонизаторов, но и от нищеты и угнетения.

Изменения социально-экономического облика стран Востока выражались в следующем: появлялись организации рабочего класса и беднейшего крестьянства, которые привели к созданию коммунистических партий; происходило размежевание в рядах местной буржуазии, способствовавшее формированию влиятельного слоя ее, идущего на отдельных этапах национально-освободительной борьбы на союз или блок с пролетарскими партиями и массами; национально-освободительное движение включилось в общий поток международного революционного движения.

Начавшийся 60 лет назад кризис колониальной системы в наши дни завершается ее окончательным крахом. На бывшей карте колоний и полуколоний сохранились только отдельные островки, где национально-освободительное движение еще не добилося политической победы, где империализм еще пытается продлить свое колониальное господство. Но дни такого господства сочтены. Победа СССР над фашизмом во второй мировой войне привела к формированию содружества социалистических стран, созданию мировой социалистической системы — определяющей силы современности, которая оказала решающую поддержку революционному Востоку.

Завоевание народами бывших колоний и полуколоний политической независимости — результат объективного развития всемирного исторического процесса. Поскольку и сама Октябрьская революция была порождена этим развитием, то ее идеи и опыт небывало ускорили ход этого процесса, стали важнейшим фактором изменений в мире во второй половине XX в. Обращаясь к представителям коммунистических организаций народов Востока, В. И. Ленин в 1919 году говорил: «Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие. Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы,— не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представите-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 318.

⁶ Там же, стр. 328.

лями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета... Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла ранее перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков... Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом. В этом вам поможет, с одной стороны, тесный союз с авангардом всех трудящихся других стран, а с другой — умение подойти к народам Востока, которых вы здесь представляете. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем, вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока»⁷.

Это развернутая программа национально-освободительного движения, рожденная Октябрем, гением Ленина — вождя и учителя революции, и именно ее осуществление привело народы Востока к тем великим политическим и социальным успехам, о которых мы говорим в дни 60-летия Октября.

Продолжая работу по укреплению завоеваний Октября, понимая всю международную ответственность России за судьбы революции, за освобождение всех угнетенных, В. И. Ленин уже к 1920 г. обосновал выбор некапиталистического пути развития в качестве реальной стратегической задачи для тех отставших в социально-экономическом отношении народов, которые добились в ходе национально-освободительной борьбы политической независимости и могут опереться на братскую помощь социалистических стран. С классической ясностью это положение было сформулировано Лениным на II конгрессе Коммунистического Интернационала: «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁸.

Данное положение послужило ориентиром для передовых представителей революционных сил на Востоке при выборе пути развития после достижения политической независимости. Первой вступила на этот путь Монголия⁹. А сегодня некапиталистический путь развития, социалистическую перспективу его выбрали многие народы бывших колоний, ибо только в следовании по этому пути они видят возможность преодолеть теснейшую зависимость от мирового капиталистического рынка, от бывших метрополий, сломить господство внутри своих стран «национальной» буржуазии. Капиталистический способ производства, сложившийся и расцветший на базе беспощадной эксплуатации трудящихся, в особенности трудовых масс колоний, не может быть привлекательным для освободившихся народов даже в «обновленной», неокOLONиалистической своей форме. Многократно лидеры ряда стран Востока по достижении национальной независимости объявляли о своем намерении вести народ иным, «третьим путем» — не капиталистическим, не социалистическим. Но «третьего пути» история не дает. Жизнь стран Востока жестко ставит и перед трудящимися массами, и перед политическими лидерами задачу выбора пути исторического развития.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 328—330.

⁸ Там же, т. 41, с. 246.

⁹ См. Ю. Цеденбал. К социалистическому общественному строю, минуя капитализм. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 4, с. 6—29.

При этом необходимо учитывать, что отнюдь не любая форма некапиталистического развития бывших колоний и зависимых стран может восприниматься как синоним социалистического развития. Ибо социалистическое развитие подразумевает не только желание освободившейся страны и ее лидеров не повторять кровавый путь капиталистического развития, но и формирование определенного, т. е. социалистического уровня организации всей социальной и экономической жизни.

Для народов Востока революционизирующее влияние Октября выразилось и в том, что пример многонационального социалистического государства показывал пути решения сложнейших национально-этнических проблем. Уже в первые после Октября годы, решая задачу предоставления всем народам своей страны политического равноправия, осуществляя на деле марксистско-ленинский принцип права наций на самоопределение, Советская власть обеспечила свободное национальное развитие бывших царских окраин. В четвертую годовщину Октября В. И. Ленин писал: «Мы дали *всем* нерусским национальностям *их собственные* республики или автономные области»¹⁰. И поскольку образование национальных государств являлось «тенденцией (стремлением) всякого национального движения»¹¹, государственно-национальное строительство в Советской России стало важнейшей частью решения здесь национального вопроса. Процесс образования советских республик встречал непонимание у отдельных руководящих работников в России, а также у представителей других коммунистических и рабочих партий. Рассматривая их позицию, В. И. Ленин подчеркивал: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»¹².

Воплощением этих идей Ленина, детищем Октября, стал Союз Советских Социалистических Республик. Осуществленное в СССР право наций на самоопределение стало примером при образовании национальных государств в ходе национально-освободительной борьбы колониальных народов.

Необходимость использовать опыт СССР, опыт Октября странами Востока вытекала, во-первых, из сопоставимости уровня национальных и этнических процессов в предреволюционные годы на окраинах России с уровнем этих процессов во многих странах Востока; во-вторых, из наличия многонационального, многоэтнического населения в большинстве колониально-зависимых стран.

Таким образом, перед народами Востока, добившимися национальной независимости, при решении национально-этнических проблем их стран стоял выбор: либо использовать опыт решения национального вопроса в стране Октября, либо повторить путь капиталистического угнетения малых народов.

В результате краха колониальной системы в послевоенный период, углубления общего кризиса капитализма и укрепления могущества мировой социалистической системы за короткое время в странах Азии, Африки и Океании возникло свыше 80 национальных государств. «Национальные государства все активнее выступают как самостоятельная сила на мировой арене, причем объективно это в основном сила прогрессивная, революционная и антиимпериалистическая»¹³.

Данная характеристика справедлива не только в общен историческом плане, но и существенна для понимания той исторической роли, которую

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 146.

¹¹ Там же, т. 25, с. 259.

¹² Там же, т. 35, с. 115.

¹³ «Программа КПСС». М., 1973, с. 50.

играет национальное государство в определении направления и темпов национально-этнических процессов у народов Востока.

Опыт решения национального вопроса в СССР на путях социалистических преобразований, когда народам было предоставлено право на национально-государственное строительство, когда в процессе национального размежевания решалась нелегкая проблема границ (например, в Средней Азии), когда каждой нации, народности и этнографической группе было обеспечено право свободного пользования родным языком, право развития национальной культуры — этот опыт свидетельствует не только о способности ранее отсталых наций и народностей подняться до уровня передовых, но и определяет характер постепенного их сближения.

Те страны Востока, которые с победой национально-освободительного движения творчески воспринимают опыт Октября (например, СРВ), имеют, как правило, важные успехи и в деле национально-этнического развития. В тех же странах, где в силу ли слабости, либо практического отсутствия организаций пролетарских, трудовых масс развитие идет по капиталистическому пути, нередко происходит обострение межнациональных, межэтнических отношений, которое порой выливается в формы вооруженной борьбы. Попытки подмены буржуазными слоями понятий классовых национальными и этническими способствует шовинистическому, националистическому разложению трудящихся, отвлечению их от активной борьбы против сил империализма и реакции.

Опыт Великого Октября показал и доказал, что полное достижение равноправия народами возможно лишь на пути социалистических преобразований. Всемирно-историческое значение опыта СССР для стран Востока определяется еще и тем, что в ходе социалистических преобразований в СССР происходило переустройство докапиталистических укладов, что народы, находившиеся на докапиталистических стадиях развития, пришли к социализму, минуя капитализм.

Следование по пути социалистических преобразований — не простое копирование советского опыта, не схематическое моделирование «под СССР», а признание того непреложного факта, что пройденные Советским Союзом шесть десятилетий подтвердили наличие общих закономерностей развития для всех стран, всех народов и их коммунистических и рабочих партий на пути революционного преобразования общества. Совершенно очевидно, что «общие закономерности социализма в жизни неотделимы от частного курса, то есть от конкретной, частной истории пути каждой страны к социализму. Речь идет не об абстрактной модели, применяемой к динамике реальности. Это выражение самого исторического опыта, но опыта, который определяет, что является социализмом и что таковым не является»¹⁴.

Именно признание общих закономерностей в решении национально-этнических проблем народов Востока отличает интернационалистические партии и организации от националистических и шовинистических группировок. Еще 21 февраля 1920 г. в Письме ЦК РКП(б) всем партийным комитетам и политотделам «К работе среди народов Востока» подчеркивалось: «Будучи проникнута сочувственным отношением к развитию национальной культуры и к принципу самоопределения, партийная работа должна носить отчетливо интернационалистический характер, должна поддерживать необходимость тесного союза мусульманских трудящихся с Советской Россией не как с великим государством, которое силой забрало эти массы под свою власть, а как с единственной их опорой еще на долгое время в борьбе за их освобождение»¹⁵. Такая по-

¹⁴ Р. Арисменди. 60-я годовщина Великого Октября и пролетарский интернационализм. — «Партийная жизнь», 1977, № 10, с. 14.

¹⁵ «Советское содружество народов. Сборник документов 1917—1922 гг.». М., 1972, с. 121, 122

становка вопроса определяла интернационалистический характер ленинской национальной политики, которая всегда выражала свое непримиримое отношение к буржуазному национализму. В. И. Ленин писал: «Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе»¹⁶.

Нет ничего удивительного в том, что в процессе достижения экономической независимости страны Востока переживают своеобразный «националистический взрыв» — это естественная реакция на десятилетия колониального угнетения. Но, отказавшись от прямого господства над бывшими колониями, империалисты и их сообщники из лагеря правых и левых оппортунистов пытаются построить стратегию неоколониализма на разжигании национализма и шовинизма. У врагов мира, демократии и социализма расчет один: обострение внутренних межнациональных, межэтнических противоречий будет способствовать отвлечению трудящихся масс от классовой борьбы с капитализмом и создаст почву для прямого или косвенного вмешательства империалистических государств, для новой формы закабаления недавно освободившихся народов.

Опыт Великого Октября, опыт СССР учит распознавать врагов социального прогресса, учит преодолевать националистические и шовинистические тенденции на путях социально-экономических и национально-этнических преобразований в ранее отсталых районах мира.

Народы Востока, находившиеся в колониальной и полуколониальной зависимости, под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции вышли на штурм твердынь колониализма и империализма. Само существование Родины Октября, ее бескорыстная помощь национально-освободительным движениям во многом способствовали кризису колониальной системы. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, создание и укрепление могущества мировой социалистической системы явились решающим условием краха колониализма — этого векового позора в истории человечества.

Используя всемирно-исторический опыт Великого Октября, опыт 60 лет социалистического строительства в СССР, страны Востока могут прийти к подлинному социальному, политическому, экономическому и национальному равенству только на путях некапиталистического развития, опираясь на помощь первой социалистической державы мира и всего социалистического содружества.

«Отношение Советского Союза к сложным процессам в развивающихся странах — четкое и определенное, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — Советский Союз не вмешивается во внутренние дела других стран и народов. Уважение священного права каждого народа, каждой страны избирать свой путь развития — незыблемый принцип ленинской внешней политики. Но мы не скрываем своих взглядов. В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе...

Наша партия оказывает и будет оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу. Советский Союз при этом не ищет никаких выгод для себя, не охотится за концессиями, не добывается политического господства, не домогается военных баз. Мы поступаем, как велят нам наша революционная совесть, наши коммунистические убеждения»¹⁷.

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции имеет для стран Востока непреходящее значение, потому что это опыт такой

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

¹⁷ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 14, 15.

революции, которая, провозгласив высокие права человека труда, обеспечила их безусловное выполнение. В истории человечества не было еще такой страны, которая бы столь определенно, как это сказано в новой Конституции СССР, заявляла о том, что «в соответствии с коммунистическим идеалом „Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех“ государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности»¹⁸.

Величие опыта Октября для народов Востока, столетиями страдавших от колониального гнета, становится особенно ощутимо, когда они читают в статье 34 Конституции СССР, что «Граждане СССР равны перед Законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств»¹⁹.

Чтобы записать эти строки в Конституции, чтобы обеспечить их неуклонное исполнение, трудящимся России надо было совершить великий подвиг — сокрушить власть капитала и построить социализм — избрав единственный путь, ведущий к подлинной свободе для всех народов мира.

¹⁸ «Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик». М., 1977, с. 13.

¹⁹ Там же, с. 17.

Л. М. Д р о б и ж е в а

СБЛИЖЕНИЕ КУЛЬТУР И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СССР

Дружественные межнациональные отношения являются величайшей ценностью и завоеванием Советской власти не только в глазах советских людей, но и всех народов мира. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза дружба всех наций и народностей нашей страны названа одной из основ, на которых сложилась новая историческая общность людей — советский народ, и одним из главных итогов пройденного им за 60 лет пути¹.

Создание нового типа межнациональных отношений является экспериментом всемирно-исторического значения. Поэтому важно раскрыть те обстоятельства, которые приводят к установлению и развитию таких отношений. В марксистской науке считается общепринятым, что в основе национальных отношений лежат социально-экономические и социально-политические факторы. Общая политическая обстановка в стране, решение национального вопроса «в тех его аспектах, в каких он достался нам от дореволюционного прошлого»² — это главные обстоятельства, определяющие дружественное межнациональное общение народов в нашей стране.

В ходе постоянного взаимодействия наций и народностей СССР принципиальное значение имеет их полное равноправие, общность основных жизненных целей и задач общественного развития, единство идеологии, существование в рамках одного государства с единой в своей основе экономической, социальной и культурной политикой.

В то же время «...национальные отношения, — как говорилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», — и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, вызывает новые проблемы и задачи»³.

Эти задачи решаются не только на уровне межреспубликанских отношений в масштабе страны, но и на уровне межличностных национальных отношений в микросредах — в пороках и селах, в конкретных коллективах. На этом уровне имеют значение дополнительные важные обстоятельства: социальная структура контактирующих народов, отражающая их социально-экономическое развитие, заинтересованность в решении конкретных целей в процессе взаимодействия, ситуационные

¹ «XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I. М., 1976, с. 107, 113.

² Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 24.

³ Там же.

факторы, этническая среда, историческое прошлое, длительность контактов, сходство и различие в культуре и т. д. Культура народа, тесно связанная с его историческим прошлым, не является основным фактором, определяющим национальные взаимоотношения. Но в то же время сходство или различия в культуре народов — важное обстоятельство, особенно в условиях непосредственного общения людей разных национальностей.

Сближение культур, как это принято считать в отечественной литературе, проявляется в увеличении общих элементов, а также во взаимодействии и взаимопроникновении национальных культур, усилении их контактов.

Процесс сближения культур, как уже отмечали исследователи, может быть рассмотрен в двух аспектах: с точки зрения расширения в имеющемся арсенале каждой национальной культуры общесоветских элементов и лучших достижений мировой цивилизации и с точки зрения освоения этого культурного богатства людьми — распространения общеобразовательных, общекультурных знаний и навыков, единых для советского народа ценностей, норм поведения, сходных культурных интересов и ориентаций.

Национальные отношения, развивающиеся на институциональном уровне через республиканские государственные и общественные организации, связаны в основном с первым аспектом процесса сближения культур и в известном смысле находят в нем свое выражение. Например, переводы книг, трансляция радио- и телепередач общесоюзного или республиканского вещания, постановка тех или иных спектаклей, имеющих преимущественно национальное звучание или вошедших в сокровищницу общесоветской культуры, всевозможные гастроли, обмен опытом и помощь в подготовке кадров, приводящие к взаимопроникновению культурных достижений народов, — все эти и подобные им акции осуществляются через государственные и общественные организации.

Национальные же отношения на межличностном уровне преимущественно взаимосвязаны со вторым аспектом процесса культурного сближения — приобщением людей к духовным ценностям других народов СССР, общесоветской и прогрессивной мировой культуре.

Конечно, освоение людьми культуры вообще, в том числе национальной и инонациональной, зависит от того культурного арсенала, которым они могут пользоваться. Но не в меньшей мере оно зависит и от их культурных запросов и интересов, определяемых образованием, профессиональными потребностями, культурной средой, в известной мере традиционно сложившимися навыками. И как показывает исторический опыт, чем шире культурные контакты, тем легче общение народов.

Культурные контакты и национальные отношения на институциональном уровне довольно широко освещены в исторической, историко-партийной и философской литературе⁴. Попытаемся проследить влияние процесса сближения культур на национальные отношения, развивающиеся на личностном уровне.

В основу анализа положены традиционные исторические источники и материалы этносоциологических исследований, осуществленных Сектором конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР совместно с республиканскими учреждениями. Эти исследования, проведенные в 1971—1974 гг. в Молдавии, Грузии, Узбекистане,

⁴ См.: М. С. Джунусов. Всестороннее развитие и тесное сближение советских наций в период развернутого строительства коммунизма. Фрунзе, 1962; *его же*. Расцвет и сближение национальных культур — закономерность создания культуры коммунизма. М., 1963; «Строительство коммунизма и духовный мир человека». М., 1966; А. Наджаров. Сближение культур социалистических наций, Баку, 1970; М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; С. Шермухамедов. Расцвет и сближение национальных культур народов СССР. М., 1974, и др.

Эстонии, были репрезентативными для основной коренной национальности и русских, проживающих в этих республиках⁵.

Индикаторами межнациональных отношений выступали как факты реального поведения — работа в многонациональных коллективах, личная дружба с людьми другой национальности, национально-смешанные браки, так и отношение к различным видам межнационального общения.

В качестве индикаторов процесса сближения культур на групповом и личностном уровне рассматривались: распространение образования, интерес к достижениям общесоветской и мировой культуры, а также к культуре других народов СССР (в профессиональной и традиционно-народной формах), отсутствие узконациональных ориентаций в сфере нормативно-поведенческой культуры (в частности, в обычаях, обрядах).

Процесс сближения в различных компонентах культуры идет различными темпами и не всегда синхронно.

С первых лет Советской власти общим компонентом для культуры всех народов и каждой национальной культуры в стране стала господствующая марксистско-ленинская идеология, выступающая в свою очередь существенным стимулятором всего процесса сближения культур и развития дружественных национальных отношений. Она обуславливает не только содержание произведений литературы и искусства, способных влиять на сознание масс, но и нормативную культуру, нравственные нормы, ценности, которые определяют поведение, взгляды и установки людей, в том числе в сфере межнационального общения.

Гуманное отношение к человеку как нравственная норма включает в себя уважение к людям любой национальности.

Пропаганда идей равенства, дружбы народов, осуждение проявлений национальной ограниченности и шовинизма способствовали формированию моральных норм межнационального общения, определяющих повседневное поведение.

У советских народов сложились общие ценности: труд, мир, образование, забота о нравственном облике молодежи, которые объединяют интересы людей разных национальностей⁶.

В современных условиях процесс сближения культур интенсивно идет за счет распространения научных знаний, а также общности идейных позиций и профессиональных навыков в художественной культуре. Сравнительно медленнее, как известно, изменяется традиционно-бытовая культура.

Процесс сближения в сфере научных и общекультурных знаний находит отражение в выравнивании уровня образования народов. Образование дает не только в основе своей общий для всех запас знаний, но и направленное воспитание. Оно дает представление о других народах и, что также очень важно, создает основу для формирования схожести восприятий, склонности к одинаковым реакциям на события и явления, заинтересованности в одной и той же информации, общности в образе жизни. В свою очередь все это способствует взаимопониманию в межнациональном общении.

Вывод о значении образования для преодоления национальной узости, предубеждений, особенно в среде рабочих, колхозного крестьянства, у служащих без специального образования, был сделан уже по результатам этносоциологического исследования в Татарской АССР⁷. Теперь,

⁵ О программе исследований и обосновании выборки см.: Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — «Сов. этнография», 1972, № 3.

⁶ Эти ценности население называет чаще всего в ходе опросов как наиболее важные.

⁷ См. Ю. В. Арутюнян. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений. — «Вопросы философии», 1969, № 12; Л. М. Дробижева. Социально-культурные особенности личности и национальные установки. — «Сов. этнография», 1971, № 3, и др.

когда мы располагаем материалами сравнительных исследований, можно со всей очевидностью утверждать также, что позитивное действие фактора выравнивания образования наиболее заметно сказывается в сфере межнационального общения у тех народов, культура которых в последние десятилетия была наиболее динамичной. Мы наблюдали это у молдаван, узбеков. Темпы культурных изменений, прежде всего рост общего образования, расширение круга специалистов со средним и высшим образованием у этих народов в послевоенные, особенно в 60—70-е годы, были особенно заметными. Так, доля лиц с высшим и законченным средним образованием у молдаван с 1959 по 1970 г. выросла в три раза, у узбеков — более чем в 2,5 раза, в то время как у русских, грузин, армян, эстонцев и латышей — примерно в полтора раза⁸. Образование способствовало расширению культурного кругозора, формированию благоприятного отношения к межэтническим контактам. Например, у узбеков круг людей, не придающих значения национальности при межличностном общении, существенно увеличивается в более образованных группах населения младшего и среднего возраста. Среди узбеков-горожан абсолютное большинство благоприятно относится к межнациональным деловым контактам; при этом в группах со средним образованием и выше, придерживающихся такого мнения, примерно на 25% больше, чем в среде людей с образованием до четырех классов. Образование положительно сказывается на отношении к межнациональным контактам на производстве и особенно на национальной ориентации в неформальном общении. В более образованных группах намного шире дружеские межнациональные контакты, чаще встречаются национально-смешанные браки (в городе и на селе). Примерно такая же картина у молдаван. Свыше 80% молдаван со средним образованием и выше имеют положительные установки на межэтнические браки, среди тех, кто имеет образование до семи классов, — около 60%.

В годы после второй мировой войны более быстрые темпы роста образования имели место не только у молдаван и узбеков, но и у народов других союзных республик (литовцев, таджиков, киргизов, казахов, туркмен), а также во многих автономных республиках. Здесь эффект «взлета» в образовании также ощущается особенно остро как в профессиональной деятельности, так и в общей культуре, в том числе в межличностных национальных отношениях.

В других районах страны, например в Эстонии, Латвии, где уровень образования в прошлом был не таким низким, как в Молдавии или в Литве, существенный скачок в образовании был сделан в первые 10—20 лет после Великой Отечественной войны. В последние годы он оставался более или менее стабильным, в основном соответствующим реальным потребностям в квалифицированных кадрах. Здесь образование особенно заметно не влияет на отношение к межнациональным контактам.

Своеобразно отражаются эти социально-культурные ситуации в амплитуде изменений установок на межнациональные контакты по демографическим группам. Доминирующей тенденцией у народов является нарастание благоприятных межэтнических установок и реальных контактов среди молодежи и людей среднего возраста.

За возрастными особенностями стоят различия в уровне образования и в характере социально-профессиональной деятельности. Обычно у людей с невысоким уровнем образования более ограничен и опыт межнационального общения, что также сказывается на некоторой консерва-

⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973, с. 393, 395, 399, 404.

тивности в их установках на межэтнические контакты. Заметно ниже образование старшего поколения у народов, которые особенно отставали в культурном отношении до установления Советской власти.

Здесь и разрыв в межэтнических установках старшего и младшего поколений более значителен.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: различия в межэтнических установках среднего и младшего поколений в сравнении со старшим больше у народов, непосредственно контактирующих с нациями, культура которых в прошлом генетически существенно отличалась от их собственной, а общение между ними быстро расширялось в последние десятилетия. Примером может служить Узбекистан. В старшем поколении узбекского населения, особенно сельского, еще сказывается культурная отсталость прошлого. В то же время межнациональное общение в Узбекской ССР быстро расширяется, в том числе за счет притока сюда русских, украинцев и людей других национальностей, язык и бытовая культура которых значительно отличаются от языка и культуры узбеков. И если люди младших возрастов, более образованные и обычно знающие русский язык, росли в условиях, когда межкультурные контакты становились привычными, старшее поколение таких преимуществ не имело. Не случайно узбеков, положительно относящихся к деловым межнациональным контактам, в возрасте до 49 лет примерно на треть больше, чем в группе старше 60 лет.

В то же время в районах, где ситуация межнационального общения в последние 15—20 лет была более стабильной, а уровень культуры контактирующих народов и ее генетические корни и раньше имели большее сходство (например, в Эстонии), этнические установки и контакты по поколениям различаются меньше.

Принципиально важно, что все отмеченные различия имеют место на фоне преобладания дружественных, благоприятных межличностных отношений. Это проявляется в практическом отсутствии конфликтов на национальной почве в многонациональных коллективах, в межнациональной взаимной помощи, о которой часто упоминали в ходе интервью опрашиваемые, в широком дружественном и даже родственном общении. В Молдавской ССР, например, свыше 60% молдаван дружат с людьми иных национальностей и около 50% имеют родственников, состоящих в национально-смешанных браках (напомним, что молдаване составляют в республике 64,6% населения). В Узбекской ССР не менее 66% узбеков в городах дружат с людьми другой национальности и 32% имеют родственников, состоящих в национально-смешанных браках (узбеки составляют 65,5% населения республики).

Именно в районах с быстро меняющейся, динамичной культурой не только образование, но и расширение общекультурной информации у народа, в том числе за счет профессиональных художественных форм, оказывают влияние на преодоление национальных предубеждений. Так, среди узбеков, читающих художественную литературу, особенно серьезного психологического содержания, от случая к случаю или постоянно просматривающих телепередачи, знающих, наряду с родным, русский язык, в полтора-два раза больше (в городе и на селе) людей, имеющих друзей иных национальностей и положительно относящихся к межнациональным контактам, чем среди тех, кто не имеет перечисленных выше культурных навыков. Та же закономерность наблюдается и в среде молдаван. Культурная информация, которую получает население, отражает сближение художественной и бытовой поведенческой культуры народов.

Взаимовлияния в профессиональной художественной культуре имели место и в историческом прошлом, но на уровне элитарных слоев общества каждого народа. Теперь высшие достижения профессиональной культуры доступны всем социальным слоям. Сближение культур в этой

сфере касается основных масс населения, снимая у людей непривычность к национальным формам и узконациональные ориентации.

Научно-технический прогресс чрезвычайно ускоряет обновление культурных интересов и идеалов прежде всего за счет широкого распространения достижений общесоветской и мировой культуры не только среди горожан, но и сельских жителей.

Вместе с тем в сфере профессиональной художественной культуры, связанной с удовлетворением эмоциональных потребностей, остается больше своеобразие, чем в культуре, отвечающей рациональным потребностям (например, в знаниях). Это в целом соответствует интересам людей и не препятствует межнациональному дружескому общению.

При рассмотрении культурного сближения и влияния его на мировоззрение, установки и реальное поведение человека, естественно, учитываются интенсивность, широта и глубина культурных контактов, взаимовлияний и обмена. Они зависят от общих для социальной системы и конкретных для отдельных народов условий функционирования культуры. Процесс сближения национальных культур происходит в обстановке, когда сложились своеобразные «культурные ареалы», которые существуют на разных уровнях, в разных масштабах и не изолированно, а взаимно перекрещиваясь.

Для советских народов наиболее масштабным культурным ареалом является общесоюзная культура. Но даже в современных условиях развития массовой информации и средств связи культурные контакты зависят все же и от конкретной этнической среды, от исторических традиций, в том числе генетического различия или сходства культур. И если этническая среда, расселение народов больше влияют на широту и интенсивность контактов, то исторические традиции и сходство культур сильнее воздействуют на глубину культурных взаимовлияний, ибо от историко-культурных традиций зависит не только распространение культуры, но и восприятие ее людьми. Поэтому даже в условиях единой общественной системы у народов с исторически родственной культурой имеется *дополнительный* фактор, облегчающий общение (например, славянские народы, народы Средней Азии и т. д.). В этом смысле полезно учитывать опыт этнографов в изучении историко-культурных областей.

Своеобразным ареалом практически выступает и общность культуры той или другой социальной группы, ибо социальные интересы существенно определяют культурные потребности людей, в том числе и в аккумуляции инонациональных культурных достижений. Например, значительная часть интеллигенции воспринимает культуру в соответствии со своими профессиональными интересами и потребностями. Она проявляет больший, чем другие группы населения, интерес к интернациональной культуре, а также культуре других народов. Среди большинства рабочих, крестьян и служащих без специального образования та же культурная информация — литература, песни, музыка, танцы других народов или вошедшие в общий, интернациональный фонд воспринимаются главным образом в соответствии с эмоциональными потребностями и интересами. Как правило, именно в отношении этих групп населения можно утверждать, что межкультурный обмен увеличивает благоприятный настрой к общению с другими народами. Для них наиболее эффективны и межреспубликанские теле- и радиопередачи, и декады литературы и искусства, распространение пластинок и магнитофонных записей и т. п.

Кроме того, имеют место не только социальные, но и своеобразные возрастные культурные группы по интересам. Например, можно говорить о своеобразной «молодежной субкультуре».

Молодежная субкультура — практически городская, более интегрированная, интернациональная культура; она разрушает традиционную национальную изоляцию, облегчая тем самым взаимопонимание наро-

дов. Не случайно, видимо, среди узбекской молодежи (в том числе и сельской), которая увлекается литературой, музыкой, танцами других народов и знает русский язык, людей, сохраняющих те или иные национальные предубеждения, чрезвычайно мало, вдвое меньше, чем среди лиц, ориентированных преимущественно лишь на свою национальную культуру.

Чем динамичнее культура народа, тем существеннее влияние молодежной субкультуры. Например, у молдаван, народов Средней Азии, Казахстана и ряда других трансмиссия инноваций в культуре идет в значительной мере от более образованной и знающей молодежи к старшему поколению, особенно в сельских условиях.

Межкультурное сближение и контакты влияют на национальные отношения преимущественно в непроеизводственной сфере. Например, грузинская, эстонская интеллигенция, более широко приобщенная к культурным достижениям других народов, чем работники физического труда, не отличается заметно от них в отношении к производственному межнациональному общению, но ее представители чаще вступают в неформальные, дружеские контакты с людьми других национальностей, благоприятнее относятся к смешанным бракам. В известной мере в непроеизводственной, бытовой сфере национальные отношения, выраженные в тех или иных нормах общения и поведения, являются в то же время элементом традиционно-бытовой или, как ее еще именуют, народной культуры.

В быту, так же как в трудовой и общественной жизни, поведенческая культура людей всех национальностей достигает схождения за счет соционормативных установлений, общих для всего советского общества. Но в быту традиционные обычаи и нормы более стабильны; они оказывают влияние на межнациональное общение. Так, внутринациональные браки в ряде случаев могут быть не результатом осознанного стремления к ним, т. е. проявлением этноцентризма, а скорее привычкой, нормой, сложившейся под влиянием исторических традиций. Сохранившееся у некоторой части узбеков, например, негативное отношение к смешанным бракам четко вписывается в традиционный комплекс культуры.

В городах, где существует непосредственный контакт людей разных национальностей, не менее 20% узбеков (по различным социальным группам) ответили, что не станут возражать, если их ближайшие родственники (сестры, братья, дети) вступят в брак с лицами других национальностей, при том условии, что последние будут соблюдать узбекские национальные обычаи.

Предпочтение однонациональных браков, как правило, не связано у узбеков с национальной замкнутостью в других сферах общения. Так, узбеки широко контактируют с иными национальностями, в том числе русскими, украинцами, таджиками на производстве. От 80 до 90% (по социальным группам) людей с образованием выше семи классов на селе, например, вообще считают, что национальность не имеет значения при деловом общении (подразумевается при этом, что люди знают язык друг друга); среди людей с образованием до четырех классов такого мнения придерживаются 60—75%.

В других районах страны, где комплекс традиционной культуры более «урбанизирован», он не является столь значимым фактором в межнациональном общении, в том числе и в сфере семейного общения (например, в РСФСР, Эстонии).

В бытовой поведенческой культуре также повсеместно происходят изменения благодаря распространению интернациональных образцов, пропагандируемых средствами массовой информации. Но все же именно в этой сфере непосредственное межнациональное общение выступает важным каналом межкультурного обмена.

Вместе с тем неформальные межнациональные контакты — это своего рода проявление национальных отношений и поэтому обе эти стороны взаимосвязаны. Эта зависимость подтвердилась практически у всех народов, среди которых проводились исследования: у татар, эстонцев, молдаван, узбеков, грузин. Например, благоприятно настроенных к межнациональным бракам среди узбеков, которые имеют друзей других национальностей, вдвое больше, а среди тех, кто сам состоит в национально-смешанном браке или имеет родственников, состоящих в таких браках, в три-четыре раза больше, чем среди людей, не имеющих родственных и близких дружеских межнациональных контактов.

Благоприятное влияние дружеского и семейного общения на межэтнические установки особенно заметно в группе работников физического труда, особенно малоквалифицированных, и слабее выражено в среде специалистов. Этот вывод подтверждается как при анализе простых процентных расчетов в виде условных распределений, так и при расчете зависимостей между названными факторами в коэффициентах сопряженности Юла⁹.

В случае, если межнациональное общение не столь близкое, как дружеское или семейное, важно все же, чтобы оно не было поверхностным. Например, кратковременные единичные поездки в другие республики на национальные установки эстонцев, как показывают опросы, не влияли. Между тем у тех, кто выезжает в другие республики «ежегодно или чаще», как фиксировалось в опросном листе, и ближе знаком с другими народами, отношение к контактам с другими национальностями в сопоставимых социальных группах заметно лучше.

Усиление межэтнического общения как за счет миграции, так и за счет увеличения контактных ситуаций (рост многонациональных коллективов, тенденция увеличения числа межнациональных браков и т. п.) при прочих благоприятных обстоятельствах, очевидно, углубляет тенденцию к дружественным межнациональным отношениям.

Более или менее длительное непосредственное межнациональное общение способствует знакомству прежде всего с нормами поведения других народов, в которых существенное место занимает традиционная бытовая культура — нормы отношений между мужчинами и женщинами, в том числе в семье и т. д.

Конечно, и в этом случае люди знакомятся с музыкой, танцами, фольклором народов, рядом с которыми они живут и трудятся. Основное же знакомство с художественной культурой других народов, особенно профессиональной, происходит сейчас через средства массовой информации и культурные учреждения (театр, клубы и т. п.), литературу, а не при непосредственном общении.

Особенно широко культурные контакты разворачиваются, естественно, в городах. Город как культурный комплекс с интенсивным действием разнообразных культурных учреждений, более широкой сферой человеческого общения содействует знакомству населения с культурой и традициями других народов, дает богатый опыт межнациональных контактов. И то и другое оказывает воздействие на основную массу городского населения, снимает ощущение национальной замкнутости и национальные предубеждения. Это касается, как показало уже исследование в Татарской АССР, прежде всего широких кругов рабочих и служащих без специального образования¹⁰. Среди узбеков, молдаван, проживающих в городах, также было зафиксировано более благоприятное, чем в

⁹ См. А. А. Сусоколов. Непосредственное межэтническое общение и установки на межличностные контакты. — «Сов. этнография», 1973, № 5.

¹⁰ «Социальное и национальное». М., 1972, с. 279, 280.

селе, отношение к неформальным этническим контактам, особенно в группах работников физического труда¹¹.

Мы не случайно обращаемся к установкам в сфере неформального общения. Как уже отмечалось, именно на эти межэтнические установки больше влияют культурные различия, которые стираются в городе.

Конечно, благоприятные изменения в отношении к межнациональному общению не являются следствием одной лишь взаимной культурной адаптации национальностей. Процесс намного сложнее. На первых порах общения в многонациональных городах различия в языке и в обычаях чувствуются и осознаются нередко даже острее. Многое зависит от образования, квалификации, обеспечивающих возможность социального продвижения, ведь с переездом в город люди обычно связывают надежды на лучшую, чем прежде, работу и бытовые условия. Но при реализации этих ожиданий и достаточно длительном межнациональном общении городская культурная среда оказывает благоприятное влияние, особенно в среде рабочих и служащих (работников преимущественно умственного труда без специального образования). В целом последнее отражает общую закономерность: культурные контакты и взаимодействия более широко распространены в среде интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, но наибольший эффект в развитии дружественных межнациональных отношений они дают в среде основной массы рабочих и крестьян, т. е. в тех слоях населения, которые больше нуждаются в расширении культурного кругозора. Это важно иметь в виду в культурной политике, в деятельности средств массовой информации, в развитии туризма и т. п.

Связь культурных процессов и межэтнических отношений не односторонняя. В данной статье анализировалось влияние сближения культур на национальные отношения, но и сами дружественные национальные отношения способны активизировать процесс межкультурного сближения. Это подтверждается результатами экспериментальных исследований в Грузии¹², и в дальнейшем мы постараемся подробно осветить эти проблемы на материалах представительных опросов в других республиках.

Таким образом, отношения между национальностями тесно взаимосвязаны с этническими процессами. Вместе с тем дружба народов является важной основой единства советского народа как новой исторической общности людей. Не случайно ей придается столь большое значение в нашей многонациональной стране. Дружественные отношения людей всех национальностей СССР названы в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза в числе характерных черт советского образа жизни¹³.

THE DRAWING TOGETHER OF CULTURES AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE USSR

The paper deals with the way the development of amicable inter-ethnic relations is influenced by the process in which different cultures become mutually closer. The drawing together of cultures is examined according to the way culture is mastered by the people concerned, the degree to which they participate in integrated and in ethnically specific culture elements.

¹¹ Доля негативных установок по отношению к национально-смешанным бракам в сравнимых социальных группах в городе на 5—10% меньше.

¹² Л. М. Дробизева. Социально-психологическая обусловленность культурных контактов. М., 1973, с. 13, 14.

¹³ «XXV съезд КПСС. Стенографический отчет», т. I, с. 13.

Under modern conditions, it is largely through the spread of education and cultural information that cultures are being drawn together. The influence of education is particularly efficacious in establishing amicable inter-ethnic relations among manual workers (both urban and rural). The author shows that among the Uzbeks, for instance, a rise in educational level is of great significance in helping to overcome prejudice. The attitudes of people of different generations towards inter-ethnic intercourse is influenced by the increasing equality of educational levels.

Concrete data demonstrate that the growing closeness of culture in the spheres of professional and artistic activity, of everyday behaviour and customs act in particular upon informal inter-ethnic intercourse; it leads to better attitudes towards mixed marriages, to wider friendly contacts.

The author's conclusions are based upon analysis of materials of ethnosociological studies in Moldavia, Georgia, Estonia, Uzbekistan.

О. Р. Будина, М. Н. Шмелева

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДА В СССР

Систематическое этнографическое изучение города в нашей стране началось в советское время.

Культура сельского населения со времени возникновения этнографической науки входила в круг исследований этнографов. Неизменный интерес к этой проблеме оправдан тем, что культура крестьянства, длительное время составлявшего подавляющее большинство населения страны, обладает ярко выраженной этнической спецификой, поскольку именно в его среде первоначально формировались особенности традиционно-бытовой культуры народа. Фактическое ограничение предметной области этнографии изучением крестьянской культуры было связано с представлением, бытовавшим еще сравнительно недавно, будто бы носителем этнических традиций является исключительно крестьянство. Такое преувеличение начало преодолеваться в 1920—30-е годы, когда исследователи стали убеждаться, что рассмотрения одного только сельского населения явно недостаточно и обратились к изучению города. Особенно широко этнографические работы в городе развернулись в 50-е годы.

Обращение к городской проблематике означало значительное расширение границ этнографического исследования. В сферу изучения попали социальные слои населения, не привлекавшие ранее внимания этнографов. Было признано, что бытовая культура этих групп несет этническую специфику и на этом основании наряду с крестьянской культурой заслуживает подробного рассмотрения. В результате границы этнографических исследований раздвинулись, что способствовало более полному изучению народной культуры.

Появление городской проблематики в работах по культуре и быту не было случайным. С одной стороны, оно означало расширение зоны этнографических работ, с другой — принципиальные изменения в отношении к объекту исследования и было обусловлено как повышением уровня этнографической науки, так и очередными задачами, стоящими перед обществом на определенном этапе. Перемены в социальной структуре нашего общества, происшедшие после Великой Октябрьской социалистической революции, выразились, в частности, в изменении соотношения рабочего класса и крестьянства. Увеличение доли рабочего класса в составе населения страны, все возрастающая урбанизация способствовали развитию городского образа жизни, увеличению роли города в хозяйственно-экономической и культурной жизни всей страны, что повлияло на состояние бытовой культуры населяющих ее народов.

Социалистические преобразования, характеризующие советский период в культурном развитии народов СССР, коснулись прежде всего культуры и быта ведущей части советского общества — рабочего класса.

Осуществление задач коммунистического строительства по сближению уровня жизни разных народов, различных классов и социальных групп, города и деревни и т. п., проводимое под руководством партии и правительства, сделало актуальным включение городской проблематики в сферу этнографических исследований.

Изучение и понимание закономерностей развития бытовой культуры народа, и в конечном счете — современных этнических процессов без этнографических исследований в городе оказалось невозможным.

К настоящему времени в этнографическом исследовании города достигнуты значительные результаты. Причем в развитии городской проблематики можно наметить уже некоторые этапы, характеризующиеся определенными особенностями.

Изучение города в 20—30-е годы по большей части не носило непосредственно этнографического характера. Ученые в значительной мере продолжали дореволюционную традицию статистико-экономических исследований, освещавших условия труда и производственного быта, некоторые стороны домашнего материального быта, семейной и культурной жизни рабочих. Некоторые из этих работ по кругу затронутых вопросов и характеру рассмотрения сближаются с этнографическими исследованиями¹.

Материалы, содержащиеся в статистико-экономических трудах того времени, а также в серии сборников «История заводов и фабрик», созданной по инициативе А. М. Горького и утвержденной постановлением ЦК ВКП(б), являются ценным источником для изучения культуры и быта рабочих дореволюционного, революционного и первого послереволюционного периодов. Можно отметить, что эти издания касались главным образом русских рабочих, которые представляли самый многочисленный и ранее других сформировавшийся отряд рабочего класса СССР².

О понимании необходимости систематического этнографического изучения рабочего быта свидетельствует разработка Костромским краеведческим обществом «Программы по изучению быта рабочих»³. В ней предусматривалось исследование производственного, домашнего и общественного быта рабочих с учетом его развития в условиях реальной действительности. Причем при рассмотрении различных сторон рабочего быта предполагалось выделение нескольких категорий рабочих, связанных с особенностями формирования данного рабочего коллектива.

Изучение культуры и быта рабочего класса с собственно этнографических позиций развернулось в 1950-е годы и было связано с «полной перестройкой этнографической работы, ориентацией ее на изучение современности», как отмечала В. Ю. Крупянская, которая подвела итоги изучения рабочего быта на этом этапе⁴.

Советскими этнографами, и прежде всего сотрудниками Института этнографии АН СССР, занимающимися под руководством В. Ю. Крупянской исследованием рабочего быта, были разработаны теоретические предпосылки изучения культуры и быта рабочего класса и выработана

¹ С. Г. Струмилин. Бюджет времени русского рабочего. М.—Пг., 1923; Л. К. Хוצянов. Санитарно-техническое описание Коломенского машиностроительного завода. Коломна, 1926; Е. О. Кабо. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. I. М., 1928; Л. Либерман. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь. М., 1929, и др. Подробнее см. В. Ю. Крупянская. Вопросы этнографического изучения быта рабочих.—В кн. «Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР» (далее — «Этнографическое изучение быта рабочих»). М., 1968, с. 12.

² «Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни». М. 1935; «Русский рабочий в революционном движении». Сборник первый — «Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г.». М., 1930; Сборник второй — «Рабочие завода „Серп и Молот“ (б. Гужон) в 1905 г.». М., 1931.

³ «Программа по изучению быта рабочих». Составители Л. Китицына и В. Смирнов. Кострома, 1929.

⁴ В. Ю. Крупянская. Указ. раб.

программа для сбора этнографического материала в городах, которые легли в основу работ, проводившихся различными этнографическими центрами нашей страны.

В качестве необходимых условий проведения этнографического исследования рабочих были выдвинуты изучение истории формирования рабочих кадров, выявление их территориальных (национальных и областных) и социальных корней. В связи с этим рассматривались и собственно этнографические проблемы, в том числе выявлялась роль этнических традиций в процессе создания новых форм быта рабочих⁵.

Для исследований, проводившихся в 1950-е годы (некоторые их результаты опубликованы в 1960—1970 гг.) был характерен широкий фронт этнографических работ, причем в выборе конкретных объектов исследования отразилась возможность многостороннего подхода к изучению рабочего класса. Изучались промышленные рабочие, объединенные как в крупные, так и в небольшие трудовые коллективы, представляющие самые разнообразные отрасли промышленности. Территориально предприятия, в которых велись исследования, были расположены и в крупнейших индустриальных центрах страны, и в городах средних и небольших размеров, и в сельской местности. Иногда проводилось изучение быта и культуры целого района, для которого была характерна данная отрасль промышленности, определяющая его хозяйственно-экономические и культурно-бытовые особенности.

Этнографические исследования рабочего быта были начаты почти одновременно во многих республиках нашей страны, охватив, таким образом, рабочих разных национальностей. Русский рабочий класс в его прошлом и настоящем изучался в Москве и Ленинграде, в Московском угольном бассейне, на Урале, в Горьковской области⁶. Украинские этнографы проводили работы в крупных промышленных районах — в Донбассе и Прикарпатье, а также в Киеве и Львове⁷. Быт белорусских ра-

⁵ В. Ю. Крупянская. Указ. раб., с. 17.

⁶ Н. Н. Чебоксаров. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих. Очерк первый. Производственная жизнь. — «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1950, № 3; В. Ю. Крупянская. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в. — СЭ, 1953, № 1; В. Е. Гусев. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала (по материалам экспедиций Челябинского пединститута в 1952—1953 гг.). — «Ученые записки Челябинского гос. педагогического ин-та», 1956, т. 1, вып. 1; Т. К. Гуськова. Некоторые этнографические особенности населения б. Нижне-Тагильского горнозаводского округа в конце XIX — начале XX века. — СЭ, 1958, № 2; Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.). — «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. 57, 1960; Н. С. Полищук. О некоторых новых чертах коллективного отдыха горняков и металлургов Нижнего Тагила. — СЭ, 1963, № 4; С. Б. Рождественская. История формирования и современный состав рабочих коллективов Горьковской области. — «Этнографическое изучение быта рабочих»; О. Р. Будина. Вопросы быта и культуры русских рабочих на страницах большевистской печати (по материалам газеты «Правда» за 1912—1914 гг. и 1917 гг.). — Там же.

⁷ А. С. Куницкий. Социалистический быт рабочих Ворошиловградского завода им. Октябрьской революции. Автореф. канд. дис. Киев, 1953; В. Ю. Пастушин. Быт рабочих Бориславского нефтяного района (1815—1953 годы). Автореф. канд. дис. Киев, 1954; Л. П. Шевченко. Социалистические преобразования в культуре и быте рабочих Кролевещкой ткацкой артели им. 20-летия Октябрьской революции. — СЭ, 1954, № 4; М. П. Приходько. Житло робітників Донбасу. Київ, 1964; Д. І. Фиголь. До історії побуту робітників Львова в кінці XIX — початку XX ст. — «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», вып. IV. Київ, 1959; *его же*. Комуністичні риси у виробничому і громадському побуті робітників м. Львова. — «Народна творчість та етнографія» (далее — НТЕ), 1961, № 1; В. Т. Зінчук. Соціалістичні перетворення, парості нового, комуністичного в культурі та побуті робітників Радянської України. Київ, 1963; С. А. Макаричук. Соціалістичні преобразования в быту рабочих Прикарпатья (историко-этнографическое исследование). Автореф. канд. дис. Киев, 1964; *его же*. Рабочая семья на Украинском Прикарпатье. — «Этнографическое изучение быта рабочих»; А. Я. Поріцький. Побут сільсько-господарських робітників України в період капіталізму. Київ, 1964; Ю. Г. Гошко. Громадський побут робітників Західної України (1920—1939 pp.). Київ, 1967.

бочих исследовался на ряде предприятий Минска, а также среди сельскохозяйственных рабочих⁸.

Культура и быт рабочих Грузии изучались как в старых горняцких районах — на Чиатурских марганцевых рудниках, в Тквибульском каменноугольном бассейне, так и на предприятиях, возникших за годы Советской власти, — на Касинском цементном заводе, Кутаисском автомобильном заводе им. Серго Орджоникидзе и др.⁹ Рабочий класс Азербайджана был представлен исследованием, посвященным культуре и быту нефтяников Баку¹⁰.

В республиках Прибалтики изучение рабочего быта проводилось среди рабочих текстильной промышленности, на опытно-бумажном комбинате и на старейших металлообрабатывающих заводах¹¹. В Карелии был изучен Верхний Олонец — поселок лесорубов и близлежащие села, составляющие единый микрорайон¹².

Ряд исследований, посвященных рабочему классу республик Средней Азии, велся в возникших в советское время крупнейших промышленных центрах Туркмении, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, а также в центре традиционного кустарного текстильного промысла — Маргилане (УзССР)¹³.

Изучение быта рабочих-нефтяников в новом промышленном районе проводилось и в Татарской АССР¹⁴.

В эти годы основным аспектом указанных работ стало выявление социалистических преобразований в культуре и быте рабочих — ведущей части советского общества, оказывающей влияние на состояние бытовой культуры этносов.

Публикация большого числа работ этого направления говорит о широком размахе исследований 50—60-х годов. В ряде трудов этого вре-

⁸ В. М. Иванов. Риси нового в побуті робітників Радянської Білорусії.— «Народна творчість та етнографія», 1959, № 1; *его же*. Громадський і сімейний побут бригад комуністичної праці Білоруської РСР — «Народна творчість та етнографія», 1960, № 3; *его же*. Современный быт рабочих города Минска (историко-этнографическое исследование на материалах железнодорожного узла, завода «Большевик», завода им. Октябрьской революции, радиозавода и тракторного завода). Автореферат канд. дис., Киев, 1961.

⁹ А. И. Робакидзе. Некоторые стороны быта рабочих Чиатурской марганцевой промышленности. Тбилиси, 1953; Л. Х. Акаба. Материалы о быте рабочих-абхазов Ткварчели.— «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа», т. 3, 1960; Г. Н. Джавахишвили. Быт и культура шахтеров Тквибули. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971.

¹⁰ А. Г. Трофимова. Бакинские рабочие-нефтяники (опыт этнографического изучения культуры и быта рабочих Орджоникидзевского района г. Баку). Автореф. канд. дис., 1953; *ее же*. Типы поселения и жилища бакинских рабочих-нефтяников.— СЭ, 1963, № 4.

¹¹ А. Данилюскас. К вопросу об изучении культуры и быта литовских рабочих (по материалам фабрики «Нямунас» Рокишского района).— СЭ, 1962, № 5; *его же*. Развитие декора жилищ рабочих-текстильщиков поселка Юодупе в 1907—1962 гг.— «Этнографическое изучение быта рабочих».

¹² «Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания». М.— Л., 1964.

¹³ С. М. Абрамзон. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих).— СЭ, 1954, № 4; К. Л. Задыхина. Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана.— «Среднеазиатский этнографический сборник». ТИЭ, т. XLVII. М.— Л., 1959; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961; Ф. Арипов. Из истории формирования узбекских рабочих кадров. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1961; А. С. Морозова. Опыт изучения рабочего класса Казахстана (По материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР, 1959 г.).— СЭ, 1962, № 6; К. Мамбеталиева. Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. Фрунзе, 1963; Р. Курбангалиева. Быт и культура рабочих-узбеков шелковой промышленности Маргилана (историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966; Ш. Музапаров. Культура и быт узбеков-нефтяников Ферганской долины (историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дис., Ташкент, 1967, и др.

¹⁴ Р. К. Уразманова. Особенности формирования и основные черты быта рабочих-нефтяников татар Юго-Востока Татарии.— «Этнографическое изучение быта рабочих».

мени, преимущественно монографических исследованиях, отмечены преобразования в таких сферах народной жизни, которые обычно подвергаются этнографическому изучению. Причем, исследование в них ведется углубленно, развитие культурно-бытовых явлений рассматривается на протяжении длительного времени, охватывающего наряду с советским и дореволюционный период. Наиболее полно это проявилось в двухтомном исследовании о Нижнем Тагиле — результате многолетних этнографических изысканий в одном из старейших русских промышленных центров на Урале¹⁵.

Следует отметить, что в работах, посвященных изучению рабочего быта, обычно в той или иной мере затрагивается и культура сельского населения. Иногда это делается путем привлечения конкретного материала, полученного в результате обследования окрестного сельского населения, либо, что бывает чаще, путем неизбежного обращения к традиционно-бытовой культуре данного этноса¹⁶.

Кроме того, уже на этом этапе изучения города в наиболее крупных работах, в частности в исследовании о Нижнем Тагиле, были сделаны попытки рассматривать вопросы рабочего быта в связи с воздействием на него города в целом, включая различные слои населения.

Мысль об изучении культуры и быта или, как говорили прежде, состояния быта и нравов, городского населения во всем его многообразии возникла давно. Еще И. Е. Забелин предполагал дать описание быта городских жителей, принадлежащих к разным общественным группам, что осуществил лишь частично в виде описания домашнего быта русских царей и цариц¹⁷. Анкета Русского географического общества, разосланная в середине XIX в. в различные места Российской империи для сбора этнографических сведений, была рассчитана на получение материалов об особенностях жизни не только крестьян, но и городских сословий¹⁸. В 1900-е годы В. Н. Тенишевым, не успевшим, правда, реализовать свой замысел, была составлена специальная, подробно разработанная программа для этнографического, вернее, как мы бы теперь сказали, социологического исследования «городских жителей образованного класса, преимущественно чиновников»¹⁹.

Однако изучение города в целом не развернулось должным образом, пока, как уже говорилось, в наше время перед этнографами не встала задача изучения ведущей роли рабочего класса в общественном развитии и в коренном преобразовании быта народов СССР в ходе революционной борьбы и построения социализма. Переход к изучению всего городского населения явился естественным продолжением этой работы.

Обращение к «рабочей» проблематике стало для советской этнографии этапным, но ограничение исследований по городу сферой быта главным образом промышленных рабочих все же приводило к искусст-

¹⁵ В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971; В. Ю. Крупянская, О. Р. Будина, Н. С. Полищук, Н. В. Юхнева. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974.

¹⁶ «Верхний Олонец — поселок лесорубов»; Ю. В. Аргудьева. Семейный быт промышленных рабочих Кабанского района Бурятской АССР в его связях с бытом окрестного сельского населения. Автореф. канд. дис. Владивосток. 1967; С. Б. Рождественская. Жилище рабочих Горьковской области (XIX—XX вв.). Этнографический очерк. М., 1972 и др.

¹⁷ И. Е. Забелин. Домашний быт русского народа в XVI—XVII столетиях. Т. I — «Домашний быт русских царей». М., 1862; т. II — Домашний быт русских цариц. М., 1869; см. также Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860.

¹⁸ См. подробно М. Г. Рабинович. Ответы на программу Русского географического общества как источник для изучения этнографии города. — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V, ТИЭ, т. 95. М., 1971.

¹⁹ См. подробно М. Г. Рабинович. Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева). — «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, ТИЭ, т. 94, М., 1968.

венному сужению темы, а в ряде случаев и к некоторой односторонности суждений. Несомненно, индустриальным рабочим с момента зарождения промышленности принадлежала главенствующая роль в развитии культуры и быта народов, и потому изучение их чрезвычайно важно. Вместе с тем оно не должно проводиться в отрыве от других групп населения, истари сложившихся как городские или адаптировавшихся в городе сравнительно недавно, без учета особенностей их быта и традиций, формировавшихся в условиях города, и того влияния, которое эти традиции оказывали и оказывают на развитие различных форм бытовой культуры этноса. Изучение всего городского населения в целом расширяет и хронологические рамки исследований по городу и тем самым способствует восполнению некоторых пробелов исторической этнографии, а также более глубокому изучению происхождения многих современных этнографических форм и явлений.

Расширение этнографических наблюдений в городе, связанных, как и изучение рабочих, главным образом с задачами исследования современности, обусловлено активными социальными изменениями в советском обществе на этапе развитого социализма, непосредственно воздействующими на культурно-бытовое развитие народов. Важнейшее значение для исследования народной жизни при этом приобретает учет двух основных тенденций единого социального процесса: с одной стороны, преодоления существенных социальных различий между классами, с другой — образование внутриклассовых социальных групп, дифференцирующихся по характеру труда и его качеству. В таких условиях только сравнительное изучение различных социальных и социально-профессиональных групп, находящихся в постоянном общении, связанных между собой характерными особенностями социальных передвижений, культурного развития и изменений в условиях жизни, позволяет выявить специфику городского образа жизни и пути влияния его на сельский быт.

Город и городское население в целом были включены в сферу этнографических исследований в основном со второй половины 1960-х годов. Работы, в которых затрагиваются «городские» вопросы, используются «городские» материалы, разнообразны по тематике и методам исследования. Они свидетельствуют об энергичном поиске наиболее эффективных подходов к такому своеобразному объекту изучения, как горожане²⁰. Прежде всего такие работы были связаны с интенсивно разворачивавшимся изучением современных этнических процессов у народов СССР²¹.

В ходе исследования этнических процессов особенно остро начал ощущаться недостаток этнографических сведений о современном городе, о характере изменений в различных сторонах культуры и быта народов, о тенденциях их этнического развития под влиянием столь характерного для нашего времени возрастания индустриализации и урбанизации.

Насущная потребность в «городских» материалах при изучении современных этнических процессов определялась и тем, что влияние города на эволюцию культуры и быта, всегда имевшее для большинства народов важное значение, непрерывно усиливается, и тем, что изменения в народной жизни, вызванные урбанизацией, естественно, ярче всего проявляются в жизни самих горожан. Не случайно города как этноконтактные зоны признаны одним из очагов наиболее активных этнических процессов²².

Примерно с этого же времени (вторая половина 60-х годов) городская тема получила широкое развитие и в трудах социологов, ведущих

²⁰ См. С. А. Токарев. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5.

²¹ См. «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975.

²² В. В. Покишиевский. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения.— СЭ, 1969, № 5.

конкретные социальные исследования различных сторон действительно. Многие из этих работ, освещающих социальные процессы и явления в бытовых аспектах, дают для этнографии города достаточно ценный материал²³.

В более тесной связи социальные и этнографические вопросы изучения жизни города рассматривает этносоциологическое направление конкретно-социологических исследований, возникшее на стыке социологии и этнографии в конце 1960-х годов. Призванная изучать этнические изменения в конкретных социальных группах и особенности социальных процессов в различных этнических средах²⁴, этносоциология органично соединяет сельский и городской материал для разрешения таких вопросов, как выявление путей социальной и национальной консолидации народов СССР, определение социальной основы взаимодействия культур и формирование интернациональных и общесоветских черт в культуре и в быту. Наиболее полно принципы этносоциального исследования проистоящих в настоящее время среди сельского и городского населения национальных процессов выявились в работе, проводившейся в Татарской АССР²⁵.

За сравнительно короткий срок социологические и этносоциологические исследования, в той или иной степени затрагивающие вопросы этнографической специфики, проводились во многих союзных и автономных республиках²⁶, и город занял среди них видное место²⁷.

По характеру постановки проблем и методам исследования к ним примыкают некоторые этнографические работы, посвященные функционированию отдельных явлений традиционной культуры (семейных обрядов, танцев, музыки) или «потреблению городской культуры» у разных народов в условиях советского общества и в зависимости от действия ряда факторов социально-экономического, «культурного» и демографического порядка²⁸.

В результате накоплен ценный фактический и аналитический материал, характеризующий многие стороны жизни современного городского населения у отдельных народов СССР и отражающий изменения в культуре и быту в процессе их социального и этнического развития. Этот материал, как уже упоминалось, касается некоторых аспектов духовной культуры горожан, а также этнической и социальной психологии, национальной и социальной структуры населения городов, языковых процессов в их среде и т. п.²⁹. Большое внимание исследователей при-

²³ Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972.

²⁴ Л. М. Дробижева. Этносоциологическое изучение современности.— «Расы и народы», вып. 6. М., 1976, с. 67, 68.

²⁵ «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР». М., 1973.

²⁶ Л. М. Дробижева. Указ. раб., с. 65.

²⁷ См., например: А. И. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций. М., 1970; И. П. Труфанов. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973; А. В. Орлов. Культура и быт молодых рабочих Украины. Киев, 1973; «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии». Минск, 1976.

²⁸ Г. П. Белорукова. Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы).— СЭ, 1973, № 5; М. Я. Эндзеле. Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Латгале и Курземе).— СЭ, 1973, № 4. Е. И. Клементьев. Национально-культурные ориентации карельского городского населения.— СЭ, 1976, № 3.

²⁹ Э. К. Васильева. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования).— СЭ, 1968, № 5; О. И. Шкаратан. Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР (По материалам социологического обследования).— СЭ, 1970, № 3; Л. М. Дробижева. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (По материалам исследования в Татарской АССР).— СЭ, 1971, № 3; Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей. (По материалам опроса населения городов Татарской АССР).— СЭ, 1976, № 3; а также Г. П. Белорукова. Указ. раб.; М. Я. Эндзеле. Указ. раб., и др.

влекла семья, которая рассматривалась преимущественно как микросреда для этнической интеграции и естественной ассимиляции. Особый интерес проявился к смешанным в национальном отношении бракам, быту национально-смешанных семей и предпочтительному выбору национальности молодежи, выросшей в таких семьях. В процессе работы в городах были открыты новые надежные источники для получения массовых статистических данных, весьма ценных для изучения межнациональных процессов (материалы загсов и паспортных столов милиции), и разработаны методы их практического применения. Изучение семьи проводилось во многих городах крупных этнических регионов страны. На основе накопленного большого статистического материала был поставлен ряд теоретических проблем, открывающих перспективу для дальнейших исследований советской семьи³⁰.

Большой интерес для изучения города и городского населения имеют исследования этнодемографического направления, дающие богатые фактические данные о социальном и национальном составе населения, о происходящих в отдельных регионах динамических процессах и о типологических особенностях городов³¹.

Однако работы указанных направлений не ставят своей целью исследование культуры и быта городского населения как такового, его состояния, особенностей развития быта города на разных исторических этапах. Изучение города в собственно этнографическом плане за последнее десятилетие также не было односторонним. Продолжались исследования, связанные с рабочей тематикой³², были начаты также этнографические изыскания в целом по городу, как современному, так и до-революционного периода.

Опыт этнографического изучения городского населения во всем его социально-профессиональном многообразии был поставлен в городах среднерусской полосы, где для длительного наблюдения путем сопоставления многих данных были выбраны города, различные по величине и

³⁰ О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике.— СЭ, 1965, № 5; А. Г. Трофимова. Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района имени 26 комиссаров, г. Баку).— СЭ, 1965, № 5; Л. С. Соловей. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии.— СЭ, 1969, № 5; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева. Исследования семьи в аспекте этнических процессов. М., 1970 (доклад на VII Международном социологическом конгрессе в Варне); Н. П. Борзых. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах.— СЭ, 1970, № 4; Ю. А. Евстигнеев. Национально-смешанные браки в Махачкале.— СЭ, 1971, № 4; Г. А. Сергеева, Я. С. Смирнова. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска).— СЭ, 1971, № 4; А. В. Козенко, Л. Ф. Моногарова. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе.— СЭ, 1971, № 6; О. А. Ганцкая. Этнос и семья в СССР.— СЭ, 1974, № 3, и др.

³¹ См. указанные работы В. В. Покшищевского, Э. К. Васильевой, О. И. Шкаратана, а также: Н. Г. Волкова. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти.— СЭ, 1965, № 2; *её же*. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX в.— СЭ, 1968, № 6; Л. Ф. Моногарова. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения.— СЭ, 1972, № 6; Л. И. Васкина. К изучению численности городов и городского населения СССР.— «Русский город (Историко-методологический сборник)». М., 1976; В. А. Копылов. Социально-демографическая ситуация и перспективы развития городов Московской области.— Там же.

³² См. например, В. М. Иванов. Очерк быта промышленных рабочих дореволюционной Белоруссии. Минск, 1971; Ш. К. Аннакычев. К истории формирования рабочего класса Туркменистана.— СЭ, 1974, № 5; В. Ю. Крупянская, Н. В. Юхнева. Методологические и методические проблемы этнографического изучения современного рабочего класса (на основании опыта работы в Нижнем Тагиле).— «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1972—1973. 23—26 июля 1974 г.». Л., 1974; А. А. Аббасов. Современный быт и культура горнопромышленных рабочих Азербайджана. Автореф. канд. дис. Баку, 1974; Н. В. Юхнева. Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения.— СЭ, 1975, № 1.

административной значимости, но сходные по типу социально-экономического развития и этническим особенностям бытовой культуры основной части населения.

Этнографическому рассмотрению подвергались такие стороны культуры и быта горожан, как поселение, жилище, одежда, питание, профессиональные занятия, общественный быт, проведение досуга, общественные праздники. Исследовались и вопросы формирования городского населения из местных и пришлых элементов³³. Особо изучались свадебные обряды и связи городских семей с селом³⁴.

В соответствии с задачами исследования определился один из основных аспектов работы — выявление социально-бытовых групп, наиболее полно представляющих все население города. В ходе работы такие группы были очерчены. Они различны для прошлого и настоящего, отличаются друг от друга как социальными признаками, так и определенными особенностями быта. Выделение социально-бытовых групп производилось на основании ряда признаков, связанных с историей формирования населения и его социальной характеристикой, особенностями производственного быта, материальными условиями жизни, отношением к общественной деятельности отдельных групп горожан, способами проведения ими досуга, особенностями праздничных традиций, соблюдаемых обрядов и т. п.

Другой аспект исследования в среднерусских городах определялся задачами выявления общетнической и отличительной городской специфики культуры и быта их жителей. Собранные материалы показали, что городская специфика зависит от действия ряда социально-экономических и демографических факторов, под влиянием которых в городе постоянно происходят большие изменения в унаследованных от прошлого и во многом сходных с крестьянскими формами и элементами материальной и духовной культуры.

При этнографическом изучении среднерусских городов в центре внимания находился современный быт: его характерные особенности, функции и изменения. Однако все исследование проводилось в историческом плане, т. е. с учетом того, как складывались и развивались формы быта на разных этапах общественного развития на протяжении примерно 100 лет — со второй половины XIX в.

Одновременно с исследованиями, посвященными специально современному городу или городу советского и дореволюционного периодов, проводились интересные изыскания и в отношении города только ранних эпох. Объектом таких исследований явились русские феодальные города с почти тысячелетней историей (с IX до середины XIX в.), Бухара на позднефеодальной стадии развития (конец XIX — начало XX в.), Петербург конца XIX — начала XX в.³⁵. Изучение города ранних эпох помогает восполнить пробелы исторической этнографии и в то же время служит необходимым звеном в исследовании культурно-бытового развития этносов.

³³ Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов, М., 1977; *их же*. Некоторые вопросы развития современного городского жилища: (По материалам городов средней полосы РСФСР). — СЭ, 1972, № 3; М. Н. Шмелева. Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие (из опыта изучения малых и средних городов средней полосы РСФСР). — СЭ, 1974, № 3, и др.

³⁴ Г. В. Жирнова. Русский городской свадебный обряд конца XIX — начала XX в. — СЭ, 1969, № 1; *ее же*. О современном городском свадебном обряде (По материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР). — СЭ, 1971, № 3; Д. М. Козан. Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города. — СЭ, 1967, № 4.

³⁵ См. О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962; *ее же*. Квартальная община

Следует отметить, что в советской этнографии в процессе разработки городской проблематики наметилась определенная система в изучении города, состоящая в обращении исследователей как к городу всех социально-экономических формаций, так и к городам разных типов.

В целом можно сказать, что в этнографическом изучении города достигнуты значительные результаты. Определены основные подходы к теме, способы сбора материала и особенности его интерпретации. Теперь уже не вызывает сомнений, что культура городского населения обладает этнической спецификой.

Вместе с тем все еще недостаточно интенсивное развертывание изучения города, вероятно, можно объяснить такими особенностями городской жизни, как значительно большие по сравнению с селом численности и многообразие городского населения, высокая степень стандартизации и унификации быта, которые создают существенные трудности для исследователя и даже порой вызывают сомнение, можно ли здесь найти «свои», «неповторимые» этнографические сюжеты. Не случайно исследования, посвященные городу, как мы видим, разнохарактерны по своему направлению. Разработка городской проблематики до сих пор в значительной мере отмечена поиском тем, проблем, методов. Весь опыт подтверждает, что в городе остается довольно широкое поле деятельности для этнографа. Сужение предметной области этнографии, например, за счет «определенных» этнических особенностей, приводит к расширению ее в другом направлении, привлекая внимание исследователя к вопросам функциональных, ценностных нагрузок бытующих предметов и явлений, открывая новые интересные аспекты при изучении все тех же привычных сторон материальной и духовной культуры народа.

Одним из интересных аспектов городской этнографии продолжает оставаться изучение особенностей формирования городского населения. Так, изучение процесса адаптации отдельных групп приезжего населения в условиях города, взаимодействия их между собой и коренным (местным) населением на различных этапах современности в многоэтнической или в полиэтнической среде позволяет выявить многие моменты эволюции современной бытовой культуры народов, понять «механизм» складывания общих черт и сохранения групповых особенностей, сохранения, трансформации, отмирания или возникновения народных традиций под воздействием урбанизации и широких и разнообразных этнических и межсоциальных контактов. С этим аспектом тесно связан и другой — изучение города с точки зрения этнографических особенностей отдельных групп городского населения, отличающихся социальными признаками и специфическими чертами быта — социально-бытовых групп. Выявление совокупности общих и особенных признаков в культуре и быту этих групп и дает представление об этнографических аспектах образа жизни многообразного городского населения в целом.

Важным в этнографии города является изучение общего и национально-особенного в бытовой культуре этносов. Вследствие увеличивающейся стандартизации быта, на основе все расширяющейся индустриализации и урбанизации страны возникает сходство в социальной струк-

позднефеодального города Бухары. М., 1976; Н. В. Юхнева. Многоукладность городской экономики как основа для группировки населения городов России конца XIX — начала XX в. — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии ин-та этнографии АН СССР 1972—1973. 23—26 июля 1974 г.»; Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Душанбе, 1976; Г. В. Старовойтова. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — СЭ, 1975, № 1; Л. С. Гвоздикова. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР. — СЭ, 1977, № 1; «Этнографические исследования Северо-Запада СССР». Л., 1977, Раздел II — «Этнография Петербурга», с. 141—155; Работу по изучению русского феодального города ведет М. Г. Рабинович. Им подготовлена книга «Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт».

туре, в материальном уровне жизни и в культурном развитии народов СССР — в целом происходит совершенствование и сближение условий их жизни, приводящее к созданию мощного, общего для всех пласта культуры, включающего черты как общесоветской, так и стандартизированной, мировой культуры. Проникая в быт народов, общее соединяется в различных сочетаниях с национально-специфическими чертами их культуры, получает этническую окраску, в результате чего, как мы знаем, и в современных условиях бытовая культура остается все же неповторимой, своеобразной.

Большой интерес в связи с рассмотрением городского населения как части этноса и сейчас представляет исследование взаимодействия городских и сельских традиций, путей их взаимопроникновения, образования общенационального традиционного фонда бытовой культуры на разных исторических этапах и под влиянием различных внутриэтнических и внеэтнических факторов. Отсюда видное место в разработке городских проблем принадлежит сельско-городской тематике, т. е. взаимосвязанному рассмотрению культуры и быта городского и сельского населения. С самого начала город возникал как центр местной сельской округи, непосредственно связанный с ней множеством разнообразных связей как материального, так и духовного порядка. С течением времени связи эти не исчезали — менялся лишь характер доминирующих и второстепенных коммуникаций, определяющихся особенностями исторического момента в конкретных исторически складывавшихся ситуациях. Весьма важно учитывать роль города как источника социальных, хозяйственных и культурных преобразований и влияний (в том числе влияния профессиональной культуры), которые в разное время выражались по-разному.

Этнографическое изучение города с характерной для него стандартизацией и унификацией быта особенно остро ставит вопрос о важности «духовного аспекта» в исследовании современности, о необходимости изучения духовных сторон народной культуры, которые охватывают, кроме явлений непосредственно духовной культуры, отношение к бытовым формам в материальной культуре, в хозяйстве, в производственном быту и т. п. Эта область народной культуры представляет интерес и как средоточие многих черт национальной специфики (в то время как другие ее утрачивают), и как источник динамических сил, в качестве которого она часто выступает в системе народного быта.

Таким образом, изучение города, который во многом определяет судьбы этнических традиций, соединяющих этнос во времени, продолжает оставаться одной из важнейших задач этнографической науки.

ETHNOGRAPHIC URBAN STUDIES IN THE USSR

A systematic study of urban population in the republics of our country was begun in the Soviet period. Several stages may be distinguished in the research work on urban subject matter. Investigations of cities carried out in the twenties and the thirties already furnished ethnography with valuable data. Urban ethnographic research gained particularly wide scope in the fifties; it was mainly devoted to studying the working class. In the late sixties the continued examination of the everyday life of the workers begins to be supplemented by studies of the urban population as a whole. Simultaneously with their work on the urban population of the socialist and the capitalist periods, Soviet ethnographers study cities of earlier periods.

In turning to urban problems ethnography has considerably widened its sphere of research. As a result of this, attention has been drawn to those social strata of the population that had not previously been ethnographically studied; they have been recognized as being bearers of ethnic specificity, as well as the peasantry. Thus the ethnographic study of cities, with their important influence over processes of the development of culture and everyday life, leads to a broader view of the culture of ethno-

Н. П. Лобачева, Л. А. Тульцева

ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ УЗБЕКОВ

Этнографическое изучение столь многоаспектной проблемы, как социально-культурное развитие народов, позволяет дать научно-практическую оценку вопросам, характеризующим своеобразие и национальные особенности в жизненном укладе народа. Этот аспект исследования социально значим, так как затрагивает проблемы образа жизни и деятельности людей. Исследование же культурно-бытовой специфики в ее этническом выражении способствует более глубокому пониманию национальных особенностей советского образа жизни применительно к отдельным народам¹. Бесспорно, что среди элементов культуры, совокупность которых позволяет говорить об этнической специфике, значительный удельный вес принадлежит комплексу обрядово-религиозных обычаев, традиций, предписаний, празднеств. В прошлом обрядово-религиозный комплекс или просто обрядовые ритуалы составляли один из существенных компонентов как в укладе жизни, так и в духовной культуре народа в целом. Ранее функционирование обрядовой стороны быта было санкционировано, во-первых, строго регламентированными религиозно-бытовыми предписаниями (отсюда стойкость в бытовой обрядности традиционной символики, некогда магико-религиозной) и, во-вторых, вниманием церкви к бытовым обрядам, часть которых, включенная в ядро культового комплекса официальной религии, была освящена религиозной догматикой и взята под контроль священнослужителей. Поэтому, изучая традиционную обрядность, нельзя игнорировать вопросы религиозного мировоззрения. Нельзя о них забывать и при исследовании современного состояния обрядности, так как изживание религиозной идеологии находится в прямой связи с угасанием религиозной обрядности и формированием качественно новых безрелигиозных празднично-обрядовых ритуалов. Но формирование новой обрядности тесно связано также с судьбами традиционной культуры, в частности с судьбами традиционной обрядности. Последняя питает своими лучшими прогрессивными элементами (в том числе и в этноспецифическом выражении) новую национальную культуру и обрядность советского народа.

Эти аспекты социально-культурного развития на примере узбекского народа рассматриваются в предлагаемой работе. Мы используем материалы этнографических наблюдений и обобщений, а также некоторые итоги этносоциологического исследования, проведенного Институтом этнографии АН СССР в 1973 г. по вопросам социально-культурного развития населения Узбекистана².

¹ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное. — «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 11.

² О программе и методах выборки исследования см. подробнее: Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР. — «Сов. этно-

Изживание религиозных представлений, установок, норм, обрядности стало одним из решающих итогов современных преобразований в культурно-бытовой сфере народов нашей страны. Этот процесс — характерное явление для всех вероисповеданий в СССР. Деформация религиозных идей и обрядности и затем их исчезновение из повседневной жизни стали очевидными и для такого консервативного религиозного направления, как ислам. Но — и это неоднократно подчеркивалось в атеистической и религиоведческой литературе — отход населения от традиционных форм мусульманства в силу целого ряда исторических причин более замедлен, чем, например, отход от христианства. Однако и в исламе этот процесс все больше набирает силу³.

В Средней Азии ислам господствовал на протяжении двенадцати столетий. Его догматика и обрядность подчиняли себе общественную и частную жизнь людей. В руках духовенства находились народное образование и судопроизводство. Позиции ислама у разных народов Средней Азии и в разной социальной среде были неравнозначными. Узбекистан принадлежит к той области Среднеазиатско-Казахстанского региона, где находились такие древние центры мусульманства, как Бухара, Хива, Коканд и др., распространявшие в прошлом свое влияние далеко в степь и горы. Здесь господствовали наиболее ортодоксальные формы ислама, и влияние его было особенно глубоким. Это обстоятельство, безусловно, дает о себе знать даже в наше время. Тем не менее современная тенденция к прогрессирующему уменьшению воздействия мусульманской религии на население отчетливо прослеживается и в этом районе.

Этносоциологическое исследование дает конкретный материал для оценки отношения населения к религии и некоторым религиозно-бытовым обрядам. По нашим данным, большинство опрошенных назвали себя неверующими. Чем крупнее поселение, тем слабее влияние религии. Например, в Ташкенте верующих почти на одну треть меньше, чем в малых и средних городах, а также в сельской местности. Если учесть, что в дореволюционное время религиозность населения была почти 100-процентной, а мусульманская религиозная традиция, отличающаяся особым фанатизмом, существовала здесь не одну сотню лет, то станет очевидным, сколь большой скачок произошел в мировоззрении людей за такой короткий срок, как 60 лет.

Проведенные в 60-х годах в сельской местности Самаркандской области исследования зафиксировали следующие существенные явления: 1) качественно иное по сравнению с дореволюционным прошлым состояние ислама, идущего на всяческие послабления против установок ортодоксального мусульманства, приспособленчество к новым условиям жизни; 2) качественно иное отношение к исламу самих верующих, упрощенно, «неквалифицированно», без должного знания выполняющих религиозные требы; 3) недостаточная богословская квалификация служителей культа, сказывающаяся на всем комплексе явлений, связанных с религией⁴.

графия», 1972, № 2. В основу исследования в Узбекистане была положена многоступенчатая районированная выборка, репрезентативная для городского и сельского населения республики. Было опрошено около 2500 человек в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Ангрене, Бекабаде, Каттакургане, Ленинске, Пскенте и около 1600 сельских жителей в Ташкентской, Самаркандской и Андижанской областях. Принципы выборки разработаны В. С. Кондратьевым (см.: «Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования». М., 1973, с. 316—330.)

³ См., например, сб. «О научном атеизме и атеистическом воспитании». М., 1974, с. 177.

⁴ Г. П. Снесарев. Духовный облик узбекского крестьянина. — «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, с. 275 сл.

При конкретном исследовании религиозной ситуации в городах Средней Азии необходимо учитывать фактор этносоциальной среды, так как городское население Узбекской ССР отличается разнообразным национальным составом. Это значит, что социально-психологический климат, возникающий в процессе общения горожан, в какой-то степени определяется и соотношением верующих людей разных национальностей.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г., в г. Ташкенте соотношение населения, исповедовавшего в прошлом ислам, и всего остального населения приблизительно равно 1:1, т. е. половина населения (50,7%) по вероисповедному признаку относится к мусульманам, другая половина — преимущественно к населению, исповедовавшему в прошлом христианство. В Самарканде немусульманское население составляет 35%, в Андижане — около 22%⁵, в малых городах процент немусульманского населения соответственно еще меньше. По нашему мнению, эти данные находятся в прямом соотношении с уровнем религиозности населения названных городов. В тех городах, где национальная среда более разнообразна по своим этническим и, что особенно важно, вероисповедным признакам, религиозность населения ниже. Ярким примером, подтверждающим это положение, является Ташкент. Безусловно, в данном случае следует учитывать также фактор позитивного воздействия социально-культурной сферы жизни, которая в столице республики намного насыщеннее, чем в других городах. Воздействие этого фактора особенно ясно видно на примере Самарканда — древнего крупного культурного центра Средней Азии. Здесь количество немусульманского населения на 15% меньше, чем в Ташкенте, и составляет треть всего населения Самарканда. Но уровень религиозности населения в этих двух городах практически одинаков. В целом же в

более крупных поселениях, где более развита культура, активнее социальная жизнь и интенсивнее идут другие прогрессивные социально-национальные процессы, значительно быстрее размываются устаревшие патриархальные взгляды и представления.

Исследованиями этнографов установлено, что религиозность больше всего проявляется среди жителей *махалля* (кварталов), где сильны остатки реликтовых форм общинно-родовых традиций в общественной жизни и особенно в семейном быту населения⁶. Между тем атеистические убеждения занимают все более прочные позиции в жизни узбекского населения. Об этом убедительно свидетельствует сравнение чисел лиц разных поколений назвавших себя верующими (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика отношения разных поколений к религии в городе и в сельской местности *

Возраст	Город	Село
18—29	0,26	0,41
30—39	0,45	0,63
40—49	0,5	0,81
50—59	0,88	0,85
60 и старше	1,0	1,0

* Относительные показатели получены путем сравнения процента верующих и неверующих в каждой возрастной группе. За единицу принимается показатель в группе «60 лет и старше»

Таблица наглядно показывает процесс освобождения населения, и прежде всего молодежи, от влияния ислама, его идеологии, обычаев и предписаний. Особенно заметен разрыв в отношении к религии между возрастными группами 18—29 лет и самыми старшими возрастными группами. Поскольку на возраст 18—29 лет приходится время актив-

⁵ Подсчитано по данным кн. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973, с. 211, 213, 218.

⁶ См.: Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. — «Сов. этнография», 1957, № 2, с. 67—70; И. Джаббаров. Борьба идет за человека. — «До ума и сердца каждого». Ташкент, 1968, с. 77 сл.; его же. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, с. 6.

ного формирования личности и, что особенно важно, становления основ ее мировоззрения, то вполне вероятно предположение, что это поколение, переходя в старшую возрастную группу (30—39 лет), принесет с собой снижение уровня религиозности. Процесс этот сложен и в реальной жизни далеко неоднозначен, особенно когда речь идет о молодых женщинах, которые, выходя замуж и попадая в новую семью, вынуждены бывают в определенных ситуациях соблюдать устаревшие религиозно-бытовые обычаи. Симптоматичны полевые наблюдения этнографов⁷: молодежь относится к религии и связанным с нею обычаям, как к чему-то давно ушедшему, а если и принимает участие в тех или иных обрядах, нередко даже не понимая их смысла, то делает это под влиянием ложного «общественного» мнения. Никто из молодежи не знает ни мифологии, ни преданий ислама, ни персонажей их, за исключением Мухаммеда, о котором также не имеет конкретных представлений. Даже о главных праздниках мусульман — *курбан-хаит* и *рамазан-хаит* — у молодежи в общем-то нет определенных представлений. Курбан-хаит обычно воспринимается как праздник жертвоприношения, но не более. Почти никто не знает, почему считалось необходимым соблюдать пост *уразу* в месяц *рамазан*. Термины, связанные с разными категориями религиозно запрещенного и дозволенного (*фарз*, *суннат*, *макрух*, *ваджаб* и др.), звучат теперь как непонятные слова. Если молодежи и известны отдельные богословские термины, то в самом узком их применении, например, *харом* (нечистый) — только по отношению к пищевым запретам. Обрядовая сторона ислама молодежи также чужда. Уразу молодежь, как правило, не соблюдает, хотя и может участвовать в празднике, посвященном окончанию поста.

Однако надо отметить, что молодежь все-таки не всегда стоит на последовательно атеистических позициях. Между тем атеистическое воспитание молодежи необходимо и потому, что среднеазиатский ислам представляет собой сугубо синкретическое явление: в нем растворились многие элементы доисламских верований, в ряде случаев продолжавшие существовать самостоятельно и дожившие до наших дней в виде разнообразных суеверий (вера в духов, в дурной глаз, магические способы «лечения» и т. д.), особенно распространенных среди женщин⁸.

Для характеристики процесса отхода от религиозных традиций особенно показательны изменения в религиозном сознании старшего поколения узбекского крестьянства. Очевиден упадок ортодоксального ислама даже в этой среде: старшее поколение с точки зрения веры теперь далеко не однородно, есть люди верующие, колеблющиеся и отошедшие от религии. Одна из причин упадка веры, как справедливо отмечает Г. П. Снесарев, в том, что мечеть изжила себя не только как место культа, но и как прежний центр общественной жизни, который переместился в Советы, правления колхозов, школы, клубы. Исчезло значение муллы как духовного наставника сельского населения. Старики в большинстве своем не умеют молиться по всем правилам ислама. Пост (*уразу*) большинство из них соблюдает не строго с точки зрения ортодоксального ислама. Повсеместно распространилось чисто символическое соблюдение поста (постятся лишь 3 дня в начале и 3 дня в конце месяца).

Итак, несмотря на сохранение некоторых пережитков и суеверий, повседневная жизнь всего узбекского населения определяется устой-

⁷ Г. П. Снесарев. Духовный облик узбекского крестьянина, с. 275 сл.

⁸ См., например: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; В. Н. Басилов. Культ святых в исламе. М., 1970; Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972; «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975.

чивой и теперь уже необратимой тенденцией к изживанию из быта религиозных норм и религиозного мировоззрения. В силу же исторически сложившихся социально-культурных различий в жизни города и сельской местности этот процесс идет неравномерно. По нашим наблюдениям, в сельской местности в отношении к религии имеет место более тесная соотнесенность между поколениями, чем в городе (см. табл. 1). Характерно и следующее: если уровень религиозности лиц старшего возраста в городе и в кишлаках почти одинаков (разница между сельчанами и горожанами от 60 лет и старше составляет лишь около 5%), то разница в уровне религиозности сельской и городской молодежи в возрасте 18—29 лет составляет 14%. Итоги исследования показывают, что в составе лиц, назвавших себя верующими, преобладают представители старшего возраста (40 лет и старше).

Наряду с социальной средой и возрастом в числе объективных условий, способствующих освобождению сознания от религиозных пережитков, ведущая роль принадлежит образованию и социально-профессиональному статусу человека. Уровень образования и квалификации у верующих довольно низок: среди них преобладают малограмотные и лица с незаконченным средним образованием (около 60% в городе и около 75% в сельской местности). По социально-профессиональному статусу — это преимущественно работники неквалифицированных профессий (в городе их около 60%, в сельской местности — около 80%). Уже по этим показателям можно судить о характере современного религиозного мировоззрения.

Несмотря на то, что религиозные представления верующих довольно аморфны и неопределенны, они еще оказывают влияние на сохранение религиозно-бытовой обрядности.

Таблица 2
Отношение к праздникам рамазан-хаит и курбан-хаит (в %)

Возраст	Празднуют рамазан-хаит и курбан-хаит	
	город	село
18—19	15,8	42,6
20—24	25,5	43,7
25—29	32,9	57,4
30—39	44,6	72,0
40—49	56,2	71,1
50—59	69,9	77,9
60 и старше	79,8	87,0

В то же время традиционное поведение, будучи связанным с выполнением определенных религиозных установлений, способствует закреплению в сознании религиозного мировоззрения. Все это вызывает внимание к вопросам, выясняющим отношение населения к различным религиозно-бытовым обычаям и обрядам.

В нашем исследовании выяснялось отношение населения к наиболее важным праздникам мусульманского календаря — рамазан-хаит и курбан-хаит (узб. рамазон-хаит и курбон-хаит), к семейно-бытовому

обычаю *суннат-той*, узаконенному исламом, а также к свадебному церемониалу в его различных вариантах.

В ходе исследования выяснилось, что праздникам рамазан и курбан-хаит особое предпочтение отдают лица старше 60 лет, а среди представителей других возрастных групп — преимущественно лица неквалифицированного физического труда. Хотя обследование показало определенную устойчивость старых праздников в быту, но цифровые показатели, характеризующие, например, приверженность населения к празднику рамазан, еще не говорят в полной мере о его характерных моментах, главное же — о соблюдении религиозного поста уразы, окончанию которого и посвящается этот праздник. Как известно, молодое поколение отказалось от этого поста. Сам же праздник, как и другой большой мусульманский праздник курбан-хаит, подавляющим числом молодежи соблюдается в силу семейной традиции, под влиянием старшего поколения. В самом праздничном церемониале стало заметно мень-

ше религиозных элементов. Заслуживают внимания итоги анкетного обследования К. Арипова в Ташкентской области в 1966—1968 гг. Оно показало преобладание бытовых черт в проведении религиозных праздников. Для 80% отмечающих религиозные праздники их содержательную основу составляли сугубо семейные встречи и развлечения: это — праздничное украшение дома, приготовление различного рода угощений, посещение родственников, больных, поздравление друзей, гулянье, веселье, отдых и т. д.⁹

В системе семейно-праздничных традиций еще сохраняет свое значение и обряд обрезания. Традиционное отношение к этому обряду как в городе, так и в сельской местности не зависит от возраста и социально-профессионального статуса. Обряд сопровождается торжествами (суннат-той), имеющими определенный ритуал. Исследование всего комплекса действий и состава участников, тем или иным образом связанных с этим обрядом, на материалах узбеков Хорезмской области привело Г. П. Снесарева к выводу, что этот ритуальный комплекс генетически связан с возрастными группами и их участием в обрядах инициаций¹⁰, т. е. истоки его коренятся в обычаях первобытно-общинного строя. Он имел непосредственную связь с жизнью общины, реликтовые формы которой в Узбекистане встречаются и ныне. Община же способствовала сохранению патриархальных традиций в быту и тормозила изживание религиозного мировоззрения. В исламе обряд обрезания получил новое назначение: его стали рассматривать как символ введения нового лица в религиозную общину (подобно христианскому обряду крещения).

Без этого краткого исторического экскурса невозможно правильно оценить, как теперь воспринимается населением обряд обрезания, какова его идеологическая нагрузка в наши дни. По своей значимости эти вопросы требуют самостоятельного исследования. Мы должны лишь еще раз подчеркнуть, что в мусульманстве, как и в христианстве, в настоящее время приоритет скорее за обрядово-нормативными установками, чем за религиозной идеологией или религиозным осмыслением тех же обрядовых норм. Вместе с тем имеющая место тенденция представлять суннат-той как какую-то лишенную былого религиозного значения национальную традицию и оправдывать этот пережиток гигиеническими соображениями научно не обоснована. Уже в силу того, что этот обряд распространен среди различных по происхождению народов, он не может истолковываться в качестве национальной традиции одного народа. Здесь на первый план выступает социально-психологический предрассудок, оформленный в идею религиозного единства народа. Этот предрассудок проявляется в остаточных формах и при других обстоятельствах¹¹.

Проследивая эволюцию всего обрядового комплекса суннат-тоя, важно отметить, что к настоящему времени он очень изменился. Суннат-той утратил многие звенья ритуала, даже включил современные элементы в порядок проведения торжества. Следует подчеркнуть, что теперь суннат-той находится в компетенции семьи, а не общины, как

⁹ К. Арипов. Повышение культуры быта трудящихся масс в период коммунистического строительства и его значение в преодолении религиозных пережитков (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970, с. 18.

¹⁰ Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте. — «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», вып. III. — «Труды Ин-та этнографии», т. XXVII, Л., 1971, с. 265.

¹¹ Так, среди народов Среднеазиатско-Казахстанского региона не изжиты окончательно предрассудки по отношению к бракам мусульман с иноверцами. Если брак между мусульманином и иноверкой допускается общественным мнением старшего поколения, то выход замуж мусульманки за иноверца до сих пор встречается с осуждением, поскольку и дети, согласно традиционному мнению, якобы будут иноверцами.

было в прошлом. Это значит, что его общественная значимость сузилась. Существенно, что сама операция теперь часто проводится в медицинских учреждениях. Несмотря на известную приспособляемость в этом обряде, несущем несомненную религиозную нагрузку, все-таки больше признаков вырождения. Что касается оценки его, то, как говорит Г. П. Снесарев: «Все характерные черты суннат-той, взятые в совокупности, приводят к убеждению, что этот обычай самыми различными своими сторонами целиком принадлежит прошлому и несовместим с социалистической действительностью народов Средней Азии»¹². С ним происходят те же превращения, что и с религиозной обрядностью вообще. Так, если прежде всенародные праздники мусульман — курбан-хаит и рамазан-хаит — сопровождалось большими народными гуляньями и ликованием, то теперь их проведение сосредоточивается в местах отправления культа и в семье. А это — признак существеннейших сдвигов в секуляризации общественного быта.

В системе семейно-праздничных традиций большое место занимает свадебная обрядность. Это тот объект исследования, на примере которого определяется ориентированность населения на этноспецифические черты в современной культуре. Характер свадебной обрядности за годы социалистических преобразований значительно изменился. Ведущей тенденцией было изживание реликтов разнообразных домусульманских верований и элементов, связанных с мусульманской религией; а также изживание вредных социально-бытовых пережитков с одновременным включением новых элементов, характеризующих социалистическую культуру¹³. Итогом этого процесса явилось создание принципиально нового обряда — безрелигиозного, бескалымного, в основе которого лежит церемония гражданской регистрации брака, с новым оформлением праздничного застолья и т. д. — это узбекский *қизил-тўй* или *янғйча-тўй*. Но новая свадьба не вытеснила полностью традиционного обряда, хотя затухание традиционной обрядности в целом прослеживается. Сам процесс формирования новой обрядности еще не завершился.

В настоящее время в Узбекистане существует два основных варианта обрядового оформления брака: так называемая традиционная свадьба (*эскича-тўй*) и новая свадьба (*янғйча, қизил-тўй*).

Вариант свадьбы по традиционному ритуалу в наши дни значительно отличается от дореволюционного ввиду изменения содержания некоторых звеньев обряда, сокращения и модернизации их и включения новых элементов. Тем не менее в ней сохраняется и религиозный обряд бракосочетания, и пережиточные формы калыма, и ряд других менее существенных черт старой свадьбы. Сохраняется и традиционный порядок праздничного угощения, устраиваемого отдельно для мужчин и женщин, в котором жених и невеста не принимают участия.

Қизил-тўй ныне характеризуется отсутствием несовместимых с нашей действительностью старых предписаний. Он сохранил в трансформированном виде ряд черт традиционной свадьбы в обычаях поздравлений, пожеланий, имеющих свою традиционную символику, в художественном оформлении церемоний, в порядке их следования и др. Все это придает свадьбе общий национальный колорит. Однако основу праздника составляет ритуал торжественной регистрации брака; свадебное застолье имеет новые формы — в нем участвуют лица разных возрастов, мужчины и женщины вместе; жених и невеста сидят во главе праздничного стола.

¹² Г. П. Снесарев, К вопросу о происхождении празднества суннат-той в его среднеазиатском варианте, с. 272.

¹³ Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975.

Есть и переходные формы от старой к новой свадьбе. Наиболее характерная из этих форм — свадьба с ритуалом торжественной регистрации брака и новым порядком торжественного застолья. Однако параллельно, главным образом для старшего поколения, организуется традиционное застолье. Связь со старым сохраняется в соблюдении религиозного обряда и наличии трансформированных форм выкупа за невесту. Такие свадьбы по чисто внешним признакам также называют кизил-туй.

Имеют место в Узбекистане общественные (комсомольские) свадьбы и просто праздничное застолье по поводу вступления в брак, но эти формы свадебных торжеств пока не получили массового распространения.

Мы имеем возможность охарактеризовать изложенные материалы в количественном выражении по итогам этносоциологического исследования в Узбекистане. Перед нашими респондентами был поставлен вопрос: какую свадьбу они предпочитают — просто застолье или свадьбу с соблюдением полного или частичного национального обряда. Большинство опрошенных (свыше 80%) высказались за свадьбу в национальном стиле с сохранением полного или частичного традиционного церемониала. В этом мнении единодушны представители разных возрастов и профессий, как в городе, так и в сельской местности. Вместе с тем они (свыше 86% на селе и 83% в городе) высказались против обычая калыма, без которого прежде была невозможна ни одна свадьба. Лишь около 10% сельских и 12% городских жителей отметили, что с этим обычаем приходится считаться и исполнять его. Изложенные данные свидетельствуют о вполне критическом и осознанном отношении к старому обряду и его отрицательным сторонам. Они говорят, что даже высказавшиеся за полный традиционный обряд хотели бы очистить его от обременительных социально-бытовых пережитков.

Элементы национально-традиционной специфики в укладе домашней жизни узбеков сохранились и в народной традиции уважения к старшим. Красноречивы ответы на вопрос анкеты: «Обязательно ли получать согласие родителей при вступлении в брак?». Оказалось, что до 90% узбеков (даже среди наиболее квалифицированных и образованных групп населения), отдавая дань традиции, считают, что выбор супруга должен быть согласован с родителями¹⁴. Но это отнюдь не значит, что заключение брака, как это было прежде, находится в полной компетенции родителей и старших родственников. Правда, в некоторых случаях, например в сфере религиозно-бытовых традиций, старшие члены семейно-родственного коллектива могут оказывать влияние на младших¹⁵.

Таким образом, пример свадебной обрядности показывает, что у узбеков национальная (этноспецифическая) направленность в оформлении знаменательных событий семейной жизни выражена достаточно ярко. Важно отметить критическую настроенность населения к отжившим обычаям, не согласующимся с правовыми, этическими и общими-рассудочными установками нашей современности.

Итак, обрядово-бытовые традиции среди узбеков характеризуются, во-первых, общим снижением уровня и степени религиозности и, во-вторых, определенной устойчивостью национальных обычаев в культурно-бытовой сфере. Закономерен вопрос: только ли для узбеков характерны отмеченные тенденции или это более широкое явление? Ответ-

¹⁴ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробизева. Указ. раб., с. 20.

¹⁵ На авторитет родителей и принцип аскализма как одну из причин, способствующих распространению религиозных воззрений среди молодежи, указывает Ф. Эргашев, специально исследовавший проблемы религиозности молодежи Узбекистана. См.: Ф. Эргашев. Проблемы предотвращения воспроизводства религии среди молодого поколения в условиях развитого социализма (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1975, с. 14, 22—23.

тить на него помогают исследования, проведенные среди других народов.

Известно, что снижение религиозности — явление типичное для всех народов СССР. Поэтому подробнее остановимся на вопросе о национальных ориентациях. Возьмем в качестве примера свадебную обрядность, поскольку именно этот обряд у многих народов наиболее устойчив в быту, хотя значительно варьирует в содержании и оформлении.

Мы располагаем данными этнографических исследований, проведенных в последние годы среди удмуртов, латышей, молдаван, украинцев, каракалпаков и др. Это народы разной конфессиональной принадлежности, которые имели свою религиозно-бытовую и культурную историю, стояли на разных ступенях экономического развития в дореволюционную эпоху, испытали неравномерное влияние капиталистических отношений. На некоторые из них заметное воздействие оказала культура других народов, в частности русских. Все эти особенности сказались на характере культурно-бытовых процессов у этих народов в наши дни, в том числе на степени сохранения традиционных черт в обрядности.

Этносоциологические исследования в городах Каракалпакии показали, что здесь не менее двух третей опрошенных на вопрос: «Как бы Вы хотели сыграть свою свадьбу?» высказались в пользу свадьбы в национальных традициях (с полным традиционным обрядом или его элементами)¹⁶. Аналогичная картина зафиксирована в Молдавии. Здесь около 65% сельского населения предпочитают свадьбу с соблюдением полного или частичного национального обряда, и лишь около 27% высказалось за простое свадебное застолье¹⁷.

Исследования, проведенные на Украине, показали, что начиная с 60-х годов здесь распространились две формы свадьбы: комсомольская и новая форма современной свадьбы, включающая торжественную гражданскую регистрацию брака и лучшие традиционные элементы народной свадебной обрядности. Этот вариант церемониала — наиболее распространенный¹⁸.

Специальное исследование роли обрядовой жизни в системе этноса и факторов, влияющих на состояние традиционной обрядности, в конце 60-х годов было проведено в Удмуртии по программе, разработанной В. В. Пименовым¹⁹. Оно показало, что обрядовые циклы, связанные с жизнью семьи, по своей актуальности и значению, придаваемому им народам, не равны. Наибольшей популярностью пользуются национальные свадебные обряды, наименее популярны — родильные. Выяснилось, что в «системе связи со своим народом» у сельских жителей обрядовая жизнь занимает второе место после языка. В целом в ценностных ориентациях городских и сельских удмуртов национальные традиционные обряды занимают еще заметное место²⁰. Причем приверженность к национальным обрядам у людей различных социальных групп проявляется по-разному: у лиц с низким социальным статусом — в реальном быту, у интеллигенции — в сфере психологии, этническом сознании. Факторы,

¹⁶ Х. Есбергенев, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, с. 101.

¹⁷ Л. А. Тульцева. О связи традиционного поведения с религией (по материалам Молдавской ССР). — «Полевые исследования Института этнографии. 1975 г.». М., 1977, с. 166.

¹⁸ Н. И. Здорова. Свадебная обрядность на Украине. К вопросу происхождения основных форм и их бытования. Автореф. канд. дис. Минск, 1974, с. 18—19.

¹⁹ Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования). — «Сов. этнография», 1970, № 2; Л. С. Христолюбова. Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики). Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 12—17.

²⁰ См. напр., Е. И. Клементьев. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР). Автореф. канд. дис. М., 1971; Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов Татарской АССР). — «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 48—49.

оказывающие решающее влияние на обрядность, — это урбанизация, возраст, образование, социальное положение, родной язык, смешанные браки и межнациональные контакты в первичном производственном коллективе. Под влияние этих признаков в итоге идет затухание традиционных обрядов. Тем не менее, если говорить о свадьбе, то просто вечеринка, и даже комсомольская свадьба, население не удовлетворяет, не удовлетворяют его и чисто традиционные обряды. В целом же на современном этапе у удмуртов достаточно ярко выражена потребность во включении в новый свадебный обряд каких-то элементов традиционной обрядности²¹.

Изучение состояния традиционной обрядности и факторов, влияющих на ее сохранение, изменение и изживание, было проведено в 1971—1972 гг. в Латвии — в малых городах Латгале (г. Лудза) и Курземе (г. Кулдига), население которых принадлежало к разным конфессиям. Население этих городов в большинстве своем высказалось в пользу свадьбы с национальными традициями: в г. Лудзе — 82%, в г. Кулдиге — 86,8%²².

Взаимосвязь факторов, влияющих на состояние обрядности, в малых городах Латвии в основном такая же, как и в Удмуртии, хотя в Латвии изживание традиционных обрядов тормозилось из-за сильного влияния католичества. Это обстоятельство в меньшей степени характерно для Удмуртии, где христианство было воспринято чисто внешне, в послереволюционную же эпоху оно довольно быстро потеряло свое значение, не оказав существенного влияния на традиционную обрядность. Но в Удмуртии стойкими были старые языческие культы, питавшие всю семейно-бытовую обрядность. Отличительной особенностью Латвии по сравнению с Удмуртией является быстрое формирование у латышей современного национального свадебного ритуала, происходившее в 60-х годах. В итоге среди латышей повысилось число свадеб с национальными элементами.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в стремлении сохранить национальные черты в формах культуры не только узбеками, но и другими народами нашей страны. Однако выраженность национальных признаков среди разных народов, как и среди различных социальных групп внутри одного народа, неодинакова. Сельские жители отдают большее предпочтение обрядам с полным или частичным традиционным ритуалом, хотя степень его в разных регионах различна. Например, в сельской местности Узбекистана этот показатель приближается к 85%, а в селах Молдавии — к 65%. Особенно заметны различия в ориентациях на национальные элементы в обряде между жителями городов различных республик. Если в городах Узбекистана преобладали свадьбы с полным или частичным традиционным обрядом, то в городах Белоруссии — только 24,5% свадеб справлялось с элементами традиционной обрядности²³.

Степень сохранности национальной самобытности в современном укладе народа зависит от многих факторов. Самый общий из них — условия исторического развития коренных национальностей, и в первую очередь, степень развития у данного народа капиталистических отношений, так как они содействовали интенсивному разрушению традиционных черт культуры и быта, и влияли на общее состояние религиозности населения. Этот фактор — степень развитости капиталистических

²¹ Л. С. Христолюбова. Указ. раб., с. 20—22; В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Удмурты. Ижевск, 1976, с. 37—49.

²² Подробнее см.: М. Эндзеле. Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Латгале и Курземе). — «Сов. этнография», 1973, № 4, с. 103—104.

²³ «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии». Минск, 1976, с. 29.

отношений — определяет устойчивость и продолжительность сохранения традиционных черт культуры, в частности обрядности, в послереволюционный период. Но само по себе указанное обстоятельство еще не объясняет всех различий в степени сохранности национально-специфического в образе жизни разных народов. Ведь условия социально-культурного развития нашего общества содействовали выравниванию среди народов нашего государства и социальной структуры, и общекультурного уровня, и степени урбанизации. Значит, имеется еще какой-то признак, который содействовал консервации быта. Без сомнения, речь идет о религии, с ее принципом религиозной исключительности, в одних конфессиях особо постулируемым, в других — не играющим столь важной роли. Если говорить об Узбекистане, то его население вплоть до революции жило в феодально-патриархальных условиях, сплошь пронизанных предписаниями мусульманской религии. В исламе же, как известно, сильны требования религиозной нетерпимости, исключительности, жесткой регламентированности, религиозного фанатизма. В совокупности все это способствовало консервации традиционного быта и оказало влияние на степень его сохранности в послереволюционное время. В итоге среди узбеков и сейчас наблюдается значительная устойчивость ряда черт традиционной культуры, что предопределило высокую степень ориентации на национальное в наши дни.

Для решения поставленных вопросов многое дает сфера социальной психологии, поскольку важную роль в сохранении традиционной обрядности играют социально-психологические установки, влияющие через обряд на формирование (или закрепление) этнического самосознания.

Выявленные тенденции свидетельствуют о стремлении народов нашей страны не прерывать культурных традиций, сохранить национальную специфику на бытовом уровне. Это обстоятельство партийные и общественные организации должны учитывать при разработке и внедрении в жизнь новых гражданских обрядов. Опыт показал, как часто разработанный во всех деталях ритуал какого-либо торжества оказывался нежизнестойким и вскоре совсем забывался. Пренебрежение народными исконными традициями делает подобного рода церемониалы неинтересными для их участников. Подчас это обстоятельство вынуждает отдельные семьи обращаться к устаревшим религиозным обрядам. Между тем, как правило, народные церемониалы весьма многоаспектны, содержательны, красочны и оптимистичны. Ведь человеку всегда свойственно запечатлевать знаменательные события торжественными церемониями и праздниками. Не раз отмечалось, что в социалистическом обществе эта потребность не исчезает, а даже возрастает, так как для социалистического уклада жизни характерны коллективизм, последовательный интернационализм и гуманизм, которые способствуют многообразию и прочности связей между членами общества и обществом в целом. Все это требует, с одной стороны, церемониалов, соответствующих запросам сегодняшнего дня, а с другой стороны, говорит о важности сохранения прогрессивных национальных традиций, которые могут быть использованы в патриотическом, интернациональном и атеистическом воспитании²⁴. Ведь традиционная обрядность хотя и изживает себя, однако отдельные ее элементы синтезируются с рожденными современной эпохой революционными, новыми трудовыми и другими социалистическими традициями, создавая новые национальные варианты обрядов, и таким образом, элементы прежней культуры включаются в наш быт. Эти обряды уже показали свою жизнеспособность как в семейной, так и в общественной сфере. Например, на новой основе, лишенной элементов

²⁴ А. Хасанов. Роль общесоветских и прогрессивных национальных традиций в атеистическом воспитании трудящихся в условиях развитого социализма (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1976, с. 13.

религиозности, отмечаются такие узбекские народные праздники, как *навруз*, *гул сайли*, *кавун сайли*. Возникли и входят в быт новые праздники, оформление которых насыщается национальным содержанием. Таковы популярные праздники *хосил байрами* (праздник урожая), *пахта байрами*, праздник совершеннолетия и др. Входят в жизнь трудящихся республики чествования ветеранов труда и передовиков производства, проводы их на заслуженный отдых, встречи трех поколений, дни рабочих династий и т. д. Эти новые обычаи имеют большое значение для общегуманистического воспитания трудящихся, содействуют приобретению к подлинным социальным ценностям.

В связи с этими проблемами перед советскими этнографами встают новые задачи. Этнографическая наука изучает содержательную часть традиционной обрядности, процесс формирования новых ритуалов и праздников, конкретные проявления новых обрядовых форм у различных народов страны. Современная национальная обрядность у многих народов находится в стадии формирования. Ускорить этот процесс, помочь естественному отбору прогрессивных элементов народной культуры для включения в новый обряд — задача современности, в разрешении которой этнографическая наука может оказать существенную помощь.

Перед этнографической наукой встают серьезные задачи по углублению и расширению исследований в этой области в познавательном и теоретическом планах. Возникла необходимость в быстрой теоретической разработке ряда вопросов. Среди них вопрос о том, как называть современные, новые по содержанию обряды. До сих пор обряды нетрадиционные называют просто «новые обряды», что не раскрывает их содержания, а только противопоставляет старым. К этим новым обрядам относят и те, которые, изжив элементы, связанные с религией, и вредные социально-бытовые пережитки, включив ритуалы, появившиеся в социалистическую эпоху, сохранили некоторые элементы старых обрядов, не противоречащие идеологическим, правовым, этическим и эстетическим установкам нашего времени. В этих традиционных элементах как раз и проявляется национальная специфика обряда. Такие обряды, видимо, следует называть советскими национальными обрядами. Примерно таким термином («современный национальный обряд») этнографы уже пользуются (см. работы М. Я. Эндзеле, Т. Атамуратова), но принципиально данный вопрос еще не решен. Для его решения нужно в первую очередь точно определить: 1) что следует понимать под советским национальным обрядом; 2) какие критерии предъявлять при определении его новизны по сравнению с традиционными обрядами. Необходимо упорядочить терминологию и в отношении традиционной обрядности. Ее называют иногда «национальной» (см., например, работы Л. С. Христолюбовой). Это в известной степени оправдано, но нарушает временные границы, поскольку формировалась традиционная обрядность обычно не в условиях существования нации как таковой. Перечисленные вопросы требуют специального рассмотрения. Здесь предлагается только их постановка.

* * *

Подводя общие итоги исследования, мы можем констатировать немалые успехи в изживании религиозного мировоззрения и устаревших семейно-бытовых обрядов. Это особенно важно для народов, исповадовавших в прошлом ислам, так как отличительная черта ислама — его глубокое проникновение во все стороны семейно-бытового уклада, строгая регламентация повседневной жизни человека. Не следует забывать и о том, что на протяжении полутора тысячелетий ислам был не просто религиозной, но социально-религиозной системой. Ислам в прошлом — это и уклад жизни, и нормы права, это и система мышления, и государственная политика. Поэтому прав И. Джаббаров, когда пишет о

неоправданно упрощенном подходе некоторых авторов к исламу и его влиянию на население²⁵.

Социалистические преобразования общества стали важнейшим фактором преодоления и полного изживания религиозной идеологии. Глубокие социально-экономические преобразования и культурные сдвиги в узбекском кишлаке, начавшиеся с установлением Советской власти, стали важнейшим условием, послужившим размытию обыденного религиозного сознания и ломке традиционных форм поведения. Узбекская республика достигла значительных успехов в социально-культурном строительстве — это всеобщая грамотность, преобразование социальной структуры узбеков, общее повышение благосостояния населения, вовлечение женщины в производственную и социально-культурную деятельность, качественное изменение социально-бытовых условий жизни и т. д. Все эти факторы способствуют общественному прогрессу и, в свою очередь, секуляризации всей жизни народов Средней Азии.

Указанные факторы сыграли колоссальную роль в формировании новой, коммунистической, сознательности и общематериалистического мировоззрения, изменении всей повседневной жизни узбекского народа. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, ибо секуляризация бытовых отношений содействовала ломке религиозных ограничений и запретов в пище, одежде, жилище и других, казалось бы несущественных на первый взгляд, «мелочах». Между тем в свое время эти «мелочи» регламентировали каждый шаг человека, определяли его мировоззрение, направляли поведение, были теми кирпичиками в фундаменте, на котором строились общественное мнение и в целом социальная психология народа. Конечно, какая-то сумма религиозных обычаев в настоящее время еще сохраняется. Но за столь короткий период невозможно изжить такую развитую религиозную систему, как ислам. Ведь уже сам факт секуляризации общественной и бытовой жизни населения, принадлежавшего к мусульманству, — свидетельство огромного социального прогресса. Незыблемые когда-то устои идеологии ислама подорваны; в новом поколении падает удельный вес верующих и соответственно возрастает число атеистически настроенных людей. В духовной жизни и в быту узбекского населения решающую роль играют духовные ценности социалистической национальной культуры.

TRADITIONS IN MODERN UZBEK RITUAL

The paper deals with the characteristic features of Uzbek culture and everyday life as expressed in the complex of their religious rituals, traditions, regulations and festivals. The authors maintain that in investigating modern ceremonies the traditional ritual system should not be ignored, since its best, progressive elements form one of the sources for the formation of new civil rites.

The paper is based upon ethnographic observation and on some of the results obtained by the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in an ethno-sociological study of the social-and-cultural development of the population of Uzbekistan.

²⁵ И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия, с. 87.

В. А. Попов

СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА НАРОДОВ АКАН. ОПЫТ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Акан — это группа близкородственных этносов, населяющих гвинейское побережье и центральные районы Ганы, Того и Берега Слоновой Кости. На 1975 г. их общая численность составляла 5,8 млн. чел.¹ Народы акан объединяются в одну группу прежде всего по лингвистическим критериям — все они говорят на взаимопонимаемых языках, относящихся к подгруппе ква гвинейской группы языков Западной Африки. По степени языковой близости народы акан подразделяются на две группы²:

Западная: аньи (агни), бауле, нзима, аханта, эвалуэ, сефви, бриса, афема, аовин, аброн (бронг), чокосси, черепон и др.

Восточная: ашанти, аквапим, ачем (аким), фанти, акваму, денчэ-ира, эфуту, квейя, кваху, ассин, аданси, джаман, васау и др.

Несмотря на близость языков, общность происхождения, определенное единство материальной и духовной культуры, народы акан весьма различны в социально-экономическом отношении. Однако в науке еще не сложилось единого мнения об уровне социально-экономического развития, достигнутого народами акан в доколониальный период³, поскольку еще недостаточно изучены многие конкретные черты их традиционной общественной организации и прежде всего — характер и тенденции исторического развития социальных институтов.

В настоящей статье описываются основные особенности номенклатуры родства и свойства нескольких народов восточной группы акан, а также предпринимается попытка определить основные тенденции исторической эволюции систем терминов родства (СТР) этих народов на основании результатов историко-типологического анализа СТР. Под историко-типологическим анализом понимается процедура определения исторического типа СТР. За эталон исторической типологии СТР принята четырехчленная типология М. В. Крюкова, но с другими названиями для типов: ирокезский (австралийский) — бифуркативный; гавайский — поколенный; арабский — бифуркативно-линейный; английский — линейный⁴.

¹ Данные о численности см.: *С. И. Брук*. Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире. — «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 37.

² *Чумаси Аппиа*. Некоторые аспекты материальной культуры, социальной организации и обычного права акан (Гана). Автореферат канд. дис. Л., 1971, с. 6; *И. И. Потехин*. Становление новой Ганы. М., 1964, с. 324; *K. Busia*. Akan. — «Encyclopaedia Britannica», v. 1, 1966, p. 363; *D. Westerman, M. A. Bryan*. Languages of West Africa, pt. II. Oxford, 1952, p. 79.

³ Подробнее см.: *И. И. Потехин*. О феодализме у ашанти. — «Сов. этнография», 1960, № 6, с. 86.

⁴ Подробнее см.: *В. А. Попов*. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха. — «Сов. этнография», 1977, № 2, с. 43—45.

Имеется несколько записей номенклатуры родства народов акан. Самая ранняя из известных — запись терминологии родства фету (эфуту), сделанная миссионером из Гамбурга В. И. Мюллером, который прожил в Фредериксберге восемь лет (1661—1669). В 1673 г. В. И. Мюллер издал книгу, шестая глава которой представляет собой список терминов родства фету⁵. Лишь через 200 лет появилась вторая запись терминологии родства акан. В 1881 г. вышел в свет первый подробный словарь «языков ашанти и фанти, называемых тши (чви, тви)» миссионера евангелической миссии Базельского общества И. Г. Кристаллера⁶, изучавшего различные языки акан в течение 25 лет. Несколько терминов родства и свойства фанти можно найти у А. Ффоулкеса⁷ и в словаре, который приложен к «Грамматике языка фанти-акан» У. Т. Балмера и Ф. К. Ф. Гранта⁸. Номенклатура родства и свойства ашанти впервые была систематизирована и подробно описана Р. С. Рэттреем — крупнейшим исследователем истории, этнографии, фольклора и языка ашанти, руководившим долгое время антропологическим департаментом колониальной администрации Золотого Берега. В книге «Пословицы ашанти»⁹ он привел небольшой список терминов, а в монографии «Ашанти»¹⁰ номенклатуре родства посвятил почти всю первую главу. В 30-х годах XX в. появились статьи Э. Ф. Фёрингера¹¹ и М. Мид¹² по системе родства тви¹³. Запись М. Мид была сделана со слов информатора из Апегусу — одного из «государств» акваму. Некоторые особенности системы родства ашанти осветил в своих работах английский этнограф М. Форте¹⁴, изучавший традиционные кровнородственные институты ашанти и их проявление в современной социальной структуре. Аналогичную работу по фанти сделал американский исследователь Дж. Кристенсен, в монографии которого опубликованы материалы по терминологии родства фанти, собранные им во время полевой работы в начале 1950-х годов¹⁵. Ганский этнограф Чумаси Аппиа в своей кандидатской диссертации¹⁶ также затронул некоторые вопросы, связанные с системой родства акан. Д. Б. Кроненфелд в 1973 г. опубликовал новейшие данные по современной СТР фанти¹⁷. М. Манукян¹⁸, Б. Фарбер¹⁹,

⁵ W. J. Müller. Die Afrikanische auf der Guineischen Gold Küste gelegene Landschaft Fetu. Hamburg, 1673. Приношу глубокую благодарность Д. А. Ольдерогге, который любезно предоставил мне подробный конспект книги Мюллера.

⁶ J. G. Christaller. A dictionary of the Asante and Fante language, called Tshi (Chwee, Tvi). Basel, 1881.

⁷ A. Ffoulkes. The Fanti family system.—«Journal of the African Society», v. 7, № 28, 1908.

⁸ W. T. Balmer, F. C. F. Grant. A grammar of the Fante-Akan language. London, 1929.

⁹ R. S. Rattray. Ashanti proverbs. Oxford, 1916.

¹⁰ R. S. Rattray. Ashanti. Oxford, 1923.

¹¹ E. F. Vöhringer. Das Sippen-system der Twi auf der Gold Küste.—«Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin». 1932, B. 35.

¹² M. Mead. A. Twi relationship system.—«Journal of the Royal Anthropological Institute», v. 67, 1937.

¹³ К сожалению, Э. Ф. Фёрингер не уточняет, к какому народу относится его материал. Тви (чи) — это язык, на диалектах которого говорят ашанти, ачем, акваим, акваму и другие народы.

¹⁴ M. Fortes. Kinship and marriage among the Ashanti.—«African systems of kinship and marriage». London, 1950; *его же*. Kinship and social order. London, 1970.

¹⁵ J. B. Christensen. Double descent among the Fanti. New Haven, 1954.

¹⁶ Twumasi Appiah. Some aspects of material culture, social organisation and customary law of the Akan of Ghana. Leningrad, 1971 (рукопись канд. дис.).

¹⁷ D. B. Kronenfeld. Fanti kinship: the structure of terminology and behavior.—«American Anthropologist», v. 75, № 6, 1973.

¹⁸ M. Manoukian. The Akan and Ga-Adangme peoples of the Gold Coast. London, 1950.

¹⁹ B. Farber. Comparative kinship systems. A method of analysis. N. Y., 1968.

К. Карлстон²⁰ и Г. У. Бэйзхарт²¹ в своих монографиях описывают терминологию родства ашанти, ссылаясь на Р. С. Рэттрея и И. Г. Кристаллера.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточно обширная информация по СТР нескольких народов акан, собранная в разное время, что позволяет дать историко-типологическую характеристику СТР этих народов. Все материалы сведены в таблицу²² (см. стр. 54—57).

Оценим возможность использования этих данных для историко-типологического анализа.

1. Запись В. И. Мюллера весьма фрагментарна и к тому же в отдельных случаях неверна, что, по-видимому, объясняется незнанием языка. Термины для обозначения супругов (baning, bubassja), в действительности означают: «мужчина» и «женщина». Термины для обозначения родственников первого восходящего (+1п) и нулевого (0п) поколений, которые записаны Мюллером, не дают возможности сделать выводы о группировке родственников этих поколений.

2. Данные И. Г. Кристаллера и М. Фортеса позволяют дополнить номенклатуру Р. С. Рэттрея и более детально охарактеризовать некоторые особенности СТР ашанти.

3. Терминология родства акан по Чумаси Аппиа и тви по Э. Ф. Фेरингеру фактически не отличается от номенклатуры родства ашанти по Р. С. Рэттрею.

4. Запись Дж. Б. Кристенсена практически совпадает со сведениями Д. Б. Кроненфелда.

5. Материалы У. Г. Балмера и Ф. Гранта, хотя и отличаются фрагментарностью, но содержат информацию о группировке родственников +1п, что позволяет дать типологическую характеристику СТР фанти в начале XX в.

6. Информация Р. К. Анкуме и Т. М. Уончи дает возможность определить некоторые тенденции развития современной СТР фанти.

7. Необходимой полнотой обладают материалы Р. С. Рэттрея по СТР ашанти, М. Мид — по акваму и Д. Кроненфелда — по фанти.

Рассмотрим подробнее терминологию родства и свойства этих трех народов.

Терминология родства и свойства ашанти по Р. С. Рэттрею

1	papa panyin	PPP ²³
2	papa	РР, ДД, ДмРРмРж, ДмРРжРж
3	agya, ose	Рм, СмДжРРм
4	agya panyin	+ДмРРм
5	agya kuma	—ДмРРм, СмДжРРж
6	ewa	Рж, ДжРРж, СжДмРРм
7	sewa	ДжРРм
8	wofa	ДмРРж, ДмДжРРжРж
9	ɛna	ДР, ДДмРРм, ДДжРРж, ДмДжРРм, ДмДмРРж
10	ɔba	Д, ДДжРЭж, ДДмР, ДДДмРРж, ДмДмРсм, ДмДжРСж
11	wofase	ДмДжРЭм, ДмДжДжРЭм, ДДжДмРРжЭм, ДДжДжРРжЭм
12	wofasewa	ДжДжРЭм, ДжДжДжРЭм
13	panankanso	ДДД, ДДДДмР
14	ɔyere	Сж, СжДмР, ДжРС, СжДмДРР, ДжДжРРм, ДжДмРРж
15	ɔkunu	см, ДмДмРРжЭж, +ДмРСм, ДмДРРСм

²⁰ K. S. Carlston. Social theory and African tribal organisation. Chicago — London, 1968.

²¹ H. W. Basehart. Ashanti. — «Matrilineal kinship», Berkeley — Los Angeles, 1961.

²² В таблицу включена также современная терминология родства и свойства фанти, которую автору настоящей статьи удалось записать в 1975 г. в Ленинграде от Р. К. Анкуме и Т. М. Уончи. Выражаю им искреннюю признательность за предоставленную информацию.

²³ Здесь и далее для записи отношений родства и свойства используется код Ю. И. Левина (см. Ю. И. Левин. Об описании системы терминов родства. — «Сов. этнография», 1970, № 4, с. 18, 19): Р — родитель, Д — дитя, С — супруг, Э — эго, м, ж — детерминативы пола, «+» — старший, «—» — младший.

16 akumma	ДжРСм
17 ase	РС, СД, ДжДмРРж, ДмДжРСм, СжДмРРж, СжДмРСж, СДжРСм, ДжРРм
18 akonta	ДмДжРРм, ДмДмРРж, СдДжР, СДДжРРм, СДДмРРж, ДжРС ДмДжРРмСм, СдДжДмРРм, ДмДРРСж, —ДмРСм, ДмРСж, ДмДмРРжСм
19 экога	СжДмРСм, СдДжРСж

Система терминов родства ашанти на рубеже XIX и XX вв. представляет собой один из переходных вариантов от бифуркативного типа к бифуркативно-линейному. Об этом свидетельствуют прежде всего особенности номинации родственников +1п и 0п. Материалы Р. С. Рэтрея, который, описывая СТР начала XX в., дает параллельно информацию о предыдущем состоянии СТР ашанти (будем называть эту стадию протосистемой), а также данные словаря И. Г. Кристаллера позволяют реконструировать механизм смены одной типологической схемы другой.

В протосистеме ашанти термином *агуа* обозначалась группа родственников, в которую входили породитель эго и все его братья (Рм=ДмРРм). Но затем ашанти стали различать этих родственников. Породителя продолжали называть *агуа*, а его братьев сначала называли *агуа какга* (маленький отец), а затем в зависимости от возраста относительно породителя: *агуа рапуи* (старший отец) — старше отца и *агуа кута* (младший отец) — моложе породителя. То есть в +1п наблюдается обособление породителя от его братьев и братьев породителя друг от друга посредством создания составных терминов для братьев с учетом их относительного возраста. Именно такой путь образования бифуркативно-линейной терминологии в +1п является наиболее распространенным²⁴. Породительница эго и все ее сестры обозначаются термином *эпа* и составляют все еще одну группу родственников — *эпапот* (Рж=ДжРРж). Но сестры породительницы уже начинают обозначаться термином *эпа какга* (маленькая мать), а породительницу при обращении стали называть *аowo*. Зафиксирован также другой референтивный термин для породителя — *эсе*, почтительно к нему обращались — *акэга*. В середине XX в., по-видимому, в СТР горожан появились вокативные индивидуальные термины для породителей эго — *раpa* и *таати*, заимствованные из английского языка²⁵.

Как известно, вокативная подсистема терминов более мобильна, чем референтивная²⁶, поэтому появление индивидуальных терминов обращения для породителей эго подтверждает общую тенденцию к формированию СТР бифуркативно-линейного типа.

В +1п специальными терминами выделяются: сестра породителя эго (ДжРРм) — *эsewa* (буквально: женский отец) и брат породительницы эго (ДмРРж) — *wəfa*.

В 0п группировка родственников сохраняет особенности бифуркативного типа. Братья и ортокузены эго составляют одну группу — *эпапот* (ДР=ДДмРРм=ДДжРРж) и каждый называется термином *эпа* (буквально: дитя матери: *эпа*=*ni-wa*, где *ni* — мать, а *wa* — вариант *ba* — дитя).

Патрилатеральный кросскузен (ДмДжРРм) имеет несколько описательных наименований: *агуа'wəfase* (ниблинг²⁷ Рм), *эsewa'ba* (дитя

²⁴ М. В. Крюков. Система родства китайцев. М., 1972, с. 218, 280.

²⁵ M. Fortes. Kinship and marriage among the Ashanti, p. 258.

²⁶ F. P. Conant. Jarawa kin systems of reference and address. — «Anthropological linguistics», v. 34, № 4, 1932, p. 29; М. В. Крюков. Указ. раб., с. 178.

²⁷ Ниблинг (nibling) — дитя сиблинга Эм. Этот термин образован по модели «сиблинг (sibling)»; буква *s* заменена на *n*, с которой в английском языке начинаются слова *perhew* — племянник и *piece* — племянница. Термин «ниблинг» широко употребляется в американской этнографической литературе. См., например: H. C. Conklin. Ethnogenealogical method. — «Explorations in cultural anthropology», N. Y., 1964, p. 36; F. Wordick. Another view of American kinship. — «American Anthropologist», 1973, v. 75, № 6, p. 1635.

сестры отца), но иногда называется *эпуа кума* (младший брат), а если его сестра (ДжДжРРм) — жена (*эуге*) эго, тогда ДмДжРРм — *аконта* (брат жены). М. Фортес отмечает, что дети мужчины могут называть его *ниблинга* термином *агуа* (Рм), если они хотят показать ему свое уважение²⁸.

Патрилатеральная кросскузина (ДжДжРРм) описательно называется *эсева'ба* или *эуге* (жена), если она состоит в браке с эго. И. Г. Кристаллер также сообщает, что ДжДжРРм может называться термином *эсева* (ДжДжРРм=ДжРРм). Номинация ДДжРРм терминами *агуа* и *эсева* позволяет отнести СТР ашанти к типу кроу, в котором патрилатеральные кросскузены отождествляются с родственниками восходящих поколений, а матрилатеральные кросскузены — с родственниками нисходящих поколений. Но в обозначении матрилатеральных кросскузенов у ашанти не наблюдается поколенного скоса²⁹. Описательно их называют *вофа'ба* (дети брата матери) или ДмДмРРж — *экипу* (муж), *эпуа*, *аконта*, ДжДмРРж — *эуге*, *эпуа*, или *асе* (РС). В номинации ДжДмРРж и ДжДжРРм термином *эуге*, а ДмДмРРж — *экипу* прослеживается обычай двустороннего кросскузенного брака. Ашанти говорят: «*Se wa pua wo'wofa'ba ana wose wofase anware a, wɔpua ne po*» — «если ты не женился на дочери брата матери или дочери сестры отца, то они — твои сестры».

Дети братьев считаются детьми эго — *эба* (мн. ч. *mma*) (ДДмР=Д), но *ниблинги* — дети сестер (ДДжР) для Эм — *wɔfase/wɔfasewa*. К сожалению, ни один источник не сообщает, как Эж называет детей братьев (ДДмРЭж).

Любой родственник +2п (РР) — *папа* (мн. ч. *panapom*). Другое значение этого слова — «предок». Этим же термином называют родственника — 2п (ДД), причем к внуку обращаются как к деду и обычно называют его именем умершего деда. Кроме того, *папа* — титул вождя. Слово *папа* применяется также для того, чтобы выразить уважение старому человеку, умершему, духам, фетишам, жрецам и жрицам. В свою очередь вожди, жрецы, старейшины используют этот термин, когда хотят оказать уважение подданным и просителям.

Родственники +3п (РРР) — *папа* или *папа ranuɔn*. Родственники — 3п (ДДД) — *panankanso*, где «*nkanso*» буквально означает «запрещение трогать уши». У ашанти и других народов акан есть поверье, что если внук тронет ухо деда, то дед умрет³⁰. Сходные названия для правнука (правнучки) имеются у многих народов Западной Африки — у бамбара, фульбе, волоф, моси, дагари и др.³¹.

Термином *асе*, кроме родителей супругов и супругов детей (РСм=РСж=СжДм=СмДж), называют жену брата жены, мужа сестры мужа, *ниблинга* мужа (СжДмРСж=СмДжРСм=ДмДжРСм), а также сестру отца (ДжРРм), жену брата матери (СжДмРРж) и матрилатеральную кросскузину (ДжДжРРж), если Эм женат на их дочерях (ДжДжРРм=Сж, ДжДжДмРРж=Сж).

Термином *эуге* мужчина обозначает свойственников, относящихся к той же категории, что и Сж: жен братьев и кузенов (СжДмР=СжДмДРР=Сж), а также сестру жены (ДжРСж=Сж). В свою очередь, женщина называет термином *экипу* не только своего мужа, но

²⁸ М. Fortes. Kinship and marriage among the Ashanti, p. 271.

²⁹ М. Дж. Филд сообщает, что после смерти мужчины его дети называют своего патрилатерального кросскузена термином *агуа* (Рм), а он в свою очередь называет их, т. е. своих матрилатеральных кросскузенов, *ба* (Д). См.: М. J. Field. Akim-Kotoku. An Oman of the Gold Coast. Westport, 1970, p. 83.

³⁰ R. S. Rattray. Ashanti, p. 34—39.

³¹ С. И. Томчина. Бамана. Терминология родства *ду*. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. С, 1972, с. 37.

и старшего брата мужа, всех кузенов мужа и своего матрилateralного кросскузена (См=+ДмРСм=ДмДРРСм=ДмДмРРж); сестра мужа (ДжРСм) — akumma (мн. ч. nkumma).

Слово экога (мн. ч. akogafo) означает ревность женщины. Если у женщины несколько жен (ayere-dodow — полигиния), то они называют друг друга ме'kora'kora — ревнивицы. Термином экога называют также жену брата мужа и мужа сестры жены (СжДмРСм=СмДжРСж).

Термином akonta обозначают свойственников Оп: мужа сестры, супругов всех кросскузенов, мужа патрилатеральной ортокузины, младшего брата мужа, брата жены, сестер супругов, кросскузенов супругов, ортокузенов жены и супругов брата мужа и сестры жены (СмДжР=СДДмРРж=СДДжРРж=СмДжДмРРм=—ДмРСм=ДмРСж=ДжРС=ДмДмРРжС=ДмДжРРмС=ДмДмРРмСж=ДмДжРРжСж=СжДмРСм=СмДжРСж).

Обращает на себя внимание оформление терминов родства ашанти по категории пола. Некоторые уже в самой своей семантике заключают указание на принадлежность к мужскому (agya, wofa, okunu) или женскому (ena, eyere) полу. Но большинство терминов нейтрально в отношении пола. В случае необходимости к таким терминам добавляются лексемы-показатели пола³². Такими показателями являются слова: banin, barima — мужчина, мужской; oba, ohea, obasia, obabasia — женщина, женский. Например, enuabarima — брат, enuabea — сестра. Наряду с семантическим и синтаксическим способами обозначения пола в терминах родства ашанти имеются элементы морфологического выражения женского пола: wofase — ниблинг мужского пола, wofasewa — ниблинг женского пола; ose — Рм, zsewa — ДжРРм (женский отец). Суффикс -wa — показатель женского пола. Следовательно, в СТР ашанти дифференцирующий признак «пол альтера» релевантен только лишь для представителей +1п, супругов эго и ниблингов.

Завершая историко-типологическую характеристику СТР ашанти, повторим уже сделанный вывод о том, что в конце XIX — начале XX в. СТР ашанти находилась в стадии перехода от бифуркативного типа (протосистема ашанти) к бифуркативно-линейному.

Терминология родства и свойства акваму по М. Мид

1 nanankson	РРР, ДДД
2 pana	РР, ДРРРм, ДжРРРж, ДД, ДДДмРРж
3 adya	Рм, ДмРРм, ДмРРмРж, ДмДж ^{≥1} РРм, СмДжРРм, СмДжРРж
4 ena	Рж, ДжРРж, Дж ^{≥2} РРм, СжДмРРм.
5 osewa	ДжРРм
6 wofa	ДмРРж, ДмРРжРж
7 nua	ДР, ДДмРРм, ДДжРРж, ДДмДж ^{≥1} РРм
8 ba	Д, ДДмРЭм, ДДмДмРРм, ДДжДмРРм, ДДмДжРРж, ДДмРРж, ДмДРС
9 wofase	Д ^{≥1} ДжР, ДДж ^{≥2} РРж
10 okunu	См, ДРСм, СмДжРЭж, СмДжРСм, ДмДмРРжЭж, ДмДжРСм, ДмДмРРмСм, ДмДжРРжСм, СмДжДжРРмЭж, СмДжДмРРмЭж
11 eyere	Сж, СжДмР, ДжРСж, СжДмРРж, ДжДжРРмЭм, ДжДмРРжЭм, СжДмДжРРж
12 akonta	ДмРСж, ДмДмРРжСж, ДмДжРРмСж, СжДмРСм, ДмДмРРмСж, ДмДжРРжСж, СмДжРЭм, СмДжДжРРмЭм, СмДжДмРРмЭм, СмДжДжРРж
13 ase	РС, СД, ДмДжРСм

Основное отличие СТР акваму от СТР ашанти состоит в группировке родственников +1п и Оп. В +1п термином adya охватывается группа

³² Этот же принцип применяется и в других гвинейских языках подгруппы ква (эве, фон, га, гонжа, йоруба, игбо, бини, игала и др.). См.: Д. А. Ольдерогге. Описательные системы родства народов Западного Судана. М., 1964, с. 2, 3; H. Johnson. Vocabularies of the Niger and Gold Coast, West Africa. London, 1886; E. L. Rapp. An introduction to Twi. Basel-Kumase, 1936; p. 6; ego же. The Gonja language.— «Mitteilungen des Institutes für Orientforschung», B. 5, H. 2, 1957, s. 238—286.

родственников мужского пола, в которую входят породитель эго, все его братья и супруги сестер породителей ($R_m = DmPR_m = SmDjPR_m = SmDjPR_j$), термином епа обозначается группа родственников-женщин, в которую входят породительница эго, все ее сестры и супруга брата породителя ($R_j = DjPR_j = SjDmPR_m$). Особыми терминами называются сестра породителя ($DjPR_m$) osewa и брат породительницы ($DmPR_j$) wofa.

Сиблинги и ортокузены, как и у ашанти, называются одним термином пиа ($DP = DdMP_m = DdJPR_j$). Номинация кросскузенов и всех их потомков характеризуется чертами типа кроу: матрилаторальные кросскузены считаются детьми эго ($DdMP_j = D$), а патрилаторальные кросскузены терминологически объединяются с родственниками +1п ($DmDjPR_m = R_m$; $DjDjPR_m = R_j$). Дети матрилаторальных кросскузенов — папа ($DdDjPR_j = Dd$), дети патрилаторальной кросскузины терминологически не отличаются от родственников +1п ($DmDjDjPR_m = R_m$; $DjDjDjPR_m = R_j$). Дети патрилаторального кросскузена — пиа ($DdDmDjPR_m = DP$).

В —1п дети брата, патрилаторальных ортокузенов и матрилаторального ортокузена относятся к той же категории родственников, что и дети Эм—ба ($D = DdMP = DdDmPR_m = DdDmDjPR_j$), дети матрилаторальных ортокузин и ниблинги — wofase (Эм): $DdJPR = DdDjDjPR_j$. Как Эж называет детей своих сиблингов, М. Мид не сообщает. Все потомки $DdJPR$ и $DdDjDjPR_j$ тоже wofase.

Все родственники +2п независимо от филиации называются папа как у ашанти, но $DmPR_mR_j$ — adya, а к $DmPR_jR_j$ уважительно обращаются wofa. Все родственники —2п тоже папа. Термин papankson, в отличие от ашанти является взаимным для +3п и —3п.

Номинация свойственников практически не отличается от ашантийской. Однако термином окога называют друг друга не только жены одного человека, но и жены Эм и брата его породительницы ($SjDmPR_j = Sj$), а Эм называет $SjDmPR_j$ термином оуеге (жена), поскольку она наследуется им после смерти $DmPR_j$ вместе с имуществом.

Таким образом, типологически СТР акваму относится к бифуркативному типу и тождественна протосистеме ашанти. Следовательно, СТР акваму стадильно менее развита, чем СТР ашанти в начале XX в.

Терминология родства и свойства фанти по У. Т. Балмеру и Ф. Гранту

1 nana	РР
2 egya	Рм
3 egya panyin	+ДмРРм
4 egya kuma	—ДмРРм
5 epa, na, ni	Рж, —ДжРРж
6 na-panyin	+ДжРРж
7 wofa	ДмРРж
8 nua	ДмР, ДжРЭж
9 akwereba	ДжРЭм
10 ba	Д
11 wofase	ДДжР
12 kun	См
13 oyer	Сж
14 asew	РС, СД
15 akontangya	СмДжР
16 ekumbaa	ДжРСм
17 okora	СжДмРСм
18 akonta	СмДжРСж

По материалам У. Т. Балмера и Ф. Гранта, собранным в начале XX в., можно заметить трансформацию СТР фанти от бифуркативного к бифуркативно-линейному типу: $R_m = DmPR_m$, а $DmPR_m$ в свою очередь дифференцируются по возрасту. То же и с родственниками по линии матери, среди которых +ДжРРж обособляется от Рж и —ДжРРж. Обра-

щает на себя внимание отсутствие особого термина для ДжРРм — приводится лишь описательное название егуа акуегеба (сестра отца). А. Ффулkes также сообщает, что фанти различают сестер матери по возрасту относительно возраста Рж³³.

Терминология родства и свойства фанти по Д. Б. Кроненфелду

№	Термины	Скошенный тип	Нескошенный тип
1	papa	РР, ДДДмРРж, ДД, ДДДжРРм	РР, ДД; ДДДжРРм
2	eguа	Рм, ДмРРм, ДмДж ^{≥1} РРм	Рм, ДмРРм
3	па	Рж, ДжРРж, Дж ^{≥1} РРм	Рж, ДжРР
4	wofa	ДмРРж, ДмДжРРжРж	ДмРРж
5	pua	ДмР, ДжРЭж, ДмДРРм, ДжДмРРмЭж, ДмДжРРж, ДжДмДжРРмЭж, ДмДмДжРРм, ДжДжРРжЭж	ДмР, ДжРЭж, ДмДРР, ДжДРРЭж
6	akyereba	ДжРЭм, ДжДмРРмЭм, ДжДжРРжЭм, ДжДмДжРРмЭм	ДжРЭм, ДжДРРЭм
7	ba	Д, ДДмР, ДДжРЭж, ДДмРРж, ДДмДРРм, ДДмДжРРж	Д, ДДмР, ДДжРЭж, ДмДмДжРРм, ДжДмДжРРмЭж, ДДмДмРР, ДДмДжРРж
8	awofasi	ДДжРЭм, ДДжДмРРмЭм, ДДжДжРРжЭм.	ДДжРЭм, ДжДмДжРРмЭм, ДДжДРРЭм
9	yer	Сж	Сж
10	asew	РС, СД	РС, СД
11	akontangye	ДмРС	ДмРС

В современной СТР фанти Д. Кроненфелд выделяет три альтернативных подсистемы, использующих один набор лексем: скошенную, не-скошенную и третью, применяемую для номинации неродственников³⁴ (терминология Кроненфелда). Нескошенная подсистема является в настоящее время основной и наиболее распространенной и представляет собой типичный пример поколенной модели, так как наиболее существенный признак этой СТР — различие родственников по поколениям: все родственники $\pm 2p$ — папа, в $0p$ для Эж все есть пуа (сиблинг), для Эм все мужчины — пуа, женщины — акуегеба (сестра); для $-1p$ релевантен дифференциальный переменный «пол коннектора»³⁵; для Эж все — ба (дита), для Эм дети мужчин — ба, дети женщин — awɔfasi (ниблинг). В $+1p$ все женщины — па, но слияния терминов, обозначающих мужчин, еще не произошло ($ДмРРж \neq (ДмРРм = Рм)$), и ДмРРж называется особым термином — wofa. В то же время у фанти зафиксированы вокативные термины, выделяющие родных отца и мать — рара, тааате, заимствованные из английского языка. О термине рара у фанти упоминает и Лэдифоугид³⁶.

Т. М. Уончи и Р. К. Анкуме сообщили, что вокативные термины рара и тааате постепенно вытесняют егуа и па и становятся референтивными для обозначения породителей; термином wofa уже начинают называть не только ДмРРж, но и ДмРРм, а всех женщин $+1p$, кроме Рж, — па. Следовательно, в $+1p$ современной СТР фанти происходят структурные сдвиги, свидетельствующие о формировании линейного типа.

³³ А. Ffulkes. Указ. раб., с. 405.

³⁴ То есть несколько терминов родства, которые используются в качестве вежливого обращения к неродственникам.

³⁵ Термин «коннектор» представляется более простым и удобным по сравнению с употребляемым громоздким словосочетанием «связующий родственник» (connected relative).

³⁶ P. Ladefoged. A phonetic study of West African languages. Cambridge, 1968, p. 51.

Скошенная подсистема фанти или, по словам информаторов, более правильная, представляет собой предыдущий этап в эволюции СТР фанти, которую можно отнести к бифуркативно-поколенному варианту СТР типа кроу³⁷. Эта СТР отличается от нескошенного подтипа принципами номинации кросскузенов и их потомков: ДмДжРРм=Рм, ДжДжРРм=Рж, ДДмРРж=Д, ДДмДмДжРРм=Д, ДДжДмДжРРм=ДДжРЭм и т. д. (см. табл. на стр. 52).

Д. Кроненфелд не сообщает специального термина для ДДД, но термин для этой категории родственников дает Дж. Кристенсен — *paṇaṅkaṇsa*, который является фонетическим вариантом общеаканского *paṇaṅkanso*. Т. М. Уончи и Р. К. Анкуме также сообщили, что наряду с термином *ba* для обозначения Д используется термин *akwadaa*. Номинация всех остальных родственников и свойственников ничем не отличается от ашантийской.

Таким образом, трансформация бифуркативной СТР фанти в бифуркативно-линейный тип сменилась в середине XX в. тенденцией к образованию поколенной СТР. В современной СТР фанти появились некоторые элементы линейного типа.

* * *

Результаты историко-типологического анализа СТР ашанти, акваму и фанти позволяют наметить основные пути развития СТР народов акан.

Не располагая достаточными диахронными данными, но зная историческое соотношение между типами общей типологии СТР, представляется возможным предположить, что исходная модель (протосистема) СТР акан относится к бифуркативному типу — первоначальному этапу развития СТР. Особенностью протосистемы акан является генерационный скос типа кроу. Типологически наиболее близкой к гипотетической протосистеме терминов родства акан является СТР акваму начала XX в.

В процессе эволюции бифуркативная протосистема акан трансформировалась по двум основным направлениям: у ашанти с тенденцией к образованию СТР бифуркативно-линейной модели с постепенным исчезновением особенностей типа кроу, а у фанти — с тенденцией к формированию поколенной системы с полным исчезновением генерационного скоса.

Если исходить из известного тезиса о корреляции между типами систем родства и общественно-экономическими формациями³⁸, то в развитии систем родства представляется возможным выделить две стадии: стадию первичных систем родства, свойственных обществам первичной (доклассовой) формации и стадию вторичных систем родства, присущих обществам вторичной (классовой) формации. В свою очередь развитие вторичных систем родства проходит через два этапа, первый из которых соответствует докапиталистическим формам вторичной формации. В плане выражения первичным системам родства соответствуют варианты бифуркативного типа СТР, первому этапу вторичных систем родства — СТР поколенного и бифуркативно-линейного типов, второму — линейного типа СТР³⁹.

Таким образом, тип системы терминов родства может служить своего рода индикатором относительного уровня социально-экономического

³⁷ См. В. А. Попов. Указ. раб., с. 51, 52.

³⁸ Д. А. Ольдерогге. Некоторые вопросы изучения систем родства. — «Сов. этнография», 1958, № 1, с. 7, 9; *его же*. Основные черты развития систем родства. — «Сов. этнография», 1960, № 6, с. 29; *его же*. Описательные системы родства народов Западного Судана, с. 8; Т. Bodrogi. Some problems regarding investigations into Hungarian kinship terminology. — «Acta Ethnographica», t. 2, f. 4, 1962, p. 288, 289.

³⁹ См. также: В. А. Попов, Указ. раб., с. 52, 53.

Положения	Денотаты	Фету	Ашанти				Аквamu
		Мюллер	Кристаллер	Рэттрей		Фортес	Мид
				1916	1923		
+3	PPP	—	nānā	—	nana panyin	—	nanankson
+2	PP	nānpa	nānā	—	nana	naná	nana
	ДМРРМРж	—	nānā	—	nana	nana	adya
	ДМРРжРж	—	nānā	—	nana	nana	wofa
+1	Рм	adja	agya, ose	ose, agya	agya, osie	agya, ose	adya
	+ДМРРм	adja nuà	agya kakra	agya	agya panyin	agya	adya
	—ДМРРм	adja nuà	agya kakra	agya	agya kuma	agya	adya
	СжДМРРм	—	—	—	ena	—	ena
	ДжРРм	adja nuà	oséwá, ase	osewá	sewa, ase	sewa	osewa
	СмДжРРм	—	—	—	agya	—	adya
	Рж	enna	awa, enā, oni	enī, eno, enā	ena, eno	ena, ni	ena
	+ДжРРж	enna nuà	enā, kakra	enā	ena, ena nua	ena, ni	ena
	—ДжРРж	enna nuà	enā kakra	enā	ena, ena nua	ena, ni	ena
	СмДжРРж	—	—	—	agya	—	adya
	ДМРРж	ofa	wofa	—	agya kuma	—	wofa
	СжДМРРж	—	—	—	wofa	wofa	wofa
					ase	yere	oyere
0	ДмДжРРжРж	—	—	—	wofa	—	—
	ДмР	unà	ōnua	onua, oni-ba, oniwa	'nua	nua	nua
	СжДмР	—	—	oyere	akonta kunu, 'yere	—	oyere
	ДжР	unà—ba	ōnua	onua, oni-ba, oniwa	'nua	nua	nua
	СмДжР	—	okunu	—	akonta	—	akonta (Эм), okunu (Эж),
	ДмДжРРм	—	—	—	agya wofase	agya	adya
					sewa'ba, akonta, nua kuma		
	ДжДжРРм	—	osewá	—	sewa'ba	yere	oyere (Эм), ena
	СмДжДжРРм	—	—	—	'yere	—	akonta (Эм) okunu (Эж)
	ДмДмРРм	—	—	—	akonta	—	nua
	СжДмДмРРм	—	—	—	agya'ba	—	—
	ДжДмРРм	—	—	—	'nua kuma	—	—
					'yere kuma	—	—
	СмДжДмРРм	—	—	—	'nua	nua	nua
					'nua kuma		
	ДмДжРРж	—	—	—	akonta	—	akonta (Эм) okunu (Эж)
	СжДмДжРРж	—	—	—	'nua	nua	nua
	ДжДжРРж	—	—	—	'yere	—	oyere
					'nua	nua	nua
	СмДжДжРРж	—	—	—	—	—	akonta
	ДмДмРРж	—	—	—	wofa'ba, 'nua	—	okunu (Эж)
					kunu (Эж)		ba
	СжДмДмРРж	—	—	—	akonta	—	—
	ДжДмРРж	—	—	—	'yere kuma	—	oyere (Эм)
					'yere, ase		ba
	СмДжДмРРж	—	—	—	wofa'ba	—	—
	Д	ubba	obá	ba	akonta	—	—
-1	СД	—	asew	osew	'ba	ba	ba
	ДДмР	—	obá	ba	ase	ase	ase
					'ba, nua'ba	ba	ba (Эм)

и свойства народов акан

Тви	Акан	Фанти				
		Балмер, Грант	Кристенсен	Кроненфелд		Информация автора
Фёрингер	Чумаси Аппиа			скошенная	нескошенная	
nānā	papa	—	—	—	—	papa
nānā	papa	papa	papa	papa	papa	papa
—	—	—	—	papa	papa	—
agya	agya	egya	egya	egya, papa	egya, papa	egya, se, papa
agya kakra	agya panyin	egya panyin	egya	egya	egya	egya
agya kakra	agya kuma	egya kuma	egya	egya	agya	egya kuma
enā kakra	ena	—	—	—	—	na
(ɔ) sewa	ɔsewa	egya akyereba	na	na	na	papabaa
agya kakra	—	—	—	—	—	—
enā	ena	ena, na, ni	na	maami, na	maami, na	maame, na
enā kakra	ena	na-panyin	na	na	na	na
enā kakra	ena	na	na	na	na	na kuma
agya kakra	—	—	—	—	—	—
wofa	wofa	wofa	wofa	wofa	wofa	wofa
ase	—	—	—	—	—	—
enā kakra	wofa	—	—	wofa	—	—
(o)nua	ɔnua	'nua	nua	nua	nua	enua
(ɔ)yere	—	—	—	—	—	yere kuma
(o)nua	ɔnua	'nua (Эж)	nua	nua (Эж)	nua (Эж)	enua
(o)kunu	—	akyereba (Эм)	—	akyereba (Эм)	akyereba (Эм)	akyereba (Эм)
sewa-ba	—	—	egya wofase	egya	nua	enua
sewa-ba	—	—	—	na	nua (Эж)	enua
—	—	—	—	—	akyereba (Эм)	—
agya-ba	—	—	—	nua	nua	enua
—	—	—	—	—	—	—
agya-ba	—	—	—	nua (Эж)	nua (Эж)	enua
—	—	—	—	akyereba (Эм)	akyereba (Эм)	—
agya-ba	—	—	—	—	—	—
agya-ba	—	—	—	nua	nua	enua
—	—	—	—	—	—	—
agya-ba	—	—	—	nua (Эж)	nua (Эж)	enua
—	—	—	—	akyereba (Эм)	akyereba (Эм)	—
agya-ba	—	—	—	—	—	—
agya-ba	—	—	—	nua	nua	enua
—	—	—	—	—	—	—
agya-ba	—	—	—	nua (Эж)	nua (Эж)	enua
—	—	—	—	akyereba (Эм)	akyereba (Эм)	—
wofa-ba	—	—	wofa ba	ba	nua	ba
—	—	—	—	—	—	—
wofa-ba	—	—	wofa ba	ba	nua (Эж)	ba
—	—	—	—	—	akyereba (Эм)	—
(ɔ)ba	ɔba	ba	ba	ba	ba	ba, akwadaa
ase	—	asew	—	asew	asew	ase
(ɔ)ba	ɔba	—	—	ba	ba	ba

Приложение (окончание)

Положения	Денотаты	Фегу		Ашанти			Аквamu
		Мюллер	Кристаллер	Рэттрей		Фортес	Мид
				1916	1923		
	ДмДжР	—	wofásé	wofase(Эм) ba (Эж)	wofase (Эм) 'ta (Эж)	wofase	wofase
	ДжДжР	—	wofáséwa	wofasewa	wofase (Эм) 'ba (Эж)	wofase	wofase
	ДмДмДжРРм	—	—	—	—	—	nua
	ДжДмДжРРм	—	—	—	—	—	nua
	ДмДжДжРРм	—	—	—	—	—	adya
	ДжДжДжРРм	—	—	—	—	—	ena
	ДДмДмРРм	—	—	—	—	—	ba
	ДДжДмРРм	—	—	—	—	—	ba
	ДДмДжРРж	—	—	—	—	—	ba
	ДДжДжРРж	—	—	—	wofase	—	woface
	ДДмДмРРж	—	—	—	ba	—	nana
	ДДжДмРРж	—	—	—	ba, wofase	—	nana
-2	ДД	—	nānā obanānā	oba nana	nana	nana	nana
	ДжДжДжР	—	—	—	wofasewa	—	wofase
	ДмДжДжР	—	—	—	wofase	—	wofase
-3	ДДД	—	nanānkānsō	nānānkānsō	nanan'ka'so	—	nanankson
+1	РС	—	osew	osew	ase	ase	ase
0	См	baning	okúnu	kunu, okunu	kunu, ku	kunu	[okunu
	Сж	bubassja	oyere	oyere	yere, ye	yere	oyere
	+ДмРСм	—	—	okunu	kunu panyin	—	okunu
	--ДмРСм	—	—	akonta	akonta	—	okunu
	ДжРСм	—	akūmma	akūmma	akonta	kunma	okunu
	ДмРСж	—	—	—	akonta	akonta	akonta
	ДжРСж	—	oyere, kórà	oyere	'yere, akonta	—	oyere
	СжДмРСж	—	kórà	—	kora	—	akonta
	СмДжРСж	—	kórà	—	kora	—	—
	СжДмРСж	—	—	—	ase	—	—
	СмДжРСм	—	—	—	ase	—	okunu
	ДмДмРРмСм	—	—	—	kunu panyin	—	okunu
	ДмДжДРРжСм	—	—	—	kunu	—	okunu
	ДмДжРРмСм	—	—	—	akonta, kunu	—	—
	ДмДмРРжСм	—	—	—	akonta, kunu	—	—
	ДмДмРРмСж	—	—	—	akonta	—	akonta
	ДмДжРРмСж	—	—	—	akonta	—	akonta
	ДмДмРРжСж	—	—	—	akonta	—	akonta
-1	ДмДмРСм	—	—	—	'ba	—	ba
	ДмДжРСм	—	—	—	ase	—	okunu, ase
	ДмДмРСж	—	—	—	akonta'ba	—	ba
	ДмДжРСж	—	—	—	'ba, nua'ba	—	ba

[illegible]

развития⁴⁰ и с известными оговорками позволяет судить о принадлежности данного конкретного общества к первичной или вторичной формации.

Следовательно, развитие СТР ашанти и фанти в конце XIX—XX в. отражает эволюцию родственных отношений у этих народов от первичной стадии к первому этапу вторичной стадии, и, таким образом, фиксирует переход общества от первичной формации ко вторичной. Разумеется, окончательный и более определенный вывод об уровне социально-экономического развития, достигнутого народами акан к концу доколониального периода, возможно сделать только после целостного исследования всех подсистем традиционной общественной организации, поскольку ни одна из них, взятая в отдельности, не может дать исчерпывающей характеристики.

В современной СТР фанти наблюдаются качественно новые сдвиги в сторону образования линейного типа, отражающего второй этап эволюции вторичных систем родства.

THE KINSHIP TERM SYSTEMS OF THE AKAN PEOPLES: AN ATTEMPT AT A HISTORICO-TYPOLOGICAL ANALYSIS

The main specific features of consanguinity and affinity nomenclature among several Akan peoples are described in the paper. An attempt is made to determine the main trends in the historical evolution of kinship term systems. The author has carried out a historico-typological analysis of the kinship term systems of the Ashanti, the Akwamu and the Fanti and reached the conclusion that the Akwamu term system is the closest to the Akan proto-system. In the course of its evolution the Akan bifurcate proto-system became transformed in two main directions: among the Ashanti, with a tendency to form a bifurcate-lineal model, with the gradual disappearance of Crow-type features; among the Fanti, with a tendency to form a generation system, with complete disappearance of generation skewing.

In conclusion, the author, proceeding from the well-known thesis that kinship term systems are linked with the socioeconomic structure of society, comes to the view that the evolution of kinship term systems of the Ashanti and the Fanti in pre-colonial times reflects the transition of these societies from the primary (pre-class) to the secondary (class) formation.

⁴⁰ М. В. Крюков. Указ. раб., с. 281—283.

Р. Ш. Джарылгасинова

НОВОЕ В КУЛЬТУРЕ И БЫТУ КОРЕЙЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

[на примере сельского населения]¹

Общая численность корейцев, проживающих в Советском Союзе, по данным переписи 1970 года, — 357,5 тыс. чел., при этом большая часть их сосредоточена в пределах Средней Азии и Казахстана².

*Численность корейцев, проживающих в республиках
Средней Азии и Казахстана (в тыс. чел.)*

Узбекская ССР	— 147,5
Казахская ССР	— 81,5
Киргизская ССР	— 9,4
Таджикская ССР	— 8,4
Туркменская ССР	— 3,4

Корейцы — наиболее поздний этнический компонент населения Средней Азии и Казахстана. Первые семьи корейцев приехали сюда в середине 1920-х годов. В 1924 году под Ташкентом была создана первая корейская сельскохозяйственная артель.

В настоящее время в отдельных областях Узбекской ССР и Казахской ССР корейцы проживают компактными группами.

*Численность корейцев в районах их компактного
расселения (в тыс. чел.)*

Узбекская ССР	
Ташкентская обл.	— 73,3
Самаркандская обл.	— 7,7
Ферганская обл.	— 6,4
Сырдарьинская обл.	— 1,1
Казахская ССР	
Кзыл-Ординская обл.	— 13,4
Талды-Курганская обл.	— 12,5
Чимкентская обл.	— 9,8
Джамбульская обл.	— 8,2
Алма-Атинская обл.	— 4,3

¹ В основу данной статьи положены материалы, собранные автором во время экспедиций и командировок к корейцам Средней Азии и Казахстана в 1959, 1961, 1967, 1969, 1974 гг.

² В данной статье сведения о численности корейского населения даются по итогам переписи 1970 года. См.: «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года», т. IV — «Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов». М., 1973, табл. 1, с. 10. Далее приводятся данные таблиц 11, 12, 13, 14, 24.

Особенностью современного размещения корейцев в республиках Средней Азии и Казахстана является преобладание городского населения. Так, по данным переписи 1970 г., из 147,5 тыс. корейцев Узбекской ССР более 85 тыс. чел. проживало в городах; из 81,5 тыс. корейцев Казахской ССР более 59 тыс. чел. составляли городское население. Много корейцев живет в столицах союзных республик, в областных и районных центрах. Например, в Ташкенте в 1970 г. проживало 18 186 корейцев, в Алма-Ате — 6908, во Фрунзе — 4095, в Душанбе — 3280.

В сельских районах, где корейцы расселены компактно, за прошедшие четыре десятилетия выросли передовые хозяйства. Многонациональные по своему составу, они, из-за преобладания в них корейского населения, нередко называются «корейскими». Наиболее известные среди них — колхозы «Политотдел», «Полярная звезда», «Правда», имени Димитрова, имени Свердлова, «Ленинский путь» (Ташкентская область), колхозы «Авангард» и «III Интернационал» (Кзыл-Ординская область), «18 лет Казахстана» (Целиноградская область), совхоз «Кустанайский» (Кустанайская область), совхоз «Раушан» (Каракалпакская АССР) и многие другие. В этих передовых хозяйствах корейцы вместе с представителями других национальностей (узбеками, казахами, таджиками, татарами, русскими и другими) выращивают хлопок, возделывают лубяные культуры (кенаф), собирают большие урожаи кукурузы и сахарной свеклы. Многие корейцы заняты в животноводстве.

Необходимо отметить также, что в сельскохозяйственной деятельности сказываются многовековые традиции корейских земледельцев-рисоводов. В условиях Средней Азии и Казахстана корейцам-рисоводам нередко принадлежит важная и почетная роль пионеров целины. Корейцы, как правило, руководят рисоводческими бригадами или звеньями в многоотраслевых колхозах³. Многие корейские рисоводы принимали и принимают участие в улучшении имеющихся и выведении новых сортов риса. Так, заслуга выведения сорта риса «Политотдельское кенде» принадлежала одному из первых организаторов колхоза «Политотдел» Ким Секпому (1890—1965)⁴.

Достижения корейских хозяйств широко освещаются в советской публицистической и научной литературе⁵.

Вот некоторые данные о производственных достижениях колхоза «Политотдел». За период с 1953 по 1973 гг. урожай хлопка увеличились здесь с 21 до 40 центнеров с гектара; кенафа — с 36 до 220, риса — с 25 до 62. В 1973 г. денежный доход колхоза составил более 11 млн. рублей. За эти двадцать лет колхозники освоили более полутора тысяч гектаров заболоченных земель, построили животноводческие и птицеводческие комплексы.

Крупным многоотраслевым хозяйством с мясо-молочным и зерновым направлениями является колхоз «18 лет Казахстана» Целиноградской области.

Из среды корейцев выдвинулось много выдающихся, известных всей стране руководителей сельского хозяйства. Так, например, более тридцати лет руководил колхозом «Полярная звезда» Ташкентской области — Дважды Герой Социалистического Труда Ким Пён-хва. В память

³ См. например: В. Ф. Шупаковский. Культура риса в Узбекистане. Ташкент, 1958, с. 54—57.

⁴ «Полевые записи автора». Колхоз «Политотдел», 1967 г., сентябрь — октябрь.
⁵ См. например: Н. И. Пак. Колхоз «Авангард» (Чилийский район Кзыл-Ординской области). М., 1950; А. А. Пак. Многоотраслевой совхоз на целинных землях. На примере совхоза «Кустанайский» Кустанайской области. М., 1959; М. Г. Хван. Колхоз шагает в коммунизм. Ташкент, 1961; его же. Трудом и только трудом. М., 1962; Пак Сусан. Опыт получения высокого урожая лубяных культур в совхозе имени Свердлова Верхнечирчикского района Ташкентской области. Ташкент, 1962; Пак Дек Ен. Золотое десятилетие (О деятельности партийной организации колхоза «Политотдел»), Ташкент, 1963.

о заслугах и трудовых подвигах Ким Пён-хва на центральной площади колхоза установлен его бронзовый бюст. Во главе колхоза «III Интернационал» Кызыл-Ординской области стоит Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Казахской ССР — Цхай Ден Хак, а Герой Социалистического Труда, делегат III-го Всесоюзного съезда колхозников Кан Де-Хан руководит колхозом «18 лет Казахстана».

Совместный творческий труд корейцев, узбеков, казахов, русских, таджиков и татар способствует быстрому процессу взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Особенно ярко это проявляется в материальной культуре корейцев Средней Азии и Казахстана.

Жилище корейцев в сельской местности, как правило, возводится по типовым проектам, разработанным для того или иного района Средней Азии или Казахстана с учетом местных условий и традиций. В местах компактного расселения корейцев дома чаще всего возводятся строительными бригадами. При строительстве домов корейцы используют традиционные местные приемы и материалы. У народов Средней Азии и прежде всего у узбеков заимствованы традиции строительства глинобитных домов и домов из саманного кирпича, с которыми корейцы до переселения на территорию Средней Азии и Казахстана не были знакомы. В наши дни жилище корейцев представляет собой, как правило, двух или четырехкамерную постройку из сырцового кирпича, установленную на кирпичном фундаменте, с большими обращенными на улицу окнами, с двух — или — четырехскатной крышей, крытой шифером или железом, с открытой во двор верандой. Дома в плане чаще прямоугольные.

Широко используя среднеазиатскую строительную технику и местные материалы, при устройстве отопления в жилище корейцы следуют русским или своим национальным традициям. Иногда эти две тенденции своеобразно совмещаются. Под несомненным влиянием традиций русского жилища корейцы отдают предпочтение домам, в которых имеется печь типа голландки. Национальным своеобразием отличается корейская традиционная система отопления — *кудур*. *Кудур* или *ондоль* («утепленный пол») — древнейший, самобытный способ корейского национального отопления. Основной принцип устройства кудур сводится к следующему: от топки печи, расположенной ниже уровня пола комнаты, отведены три или пять головных каналов; от них идут более мелкие трубы или просто углубления на дне каменной кладки. По каналу и трубам растекаются огонь и дым очага, обогревающие пол. У задней стены комнаты все трубы соединяются в отводной канал. Перед выводом дымохода на улицу в земле делают вытяжную яму. Наружная труба отводного канала помещается на некотором расстоянии от дома. Однако сейчас нередко отводной канал бывает связан с дымоходом плиты или голландки, которыми отапливаются другие комнаты. Это не единственное изменение в устройстве отопления. Если раньше корейцы выкладывали трубы кудур из камней, то сейчас повсеместно применяется кирпич. Изменился нынешний вид и той части кудур, которая расположена над самой топкой и является местом приготовления пищи. Раньше здесь вмазывались чугунные котлы *кама*, обычно один большой или два маленьких. Сейчас эта часть кудур устроена, как плита, на ней можно готовить пищу не только в котлах, но и в современной алюминиевой и эмалированной посуде. Кудур строят иногда сами хозяева, иногда специальный мастер — кореец из строительной бригады. Строительство хорошего кудур — большое искусство, и настоящие мастера своего дела высоко ценятся в народе.

Корейская отопительная система пользуется известностью среди узбеков, казахов, таджиков, которые, по словам информаторов, иногда просят корейцев построить в их домах кудур.

Наличие или отсутствие в доме кудур оказывает большое влияние на весь уклад домашней жизни корейской семьи. Если в доме есть кудур, то

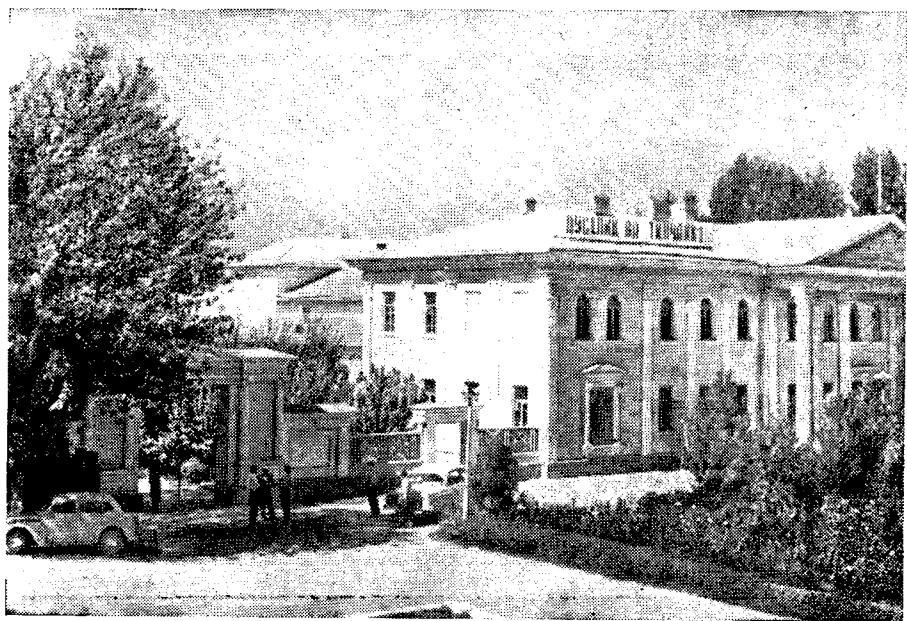

Рис. 1. Дворец культуры в колхозе имени Димитрова

комната с теплым полом становится тем своеобразным центром дома — островком, где протекает обычно вся жизнь членов семьи, несмотря на наличие других комнат.

В «современных» комнатах живут старшие дети, студенты, школьники старших классов, женатый сын со своей семьей. Особенно интенсивно используется жилая площадь этих комнат в тех случаях, когда в доме нет кудур. Пол в доме содержится в большой чистоте так как при входе в дом обязательно снимают обувь. В жилых комнатах деревянные полы красят или покрывают линолеумом. Распространены матерчатые и ковровые дорожки. Большой любовью пользуются среднеазиатские ковры — кошмы, которыми корейцы дополняют интерьер жилых комнат. В то же время изготовляемые корейцами соломенные циновки пользуются широким спросом у узбеков, казахов и таджиков. Дома как правило электрофицированы и газифицированы, в них проведен водопровод.

Многие корейские колхозы превратились в настоящие социалистические сельскохозяйственные агрогорода с асфальтированными улицами, благоустроенными домами, магазинами, больницами, дворцами культуры, домами бракосочетания, гостиницами. Не случайно, советский писатель Валентин Овечкин, неоднократно бывавший в колхозе «Политотдел», и мечтавший создать о нем специальную работу⁶, писал одному из своих друзей: «Политотдел» — это уже настоящий сельскохозяйственный город. Это даже слабо сказано. Далеко не в каждом рабочем поселке или городе найдешь такой материальный уровень, культуру быта и производства, такую жизнь, как в этом колхозе. И такими могут, должны стать все хозяйства»⁷.

В наши дни в колхозе «Политотдел» восемь школ, медицинский городок, десять детских садов и яслей, Дворец культуры, кинотеатр, че-

⁶ А. Т. Твардовский. Валентин Овечкин. — В кн. А. Твардовский. О литературе. М., 1973, с. 244.

⁷ «Неделя», № 8 (728), 1974, с. 13.

Рис. 2. В детском саду колхоза «Политотдел»

тыре клуба, торговый центр, много магазинов, столовые, ресторан, гостиница, Дом отдыха. Особенно хочется отметить, что в декоре отдельных общественных зданий подчеркивается и воспевается идея дружбы народов. Так, например, интересно решены скульптурные группы, венчающие фронтон Дворца культуры (центральная усадьба): в центре стоят три фигуры — корейнка, узбек и русский в национальных костюмах; справа — скульптура, изображающая узбека, бьющего в бубен; слева — корейнка в национальном костюме перебирает струны каягыма. В новой большой гостинице ряд комнат оборудован в стиле национального интерьера.

Культурные контакты корейцев Средней Азии и Казахстана нашли свое отражение и в одежде. Здесь прежде всего необходимо отметить влияние общесоветской городской культуры. В наши дни и в сельской местности, и в городах корейцы носят модную современную одежду, покупную или сшитую из покупных тканей. Молодые женщины и девушки носят штапельные, шелковые и шерстяные платья модных фасонов. Детям школьного возраста покупается форменная одежда. В то же время в сельской местности под влиянием узбеков и таджиков корейки носят платья узбекского покроя. Большим спросом пользуются шелковые ткани с национальным узбекским орнаментом. Девочки школьного возраста часто носят под платьем длинные шальвары.

Вместе с тем во многих семьях сохраняются отдельные предметы корейского национального костюма. Женщины пожилого возраста обычно носят корейскую юбку — *чхима* и кофту — *чогори*. Широко бытует корейская безрукавка *тынгори*, которую носят и мужчины и женщины. Правда теперь на тынгори появились накладные карманы и фабричные пуговицы. Национальный костюм женщины надевают в дни больших семейных праздников: в день празднования первой годовщины со дня рождения ребенка, во время свадьбы, в день 60-летия.

Рис. 3. На перемене в средней школе колхоза «Политотдел»

Большинство кореенок носят длинные волосы, девушки заплетают две косы, молодые и пожилые женщины делают пучок. В последнее время, однако, распространились современные короткие стрижки. В отличие от узбечек, таджичек, казашек молодые кореянки обычно ходят с открытой головой. Только во время работы в поле покрывают голову платком, завязанным сзади; в зимнее время (под влиянием русских) распространено ношение вязаных пуховых и шерстяных платков.

Мужчины отдают предпочтение фетровым и соломенным шляпам современных фасонов, распространены фуражки и кепи. Во время работы в поле покрывают голову от солнца большими 6-8-гранными корейскими соломенными шляпами — *кат*.

За прошедшие десятилетия, в результате тесного повседневного общения с соседними народами значительно расширился состав пищи корейцев Средней Азии и Казахстана. Как известно, традиционная корейская пища отличается большим своеобразием. До настоящего времени сваренный без соли рис — *пап*, подается к столу три раза в день. Обычной приправой к рису служат *чан* — кашецеобразное блюдо из сои — или *канчан* — жидкая соя, а также различные соленья и ма-

ринады — *кимхчи*. Кимхчи готовят из лука, капусты, помидор, огурцов, дынь. Из овощей (капусты, моркови, картофеля, баклажан и др.) корейские хозяйки готовят и горячие острые блюда — *чхэ*. Разнообразен ассортимент блюд из кур. В отличие от многих народов Средней Азии и Казахстана корейцы широко употребляют в пищу свинину. Большой любовью пользуется *куксу* — вид корейской лапши, приготовляемой из пресного теста, которую подают к столу в мясном бульоне, куда добавляют также куски мяса. Из других кушаний наиболее распространено *хве* — блюдо, приготовленное из сырой рыбы или мяса.

Сейчас в пищевой рацион корейцев все больше входят хлеб, молочные продукты, масло, в прошлом отсутствовавшие в питании корейцев. Хлеб, наряду с рисом, в наши дни подается к столу к каждому приему пищи. Корейцы, проживающие в Средней Азии и Казахстане, под несомненным влиянием местного населения, стали пить много чая⁸. Спросом пользуется и зеленый, и черный чай. Подобно узбекам и казахам, корейцы пьют чай перед началом еды. На повседневном и праздничном столе корейцев можно видеть плов, шурпу, куксу с бараниной. Употребляют корейцы и узбекские лепешки. Более того, названия некоторых среднеазиатских блюд вошли в словарный состав языка советских корейцев⁹. Например, такие слова как «плов», «самса», «манты» и др. В то же время во многих узбекских и казахских семьях начинают по корейскому рецепту готовить кимхчи и куксу.

Современная материальная культура корейцев Средней Азии и Казахстана свидетельствует о трех основных направлениях ее развития: сохранение традиционных компонентов (вид отопления жилища в сельской местности; праздничная и обрядовая одежда женщин; состав пищи и режим питания); широкое усвоение общесоветской городской культуры, обычно воспринимаемой корейцами как русской; восприятие отдельных элементов материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Особо необходимо отметить, что, сохраняя и развивая национальные традиции, корейцы вносят свой вклад в обогащение общесоветской культуры. В сфере материальной культуры это проявляется в популярности некоторых видов корейской ремесленной продукции (например, циновок), отдельных блюд национальной корейской кухни (куксу, кимхчи) и т. д.

Семейная обрядность корейцев Средней Азии и Казахстана также характеризуется сочетанием новых и традиционных элементов¹⁰. По-прежнему считается, что в жизни каждого человека есть три главных праздника, или, как говорят корейцы, «три праздничных стола»: день, когда ребенку исполняется один год; свадьба и празднование шестидесятилетнего юбилея¹¹. Эти важнейшие в жизни каждого человека события отмечаются очень торжественно.

Вот например, как протекала одна из центральных церемоний современного свадебного обряда — торжество в доме жениха, которое мы наблюдали в 1967 г. в колхозе имени Димитрова Ташкентской области¹².

⁸ Жители Кореи в отличие от китайцев и японцев в прошлом почти совсем не употребляли чая.

⁹ Подробнее об этом см.: О. М. Ким. О языке корейцев СССР (к постановке вопроса). — «Научные труды Среднеазиатского государственного университета», вып. 202. Ташкент, 1962, с. 92.

¹⁰ Подробнее см.: Р. Ш. Джарылгасинова. Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968.

¹¹ Подобно многим народам Восточной и Юго-Восточной Азии, корейцы придерживались шестидесятилетнего цикла летосчисления. У корейцев Средней Азии и Казахстана эта система сохраняется только в семейной обрядности.

¹² «Полевые записи автора». Ташкентская обл. Узб. ССР, колхоз имени Димитрова, 1967 г., сентябрь.

Рано утром жених, в сопровождении родственников уехал за невестой. За праздничным столом в доме невесты помимо корейцев были русские, узбеки, татары. После недолгого застолья невеста и сопровождающие ее родственники (*уссиккун*) сели в машину (родители невесты остались дома). Жених и его родственники поехали в другой машине. А в это время в доме жениха собралась его родня, заканчивались последние приготовления. Когда «поезд» с невестой приблизился к дому жениха, его родственники (но без родителей) шумной, веселой толпой вышли навстречу. Украшенная цветами машина, в которой сидела невеста остановилась. Старший из родственников невесты (*кхын уссиккун*) стал требовать выкупа, отказываясь ехать дальше, так как якобы дорога очень неудобная. В ответ родственники жениха стали его задабривать; поднесли угощение (маленький корейский стол, уставленный яствами) пытались вычерпать воду из лужи на дороге... Тогда машина немного продвинулась вперед. Старшему родственнику снова и снова подносили столы с угощениями. Наконец, родственники жениха принесли мешок, наполненный рисом (символ богатства), и положили его у дверцы машины, чтобы невеста могла, выходя, ступить на него. От машины до дома расстелили огромные отрезы шелковой ткани. Это «дорога невесты», но считается, что бережливая девушка не будет ступать по ней, а аккуратно пройдет рядом. А вот и невеста; она одета в белое платье, поверх накинута красная кофта (сочетание цветов, характерное для традиционного корейского костюма невесты), волосы уложены в высокую прическу. Пока невеста шла от машины к дому, одна из ее родственниц отдала матери жениха завернутое в материал зеркало (символ будущей покорности невестки). В дом внесли приданое невесты: одеяла, подушки, свертки с подарками родственникам жениха.

Тут жених подошел к невесте и повел ее к столу. Они сели вдвоем во главе стола. Праздничный стол с угощениями был установлен в саду. Перед женихом и невестой поставили вареного петуха, украшенного разноцветными бумажными полосками, с красным перцем в клюве. За спиной молодых повесили ковер.

Первое слово сказал жених, который поблагодарил своих родителей за все, что они сделали для него и с глубоким поклоном поднес им первую рюмку. Затем жених обратился со словами благодарности к близким родственникам и гостям. Только после этих благодарственных приветствий выбрали томаду (*хэча*), который стал руководить застольем. По просьбе томады жених и невеста по очереди исполнили свои любимые песни. За столом молодым кричали «горько». Почти все присутствовавшие пели для молодых песни.

Родители жениха за стол не садились. Рядом с женихом сидели родственники невесты. Праздничный вечер закончился танцами. На свадьбу приехало много родственников не только из Ташкента и Ташкентской области, но и из Джамбула и Алма-Аты.

В этой свадьбе наряду с традиционными элементами уже много черт, характерных для общесоветской обрядности: жених и невеста вместе сидят за столом, принимают поздравления; появился обычай кричать «горько» молодым.

В крупных корейских колхозах построены Дворцы бракосочетания. На свадьбах, которые празднуются в них, обычно присутствуют родители и жениха, и невесты, а застолье проводится сразу же после торжественной регистрации брака. Но и эти свадебные пиршества обязательно начинаются с благодарственных слов жениха, обращенных к родителям. Им жених преподносит первую рюмку¹³.

По-прежнему торжественно празднуется шестидесятилетие каждого человека. Сейчас на этих праздниках не только отмечается, что сделал

¹³ «Полевые записи автора», колхоз «Политотдел», 1967 г., сентябрь — октябрь.

тот или иной юбилар для своей семьи, но и подчеркиваются его заслуги в трудовой и общественной деятельности. Поэтому на такие праздники обычно приходят коллеги по работе, члены правления колхоза.

Все больше входят в жизнь такие общественно-семейные праздники как вручение первого паспорта, проводы в армию и другие.

Среди корейского населения до сих пор сохранились традиционные календарные праздники. Во многих семьях отмечают наступление Нового года по лунному календарю (обычно в конце февраля — начале марта), начало лета — *тано* (5-го мая), весенний и осенний праздники *хансик* и *чунсик*, во время которых поминают усопших, посещают кладбища, убирают могилы. Наиболее стойко эти праздники сохраняются в тех семьях, где есть старики.

Настоящими массовыми торжествами являются празднование годовщины Великой Октябрьской революции и Первого мая. В их проведении проявляются общесоветские традиции. На праздничных концертах часто выступают коллективы художественной самодеятельности.

Для корейцев характерны богатые традиции песенно-танцевального народного творчества. Считается, что каждый человек умеет и любит петь. Без песни не проходит ни одно семейное торжество, ни один праздник. Наряду с современными песнями, любят петь старинные корейские песни, такие как «Ариран» (наименование легендарной горы), «Кукушка», «Пряха» и другие. Во многих семьях хранятся корейские национальные музыкальные инструменты; прежде всего барабаны и флейты.

Народные таланты широко проявляют себя в художественной самодеятельности. Так, например, еще в начале 1960-х гг. в колхозе имени Димитрова был создан Народный ансамбль песни и танца под руководством Ан Ен Дюна и Пак Чер Суна. В сентябре 1964 г. этот ансамбль с успехом выступал на сцене Кремлевского Дворца съездов в Москве. В репертуаре ансамбля корейские народные танцы: танец с барабанами, танец с веерами, танец с зонтиками. Одна из программ этого народного коллектива «Праздник в колхозе», наряду с корейскими песнями и танцами, включает узбекские, таджикские, казахские, русские танцы.

Разнообразно и богато фольклорное наследие корейцев. Каждому случаю жизни соответствуют своя пословица, поговорка, примета. Так, например, считается, что «чем раньше (в течение дня) начнут празднование первого дня рождения ребенка, тем скорее юноша женится, а девушка выйдет замуж»¹⁴. И взрослые и дети любят рассказывать и слушать сказки. Собиратели и исследователи сказок корейцев Средней Азии и Казахстана (В. П. Пак, А. Н. Ли) отмечают богатство жанров этого вида корейского фольклора. До сих пор широко бытуют волшебные и бытовые сказки, сказки о животных, сказки-предания о легендарных и исторических героях.

Корейцы Средней Азии и Казахстана в своей основной массе двуязычны или трехязычны. Для подавляющего большинства родным языком является корейский. В районах компактного расселения корейцев в школах преподается корейский язык. Преподавателей корейского языка для таких школ готовит Ташкентский пединститут. На корейском языке издается с 1938 г. газета «Ленин кичхи» («Ленинское знамя»), которая с 1960 г. является межреспубликанской (г. Алма-Ата).

Многие корейцы выписывают выходящие в Москве на корейском языке журналы «Советская женщина» и «Советский Союз»; регулярно

¹⁴ «Полевые записки автора», Самаркандская обл., Уз. ССР, поселок Чархин, 1961 г., сентябрь — октябрь.

Рис. 4. Народная артистка Казахской ССР Ли Хам Дек исполняет национальный корейский танец с барабаном

слушают передачи на корейском языке, транслируемые радиовещанием Москвы, Ташкента, Алма-Аты.

В жизни корейского населения Средней Азии и Казахстана все большую роль играет русский язык. Можно без преувеличения сказать, что почти все корейцы за исключением глубоких стариков и детей дошкольного возраста знают русский язык. Корейские дети, как правило, обучаются в русских школах. Данные переписи 1970 года свидетельствуют о том, что для значительной части корейцев русский язык сегодня является родным. Причем, число лиц корейского происхождения, считающих русский язык родным, значительно больше в городе, чем в сельской местности.

Этнографические наблюдения говорят о том, что большинство представителей среднего и младшего поколений свободно владеют разговорным узбекским или казахским языками, которые они изучают в средней школе. Часто можно наблюдать, как корейцы в разговоре быстро переходят с од-

ного языка на другой. Многолетняя совместная работа и жизнь способствуют тому, что и узбеки, и казахи в некоторых местностях овладевают разговорным корейским языком.

Этнолингвистические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана нашли свое отражение и в их антропонимии. Изменения происходят как в составе именника, так и в структуре антропонимической модели¹⁵.

Среди корейцев значительна прослойка сельской интеллигенции (агрономы, врачи, учителя, бухгалтеры, работники связи). Только в колхозе «Политотдел» 187 специалистов с высшим образованием — все они выходцы из колхоза. Все механизаторы имеют среднее образование.

Очень высок среди корейцев процент людей со средним и высшим образованием. Многие из них трудятся в институтах Академий наук союзных республик; преподают в университетах и высших учебных заведениях, имеют ученые степени и звания.

За годы Советской власти появилось много советских корейских писателей, поэтов, драматургов. В настоящее время свыше пятидесяти писателей-профессионалов пишут на корейском языке. Многие из них являются членами Союза писателей СССР и других творческих организаций нашей страны. Их сочинения, а также произведения корейской классической литературы издаются на корейском языке в Москве, Таш-

¹⁵ Р. Ш. Джарылгасинова. Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана. — «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, с. 139—149.

Рис. 5. Герой Социалистического труда Любовь Ли беседует со старейшими колхозниками колхоза «Политотдел»

кенте, Алма-Ате, Кызыл-Орде, на Дальнем Востоке и на Сахалине. Советская корейская литература отличается богатством жанров.

В культурной жизни корейцев Средней Азии и Казахстана важное место занимает Государственный республиканский корейский театр, созданный в 1932 г. и находящийся в настоящее время в г. Алма-Ате. Театр ставит пьесы на корейском языке. За свою 45-летнюю историю театр осуществил более 100 постановок. В его репертуаре значительное место занимают корейские классические музыкальные драмы «Чхун Хян чон» («Сказание о девушке Чхун Хян»), «Сим Чон чон» («Сказание о девушке Сим Чон»), «Хынбу и Нольбу», «Янбан чон» («Сказание о янбане»), а также пьесы современных советских корейских драматургов. В театре идут также в переводе на корейский язык пьесы советских драматургов других национальностей — русских, украинских, казахских, киргизских и др. и произведения русской и западноевропейской классики.

Одним из основателей театра и его многолетним руководителем является Заслуженный деятель Казахской ССР, член Союза писателей СССР, драматург и режиссер — Цай Ен. В коллективе трудились и трудятся такие прославленные мастера сцены как Народная артистка Казахской ССР, депутат Алма-Атинского городского Совета — Ли Хам Дек, Народный артист Казахской ССР — Ким Чин, заслуженный артист Казахской ССР, главный художник театра Г. М. Кан. Ежегодно в колхозах Средней Азии и Казахстана в течение 4—5 месяцев гастролируют драматическая и эстрадно-концертная группы театра.

В репертуаре концертной группы театра, которая обслуживает корейские колхозы, наряду с корейскими народными песнями и танцами широко представлены песни и танцы народов Советского Союза. Многие выступления концертной группы идут на русском языке.

Широкой популярностью пользуются корейские вокально-инструментальные ансамбли «Ариран» (1968), «Каягым» (1968), а также,

коллективы художественной самодеятельности колхоза имени Димитрова, народного театра колхоза «Полярная звезда».

Среди корейской молодежи особой любовью пользуются занятия современными видами спорта. В колхозе «Политотдел» создан большой спортивный комплекс. Во многих других колхозах построены стадионы. На Всесоюзных соревнованиях успешно выступает футбольная команда «Политотдел». На XXI Летних Олимпийских играх три золотых медали принесла советской команде девятнадцатилетняя гимнастка из г. Чимкента (Казахская ССР) — Нелли Ким.

Наряду с представителями других народов Советского Союза корейцы избираются в высшие органы Советской власти и активно участвуют в их работе. Дважды (в 1962 и 1966 гг.) избиралась депутатом Верховного Совета СССР бригадир колхоза «Политотдел», Герой Социалистического Труда — Любовь Ли.

Депутатом Верховного Совета СССР Восьмого (1970) и Девятого (1974 г.) созывов является Анатолий Кан — колхозник колхоза «Правда» Ташкентской области Узбекской ССР.

Многие корейцы являются депутатами Верховных Советов Узбекской ССР, Казахской ССР, а также краевых, областных, городских, районных Советов депутатов трудящихся.

Современный быт, материальная и духовная культура корейцев Средней Азии и Казахстана представляют собой сплав национальных традиций, общесоветской культуры и элементов, воспринятых из богатого наследия среднеазиатских народов.

Д. Д. Тумаркин

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ОКЕАНИЕЙ

В 1971 г. состоялся 6-й экспедиционный рейс научно-исследовательского судна АН СССР «Дмитрий Менделеев», в котором участвовал этнографический отряд, насчитывавший 8 человек¹. Это был первый выезд этнографов нашей страны на острова Океании со времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Участие этнографов в этом рейсе дало значительные научные результаты: опубликованы три книги, в том числе коллективная монография «На Берегу Маклая»², и более 20 статей, сделано несколько докладов на научных конгрессах и конференциях, приобретены ценные экспонаты для ленинградского Музея антропологии и этнографии АН СССР, сняты два этнографических фильма.

В январе — апреле 1977 г. состоялся 18-й рейс «Дмитрия Менделеева», в котором наряду с океанологами, биологами, геологами и учеными ряда других специальностей снова участвовали этнографы. В этой экспедиции, возглавлявшейся известным гидробиологом Л. А. Пономаревой, этнографический отряд насчитывал 5 человек. В него вошли четыре сотрудника Института этнографии АН СССР — москвичи Д. Д. Тумаркин (начальник отряда), В. Н. Басилов, В. Н. Шамшуков и ленинградец Е. Н. Кальщиков, а также И. М. Меликсетова (Институт востоковедения АН СССР, Москва). В. Н. Басилов, И. М. Меликсетова и Д. Д. Тумаркин принимали участие в 6-м рейсе «Дмитрия Менделеева».

Круг научных интересов участников отряда был довольно широк и разнообразен. Д. Д. Тумаркин изучал соотношение традиций и инноваций на островах Океании, идущие там социально-экономические и социально-этнические процессы, перспективы развития стран этого региона. В. Н. Басилов сосредоточил внимание на исследовании архаических элементов культуры и социальной организации океанийцев; он же вел съемки профессиональной кинокамерой. В. Н. Шамшуков интересовался прежде всего социально-этнические и демографические аспекты современной ситуации в океанийском островном мире. Е. Н. Кальщиков уделял основное внимание изучению материальной культуры; он же записывал на магнитофонную ленту образцы песенно-музыкального фольклора. И. М. Меликсетова изучала соотношение трайбализма и государственности на островах Океании, проблемы просвещения, деятельность миссионеров.

Если в 1971 г. «Дмитрий Менделеев» посетил как молодые независимые государства этого региона, так и островные территории, которые

¹ См. Д. Д. Тумаркин. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») — «Сов. этнография», 1972, № 2.

² «На Берегу Маклая (этнографические очерки)». М., 1975.

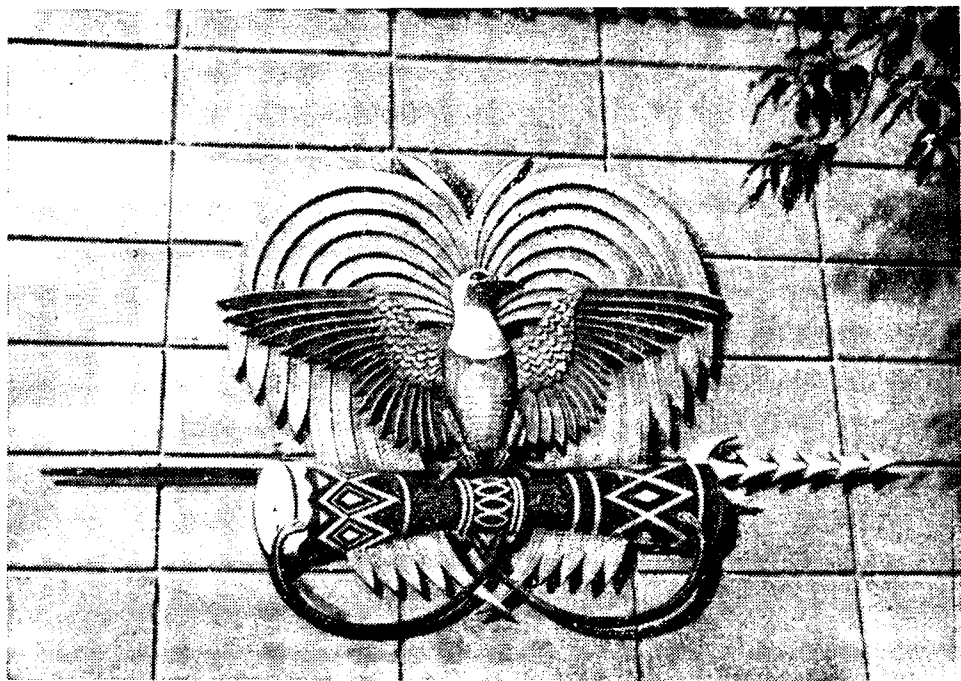

Рис. 1. Государственный герб Папуа Новой Гвинеи. Райская птица символизирует страну, традиционный барабан в ее когтях — стремление сохранить самобытную культуру, а копьё — готовность защищать недавно обретенную независимость

находились под управлением колониальных держав, то в 1977 г. вся работа береговых отрядов экспедиции велась на островах, входящих в состав трех освободившихся стран — Папуа Новой Гвинеи, Тонга и Фиджи. Наше судно заходило также в Сингапур и австралийский порт Брисбен.

Наиболее интересные научные наблюдения были сделаны в Папуа Новой Гвинее (ПНГ). Это государство, достигшее независимости в сентябре 1975 г., занимает восточную часть огромного острова Новая Гвинея и прилегающие острова. ПНГ — одна из наименее развитых стран мира. Социальная архаика усугубляется здесь необычайной этнолингвистической дробностью. В стране с трехмиллионным населением насчитывается около 700 языков³. Не случайно ПНГ превратилась в своего рода Мекку для лингвистов и этнографов.

В водах ПНГ «Дмитрий Менделеев» работал почти полтора месяца. За это время мы побывали в ее столице, Порт-Морсби, портовых городах Маданг и Лаэ, высаживались на Тробрианских островах, Новой Ирландии, Лавонгаи (Новом Ганновере), Капатирунге (Каботтероне), островах Сент-Эндрю и Хермит. И, конечно, этнографический отряд воспользовался возможностью снова посетить новогвинейскую деревню Бонгу, увековеченную в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая.

В ПНГ нам прежде всего бросилась в глаза значительно возросшая подвижность коренного населения. Даже на самых маленьких островах мы встречали выходцев из других районов страны. Особенно пестрая этническая картина наблюдается в портовых городах, а также на крупных плантациях, где бок о бок трудятся представители самых различ-

³ См. С. А. Вурм. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе. — «Сов. этнография», 1977, № 1.

ных этнических групп. Усилившиеся внутренние миграции способствуют преодолению племенной замкнутости, постепенному осознанию жителями ПНГ их принадлежности к единой этно-политической общности.

Другая характерная черта современной обстановки в ПНГ — огромная, неуклонно возрастающая роль пиджина (*писин*), или, как его все чаще называют, неомеланезийского языка ⁴. Возникший в конце XIX века на плантациях, принадлежащих европейским колонизаторам, как язык общения местных рабочих с белыми хозяевами, пиджин приобрел теперь совсем иные социальные функции и стал средством межэтнического общения, *lingua franca*, на большей части территории ПНГ. Местные жители неоднократно говорили нам, что считают этот язык «своим» в отличие от английского. А в Бонгу мы даже записали любопытную легенду о происхождении пиджина, согласно которой в далекие времена этот язык принесли на Новую Гвинею культурные герои Килибоб и Мануп. На пиджине говорят как в деревнях, так и в городах, широко используют его в советах местного управления и в парламенте. На нем ведутся радиопередачи, выходят газеты и журналы. Появились писатели и поэты, пишущие на этом языке. Не подлежит сомнению, что повсеместное распространение пиджина, как и возросшая подвижность населения, будут способствовать межэтническим интеграционным процессам в ПНГ. Вместе с тем очевидно, что знание пиджина становится все более необходимым этнографам, ведущим полевые исследования в этой стране.

Еще сравнительно недавно почти все коренное население ПНГ было неграмотным ⁵. Тем отраднее было наблюдать значительные сдвиги в области просвещения, связанные с созданием в стране сети начальных школ, постепенным расширением среднего образования и открытием в Порт-Морсби Университета ПНГ, в Лаэ — Технологического университета, а в Горока — Педагогического института. Мы имели немало интересных встреч с представителями молодой местной интеллигенции, главным образом с учителями и государственными служащими. В специфических условиях ПНГ важную просветительную роль играют передачи местных радиостанций. Как убедились члены этнографического отряда, транзисторные радиоприемники довольно широко вошли в быт не только городского, но и сельского населения страны.

Разумеется, новое в жизни населения ПНГ причудливо переплетается со старым, традиционным. Это проявляется и в материальной культуре, и в социально-экономической сфере, и в сфере сознания. Контрасты тут порой очень велики. Так, портативные радиопереговорные устройства, появившиеся на некоторых маленьких островах, уживаются с традиционными сигнальными раковинами, а современные методы медицинской помощи нередко рассматриваются как дополнение к магическим приемам врачевания. Вспоминается, что жители деревни Нуслик на острове Лавонгаи, жестоко страдающие от малярии, просили нас дать им лекарство от этой болезни. Но одновременно они утверждали, что малярия насылается колдунами или духами предков, а потому при ее лечении нельзя обойтись без магических ритуалов. Такая раздвоенность обыденного сознания характерна не только для сельского населения страны. В Порт-Морсби один из видных правительственных

⁴ Новогвинейский пиджин сложился преимущественно на основе английской лексики (подчас сильно искаженной) и некоторых элементов обобщенной меланезийской грамматики. Много слов вошло в него также из куануа (о-в Новая Британия), немецкого, малайского и ряда других языков. См. о нем подробнее: F. Mihalić. The Jacaranda dictionary and grammar of Melanesian Pidgin. Hong Kong, 1971; D. C. Laycock. Materials in New Guinea Pidgin (Coasts and Lowlands), Canberra, 1970; S. A. Wurm. New Guinea Highlands Pidgin. Canberra, 1975.

⁵ Д. Д. Тумаркин. Просвещение в Папуа Новой Гвинее. — «Сов. этнография», 1969, № 6, с. 67—70.

Рис. 2. Деревня Омаракана. Тробрианские острова

Рис. 3. Заготовка копры. Остров Капатирунг

чиновников, получивший университетское образование в Австралии, рассказал нам, что когда умер его отец, он пригласил колдуна, чтобы выяснить, не была ли смерть родителя вызвана вредоносной магией.

В ПНГ, как и в других посещенных экспедицией странах Океании, мы наблюдали закат классического миссионерства. На смену христианским миссиям пришли формально независимые церкви, подавляющее

большинство священнослужителей в которых — местные жители. Но европейские, американские и австралийские религиозные организации все же сохранили в этом регионе влиятельные позиции: они предоставляют финансовую помощь местным церквям, снабжают их религиозной литературой, посылают преподавателей в духовные семинарии, существующие на островах. НеокOLONиализм — отнюдь не отвлеченное понятие в Океании и в религиозной сфере.

ПНГ, как и многие другие недавно освободившиеся государства, стоит перед необходимостью выбора пути своего дальнейшего развития: традиционные общинные структуры распадаются или перерождаются и все более остро встает вопрос, что придет им на смену — частные хозяйства фермерского типа или коллективные методы ведения сельского хозяйства, прежде всего кооперация⁶. Характерная особенность обстановки в ПНГ — постепенный уход из страны белых плантаторов, начавшийся еще накануне предоставления ПНГ независимости⁷. Власти выкупают у покидающих страну иностранцев плантации и передают их местным жителям, а те в рассрочку возмещают произведенные правительством затраты. Иногда такие плантации переходят в собственность производственных кооперативов. Нам удалось ознакомиться с первыми шагами кооператива, созданного на бывшей австралийской плантации на островах Хермит. Но чаще плантации передаются кланам, в прошлом владевшим этой землей, и делятся на семейные наделы. Именно это мы наблюдали на острове Капатирунг. А вблизи Бонгу большей частью плантации, выкупленной у австралийской компании, фактически овладел один из жителей этой деревни, превратившийся в преуспевающего предпринимателя.

Важнейшим этапом работ этнографического отряда была высадка в деревне Бонгу. Поэтому целесообразно рассказать о ней несколько подробнее.

Уникальность этой деревни заключается в том, что здесь история как бы поставила своего рода эксперимент, позволяющий сделать хронологический разрез глубиной более чем в столетие: в 1871—1872, 1876—1877 и 1883 гг. в Бонгу проводил исследования Н. Н. Миклухо-Маклай, оставивший интересное и подробное описание многих сторон культуры и быта местного населения; в 1971 г. Бонгу посетил этнографический отряд, участвовавший в 6-м рейсе «Дмитрия Менделеева». Нам предстояло продолжить эти исследования и выявить перемены, происшедшие в Бонгу за последние шесть лет.

Бонгуанцы приняли нас, как старых друзей, называли своими братьями («абатра») и всячески старались помочь нашей работе. Мы подарили им нашу книгу «На Берегу Маклая» и более 100 фотографий, сделанных в 1971 г., что доставило большую радость жителям деревни.

Если в 1971 г. этнографический отряд жил на окраине Бонгу в «доме для гостей», где останавливались австралийские чиновники, то на сей раз нас разместили в недостроенной хижине в центре деревни. Часть стен у этой хижины отсутствовала, и мы жили в ней как на сцене, на виду у бонгуанцев. Гостевой дом, как символ колониального режима, больше не существует.

Уже в первый день мы заметили и другие перемены, связанные с предоставлением ПНГ государственной независимости. Так, днем (это было воскресенье) на деревенской площади состоялось собрание жителей нескольких деревень, на котором обсуждались местные дела и предстоящие выборы в парламент ПНГ.

⁶ И. Л. Андреев, Д. Д. Тумаркин. Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании. — «Сов. этнография», 1976, № 3.

⁷ А. М. McGregor. Langandrowa and M'bu'ke corporate indigenous plantations. Canberra, 1971, p. XIII.

Рис. 4. «Резиденция» этнографического отряда в Бонгу

Как и в 1971 г., по вечерам в нашей хижине собирались наиболее уважаемые бонгуанцы и за общей трапезой завязывались интересные беседы. И тут мы сразу заметили перемены. Шесть лет назад бонгуанцы держались довольно скованно, отвечали на наши расспросы, но сами вопросы задавать не решались и откровенно побаивались сопровождавшего нас австралийского колониального чиновника, который разговаривал с ними в покровительственно-снисходительном тоне. Теперь же бонгуанцы держались гораздо свободнее, охотно высказывались на самые различные темы и задавали нам много вопросов. Они с уважением относились к сопровождавшему нас чиновнику-новогвинейцу Джоэ Сомаз, но, по-видимому, считали его «своим». Староста деревни Сали сказал нам: «Это хорошо, что люди из страны Маклая посещают Бонгу. Следовало бы поставить здесь более величественный памятник Маклаю, чем та небольшая плита, которую несколько лет назад установили ваши

люди. Ну а мы в свою очередь интересуемся страной Маклая. Пора жителям Бонгу посетить вашу страну»⁸.

Еще задолго до высадки были уточнены задачи каждого члена отряда и составлены вопросы по всем основным разделам нашей работы в Бонгу. Следует подчеркнуть, что наряду с традиционными для этнографов методами полевой работы здесь было решено использовать (насколько нам известно, впервые на Новой Гвинее) метод анкетирования, широко применяемый при этносоциологических исследованиях в СССР. Была специально разработана анкета-интервью (на английском языке), состоящая из 60 вопросов, призванных осветить демографический состав жителей деревни, уровень их образования, знание английского языка и пиджина, миграцию населения, ее причины и направленность, состав малых семей, круг брачных связей, имущественную дифференциацию в деревне, отношение родителей к получению образования их детьми, выбору ими профессии и т. д. Анкета была «адресована» главам малых семей, но поскольку они сообщали данные и о всех членах своей семьи, объем получаемой информации существенно увеличивался.

Анкетирование проводили три местных юноши, знающие как английский, так и бонгуанский язык, под руководством В. Н. Шамшурова. Было заполнено свыше 60 анкет, т. е. были охвачены примерно три четверти семей, что позволяет судить о деревне в целом. Не все вопросы анкеты оказались «работающими». Так, большинство опрошенных не знало своего возраста и возраста своих детей. Но в целом анкетирование прошло успешно и позволило за несколько дней получить массовые данные, характеризующие различные стороны жизни бонгуанцев.

Каковы же основные итоги работы этнографического отряда в Бонгу? Начнем с того, что удалось более подробно ознакомиться с сельским хозяйством бонгуанцев — методами разбивки плантаций и техникой обработки почвы, методами ирригации, соотношением традиционных и новых земледельческих орудий, сезонностью в выращивании и потреблении различных огородных культур. Получены интересные данные о земельных отношениях, в частности о том, что за замужними дочерьми сохраняются «огородные права» на землях клана их отца.

Значительное внимание было уделено современной материальной культуре бонгуанцев. Детальное обследование 10 жилых домов позволило выявить соотношение традиционных и новых предметов в быту жителей деревни. Как показали наблюдения, у бонгуанцев по сравнению с 1971 г. появилось больше покупных вещей — одежды, посуды и т. д. В быт широко вошли электрические фонарики. Если шесть лет назад в деревне имелся один радиоприемник (у старосты), то теперь их насчитывается более десятка. В то же время бонгуанцы продолжают широко применять традиционные деревянные и бамбуковые сосуды, глиняные горшки, циновки; дома сохранили прежнюю форму и возводятся только из местных материалов.

Получены новые, имеющие не только конкретно-историческое, но и в известной мере более широкое теоретическое значение данные о социальной структуре деревни — основных особенностях кланов (*вемуну*), их соотношении с малыми семьями и деревней в целом, о наличии субкланов, о динамике местной социальной структуры (превращении субкланов в самостоятельные кланы и поглощении вымирающих кланов более многочисленными). В то же время выявлены два издавна существующих клана (Кинальби и Балама), не зафиксированных ни Миклухо-Маклаем, ни этнографическим отрядом в 1971 г. Установлено, что во времена Миклухо-Маклая этнокультурная группа бонгу жила не в трех

⁸ В декабре 1970 г. в залив Астролябия на несколько часов зашло научно-исследовательское судно «Витязь» с геологической экспедицией на борту. Участники экспедиции установили на небольшом мысе в 1,5 км от Бонгу скромный обелиск в память о пребывании на этом берегу Н. Н. Миклухо-Маклая («Правда», 3 января 1971 г.).

Рис. 5. Главным сельскохозяйственным орудием бонгуанцев все еще остается деревянный кол

деревнях (Бонгу, Горенду, Гумбу), как считалось раньше, а в четырех. Четвертое небольшое селение, Со-Банглю, было расположено недалеко от Гумбу.

Значительный интерес представляют данные об архаических компонентах местной социальной структуры и связанных с ними обычаях. Научная фиксация этих элементов бонгуанского жизненного уклада особенно важна потому, что они исчезают или существенно деформируются в современных условиях. Удалось собрать материал о функциях мужских домов в прошлом и настоящем⁹, об особенностях обряда инициации, совершаемого и в наши дни, когда все бонгуанцы считаются христианами.

⁹ См. статью В. Н. Баилова «Мужские дома в Бонгу», публикуемую в этом номере журнала.

Изучение бонгуанской экономики выявило значительное углубление имущественной дифференциации в деревне по сравнению с 1971 г. В 1975 г. с помощью контролируемого властями Банка развития ПНГ бонгуанцы, как отмечалось выше, выкупили кокосовую плантацию Меламу. Формально она передана кланам, владевшим этой землей до ее захвата колонизаторами. Но фактически большинством растущих там кокосовых пальм овладел бывший деревенский староста Каму, который до этого в течение нескольких лет арендовал Меламу у австралийской компании. Так в Бонгу начала проявляться характерная для других районов Океании «пальмовая парцеллизация», когда возникает частная собственность на значительные массивы имеющих товарное значение плодовых деревьев при формальном сохранении коллективной собственности на землю. Теперь у семьи Каму более 900 кокосовых пальм, тогда как у большинства других семей их численность измеряется несколькими десятками, а у некоторых — единицами. Другой признак усилившейся имущественной дифференциации — появление у шести жителей деревни небольших стад крупного рогатого скота, приобретенных ими с помощью ссуд, предоставленных властями. В то же время общедеревенское стадо, существовавшее в 1971 г., ликвидировано. О частнособственнической ориентации многих жителей деревни свидетельствуют и данные анкеты. Отвечая на вопрос, как бы они поступили, если бы у них появилась крупная сумма денег, большинство опрошенных заявило о намерении завести собственный «бизнес» — открыть лавку, купить мотобот или грузовик и т. д. Как сказал нам нынешний староста Сали, если бы правительство предоставляло ссуды и техническую помощь для осуществления крупных общинных проектов, бонгуанцы пошли бы по этому пути. Но пока что власти ПНГ не только не предпринимают конкретных шагов в указанном направлении, а поощряют создание частных товарных хозяйств. Это стимулирует в Бонгу, как и в других новогвинейских деревнях, частнособственнические тенденции.

Программа работы отряда в Бонгу предусматривала также сбор фольклорных материалов. Удалось записать на магнитофонную ленту несколько традиционных песен и танцевальных мелодий, а также звучание большого щелевого барабана (*барум*), ручного барабана (*окам*) и флейты (*схюмбинг*). Эти записи представляют значительный интерес в связи с тем, что традиционные музыкальные инструменты и песенно-музыкальный фольклор бонгуанцев начинают сдавать свои позиции. Как отмечал Б. Н. Путилов, изучавший в 1971 г. данные аспекты культуры обитателей Бонгу, в эту деревню тогда еще не проник современный общеокеанийский песенно-музыкальный стиль, распространяемый по радио, а также молодежью, жившей в городах¹⁰. Теперь положение изменилось. Носителем новых веяний выступает местный самодельный молодежный ансамбль (три гитары, самодельный «ксилофон» из бамбуковых стволов и самодельный бас-резонатор). Эти юноши исполняют мелодии, услышанные по радио, причем иногда сами придумывают к ним незамысловатый песенный текст. Записано несколько мелодий в исполнении этого ансамбля.

Получены интересные данные о работе Совета местного управления залива Астролябия, расположенного в поселке Илек в 2 км от Бонгу, причем выявлены изменения в полномочиях и сфере деятельности Совета в связи с предоставлением стране независимости. Беседа с председателем Совета Гау Ябиле и секретарем Мэтью Сопла позволила выяснить подробности работы четырех постоянных комитетов Совета, практику созыва деревенских сходов, на которых предварительно обсуждаются вопросы, выносимые на заседания Совета. Получена копия

¹⁰ Б. Н. Путилов. В Бонгу звучат окамы. — «Сов. этнография», 1972, № 3, с. 152—153.

его бюджета на 1976—1977 финансовый год. Теперь при Совете имеются пункт первой медицинской помощи, почтовое отделение и опытно-показательная сельскохозяйственная станция.

В дни нашей высадки занятия в начальной школе, расположенной при лютеранской миссии близ Бонгу, не проводились, так как там случился пожар. Посещение этой школы позволило ознакомиться с бытом учащихся из других деревень, живущих в школьном интернате. Выяснилось, что миссионер-американец Дик Хютер вернулся в США и теперь миссией, перешедшей в ведение формально независимой Евангелическо-лютеранской церкви ПНГ, руководит местный пастор. Учитель Мупа Сунгили сообщил нам, что дети пока занимаются по тем учебникам, которые имелись в 1971 г., но в программу внесены некоторые изменения и изданы новые методические пособия для учителей. В первом классе обучение основам грамоты ведется на пиджине, одновременно начинается обучение английскому языку; во втором классе используются как пиджин, так и английский; с третьего класса все преподавание ведется на английском языке. Более подробные сведения об организации учебного процесса были получены при посещении И. М. Меликсетовой государственной начальной школы в деревне Мале (8 км от Бонгу), где обучение ведется по той же программе. Директор и учителя рассказали, что на школу, помимо ее непосредственных задач, возложена ликвидация неграмотности среди взрослого населения и распространение сельскохозяйственных знаний. В школе многое делается для вытеснения из сознания детей традиций этнотерриториальной обособленности и постепенного внедрения идеи «единства новогвинейской нации».

Почетной задачей этнографического отряда было выявление легенд и преданий о Миклухо-Маклае. Как известно, такая работа уже проводилась в 1971 г. На сей раз удалось зафиксировать четыре новых предания. На магнитофонную ленту записано также интервью с папуасом Джоном Боти, жителем деревни Богадым, который, не зная о пребывании в Бонгу советских ученых, пришел на предвыборное собрание с английским переводом новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая¹¹. Боти рассказал о своих впечатлениях от прочитанной книги и дал очень высокую оценку деятельности русского ученого-гуманиста на Новой Гвинее. Представляется весьма знаменательным, что эти дневники напечатаны в Маданге, всего в 30 км от Бонгу, причем все основные операции по изданию книги (набор, печать, корректура, брошюровочные работы и т. д.) были выполнены типографскими рабочими-новогвинейцами, а сама публикация была приурочена к провозглашению независимости ПНГ. Во время нашей работы в этой стране радиостанция Порт-Морсби транслировала серию передач, основанных на дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая.

По инициативе нашего отряда несколько групп бонгуанцев (мужчины, женщины, подростки) посетили «Дмитрий Менделеев». Гостям был показан снятый в 1971 г. кинофильм «К берегам далекой Океании», одна из частей которого рассказывает об их деревне.

В последний день пребывания этнографического отряда в Бонгу жители деревни устроили большой праздник (*сингсинг*) в честь нашей экспедиции. На праздник прибыли 103 человека с «Дмитрия Менделеева». Бонгуанцам было вручено много подарков.

Праздник начался с пантомимы, в основу которой было положено одно из преданий о Маклае, записанных нами накануне на магнитофонную ленту. В пантомиме изображалось первое появление Маклая в этих местах, его знакомство с жителем деревни Горенду Тойей, посещение русским ученым этой деревни. Далее рассказывалось о том, что

¹¹ «Mikloucho-Maclay: New Guinea diaries 1871—1883. Translated from the Russian with biographical comments by C. L. Sentinella». Madang, 1975.

Рис. 6. Традиционные танцы в Бонгу

островитяне по обычаю решили отдать чужеземцу в жены одну из местных девушек, но он отказался от этого предложения, и тогда жители заподозрили его в недобрых намерениях и сговорились его убить, когда он снова посетит Горенду. Маклай, придя в деревню, расстелил на земле циновку и улегся спать в окружении вооруженных людей. Увидев это, Тойя сказал односельчанам: «Смотрите, он не хочет сражаться, он вам доверяет. Не трогайте этого человека». И жители Горенду оставили Маклая в живых и подружились с ним.

Пantomиму по ходу действия комментировал на пиджине пастор Абудзь, а Д. Д. Тумаркин переводил его объяснения участникам экспедиции. Пантомима была очень выразительно исполнена группой бонгуанцев, причем роль Маклая играл молодой мужчина в шортах, белой рубашке и шляпе с узкими полями.

Затем гостям с «Дмитрия Менделеева» были показаны старинные танцы. Их участники надели традиционные наряды и украшения, натерли тела кокосовым маслом, а лица разрисовали черной и белой краской. В руках у большинства танцоров были окамы, с помощью которых они четко отбивали ритм. Танцы сопровождались пением. По сравнению с 1971 г. мы увидели ряд новых номеров, в том числе танец с участием нескольких женщин и сольный комический танец старика. Среди танцоров было несколько юношей и молодых мужчин — свидетельство того, что древнее танцевальное искусство бонгуанцев все еще передается из поколения в поколение.

По окончании праздника староста Сали обратился к гостям с небольшой речью. Он поблагодарил за подарки и за радушный прием на борту «Дмитрия Менделеева», сказал, что жители деревни были очень рады новой встрече с людьми из страны Маклая, и пригласил советских ученых снова посетить Бонгу.

Значительный интерес представило посещение полинезийского архипелага Тонга — бывшего британского протектората, ставшего в 1970 г. независимым государством. Формально это конституционная

Рис. 7. Приготовление кавы. Остров Номука

монархия, но король и тесно связанная с ним группа высшей знати фактически пользуются неограниченной властью.

Экономика Тонга базируется на тропическом земледелии, главным образом на экспорте копры и бананов. Океанские просторы, окружающие архипелаг, изобилуют рыбой, но из-за отсутствия современных рыболовных судов и холодильных установок эти рыбные богатства используются очень слабо и в страну ввозятся рыбные консервы. Уже несколько лет иностранные нефтяные компании ведут поиски нефти в тонганских прибрежных водах, но, по имеющимся сведениям, сколько-нибудь значительных запасов нефти пока не найдено.

Наш отряд высаживался на острове Тонгатапу, где находится столица королевства Нукуалофа, и на маленьком острове Номука. Нукуалофа — тихий, хорошо озелененный город с населением около 20 тысяч чел. В нем имеется лишь несколько современных многоэтажных зданий

Рис. 8. В ожидании кавы. Остров Номука

На набережной выделяются королевский дворец — большое деревянное здание в викторианском стиле, построенное в прошлом столетии, и новая гостиница, принадлежащая государству. Очень колоритен городской рынок, где наряду с продовольствием можно купить сувениры и произведения местного прикладного искусства. Искусно вырезанные деревянные скульптуры и другие резные изделия продают и на набережной возле гостиницы; здесь же работают изготавливающие их мастера.

Вместе с руководством экспедиции начальник этнографического отряда нанес визит королю Туафаахау Тупоу IV. Члены отряда посетили также государственную среднюю школу, фабрику по переработке кокосовых орехов, Статистическое управление, где мы были ознакомлены с предварительными результатами переписи 1976 г., и Тонганскую радиовещательную комиссию, где в обмен на записи русских народных

песен были получены магнитозаписи тонганского песенного фольклора. Наш отряд осмотрел древние мегалитические сооружения, расположенные в 16 км от столицы, совершил поездку по окрестным деревням. Эта поездка позволила получить некоторое представление о современной тонганской деревне, ее экономике. В ходе бесед было, в частности, выявлено фактическое сохранение в деревне феодальных повинностей¹².

Во время пребывания отряда на Номуке удалось собрать интересный материал о различных сторонах жизни обитателей этого острова — их хозяйстве, материальной культуре, религии, старинных обычаях. Этнографы наблюдали и засняли церемонию питья кавы. Были посещены государственная и церковная начальные школы, а также опытно-показательная сельскохозяйственная станция. Номуку и соседний островок Номуку-Ики по традиции принадлежат наследнику тонганского престола. Удалось выяснить особенности взаимоотношений местных жителей с этим членом королевской семьи.

Как показали беседы и непосредственные наблюдения, на Тонга ощущается значительная напряженность, связанная с сохранением абсолютной королевской власти и отсталой социально-экономической структуры. В деревнях растет число безземельных, тогда как большие земельные пространства, принадлежащие знати, используются слабо или вовсе не вовлечены в хозяйственный оборот. В Нукуалофе, где наблюдается наплыв мигрантов из сельских районов, множество безработных. Некоторую отдушину составляет эмиграция в Новую Зеландию, где в настоящее время проживает 11 тыс. тонганцев, или 1/5 всего населения Тонга.

Наибольшее недовольство наблюдается среди тонганской молодежи, получившей школьное образование. Эта молодежь обладает более широким кругозором и большей политической сознательностью, чем старшее поколение, нередко остающееся в плену традиционных представлений.

Подавляющее большинство тонганцев очень мало знает об СССР. Но среди них встречаются люди более осведомленные, симпатизирующие нашей стране. Так, торговец сувенирами на набережной Нукуалофы, узнав, что один из членов отряда родом из Ленинграда, сказал: «Как же, знаю, это город, где произошла революция».

В ходе экспедиции были установлены полезные контакты с рядом научных организаций и отдельными учеными, работающими в этом регионе. Остановимся лишь на некоторых из них, на наш взгляд, наиболее интересных.

В освободившихся странах Океании сложились два научно-культурных центра, влияние которых ощущается во всем тихоокеанском островном мире. Это Порт-Морсби и Сува — столицы ПНГ и Фиджи. В этих городах с конца 60-х годов открыты университеты, обслуживающие весь регион, функционируют музеи, исследовательские и культурные организации, выходит несколько научных, общественно-политических и литературно-художественных журналов. Здесь живут и работают многие выдающиеся представители молодой океанийской интеллигенции.

В Порт-Морсби мы посетили Институт по изучению Папуа Новой Гвинеи. Правительство поручило ему разработку проблем, связанных с сохранением и развитием культурного наследия народов ПНГ, координацию аналогичных исследований в масштабах всей страны, а также выработку практических рекомендаций по вопросам культурного строительства. Небольшой коллектив сотрудников Института (почти все — коренные жители) совместно с отдельными, временно прикомандированными к нему иностранными учеными, ведет большую полевую рабо-

¹² О сохранении феодальных порядков в тонганской деревне см. также: R. Crocombe. Land tenure in Tonga. Suva, 1975.

ту, организует дискуссии по актуальным вопросам культурной жизни, издает два журнала, «Gigibori. A Magazine of Papua New Guinea Cultures» и «Kovave. A Journal of New Guinea Literature», ежегодно публикует несколько книг и брошюр на английском языке, пиджине и языках народов ПНГ. Директор Института известный этнограф и искусствовед У. Байер до переезда в ПНГ многие годы работал в Нигерии. Подробно ознакомив нас с деятельностью этого научного учреждения, он высказался за развитие контактов с советскими этнографами.

Мы посетили также отдел социологии университета ПНГ. Значительная часть этнографической проблематики местными учеными включается в предметную область социологии, а потому разрабатывается и преподается в рамках этого отдела¹³. Его возглавляет молодая исследовательница Л. Мораута, специализирующаяся на изучении социально-этнических проблем в районе Маданга¹⁴. В наших беседах с нею участвовал также австралийский этнограф П. Лоуренс, автор известной книги о карго-культах на Берегу Маклая¹⁵; он находился в Порт-Морсби по пути в Маданг. Отдел издает информационный бюллетень «Research in Melanesia», который до 1975 г. выходил под названием «Man in New Guinea».

Л. Мораута организовала встречу нашей группы с преподавателями отдела социологии и экономики университета ПНГ, интересующимися развитием общественных наук в СССР. Нам было задано много вопросов о теоретических основах, проблематике и исследовательских методах советской этнографической науки, ее соотношении с социологией. Наши собеседников интересовали также национальная политика Советского государства, проблемы развития культуры в прошлом отсталых малых народов СССР. Два молодых сотрудника, А. Амарши и Р. Гордон, сказали нам, что стремятся применять марксистскую методологию в своей исследовательской и преподавательской работе.

Большое впечатление произвела на нас Национальная школа искусств в Порт-Морсби, которая готовит художников, скульпторов, мастеров прикладного искусства, а также артистов, которые составляют ядро труппы первого театра страны. В школе имеются хорошо оборудованные классы и мастерские. Здесь живут и учатся 60 художественно одаренных юношей и девушек, собранных со всех уголков страны. Преподаватели — европейцы и австралийцы — сказали нам, что стараются обучить своих питомцев «секретам ремесла», не изменяя их самобытного мироощущения и художественных традиций. Разумеется, можно спорить о том, насколько совместимы эти две цели. Но картины и гравюры, которые мы увидели в выставочном зале школы, по своим сюжетам, символике и манере исполнения действительно напоминают произведения традиционного искусства народов ПНГ. Среди воспитанников школы особенно выделяется талантливый художник и поэт Д. Ласиси. По нашему приглашению он посетил «Дмитрий Менделеев» и подробно рассказал о своем творчестве. Ласиси подарил нам несколько своих гравюр и иллюстрированный каталог выставки своих произведений, включающий также несколько написанных им стихотворений¹⁶.

¹³ В руководящих кругах ПНГ и других независимых государств Океании с недоверием, а порой и враждебно относятся к этнографии и антропологии, ибо здесь распространено мнение, будто эти науки занимаются изучением лишь примитивных народов. Отрицательное отношение к этим научным дисциплинам связано также с тем, что многие западные этнографы и антропологи в прошлом активно сотрудничали с колониальными властями.

¹⁴ L. Morauta. The politics of Cargo cults in the Madang area.— «Man», v. 7, № 3, 1972; *ее же*. Traditional polity in Madang.— «Oceania», v. 44, № 2, 1973; *ее же*. Beyond the village. Local politics in Madang, Papua New Guinea. Canberra, 1974.

¹⁵ P. Lawrence. Road belong Cargo. A study of the Cargo movement in the Southern Madang District, New Guinea. Melbourne, 1964.

¹⁶ D. Lasisi. Searchlight. Boroko, s. a.

Рис. 9. Типографские рабочие-папуасы, участвовавшие в издании английского перевода новогвинейских дневников Н. Н. Миклухо-Маклая. Маданг

Довольно значительная группа ученых-гуманитариев работает в Суве. Этносоциологическая проблематика разрабатывается здесь в Институте тихоокеанских исследований, созданном в 1974 г. при Южно-тихоокеанском университете. Институт возглавляет известный социолог и этнограф Р. Крокомб, уже многие годы поддерживающий научные контакты с советскими этнографами-океанистами. В 1973 г. он посетил нашу страну в качестве гостя Академии наук СССР.

Как рассказал нам Р. Крокомб, большинство сотрудников Института — фиджийцы, тонганцы и другие океанийцы; работают в нем и индийцы¹⁷. В центре научных интересов этого коллектива — социальные и культурные изменения на островах Океании, особенно эволюция аграрных структур, а также проблемы развития культуры малых народов региона и национальных меньшинств. Ежегодно публикуется несколько книг и брошюр на английском языке. С Институтом тесно связаны университетская Школа социального и культурного развития, издающая «Journal of Pacific Studies», и Южнотихоокеанская ассоциация общественных наук, выпускающая журнал «Pacific Perspective».

Вспоминается также посещение Музея Квинсленда в Брисбене. В 1880 г. в этом музее изучал анатомические коллекции Н. Н. Миклухо-Маклай. Благодаря любезности директора музея А. Бартоломай и куратора отдела антропологии и археологии М. Куннелла мы получили возможность не только осмотреть очень интересную экспозицию, рассказывающую о коренном населении Океании и аборигенах Австралии, но и побывать в помещениях фондов, где хранится около 30 тысяч предметов, характеризующих традиционную культуру народов Австрало-Океанийского региона. Особенно богато представлены в фондах Новая Гвинея и некоторые другие острова Меланезии и, конечно, сам Квинсленд. М. Куннелл обещал написать обзорную статью об океанийских

¹⁷ Индийцы, завезенные на Фиджи в прошлом столетии для работы на сахарных плантациях, в настоящее время составляют половину 600-тысячного населения этой страны.

Рис. 10. Ритуальная деревянная скульптура (округ Сепик, PNG), приобретенная для Музея антропологии и этнографии АН СССР

этнографических коллекциях музея для журнала «Советская этнография».

Научным организациям и отдельным ученым мы передали 120 книг и журналов по этнографии и другим общественным наукам, изданных в СССР. Среди них книга Ю. В. Бромлея «Советская этнография: основные направления»¹⁸, ряд тематических сборников, изданных на английском языке Главной редакцией «Общественные науки и современность» АН СССР, комплекты журнала «Social Sciences», выпускаемого той же редакцией, и ежегодника Института этнографии АН СССР «Расы и народы», а также труды сотрудников этого Института, снабженные иностранными резюме, и доклады этнографов на международных конгрессах, изданные в виде брошюр на английском языке. Взамен мы получили научные публикации, отсутствующие в нашей стране.

Следует подчеркнуть, что советские научные издания были повсеместно встречены с огромным интересом. Это еще раз напоминает о необходимости дальнейшего расширения переводов работ советских этнографов на иностранные языки (главным образом на английский). Очень важно также снабжать все книги, издаваемые на русском языке, иностранными резюме, чтобы в какой-то мере преодолеть языковой барьер и привлечь к этим работам внимание зарубежных читателей.

¹⁸ Yu. V. Bromley. Soviet ethnography: main trends. Moscow, 1976.

Одной из задач этнографического отряда было приобретение экспонатов для Музея антропологии и этнографии АН СССР. В результате нашей экспедиции его океанийские коллекции пополнились 48 предметами, в большинстве своем образцами ритуальной деревянной скульптуры народов PNG. Предполагается организовать в музее временную выставку, на которой будут представлены экспонаты, привезенные участниками двух экспедиций на «Дмитрии Менделееве».

Можно смело утверждать, что участие этнографов в 18-м рейсе «Дмитрия Менделеева» дало немалые результаты. Собранные материалы будут положены в основу нескольких научных публикаций, в том числе сборника «Деревня Бонгу сегодня». В ближайшее время начнется работа над двумя цветными документальными этнографическими фильмами об островах Океании, на которых побывала экспедиция.

Итоги 18-го рейса «Дмитрия Менделеева», как и результаты во многом аналогичного ему 6-го рейса, свидетельствуют о целесообразности и перспективности комплексных морских научных экспедиций в Океанию с участием этнографов. Такие рейсы необходимо устраивать и в будущем. Вместе с тем можно и нужно добиваться дальнейшего повышения их эффективности.

В докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев отметил, что «новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных»¹⁹. По-видимому, настало время переходить от сотрудничества ученых-естественников и обществоведов в отдельных морских экспедициях к совместной разработке и осуществлению долговременных научных программ — таких, как комплексное изучение природы и населения коралловых островов или исследование экологических проблем Океании.

¹⁹ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 87.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. Н. Басилов

МУЖСКИЕ ДОМА В БОНГУ

Утром 13 февраля 1977 г. научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев», совершавшее свой 18-й рейс, бросило якорь у Берега Маклая, напротив деревни Бонгу. Через час мы выгружали из лодки вещи на том же самом месте, где высаживались шесть лет назад¹. Как и тогда, песчаный пляж был полон людей. Нас помнили, и мы узнавали многих: Макинг, Амбасуи, Таног... После первых рукопожатий и улыбок настала пора выяснить, где же будет жить в течение пяти дней наш отряд. Хижина для приезжих, в которой мы располагались в 1971 г., была снесена, от нее осталась лишь ровная площадка, поросшая высокой травой. Нас повели в деревню и показали недостроенный дом. Огромная новая крыша, пол на сваях и целых три стены в углу, образовавших комнату, — этого было вполне достаточно для временного жилья.

Более подробные переговоры с деревенскими властями пришлось отложить. Удары в металлическое било оповестили о том, что приближился час церковной службы. Жителям полагалось готовиться к богослужению, чтобы явиться в храм в чистых одеждах. Впрочем, в церковь спешили не все, двое молодых людей — Тойя из клана Курендук² и Губай из клана Булиру — отправились на рыбную ловлю. Я был приглашен и после недолгих размышлений (не остаться ли на богослужение?) сел в каноэ. Мы добрались до плантации Меламу, расположенной примерно в полутора километрах от деревни, и здесь увидели и других людей, не пошедших в церковь. Около мыса медленно передвигались несколько лодок с рыбаками; на веранде одинокой хижины, стоявшей среди кокосовых пальм на берегу, сидел мужчина со своей семьей. «Здесь живет Туру из клана Банглю, мой кузен», — сказал Тойя на пиджине. Я понимал его, так как, готовясь к экспедиции, учил этот язык.

Рыбная ловля оказалась неудачной. Случалось, что Тойя видел рыбу. Он стоял на носу каноэ и легкими движениями ладони левой руки, отведенной назад, показывал Губаю, куда направить лодку. В правой руке он держал наготове острогу с несколькими наконечниками, укрепленными пучком. Несколько раз Тойя метал острогу метров на пять-шесть от лодки. Вынырнув из воды, острога принимала вертикальное положение, погрузившись в воду примерно на половину длины древка. Тойя вытаскивал ее, но всякий раз без рыбы. «Прилив, мутная вода», — пояснил он, и мы вернулись в деревню.

Здесь царил необычная тишина. Служба закончилась. На краю главной площади, в тени дерева сидели кругом мужчины. Группы муж-

¹ О работе советских этнографов в деревне Бонгу в 1971 г. см.: «На Берегу Маклая». М., 1975.

² Так сам Тойя и часть жителей деревни произносят и пишут название клана Горенду (Куренду).

Рис. 1. Собрание в Бонгу

чин расположились и у ближних домов, вне круга. Все внимательно слушали оратора, который расхаживал под деревом и доказывал аудитории, что налог высок, а деньги можно было бы потратить на собственные нужды каждой деревни. Он говорил сдержанно и мрачно, время от времени энергичным жестом выбрасывая перед собой руку. «Мистер чейрмэн»³, — обратился к председателю другой мужчина, когда выступавший закончил речь. Председатель кивнул, и новый оратор вошел в круг.

В этот воскресный день в Бонгу происходило совещание представителей всех деревень округа. Обсуждался ряд важных вопросов. Часа в четыре пополудни был сделан перерыв, юноши Бонгу принесли гостям кушанья в больших эмалированных тазах. После обеда мужчины вновь расселись по своим местам, собрание продолжалось до самой темноты.

Только поздно вечером, когда староста Сали и другие влиятельные люди деревни посетили нашу хижину, мы смогли, наконец, за общим ужином начать разговор о своей работе. У нас мало времени. Нам нужны сопровождающие — молодые люди, знающие английский язык. Не назовет ли староста юношей, которые могли бы на три-четыре дня оставить свои дела, чтобы помочь этнографам? Естественно, что их помощь не будет безвозмездной. Наши гости посоветовались между собой и пришли к заключению, что к каждому этнографу надо прикрепить и старика, так как молодые люди недостаточно хорошо знают обычаи. Впрочем, эта идея отпала, когда оказалось, что все старики заняты работой. Пришлось вернуться к нашему предложению. Пусть будут только юноши, со стариками можно поговорить и в вечерние часы. Утром следующего дня староста явился к нашей хижине в сопровождении молодых людей. Мне достался коренастый невысокий парень со стебельком травы в коротких волосах, Мада из клана Булиру, и я поспешил увести его от скопления народа.

Мы пришли к небольшой свайной постройке. Ступив вслед за Мадой на пень кокосовой пальмы, заменяющий лесенку, я очутился в тени ве-

³ Английск. «chairman» — председатель.

ранды. «Здесь живу я вместе с двумя неженатыми молодыми людьми», — сказал Мада. Мужской дом? Я спросил, как называется эта хижина на языке бонгу. «Боджью»⁴, — ответил Мада. Да, это был мужской дом клана Булиру. Из трех комнат, отделенных друг от друга легкими перегородками высотой чуть больше человеческого роста, обитаемый вид имела только одна, обставленная крайне скромно: два деревянных топчана и циновка для спанья на полу. На одном из топчанов и на циновке лежали в головах по рубашке, на другом топчане — широкое полотенце; больше в хижине ничего не было.

Изучение пережиточных форм древнего обычая устраивать для мужчин особые дома, игравшие важную роль в общественной жизни деревни, входило в мою задачу. Но прежде всего следовало поближе познакомиться с Мадой, от которого во многом зависела моя работа в Бонгу в эти дни. Я стал расспрашивать его.

Мада не женат, несмотря на свои 25 лет. Он окончил шесть классов начальной школы. Его отец умер в 1962 г., мать — в прошлом году. У него есть брат и четыре сестры. Они уже обзавелись семьями, за исключением сестры Колау, которая не замужем, хотя у нее три дочери. Это грустная история. После смерти отца за девушкой трудно было уследить. К ней приходил один женатый мужчина, который будто бы собирался жениться на ней, но потом оставил ее и вернулся к своей жене. Сейчас он не живет в Бонгу. К Колау приходили и другие мужчины. Это не в обычае предков, это началось совсем недавно. В старые времена мужчину, который обесчестил девушку, следовало убить, лучше всего с помощью колдовства. Если мстители не владели искусством черной магии, то брались за копье. Можно было убить и не самого обидчика, а его близкую родственницу такого же возраста, как девушка, которую он сделал матерью. «Мы должны отплатить, сделать им то же, что они сделали нам, — таков закон предков. В прежние времена убивали и ребенка, рожденного вне брака. Говорили: у него нет отца. Раньше всем распоряжался старейшина, глава клана, *gate ani*. В его действия никто не мог вмешиваться». Мада был убежден, что каждый клан, *вемуну*⁵, совершенно самостоятельно решал свои собственные дела. Но это было в старину. «Сейчас многое изменилось», — заключил Мада. Эту фразу он не раз повторял потом во время наших бесед. Мада помогает Колау. Он делает мужские работы при расчистке огорода, дает ей деньги на одежду, приносит пойманную рыбу.

«Когда я был мальчиком, за мной присматривали мужчины из моего клана — мои *абатра*⁶, — рассказывал Мада. — Сейчас я уже мужчина и могу сам зарабатывать на жизнь. Время от времени я помогаю односельчанам заготавливать копру и продавать ее в Маданге». Работа по производству копры тяжела, поэтому лучше объединять усилия. При сравнительно небольшом количестве орехов можно работать вдвоем, но при солидных масштабах заготовки трудятся вместе 5—6 человек. У Мады есть свой огород, женские работы в нем берут на себя его сестра и жена брата. Но кокосовых пальм у Мады нет. «Потому что нет подходящей почвы в пределах земли, принадлежа-

⁴ В словаре А. Ханке местное название мужского дома дано в форме *bōdō*; вертикальная линия в букве *d* дополнена наверху значком, поясняющим, что буква читается как *dj*; черточка над *o* обозначает долгий звук (А. Hanke. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. Berlin, 1909, S. 3—5, 10, 11). Современные жители Бонгу пишут *bozo*. Буква *z* обычно передает звук *джь*, и в русской транскрипции наиболее точным будет написание «боджью».

⁵ В 1971 г. термин, обозначающий клан, был зафиксирован в форме *вемун*. Однако бонгуанцы произносят и пишут это слово как *wētuni* (Мада придерживается написания *wētuni*).

⁶ *Абатра* (бонг.) — мн. ч. от *аба*, в устах мужчины — «брат», родственник по вемуну. Круг лиц, обозначаемых этим термином, еще предстоит установить. Термин используется и в расширительном значении (друг). Для женщин *аба* — «сестра». Ср.: А. Hanke. Указ. раб., с. 119; «На Берегу Маклая», с. 187, 192, 194, 303.

щей моему вемуну. У нас вокруг Бонгу вся земля поделена между разными вемуну», — объяснял Мада. Да, мы это знали. И уже в первый день, сидя в каноэ, я услышал от Тойи, что выкупленная свыше года назад у австралийских хозяев плантация Меламу поделена между кланами, которым она некогда принадлежала, — между вемуну Гумбу, Со и Банглю⁷, Курендук, Гондзиру⁸. «На земле нашего вемуну есть свободные участки, — продолжал Мада, — но там почва нехороша. Если бы я нашел подходящий участок, то посадил бы рощу кокосов для своей будущей семьи. Я могу, конечно, пойти к родственникам моей матери и попросить, чтобы они выделили мне землю. За это придется дать столько свиней, сколько они запросят, таков обычай предков».

Рассказ Мады свидетельствовал о том, что клан, вемуну, не утратил еще своего значения в общественной жизни деревни. Он оставался собственником земли; родственные связи предписывали взаимопомощь. Так, Мада считал, что при заготовке копры следует в первую очередь помогать людям из своего вемуну, иначе они могут обидеться: сын брата помогает не своему, а человеку из другого клана. «Если я поймаю много рыбы, то раздаю ее и всем абатра из моего вемуну. А когда я убиваю на охоте копьем кабана, то мясо распределяется старейшиной вемуну между семьями клана. Я не разделяю тушу сам, это делают абатра, которые старше меня. Ведь я убил дикую свинью для своего вемуну». Клан регулирует брачные связи: нельзя жениться на девушке из своего вемуну. Наконец, с делением на кланы связаны сохраняющиеся по сей день мужские дома. По обычаю, каждому клану положено иметь свой мужской дом. Постройка боджьюу — дело всего вемуну. Так, мужской дом вемуну Булиру уже обветшал, хотя ему всего три года. В углу жилой комнаты низкие плетеные стены разошлись, образовав большую зияющую пустотой щель. «Наш вемуну хочет построить новый боджьюу, — сказал Мада. — Когда мы примемся за работу, все абатра, мужчины нашего вемуну, будут помогать мне».

* * *

Мужские дома Бонгу и соседних деревень привлекли внимание Н. Н. Миклухо-Маклая своей необычной архитектурой и убранством; он много раз упоминает о них в дневниках. Это были сараеобразные жилины, превосходящие своими размерами другие дома. Они обыкновенно не имели торцовых стен, в ряде случаев — и боковых; главную часть этих зданий составляла высокая крыша, лежавшая на столбах и доходившая почти до земли. В мужских домах папуасы держали музыкальные инструменты, посуду, предназначенную для общественных праздников, оружие. Здесь же стояли и деревянные человекоподобные фигуры⁹. Уникальные материалы Н. Н. Миклухо-Маклая касаются преимущественно внешней стороны архаического обычая; ученый подробно описал постройки и хранившиеся в них предметы, но лишь вскользь коснулся вопроса о социальных функциях мужских домов. Другие исследователи (О. Финш, Б. Хаген, Л. Биро, А. Ханке), посещавшие Бонгу и окрестные деревни в конце XIX — начале XX в., не оставили сообщений, которые могли бы существенно дополнить

⁷ Со и Банглю — два разных вемуну, но они издавна жили рядом, и о них нередко говорят как об одной группе Со-Банглю.

⁸ Тойя с гордостью подчеркнул, что мемориальная плита в честь Маклая (установленная в 1970 г. советскими моряками и учеными, прибывшими на судне «Витязь») находится на земле клана Курендук и что именно мужчины вемуну Курендук очищают площадку вокруг плиты от кустарника, скашивают высокую траву. Некоторые информаторы утверждали, что Гондзиру — часть клана Курендук.

⁹ См. Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. I. М. — Л., 1950, с. 162—164; см. также с. 166, 169—170, 227, 237, 254—255, 259—262 и др.

материалы Н. Н. Миклухо-Маклая. Весьма скудные данные были получены и в 1971 г., ибо за короткий срок этнографическому отряду надлежало провести работу по обширной программе. Попытка обобщить имеющиеся сведения особенно ясно показала, как мало пока известно о роли мужских домов в жизни бонгуанцев в прошлом и в настоящее время. В частности, не было понятно даже, кто жил в мужском доме во времена Маклая — женатые мужчины или подростки. Естественно, что я спросил у Мады, кому же полагалось в старину жить в боджьюу.

Вопрос нисколько не затрудил молодого человека. В мужском доме жили, сказал он, женатые мужчины клана и юноши, получившие посвящение. Подростки, не прошедшие обряд обрезания, жили вместе со своими матерями в «семейной» хижине (*талъ*); им, как и женщинам, доступ в мужской дом был запрещен. Женатые мужчины не обязаны были ночевать в боджьюу постоянно. Они проводили ночи и в домах своих жен. По словам Мады, мужчина мог жить в хижине жены много месяцев; бывало, что он возвращался в боджьюу лишь после рождения ребенка. Нередко мужчина перемещался в боджьюу в дни месячных недомоганий жены, когда женщина имела право готовить пищу лишь для себя, но не для мужа и детей¹⁰.

Хозяином мужского дома был глава вемуну. Каждый мужчина из его клана должен был слушаться его распоряжений. Глава клана также время от времени ночевал в доме жены. Он заранее извещал мужчин, что идет к жене, и другой старейшина занимал его место до тех пор, пока предводитель клана не возвращался в боджьюу.

Как и другие мужчины, глава вемуну выполнял на своем семейном огороде мужские работы. Овощи в мужской дом поступали с семейных огородов (юношам, не успевшим жениться, давали плоды и корни их родители), но готовилась пища самими мужчинами только в боджьюу. В те дни, когда мужчина жил в доме жены, он ел вместе с ней, наслаждаясь кулинарным искусством супруги.

Этот рассказ развязывал одно кажущееся противоречие в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая. В одном месте мы читаем, что мужчины никогда не едят вместе со своими женами, но на другой странице описан порядок распределения пищи: сначала муж достает из горшка лучший кусок гостю, потом себе и лишь затем оделяет жену и детей¹¹. Очевидно, ученый видел в первом случае трапезу мужчин в боджьюу, во втором — прием гостя в те дни, когда муж на время перебрался в хижину жены.

Из слов Мады явствовало также, что главе вемуну принадлежала ведущая роль в религиозно-магической практике клана. Предводитель вемуну был искусен в колдовстве. Существовало колдовство разных видов: одно вело к смерти человека, посредством другого достигался хороший лов рыбы, особыми ритуалами обеспечивалась удачная охота на диких свиней. В тот день, когда мужчина возвращался из дома своей жены в боджьюу, он не садился близко к главе вемуну, потому что колдовская сила, которой обладал старейшина, могла, по поверьям, сразу же убить его жену.

Я не позволил себе целиком довериться рассказам молодого человека, поскольку речь шла об обычаях, имевших силу век назад. Темным вечером под мелким дождем мы подошли к дому Танога, одного из старейших жителей деревни; Мада вполголоса позвал старика. В хижине не было света, но Таног, лежавший на веранде, видимо, ждал нас, мы еще утром договорились о встрече. Он быстро поднялся

¹⁰ В Бонгу не было в обычае строить специальный дом (на пиджине *haus blut*), в который женщина удалялась на период «лунной болезни» (на пиджине *sik bilong tin*).

¹¹ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. III, ч. 1. М.—Л., 1951, с. 59—79. См. также т. I, с. 180.

с циновки, пригласил нас войти, открыл дверь в комнату и позвал жену. Появилась заспанная женщина с керосиновой лампой в руках. Таног улыбнулся, представляя ее:

— Ляпун мери ¹².

Жена молча опустила лампу на пол веранды и скрылась в комнате. Таног сидел на циновке, скрестив ноги, в одной набедренной повязке. Живые умные глаза старика смотрели доброжелательно и спокойно. Освещенные лампой совершенно седые его волосы сияли белизной на фоне темной стены.

— Мада, сколько Таногу лет?

Таног не знал. Мужчины Бонгу до сих пор не считают нужным запоминать число прожитых лет.

— Может быть, Таног видел Маклая? — пытаюсь я отыскать какие-то вехи в памяти старика. Нет, Маклая Таног не видел, но он помнит миссионера Анге, который перевел на язык бонгу религиозные тексты. Таног был среди первых учеников Анге. Ханке! Миссионер, автор обстоятельной книги о языке бонгу, жил близ деревни в 1896—1907 гг. Не только Таног помнил о нем. Кто-то показал мне в центре деревни заброшенный дом, принадлежавший Анге из вемуну Канилю, и объяснил, что недавно умерший односельчанин был назван в честь миссионера. Итак, Таногу вполне могло быть свыше восьмидесяти лет, хотя он и выглядел много моложе.

Таног подтвердил, что в боджью жили женатые мужчины и посвященные юноши ¹³. Так было еще в дни его юности, когда он получил посвящение и сам стал одним из обитателей мужского дома. Должен ли был мужчина спрашивать разрешения у главы вемуну, когда он отправлялся спать в дом своей жены? (Мада отослал глядевшего на нас мальчишка в дальний угол веранды, чтобы он не слышал, и перевел этот вопрос Таногу полупешотом.) Нет, мужчина не спрашивал председателя клана. Он сам хозяин своей жены, и никто не смел остановить его. Но в период войны для мужчин было лучше не посещать жен. Живя вместе с женой, мужчина не мог колдовать и становился легкой добычей для врага. Да и в мирные дни большую часть времени мужчины проводили в боджью. Правда, часть вещей, в частности оружие, мужчины обычно хранили в домах жен.

— Маклай нередко ночевал в мужских домах. Он писал, что спал там один. Как это могло случиться, если боджью был местом ночлега для мужчин?

— Глава вемуну не хотел беспокоить Маклая и предупредил своих людей. Одни отправились к своим женам, другие — на рыбную ловлю, третьи — в лес, охотиться с копьями на диких свиней ¹⁴.

— Маклай писал, что однажды ночью к нему в боджью вошла девушка. Женщинам посещать мужской дом запрещено. Почему же девушка осмелилась переступить порог боджью?

Этот эпизод бонгуанцы помнят хорошо и рассказывают в разных вариантах. По версии Танога, девушку послали в мужской дом люди Со-Банглю. Конечно, они нарушили обычай предков. Они сделали это только ради Маклая, который был человеком другого цвета кожи. Если бы в боджью ночевал гость из другой новогвинейской деревни, ему бы не стали предлагать девушку. Люди Со-Банглю очень рассердились, когда Маклай отказался от девушки. Они решили, что Маклай настроен к ним враждебно. Они задумали его убить и уже взяли в руки копыя, луки и стрелы, но тут появился Маклай. Увидев направ-

¹² Старуха-жена (пиджин).

¹³ Об этом же говорит, опираясь на материал, собранный в деревнях района Маданга, Луиза Мораута. См.: *L. Morauta. Beyond the village. Local politics in Madang, Papua New Guinea.* Canberra, 1974, p. 12.

¹⁴ Охотиться на кабанов без собак отправляются ночью.

ленное на него оружие, он снял с себя всю одежду и лег на циновку, показывая, что папуасы могут убить его. Люди не стали убивать безоружного Маклая; стало ясно, что он не желает им зла¹⁵.

Еще один вопрос. Л. Биро утверждал, что существовали особые дома для непосвященных юношей. Правда, уже А. Ханке назвал это утверждение ярким примером путаницы. Но, может быть, Таног слышал о каких-либо домах юношей?

— Мальчики жили в доме матери до 13—14 лет, пока они не подвергались обряду посвящения, — сказал Таног, прикуривая от головешки с тлеющим краем. — После обряда они переходили в боджоу. Это огромная ошибка — считать, что мальчики жили в отдельном доме.

Вопреки моим ожиданиям Таног очень скупко говорил о статуях (*сулум*), стоявших в мужских домах. «Наши предки молились изваяниям, как богам», — сказал он и, как истинный христианин, воспитанный в духе осуждения язычества, поспешил добавить, что на самом

деле сулумы не обладали никаким могуществом. Он проследил за тем, как Мада перевел его слова с бонгу на английский, возможно, допуская, что гость может поверить в силу деревянных фигур. Вместе с тем мне показалось, что старику не хотелось распространяться о заблуждениях дедов и прадедов. «Сулумы наблюдали только за едой», — уверил меня Таног. По старым воззрениям, сказал он, сулумы запрещали приносить женщинам остатки пищи, приготовленной мужчинами во время празднеств, и мужчины ссылались на этот запрет, объясняясь со своими женами.

— В мужских домах хранились священные предметы, скрытые от непосвященных. Так писал Маклай. Что прятали от женщин и детей в боджоу?

После коротких переговоров со стариком Мада ответил: — Музыкальные инструменты.

Он нарисовал в моей записной книжке четыре духовых инструмента и написал их названия: *ай илоль* — труба из выдолбленной продолговатой тыквы; *ай джьобок* или *монги ля* — скорлупа кокосового ореха, продырявленная в двух местах; *ай дамангу* — длинная бамбуковая труба; *екрам* — труба из короткого отрезка ствола бамбука. Эти инструменты уже были отмечены разными авторами, начиная с

¹⁵ В рассказе Таного соединены в обратной последовательности два разных эпизода, отмеченных в дневниках Н. Н. Миклухо-Маклая (Собр. соч., т. I, с. 98, 255). Другой вариант предания о Маклае, отказавшемся от девушки, записан в 1977 г. Д. Д. Тумаркиным. См. его статью «Новая встреча с Океанией» в этом номере журнала.

Рис. 2. Таног с жезлом *пани*

Н. Н. Миклухо-Маклая, под такими же или несколько иными названиями¹⁶. Н. Н. Миклухо-Маклай писал и о том, что папуасы прятали в мужских домах музыкальные инструменты, запретные для женщин и детей. Но ритуальный жезл, который хранил у себя Таног, до сих пор не был известен.

В старые времена, говорил Таног, жизнь была беспокойной. Даже в годы его молодости каждый день можно было ожидать нападения врагов, и глава вемуну мог с помощью колдовства придать особую силу оружию. Так, когда предводитель клана посылал двух воинов напасть на врага, он брал в руки жезл *пани*, сделанный из дерева *уджя*.

Я попросил описать этот жезл. Таног встал и вынес из комнаты черную плоскую палку длиной около полутора мет-

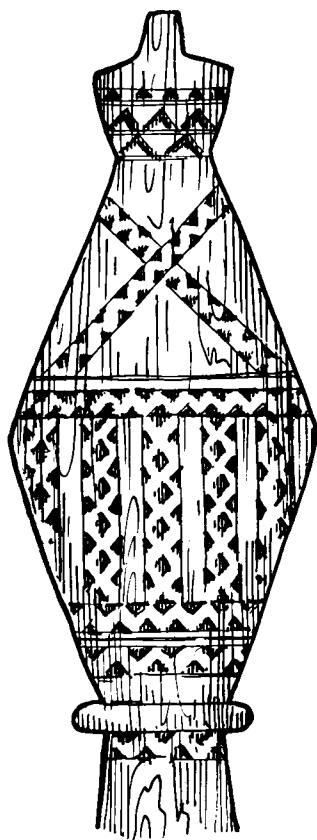

Рис. 3. Жезл *пани*: слева — наверху; справа — общий вид

ров, сужающуюся к обоим концам. Один конец был увенчан наверху. Пани тоже скрывали в мужском доме от взоров женщин и детей. Предводитель клана, продолжал Таног, давал воинам листья растения *джирр*. Шепотом, чтобы никто не мог услышать и запомнить его слова, глава вемуну сначала произносил заклинания над этими листьями. Воины затыкали осененные силой колдовства листья за плетень браслет на руке. Старейшина передавал силу своего колдовства также при помощи жезла пани. Посылая воинов на врага, глава клана стоял, держа в руке пани (Таног поднялся с жезлом в левой руке) и шептал обращенные к пани колдовские слова.

— А почему посылались только два воина?

¹⁶ Подробнее см.: «На Берегу Маклая», с. 230—232.

— Потому что больше не нужно. Если враги победят их, тогда предводитель вемуну пошлет отряд воинов¹⁷.

В случае, когда старейшина клана готовился к войне, он не должен был спать и есть в доме своей жены, чтобы сохранить способность колдовать. Он не умывался и не пил. Он ел только пищу, которую сам жарил на огне; кроме того, курил табак и жевал орех бетеля. Через один-два дня после соблюдения этих предписаний глава вемуну мог приступить к колдовству. Он совершал трапезу, съедая вместе с поджаренной пищей имбирный корень¹⁸. После этого он мог шептать магические слова над листьями джирр и пани.

Я взял пани в руки, чтобы лучше рассмотреть его. Несомненно, жезл был сделан очень давно. Навершие и близкую к нему часть покрывала резьба из зигзагообразных линий. В углублениях узора сохранились остатки белой и красной краски. Мы договорились, что завтра я сфотографирую жезл.

Утром сын Танога пришел поторопить меня: старик уже ждал. Таног сидел у своего дома на циновке; на нем были старинные украшения. Он заявил, что надеется получить из России письмо с фотографией. После фотографирования я срисовал в блокнот узоры жезла и спросил старика, нельзя ли купить пани для нашего музея? Там много вещей, привезенных Маклаем. Жезл будет в хорошей сохранности, его смогут увидеть много людей.

Еще не кончив говорить, я знал ответ. Таног смотрел на меня так, как смотрят на ребенка, задавшего наивный и неуместный вопрос. Он произнес ласково, с легкой укоризной:

— Эта вещь была тогда, когда Маклай еще не пришел в Бонгу. Эта вещь принадлежала моим предкам, *тумбуна*. Сейчас она у меня и должна быть у меня.

Слова старика вновь заставили меня почувствовать, что Таног, несмотря на свои христианские убеждения, предан властно присутствующему в его душе миру язычников-предков. Теперь можно было понять, почему Таног уверял, что идолы — сулумы были связаны только с пиршествами. За этими словами угадывалась концепция: суеверия предков не составляли суть их религии. Иначе как же можно было ему, христианину, сохранять глубокое почтение к обычаям предков?

* * *

Современные мужские дома Бонгу совершенно непохожи на экзотические хижины времен Н. Н. Миклухо-Маклая. Сейчас боджью трудно отличить по внешнему виду от жилых хижин: они стоят на сваях и, как правило, имеют веранду, комнаты. Правда, опытный глаз способен распознать мужской дом среди прочих построек деревни. Нынешний боджью обычно значительно меньших размеров, чем дома, предназначенные для семьи (или двух-трех семей). Отдельные мужские дома, кроме того, выделяются некоторыми особенностями архитектуры. Так, сохранился боджью, описанный мной в 1971 г. Это небольшая хижина с земляным полом; в ней хранится сигнальный барабан *барум* и стоит помост *барла* для сна¹⁹. Какаль, живший здесь, уехал работать в город Лаэ, и в хижине стал ночевать его дядя, Гитанг, который перестроил домик по своему вкусу. Теперь у крохотного боджью есть четыре стены и дверь, запирающаяся на замок.

¹⁷ По мнению Д. Д. Тумаркина, рассказ Танога относится к случаям кровной мести.

¹⁸ Имбирный корень употреблялся для колдовских ритуалов во многих местах Новой Гвинеи.

¹⁹ «На Берегу Маклая», с. 133—135.

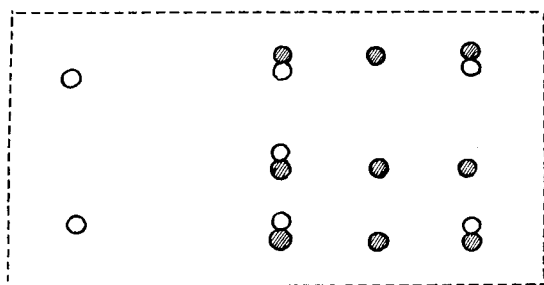
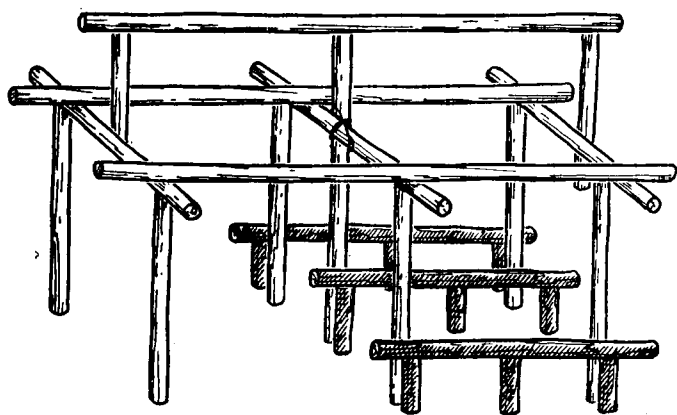

Рис. 4. Конструкция мужского дома вемуну Румбау
(по чертежу Д. Клисурова)

Отличается от жилых хижин своеобразием планировки мужской дом клана Румбау, который ко времени нашего пребывания в Бонгу еще не был достроен. Немногим больше половины пространства под большой крышей занимал солидный помост на сваях, на котором предполагали воздвигнуть стены и перегородки между комнатами. Другая часть площадки под крышей осталась свободной от сооружений; на земляном полу свежим ожогом светлело пятно кострища. Мада показал на сигнальный барабан, лежащий неподалеку от одного из домов клана: «Этот барум перетащат сюда, под крышу, когда дом будет закончен». Прежний, недавно разрушенный боджью Румбау, по словам Мады, стоял на этом же месте и имел такую же обширную крышу.

Мужской дом вемуну Сураму, в котором живут Дагур, Лалу и Гунанай, похож на жилую хижину скромных размеров. Но обитатели дома позаботились о том, чтобы ни у кого не осталось сомнений относительно назначения постройки, и прикрепили над входом табличку с надписью *Haus boi* (на пиджине — «мужской дом»). Об этой табличке мне сказал позднее кинооператор А. Н. Попов. Я же ее не заметил, разглядывая сложенные гармошкой листья растения джирр, свисающие из-под крыши над верандой этого боджью. Такой лист — отличительная черта каждого мужского дома в Бонгу. Он может быть подвешен и внутри дома, под крышей. В боджью клана Булиру лист висел над развалившимся углом дома, почти скрытый среди пальмовых листьев кровли. Видимо, только от прихоти жителей боджью зависит, где они поместят джирр.

Перемены, отличающие нынешние боджью от старинных, сказались как во внешнем облике хижин, так и в функциях мужских домов. Прежде всего, утрачена ритуальная, культовая роль боджью. Жители

Рис. 5. Мужской дом вемуну Сураму

Бонгу помнят, что в этом повинны миссионеры. «Миссионеры пришли и сказали, что никто больше не должен заниматься колдовством, а женатые мужчины должны возвратиться к женам», — перевел Мада слова Таного. По мнению пастора Абуджя, весь вред мужских домов исходил от статуй, сулумов. «Если человек пообещает что-нибудь перед сулумом, то он должен сдерживать свое слово. А прежде набеги на врагов замыслились перед сулумами. Идолы способствовали войнам. Вот почему миссионеры так восставали против мужских домов».

Миссионеры добились своего; в наши дни женатые мужчины, как правило, живут вместе со своими женами. Но древняя традиция не выкорчевана полностью. Несколько женатых мужчин все еще обитают в боджьоу, соблюдая обычай предков. Сейчас в боджьоу в основном живут неженатые молодые люди, прошедшие обряд посвящения, а также подростки и юноши, еще не получившие посвящения. Вот краткие сведения об обитателях мужских домов Бонгу.

1. Боджьоу клана Булиру. Живут: а) Мада, 25 лет (сын Муля); б) Губай, около 23 лет (сын Гаманга); в) Моти, около 25 лет (брат Губая). Все трое посвящены, неженаты, принадлежат к вемуну Булиру.

2. Боджьоу клана Явар. Живут: а) Мугол, около 22 л., посвящен (сын Баинга); б) Сонгом, около 15 лет, посвящен (сын Мамани, старшего брата Баинга); в) Габора, 12 л., посвящен (сын Мамани); г) Мебили, около 11 лет, не посвящен (сын Тауси, старшего брата Мамани и Баинга); д) Ибора, 14 лет, не посвящен (сын Тауси); е) Касимо, 15 лет, видимо, посвящен (сын Сали). Все обитатели боджьоу неженаты. Пять из них принадлежат к вемуну Явар, Касимо — к вемуну Канилю. «Кланы Канилю и Явар очень близки, — объяснял Мада. — Когда мы устраиваем наши праздники, то обычно считаем их единой группой, называя Явар-Канилю или Канилю-Явар. Правильнее сказать, что Явар — это часть вемуну Канилю».

3. Первый боджьюу клана Сураму. Живут: а) Дагур, 25 лет, посвящен, женат уже 5 лет; б) Гунаи, 20 лет, посвящен, неженат (сын Сокопена); в) Лалу — около 20 лет, посвящен, неженат (сын Били). Из троих обитателей боджьюу только Дагур принадлежит к вемуну Сураму. Гунаи — из вемуну Банглю, Лалу — из вемуну Комблом. Почему двое молодых людей живут в мужском доме не своего вемуну? Отец и мать Гунаи живы. Молодой человек переселился в боджьюу клана Сураму, потому что там, где обитает клан Сураму, живет его «старшая мать», Суна, сестра его матери Кололь²⁰. Муж Суны, недавно умерший Балиль, принадлежал к вемуну Сураму, вот почему дом Суны стоит среди хижин клана Сураму. Что касается Лалу, то его отец умер, а с кланом Сураму его связывает мать, урожденная Сураму.

4. Второй боджьюу клана Сураму. Живут: а) Лако, около 40 лет, посвящен, женат; б) Селек, около 35 лет, посвящен, женат; в) Кумбо или Боб (сын Селека), видимо, посвящен, неженат. Все трое из вемуну Сураму.

5. Боджьюу клана Румбау. Живут: а) Буям, около 40 лет, посвящен (сын Йона); б) Мок, 23 года, посвящен (сын Тоголя); в) Лабек, 15 лет, посвящен (брат Мока); г) Гитанг, около 16 лет, посвящен (сын Бау); д) Йон, 11 лет, непосвящен. Женат только Буям; Йон — его сын. Четверо принадлежат к вемуну Румбау; Гитанг — выходец из вемуну Кинальби. Клан Кинальби, как и клан Балама, во времена Маклая жил недалеко от кланов Со, Банглю и Курендук. Когда немецкая администрация захватила их землю, они передвинулись в Бонгу, но не поселились компактно, а жили рассеянно. Гитанг, отец Бау, дед Гитанга, постоянно жил вместе с кланом Румбау.

6. Боджьюу клана Канилю. Живут: а) Вариндумба, 23 года, посвящен (сын Галау); б) Курепу, 16 лет (брат Вариндумбы), непосвящен; в) Муэг, 18 лет, посвящен (сын Беики). Все трое из вемуну Канилю, неженаты.

7. Боджьюу группы Кавалю. В нем живет один Гитанг, которому около 50 лет. Он женат и, естественно, посвящен. В 1971 г. обитатель этого боджьюу, Какаль, представился как член вемуну Румбау. По словам Мады, Кавалю является частью клана Румбау.

Перечислены только осмотренные мною мужские дома, но я видел не все боджьюу. Мада, явно утомившись от неинтересного для него занятия ходить из одного «хаус бой» в другой, слукавил, когда сказал, что мы посетили все боджьюу. Он даже провел меня мимо обители Гитанга, и пришлось его остановить, чтобы посмотреть на старую хижину своего приятеля. Е. Н. Кальщиков и В. Н. Шамшуров описали строящийся боджьюу клана Канилю (второй), предназначенный для Намуя (свыше 40 лет) и его неженатых сыновей — Ленджи, Калима и Мукау.

Очевидно, осталось еще два-три невыявленных мужских дома (не больше — я осмотрел и занес на план примерно три четверти хижин деревни, записав, кто живет или жил в каждой). Но даже при таком допущении ясно, что в период нашего пребывания в Бонгу далеко не все кланы деревни имели свой боджьюу. Нами не отмечены, в частности, мужские дома вемуну Гумбу, Бонгу, Курендук, Со-Банглю, Улисим, Обому²¹. Утверждать, что эти кланы уже не нуждаются в мужских домах, было бы преждевременным. Скорее всего, у некоторых малочисленных групп, состоящих из двух-трех семей, дети еще не подросли до соответствующего возраста, поэтому пока и нет потребности

²⁰ Говоря, что Суна является «старшей матерью» (*elder mother*) для Гунаи, Мада дословно перевел бонгуанский термин *am boro*. Настоящая мать на бонгу называется *am edamu* или *atiuding*.

²¹ В 1971 г. у вемуну Обому был свой боджьюу.

в своем боджью. Кроме того, молодые люди могут жить в «хаус бой» другого вемуну. Как бы то ни было, обычай не соблюден полностью. Нарушение прежних установлений видно и из списка обитателей мужских домов: не везде выдержан принцип принадлежности к клану. Родства по матери и соседской связи достаточно для проживания юноши в боджью. Далее, теперь клан вместо одного боджью может иметь два (Сураму и Канилю). Да и не все группы, обладающие на сегодняшний день мужскими домами, видимо, можно назвать кланами в полном смысле слова.

Главная причина отклонений от древних традиций — утрата былой общественной роли мужских домов. Век назад боджью представлял собой как бы клуб, центр общественной жизни клана. Христианская церковь, уничтожив культовые функции мужских домов, подорвала и их значение как социального института. При этом не только миссионеры способствовали исчезновению прежней общественной роли боджью. Жизнь изменилась настолько, что старый институт с его узко клановой ориентацией по самой своей сути не мог отвечать выросшим потребностям деревни. А задачи развития новогвинейской деревни далеко вышли за рамки интересов местной общины.

Чтобы передать совершенно новую атмосферу сельской жизни, связанную в ряде случаев уже с проблемами общегосударственного значения, я вернусь к собранию, происходившему в Бонгу в день нашего приезда. Под деревом, вокруг которого расположились группы мужчин, рядом с сиденьем председателя стояла грифельная доска. На ней было написано мелом: «Специальное собрание в Бонгу» (*Spesel miting Bongu*) и ниже перечислены обсуждавшиеся вопросы.

Первым пунктом стоял вопрос о налоге (*tok bilong tax*). Несколько деревень предложило повысить сумму налога с восьми до десяти кина с семьи, ибо деньги нужны для улучшения дороги, ведущей из Маданга во внутреннюю часть района, для развития медицинской помощи в деревнях. Многие были с этим не согласны. Следующий, не менее важный вопрос — участие в парламентских выборах (*tok bilong Haus ov Esembly*). За кого голосовать? Выступившие подчеркивали, что кандидат, которому они отдали голоса в прошлый раз, не посетил поддерживавшие его деревни, не поинтересовался их нуждами, — значит, надо выбрать своего, местного человека. Третьим пунктом стоял вопрос о катере «Ваутамо», обслуживающем деревни побережья (*tok bilong Wautamo*). Один человек пожаловался, что он заготовил копру, известил об этом моториста («капитана») катера, получил от него обещание перевезти копру в Маданг в течение двух ближайших дней, но катер не пришел, и копра испортилась. Как ни странно, нашелся оппонент — бывший «капитан» катера. Он сказал, что у жалобщика нет прав на катер, так как он не участвовал в сборе средств на его покупку. Кроме того, обслужить всех желающих очень сложно, и надо с пониманием отнестись к трудностям. Все же большинство как будто сошлось на том, что надо подать на «капитана» в суд. Четвертый вопрос касался пунктов медицинской помощи (*aid-post*). Возникло мнение, что нет смысла платить за это особый налог, ибо взнос в местный совет и так велик. Ряд ораторов выступил против этого предложения. Языком дискуссии был пиджин.

Собрание в Бонгу лишь обсуждало все эти вопросы, но не принимало решения. Решение должно было быть вынесено на заседании Совета местного управления. Вряд ли нужно доказывать, что для решения подобных вопросов, касающихся многих деревень, мужской дом не был подходящим институтом.

Таким образом, боджью сохраняются сейчас как бытовая традиция. Их современная функция в Бонгу состоит преимущественно в том, что они дают возможность подросткам и молодым людям жить рядом

с родителями, но обособленно, в своем собственном помещении. В отдельных «хаус бой» я видел настоящие комнаты для юношей, в которых хранится и их имущество. В боджью клана Явар, например, одна комната отведена только для Мугола. Здесь на деревянном топчане постлан покупной матрац, лежат одеяло, майка. На столике — зеркало, традиционный гребень, ножницы, платяная щетка, электрический фонарик, листья, которые надо жевать вместе с бетелем; в пенальтике — перо для украшения и безделушки. Дверь в комнату запирается на замок. В боджью вемуну Канилю, где живут Вариндумба, Курепу и Муэг, все топчаны опрятно застланы чистыми одеялами. Над топчаном Вариндумбы протянута веревка, служащая как бы вешалкой для одежды. У балки крыши подвешены ручной барабан — *окам*, плетеная мужская сумка — *гун*. На полочке лежат маленькая плетеная корзиночка — *гамбор* и зеркало. В другой комнате этого же дома обитатели хранят топор, копье — *каджа*, острогу — *юр*, два небольших лука — *агхаль* и самодельное ружье для лучения рыбы. Боджью запирается на замок.

Но некоторые обитатели «хаус бой» держат свои вещи в домах родителей («в доме матери», как обычно говорил Мада). Например, в другой комнате боджью клана Явар, где ночуют Сонгом, Габора, Мэбили, Ибора и Касимо, нет даже одеял и циновок для спанья. Все это у родителей. Комната не запирается, хотя петли для замка есть. Мада все свои вещи хранит в доме сестры; его товарищи по боджью — у родителей. Дом, в котором они живут, не запирается.

У тех немногих мужчин, которые сегодня еще поддерживают старый обычай и ночуют в боджью, основная жизнь проходит в доме жены. Об этом можно судить хотя бы по скудному набору предметов, хранящихся в их комнатах в мужских домах.

Женщинам входить в «хаус бой» по-прежнему не положено. Никто не говорит о том, что будет за нарушение запрета. Просто женщины не заходят в боджью. Я спрашивал об этом в каждом мужском доме у его обитателей и всюду получил один и тот же ответ. «Если я нужен моей сестре, она подходит к веранде и зовет меня, но в дом никогда не входит», — сказал Мада. И. М. Меликсетова заметила, что хозяйка мужского дома клана Явар весело заулыбалась, когда она присела на веранду их боджью. Она нарушила все еще живой обычай. А питаются живущие в боджью юноши и мужчины в домах своих матерей и жен, за исключением тех дней, когда женщинам можно готовить только для себя. Такие же сведения получил и Е. Н. Кальчиков, расспрашивая об образе жизни Намуя и его сыновей.

* * *

Деревня Бонгу еще соединена не всегда заметными, но прочными связями с обществом, жизнь, которого наблюдал сто лет назад Н. Н. Миклухо-Маклай. Отголоском прошлого являются и мужские дома, пережиток одного из самых архаических институтов. Вместе с тем в боджью сосредоточена сейчас наиболее восприимчивая к новшествам часть населения деревни — молодежь, испытывающая тягу к городской культуре.

В комнате Мугола я увидел прислоненную к стене гитару и удивился: шесть лет назад в Бонгу гитар не было. Гитару подарил Муголу брат, который живет и работает в городе Лаэ. Играть Мугол научился сам. В углу комнаты стоял другой музыкальный инструмент — ящик с прикрепленным к нему шнуром. Второй конец шнура привязан к палке. Если палку поставить на ящик, шнур натягивался как струна. Различная сила натяжения шнура дает звуки неодинаковой высоты. Названия инструмент не имел. «Может быть, барабан (*drum*)?», — пред-

положил, подумав, Мада. Низкое звучание шнура вызывало в памяти контрабас.

На веранде мне торжественно показали пять длинных и широких в диаметре бамбуковых трубок, положенных в ряд одним концом на пол, другим — на отрезок бамбука. Мугол перешагнул одной ногой через бамбуковые стволы, наклонился и стал несильно стучать резиновыми шлепанцами по отверстиям. Трубки издавали глуховатые, но чистые и нежные звуки. Осматривая другую комнату хижины, я увидел еще одну гитару; под кроватью лежал сломанный *укулеле* (маленькая четырехструнная гитара).

Обитатели боджью составляли целый музыкальный ансамбль. Какой артист не мечтает о признании? Мугол пригласил нас вечером послушать их игру. С сумерками начался сильный дождь. Мугол был готов прийти с товарищами в нашу хижину, но Мада перенес встречу на утро. Когда этнографический отряд появился у боджью клана Явар, на залитой солнечным светом веранде сидел квинтет — три гитары, «контрабас» и бамбуковые трубы. Юноши тронули струны гитар, запели, и мы услышали многоголосую мелодию, столь характерную для современного музыкального фольклора Океании. В других песнях также звучали мажорные напевы тихоокеанских островов. Эти песни юноши переняли у товарищей, слышали по радио.

Мы смогли убедиться, что и прекрасный пол Бонгу не остался равнодушным к иноземным мелодиям и ритмам. Внезапно у боджью появились три немолодые женщины в раскрашенных юбках из растительных волокон, нагие выше пояса. Они танцевали. Их лица выражали полнейшее равнодушие ко всему, но движения бедер были кокетливы и смелы. Пестрые юбки вольно плескались из стороны в сторону, эффектно дополняя несложный рисунок танца. Такими же телодвижениями женщины сопровождают и традиционные танцы мужчин. Но музыка, привлекавшая их сейчас, не имела ничего общего с песнями предков.

Мы услышали самодеятельный квинтет еще раз в последний день нашего пребывания в Бонгу. Как и шесть лет назад, жители деревни устроили праздник в честь гостей с советского корабля. Полюбоваться старинными танцами и пантомимой, изображавшей приход Маклая в деревню, собралось почти все население Бонгу. Почти все. Ансамбль остался сидеть на веранде своего дома. Все то время, пока мужчины в традиционном убранстве исполняли на главной площади танцы дедов и прадедов, юноши играли и пели свои песни. Звуки струн и бамбуковых трубок были явственно слышны на площади в перерывы между танцами. Разве это не был вызов старому миру? Пятеро молодых людей дерзко давали понять, что предпочитают иные духовные ценности.

Праздник закончился, народ постепенно стал расходиться с площади, но ансамбль еще играл. Меня окликнули: пора было возвращаться на судно. Я бросил последний взгляд на оплот смутьянов — приземистый боджью, обращенный к площади глухой стеной. С торцовой стороны хижины из-под крыши торчал шест. На конце шеста трепетал при слабом движении теплого воздуха подвешенный за нитку лист растения джирр. Это был единственный знак, который мог вызвать в памяти таинственный, запретный для непосвященных, осененный губительными чарами колдовства мужской дом ушедшей эпохи предков.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Исследование современности — одна из центральных задач советских этнографов, призванных, как и представители других общественных наук, изучать различные проблемы зрелого социализма. Этнографическое изучение современности связано с определенными трудностями методологического и методического характера. Исследования, проведенные в СССР в 1970-е годы, показали, в частности, необходимость уточнения предметной области этнографии современности, усовершенствования методики сбора и последующей обработки полевых, статистических и иных материалов, координации исследований этнографов в масштабе всей страны, а также их кооперации с представителями смежных наук; более тесной связи научных исследований с практикой коммунистического строительства и т. д. Для обсуждения этих и других актуальных проблем была созвана Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Конференция, состоявшаяся 9—11 апреля 1977 г. в Москве, была организована Институтом этнографии АН СССР. В ее работе участвовали 200 человек — сотрудники институтов Академии наук СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, а также различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники этнографических музеев, Домов народного творчества, республиканских комиссий и советов по гражданским обрядам. Они съехались в Москву из 39 городов. На конференции были представлены все союзные и 12 автономных республик, а также три автономные области.

На шести заседаниях конференции было заслушано 3 доклада, 11 содокладов и около 50 выступлений.

На обсуждение были вынесены три основных вопроса: методология изучения современности (три заседания), ее методика (одно заседание) и связь этнографических исследований с практикой — на примере гражданской обрядности (два заседания).

Открывая конференцию, академик Ю. В. Бромлей напомнил о поставленной XXV съездом КПСС задаче быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства. Применительно к науке вообще и этнографии в частности, сказал он, это означает повышение методологического, идеологического уровня исследований; усовершенствование, углубление их методики, без чего высококачественная работа не может быть осуществлена; связь конкретных исследований с практикой.

Все эти три момента были учтены при подготовке конференции. Началась она с рассмотрения вопросов методологии и уточнения задач этнографии в изучении современности.

На первое заседание были вынесены доклад Ю. В. Бромлея «К вопросу об особенностях этнографического изучения современности» и шесть содокладов, развивающих и дополняющих основные его положения. Поскольку доклад был опубликован в качестве статьи¹, и участники конференции имели возможность ознакомиться с ним заранее, докладчик ограничился изложением основных тезисов с некоторыми добавле-

¹ См.: «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 3—18.

ниями. В качестве главного вопроса, подлежащего всестороннему обсуждению, Ю. В. Бромлей выдвинул определение особенностей этнографического подхода к изучению современности и места этнографии в системе наук, изучающих сложное (современное) общество. Основная задача конференции, по его мнению, — наметить пути новых подходов к изучению таких областей, в которых этнографы издавна работали, но работали, главным образом, имея в виду изучение традиционной культуры.

В коллективном содокладе М. Г. Рабиновича, Н. Н. Грацианской, Ж. Б. Логашевой (Москва) рассматривались некоторые проблемы этнографического изучения современной материальной культуры. По мнению авторов содоклада, современную материальную культуру нельзя изучать в отрыве от традиционной, но подход к ней должен быть несколько иным. Поскольку в современной материальной культуре громадную роль играет промышленное производство, в значительной мере нивелирующее этнические, региональные и социальные различия, то на первый план здесь следует выдвинуть изучение не «самого физического облика явлений и конструкций», а их функциональных особенностей. Этнографы должны интересоваться: не заводская техника, а то влияние, которое она оказывает на жизнь рабочих, на распорядок дня местного населения; не планировка квартир в стандартных домах, а функциональное использование жилых помещений; не покрой одежды, выпускаемой швейными предприятиями данного региона, а избирательное отношение к моде и отдельным предметам одежды у городского и сельского населения, у разных возрастных, социальных и этнических групп и т. п. В содокладе отмечалось также, что изучение современной материальной культуры имеет определенное практическое значение — оно способствует правильному учету потребностей населения в определенном типе жилищ и товаров, использованию лучших достижений культуры в современной жизни. Обращалось внимание также на громадное значение накопления полевых материалов, на точную фиксацию современного состояния материальной культуры и тех изменений, которые она претерпевает в настоящее время.

Общей, предварительной, постановке некоторых вопросов этнографического изучения профессиональной культуры был посвящен содоклад С. А. Арутюнова (Москва). Любое произведение профессиональной культуры, считает он, может иметь значение этнографического источника, так как и в отборе сюжетов, и в степени их распространения проявляется этническая специфика. Вместе с тем этнографы могут использовать эти произведения и в качестве тестов, например, при изучении восприятия художественной культуры. Анализ такого восприятия является, по мнению С. А. Арутюнова, одним из наиболее перспективных путей подхода к этнопсихологическим проблемам.

С вопросами изучения этнопсихологических аспектов духовной культуры (в плане постановки проблемы) участников конференции познакомила Л. М. Дробизева (Москва). Этнопсихологические проблемы, сказала она, нельзя изучать сами по себе. Они должны рассматриваться в культурном и историческом контексте данного народа. Этнопсихологи в отличие от психологов, не могут сосредоточить внимание только на личности (хотя они тоже ее изучают), главное для них — социальные группы и этнос в целом. Чтобы объяснить, а не просто описать те или иные явления этнопсихологии, необходима более глубокая кооперация этнопсихологов с этнографами и историками.

В содокладе С. М. Абрамзона (Ленинград) рассматривался вопрос о соотношении обобщающих и тематических региональных исследований современности. Докладчик выдвинул идею создания обобщающих трудов по различным проблемам на основе региональных тематических исследований, в которых особое внимание должно быть уделено этнокультурным связям между народами региона. По мнению С. М. Абрамзона, исследования на региональном уровне помогут решить проблему общего и особенного и, в первую очередь, выявить то общее, что сложилось уже давно, и то, что родилось после Октябрьской революции. Это положение получило поддержку многих участников конференции (Ю. В. Бромлей, Л. Ф. Моногарова, Л. Н. Терентьева — Москва, и др.).

Остановился С. М. Абрамзон и на определении предметной задачи этнографического изучения современности, одним из основных аспектов которого, считает он, должен стать социалистический быт. Объектом конкретного исследования может быть не только этнос в целом, но и село, колхоз, совхоз, промышленное предприятие при том усло-

вин, что это многонациональный коллектив со своей культурно-бытовой, производственной и общественной сферами.

Значительное место в содокладе было уделено методике полевых этнографических исследований. Докладчик призывал к возрождению метода стационарного исследования, хорошо зарекомендовавшего себя в русской и советской этнографии, и к более широкому использованию такого приема, как повторные обследования объектов, изучавшихся ранее. Особое внимание он уделил методу непосредственного наблюдения, считая его главным, определяющим методом этнографии. «Этнография,— сказал С. М. Абрамзон,— перестанет быть этнографией, если в ней равное место с непосредственным наблюдением займут методики, являющиеся основными для других, смежных наук». С данным положением полемизировал Ю. В. Бромлей, который напомнил, что в настоящее время жизнь усложнилась и необычайная дифференцированность наблюдается не только на уровне этносов в целом, но и на уровне отдельных личностей. В связи с этим простые наблюдения, чтобы быть эффективными, должны обязательно накладываться на широкую выборку при анкетировании, которая даст возможность определить типичность того или другого явления. Следует учитывать и то, подчеркнул Ю. В. Бромлей, что в современных условиях этническая специфика все более перемещается из сферы материальной культуры, где ее сравнительно легко фиксировать путем непосредственного наблюдения, в «глубины» духовной культуры, психику, выявление этноспецифических черт которых требует использования специальных, более сложных исследовательских методов.

В содокладе М. Н. Шмелевой (Москва) «Сравнительный метод и принцип последовательного историзма при этнографическом изучении современности» рассматривались некоторые аспекты применения традиционных для этнографии методологических установок, связанные с изменением, усложнением объекта исследования. При этом особое внимание уделялось двум аспектам: 1. Выявление этнической специфики не только отдельных народов или их частей, но и тех крупных общностей, состоящих из нескольких этносов, чаще всего соседствующих и исторически связанных между собой (зональных, региональных), которые образуются в пределах историко-культурных областей. 2. Сравнение культуры и быта города и деревни, рабочего класса и крестьянства, рабочих и интеллигенции с целью выявления общих и специфических черт. По мнению М. Н. Шмелевой, только сравнительное изучение особенностей быта отдельных социальных и социально-профессиональных групп, находящихся в постоянном общении и взаимодействии, дает возможность раскрыть многие взаимосвязи разных явлений внутри этноса и тем самым показать специфику развития его отдельных компонентов на современном этапе.

В содокладе В. В. Пименова (Москва) освещались вопросы комплексности, системности, историзма и прогнозирования в этнографическом исследовании современности.

Обсуждению проблем, затронутых в докладе и содокладах, были посвящены два заседания, на которых выступили около 30 человек.

В ходе обсуждения встал вопрос о необходимости уточнения понятийного аппарата советской этнографической науки (В. И. Козлов — Москва, Л. В. Хомич — Ленинград), о трактовке термина «современность» (В. К. Бондарчик — Минск, Н. В. Юхнева — Ленинград). Выделив два значения этого термина — временное, или хронологическое, и стадияльное, Н. В. Юхнева отметила, что, с ее точки зрения, «настоящей проблемой, требующей обсуждения и дискуссии, является именно вопрос о возможностях и методах изучения стадияльной, а не хронологической современности. По мнению же Ю. В. Бромлея, следует говорить не о двух, а о трех подходах к изучению современности: 1. Стадияльный (он наиболее характерен для социологии). 2. Хронологический (характерен для понимания современности в исторической науке). 3. Подход с позиций данного момента, при котором современность рассматривается как живая функционирующая действительность. Этот подход наиболее характерен для этнографической науки и именно с ним сопряжен метод непосредственного наблюдения — изучение того, что функционирует.

В ряде выступлений обращалось внимание на необходимость выделения узловых проблем, разработкой которых этнографы должны заняться в первую очередь. Среди таких проблем были названы: сравнительное изучение новых, складывающихся на на-

ших глазах, иногда довольно локальных историко-этнографических областей или районов (Н. Н. Чебоксаров — Москва), а также этнокультурных процессов на уровне отдельных этнокультурных областей (И. С. Гурвич — Москва); исследование семьи (В. И. Козлов, Л. Н. Терентьева, С. А. Токарев — Москва); национально-культурной специфики общения, и прежде всего — этикета (Б. Х. Бгажноков — Нальчик); обычаев и обрядов (С. А. Токарев, Л. Н. Терентьева); соотношения традиционных и новых индустриальных форм материальной культуры (Л. Ф. Моногарова, Л. В. Хомич); современного городского населения (О. Р. Будина — Москва, Л. Ф. Моногарова) и его взаимодействия с сельским населением. Изучение взаимосвязей городского и сельского населения, по мнению О. Р. Будины, даст возможность более глубоко изучить бытовую культуру этноса в целом и проследить процесс складывания и развития народных традиций и их судьбы в современном обществе.

Часть выступавших ознакомила участников конференции с результатами своих исследований в области этнографического изучения современности. Одни рассказали об основных тенденциях преобразования быта сельского населения (И. П. Буткявичюс — Вильнюс, Г. А. Сепеев — Йошкар-Ола); другие — о ведущихся ими исследованиях семьи и семейно-брачных отношений (Х. А. Кауанова — Алма-Ата, М. А. Меретуков — Майкоп); третьи — о различных аспектах современных этнических процессов (Г. П. Васильева — Москва, М. В. Сазонова — Ленинград, Н. А. Томилов — Омск, Б. А. Алымбаева — Фрунзе), М. В. Сазонова охарактеризовала процесс сложения общетнических черт в материальной культуре в прошлом различных локальных групп узбеков южного Хорезма. В выступлении Б. А. Алымбаевой раскрывались этнические функции традиционной материальной культуры в быту киргизов (на примере современного жилища и его интерьера). Г. П. Васильева на огромном фактическом материале убедительно показала присутствие этнической специфики почти во всех областях материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Вместе с тем она подчеркнула, что национальное в культуре каждого народа гармонически сочетается с интернациональным, содействуя процессу создания общесоветской культуры. Аналогичные процессы в быту отдельных народов южной и средней полосы Западной Сибири (сибирские татары и связанные с ними территориально-соседскими или историческими узами казахи, шорцы, телеуты и др.) анализировались в выступлении Н. А. Томилова. Правда, у этих народов, по его наблюдениям, этнической колорит гораздо сильнее обнаруживается в духовной культуре, а идущий здесь процесс складывания региональной культурной общности охватывает не все группы населения и, в целом, не является ведущим. В настоящее время в районах южной и средней полосы Западной Сибири, считает Н. А. Томилов, превалирует процесс распространения форм общесоветской культуры.

Четыре выступления были посвящены духовной культуре. М. Я. Жорницкая (Москва), изучающая народное хореографическое искусство коренного населения северо-востока Сибири, сообщила, что ее полевые наблюдения подтверждают высказанное в статье Ю. В. Бромлей положение о возрождении в современных условиях определенных видов традиционного творчества; которые вновь входят в быт.

С. Б. Рождественская (Москва) поделилась опытом изучения народного искусства, как современного этнокультурного явления.

Э. В. Померанцева (Москва) остановилась на вопросе использования фольклора в качестве источника изучения современных этнических процессов, подчеркнув, что в этом случае необходимо учитывать весь фольклорный репертуар. Э. В. Померанцева настаивала на несколько расширительной трактовке термина «современный фольклор», понимая под ним все фольклорные произведения, бытующие в наше время вне зависимости от их тематики.

В. Е. Гусев (Ленинград) привлек внимание слушателей к проблеме современного фольклоризма, считая ее более актуальной, чем изучение собственно фольклора. По его мнению, в поле зрения этнографов должны находиться все элементы народной художественной культуры, включая прикладное искусство и все, что касается производства сувениров и использования стилизованных произведений искусства в современном интерьере.

Подводя итоги первых трех заседаний, посвященных методологическим вопросам, Ю. В. Бромлей отметил, что полное представление о живой действительности можно

получить только используя совокупность различных методов — непосредственное наблюдение, анкетирование, киносъемку.

В заключение Ю. В. Бромлей отметил целесообразность создания на базе выступлений, прозвучавших на этих заседаниях, специального сборника по методологическим вопросам.

* * *

Заседание, посвященное вопросам методики, открылось докладом Ю. В. Арутюняна (Москва) «Количественные методы в изучении современных этнокультурных и культурно-бытовых процессов». Принципиально новым в применении количественных методов в Секторе конкретных социальных исследований Института этнографии АН СССР, по мнению докладчика, является «системный подход к этническим процессам, который требует не просто количественной констатации, но предусматривает системный анализ, т. е. исследование всех социально-этнических процессов и явлений в связи». Отметив, что в социологической литературе сейчас ощущается сильный крен в сторону фетишизации цифр, приводящий порой к грубым ошибкам, Ю. В. Арутюнян заявил о своей солидарности с теми выступавшими, которые говорили о необходимости непосредственных наблюдений. «Приоритет всегда должен отдаваться содержанию — сказал докладчик. — Математика как была, так и останется формой. Содержательный анализ — главное условие серьезного этносоциологического исследования».

Доклад Ю. В. Арутюняна был дополнен содокладами его учеников. В. С. Кондратьев (Москва) рассмотрел проблемы представительности массовых данных. А. А. Сусоколов (Москва) познакомил слушателей с некоторыми методическими проблемами макро моделирования современных этнообъединительных процессов.

Г. В. Старовойтова (Ленинград) рассказала о попытке применения некоторых количественных методов к изучению образа жизни городского населения Татарской АССР.

Подавляющее большинство выступлений, прозвучавших на этом заседании, было посвящено рассмотрению инструментария, применяемого при изучении современности, и методов исследования конкретной проблематики.

М. Д. Кумахов (Нальчик) акцентировал внимание на некоторых проблемах построения вопросников, являющихся основным инструментом сбора материала в эмпирических исследованиях. Проанализировав пять анкет-вопросников по социально-демографической структуре, материальной и духовной культуре, быту и семье, свободному времени и досугу и пр., разработанных в последние годы в центральных и периферийных институтах, он вскрыл ряд общих и специфических ошибок, которые могут привести к искажению получаемой информации.

Л. С. Христюкова (Ижевск) остановилась на вопросе о сопоставимости исследований процессов современности, подчеркнув, что для получения материалов, сопоставимых как по горизонтали (синхронный аспект), так и по вертикали (диахронный аспект), требуется усиление практической помощи со стороны Института этнографии АН СССР и со стороны региональных координационных центров и, прежде всего, обеспечение единства методик.

Выступление А. В. Козенко (Москва) было посвящено вопросу стандартизации методик обработки материала по социально- и национально смешанным бракам.

С. Каракеева (Фрунзе) рассмотрела некоторые вопросы методики изучения семьи и семейной обрядности у киргизов. Современную семью, считает она, целесообразнее изучать с применением социологических методов исследования, так как они дают более объективный материал, а опросные листы и посемейные карты, предусматривающие перекрестный опрос мужа и жены, позволяют лучше разобраться в семейных отношениях.

И. М. Кузнецов (Москва) рассказал о методах исследования этнических особенностей духовной культуры на примере изучения исторически сложившихся принципов и правил взаимоотношений между людьми в ряде бытовых ситуаций, составляющих «словарь» межличностного общения.

В выступлении А. Ю. Петерсона (Тарту) говорилось о необходимости выработки методики съемки этнографических фильмов, которые должны стать документами.

В. К. Малькова (Москва) привлекла внимание исследователей современных этнических процессов к такому источнику, как средства массовой информации. При этом она раскрыла возможности использования контент-анализа (качественно-количественного метода анализа) материалов, публикуемых в периодической печати².

Подводя итоги заседания, Ю. В. Бромлей, отметив сложность и спорность методов, обсуждавшихся на нем, приветствовал самокритичность тех, кто пользуется так называемыми количественными методами и предостерег присутствующих от фетишизации, абсолютизации этих методов изучения современности.

* * *

Последний день работы конференции был посвящен проблемам современной гражданской обрядности, в обсуждении которых наряду с этнографами участвовали и практические работники, разрабатывающие и внедряющие в быт новую обрядность. И на этот раз в программе заседаний значились только один доклад и два содоклада; как и в предыдущие дни, большая часть времени отводилась развернутому выступлению.

Первым был заслушан коллективный доклад И. А. Крывелева, Н. П. Лобачевой, Л. А. Тульцевой, М. Я. Устиновой (Москва) о современных обрядах и роли этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении, в котором рассматривался широкий круг вопросов, связанных с определением путей дальнейшего изучения новой обрядности и ее создания. Значительное внимание в докладе было уделено понятийному аппарату (в частности, определению терминов обряд, обычай, ритуал), классификации обрядов, а также их «биографии». По мнению авторов доклада, каждый обряд проходит в своем развитии три ступени: 1) возникновение и оформление; 2) распространение в массах; 3) превращение в традицию («традиционализация» обряда). Пока обряд не вошел в традицию, не стал стереотипом, автоматически выполняемым, он еще не обряд. Отметив, что роль этнографов должна быть значительной на всех этапах развития обряда, докладчик (И. А. Крывелев) специально остановился на задачах этнографов в создании и изучении современных обрядов³.

Содоклад С. Е. Стеценко (Киев) познакомил участников конференции с опытом работы республиканской Комиссии по изучению и внедрению новых гражданских праздников и обрядов Украинской ССР. Рассказывая о разработанных ею и рекомендованных для внедрения в жизнь сценариев празднования Дня Победы и обрядов «Бракосочетание», «Похороны» и «Рождение» («Народины») ⁴, С. Е. Стеценко подчеркнул, что Комиссия сама ничего не «сочиняла». В основу соответствующих сценариев легли записи современных обрядов, сделанные областными, районными и сельскими комиссиями по гражданским обрядам на всей территории Украины.

Указав на своевременность вынесения на Всесоюзную конференцию проблем современной гражданской обрядности, С. Е. Стеценко высказался за создание единого руководящего центра, который бы обобщил опыт, накопленный на местах в масштабе всей страны, и возглавил работу в области «обрядотворчества». По его мнению, работу по созданию новой обрядности должны возглавить этнографы, ибо никто не знает быт и традиции так, как они.

Содоклад В. М. Грусмана и Э. С. Яглинской (Ленинград) был посвящен разрабатываемой Государственным музеем этнографии народов СССР новой экспози-

² Подробнее см.: В. К. Малькова. Применение контент-анализа для изучения сотрудничества советских народов (по материалам республиканских газет). — «Сов. этнография», 1977, № 5, с. 71—80

³ Подробнее см.: И. А. Крывелев. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. — «Сов. этнография», 1977, № 5, с. 36—45.

⁴ Накануне участникам конференции были показаны фильмы об этих обрядах, снятые по заказу республиканской Комиссии, а 12 апреля в Институте этнографии АН СССР состоялось обсуждение фильмов. В целом они получили положительную оценку.

ции «Современные праздники и обряды народов СССР»⁵. Дополнением и своеобразной иллюстрацией к нему послужило выступление Н. М. Калашниковой (Ленинград), рассказавшей об основных тенденциях развития современной обрядности в Молдавской ССР.

Проблемы, затронутые в докладе и содокладах, вызвали оживленный обмен мнениями. Большинство выступавших делились опытом своей работы по изучению современных обрядов или рассказывали о том, как протекает процесс их создания в разных регионах. Несколько выступлений были посвящены вопросам теории и практической работы этнографов в области создания и внедрения в быт новой обрядности.

В выступлении болгарского этнографа Р. Поповой-Пешевой (София) рассматривались социокультурные функции обрядов, регулирующих макро- и микросоциальные отношения. Обряды, по ее мнению, «выполняют роль интегрирующего фактора, который способствует внутреннему единству коллективов и сохранению этнической специфики и социальной среды».

И. Н. Браим (Минск) сообщил о формах участия белорусских этнографов в создании новой обрядности. Он выделил несколько таких форм: изучение бытующей новой обрядности; разработка рекомендаций на основе результатов исследований; апробация этих рекомендаций на практике (здесь этнографы выступают в роли экспертов); лекционная пропаганда, в частности, выступления по радио, телевидению, в периодической печати.

Б. В. Попов (Киев), акцентировав внимание на необходимости выработки научных принципов «обрядотворчества», подчеркнул, что серьезное вмешательство этнографов в формирование народных обрядов требует их участия в работе соответствующих учреждений и организаций советской общественности и в органах массовой информации.

В выступлении Н. П. Лобачевой (Москва), посвященном вопросу о национально-специфических элементах в новой советской обрядности, развивалось и конкретизировалось одно из основных положений коллективного доклада, с которым выступил И. А. Крывелев. Основываясь на материалах по свадебной обрядности, собранных в ходе этнографических (с применением метода количественного анализа) и этносоциологических исследований, проведенных Институтом этнографии АН СССР в ряде республик, она пришла к выводу, что ориентация на этнически окрашенное (национальное) в области обрядности еще сильно выражена и что ориентация эта значительно варьирует не только у разных народов, но и в разных социальных средах одного народа. Поэтому при создании модели нового обряда следует учитывать не только саму ориентацию на национально-специфическое, но и ее степень. Там, где она выражена сильнее, новый обряд должен иметь более яркий национальный колорит. Если же существуют значительные расхождения в ориентации на национальное городского и сельского населения одного народа, эталоном, по мнению Н. П. Лобачевой, должна быть «городская ситуация», так как в городе преобладают новые формы культуры и быта.

Н. П. Лобачева остановилась особо на процессах формирования новой свадебной обрядности. Обряд, развиваясь от традиционного к новому, сказала она, проходит ряд этапов, или фаз. Сначала параллельно сосуществуют традиции и инновации (1). Постепенное слияние их в едином церемониале (2) приводит к возникновению принципиально нового обряда в национальном варианте, но на основе местных образцов традиционной обрядности (3). Затем создается унифицированный общенациональный вариант обряда (4) и, в итоге, считает Н. П. Лобачева, в процессе интеграции национальных культур должен быть создан обряд, единый для всего советского народа (5). В настоящее время, подчеркнула она, у различных народов нашей страны формирование нового свадебного обряда находится на разных стадиях развития.

О необходимости использования этнически окрашенных национально-своеобразных форм при создании новых обрядов говорилось также в выступлениях В. К. Гарда-

⁵ Подробнее см.: В. М. Грусман, Э. Я. Яглинская. Современные праздники и обряды народов СССР (К созданию экспозиции в ГМЭ). — «Сов. этнография», 1977, № 3, с. 68—71.

нова (Москва) и Я. С. Смирновой (Москва). Основываясь на опыте изучения современной свадебной обрядности народов Северного Кавказа, они акцентировали внимание на важности очищения ее от некоторых устаревших этнических традиций, противоречащих советскому образу жизни (Я. С. Смирнова), и от некоторых неудачных инноваций (В. К. Гарданов). Поскольку многие устаревшие традиции воспринимаются в некоторых слоях населения как элемент национальной культуры (что способствует их живучести), искоренение их невозможно без активного вмешательства этнографов, которые должны активизировать свою пропаганду этнографических знаний в широких массах. »

В ряде выступлений рассматривались различные аспекты изучения семейной обрядности у народов СССР. Н. К. Гаврилюк (Киев) поделился опытом применения метода картографирования при изучении традиций и инноваций в родильной обрядности украинцев. Об исследовании современной свадьбы у народов Каракалпакии с помощью методов непосредственного наблюдения, участия в обряде, анкетного обследования и кино съемки рассказал Х. Есбергенов (Нукус). Выступление Н. И. Шатиновой (Горно-Алтайск) было посвящено современным обрядам алтайцев. Материалы семейной обрядности легли и в основу упомянутых выступлений Н. П. Лобачевой и Я. С. Смирновой.

В. Калитс (Тарту) сообщила о новом гражданском обряде «Летние дни молодежи» или «Праздник совершеннолетия», возникшем в Эстонии в конце 1950-х годов. Обряд этот, созданный в противовес лютеранскому обряду конфирмации, очень быстро завоевал признание молодежи и старшего поколения (родителей). С тех пор как «Летние дни молодежи» стали проводиться повсеместно, сказала В. Калитс, число конфирмантов в Эстонии уменьшилось в 20 раз.

Т. Д. Баялиева (Фрунзе) познакомила слушателей с новыми традициями и обрядами, появившимися в Киргизии за годы Советской власти, и процессом их внедрения в общественный и семейный быт киргизов. А. В. Смоляк (Москва) коснулась вопросов формирования современных семейных и гражданских обрядов у народов Нижнего Амура — нанайцев, ульчей, нивхов, орочей и др.

Несколько особняком стояло выступление Г. Г. Шаповаловой (Ленинград), посвященное в основном раскрытию методики, применяемой ею при изучении русского традиционного свадебного обряда (с целью картографирования). Отметив, что сейчас идет активный процесс создания новой обрядности, она продемонстрировала слайды, на которых были запечатлены отдельные моменты сельского (Среднее Поволжье) и городского (Ленинград) вариантов современного свадебного обряда. Обряд, зафиксированный ею в зале бракосочетаний Ленинграда, подвергся острой критике за безвкусицу, ненужную архаизацию и нарочитую театральность (В. К. Гарданов, Э. В. Померанцева, Л. Н. Терентьева).

По мнению Ю. В. Бромлей и И. А. Крывелева, слайды, показанные Г. Г. Шаповаловой, можно рассматривать как своеобразный упрек в адрес этнографов и напоминание об их ответственности за судьбы современных обрядов. Ученые, подчеркнул Ю. В. Бромлей, должны не только выступать в роли экспертов при обсуждении сценариев новых обрядов, но и обязательно участвовать в их разработке. Там, где соблюдаются эти условия, как например на Украине, в создании новых обрядов достигнуты значительные успехи.

Подводя итоги третьего дня работы конференции, Л. Н. Терентьева как один из положительных моментов отметила участие в ней практических работников, занимающихся созданием, совершенствованием и внедрением в быт новых обрядов. Выступления, прозвучавшие в этот день, подчеркнула она, свидетельствуя о широком размахе работы по изучению новой обрядности, продемонстрировали настоящую потребность в более частых встречах с целью обсуждения этих проблем в рабочем порядке.

* * *

Проблемы, вынесенные на конференцию, обсуждались на разных уровнях. Были затронуты вопросы теоретического характера, сообщена информация о проделанной работе, поставлен ряд практических, методических и организационных вопросов. Осо-

бенно остро встал вопрос о подготовке кадров (У. Х. Шалекенов — Алма-Ата, С. М. Абрамзон, А. В. Гадло — Ленинград и др.) и повышении их квалификации (Ю. В. Арутюнян, В. К. Бондарчик, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Терентьева и др.). Сама форма проведения конференции — все заседания пленарные, предварительная (за два месяца до начала конференции) публикация основного доклада — способствовала ее продуктивности. В работе конференции принимали активное участие представители всех поколений советских этнографов. Молодежь особенно громко заявила о себе на заседании, посвященном вопросам методики.

Подводя итоги работы конференции, Ю. В. Бромлей еще раз остановился на вопросе о методах исследования, акцентировав внимание на том, что речь идет не об отрицании старых, традиционных для этнографии методов изучения культурно-бытовых процессов, а о дополнении их новыми методами, прежде всего количественными. Задачи, встающие при этнографическом изучении современности, по мнению Ю. В. Бромлея, могут быть решены только общими усилиями. Напомнив, что развитие науки связано с двумя тенденциями — дифференциацией и интеграцией, — он подчеркнул необходимость кооперирования усилий разных специалистов. Наиболее удобной формой такого кооперирования Ю. В. Бромлей считает создание межреспубликанских групп по отдельным проблемам.

Конференция, которая была своего рода смотром сил этнографов, разрабатывающих проблемы современности, продемонстрировала значительное расширение фронта работ. Вместе с тем она вскрыла ряд трудностей, встающих на пути исследователей. На основе предложений, внесенных участниками конференции, был разработан проект «Рекомендаций», направленных как на повышение эффективности исследований по проблемам этнографического изучения современности, так и на улучшение подготовки кадров этнографов. Проектом предусматривается, в частности, организация межинститутских проблемных групп с привлечением специалистов из союзных и автономных республик для обеспечения комплексного исследования отдельных компонентов современной материальной культуры и быта, а также некоторых социальных институтов. Предполагается создание при Институте этнографии АН СССР Комиссии по координации этнографического изучения современности. В 1978 г. намечено организовать этнографическую школу по изучению опыта этнографических исследований современности и применению новых методов. Предложено организовать регулярный обмен сценариями различных обрядов семейного и общественного быта между этнографическими и другими научными и государственно-общественными учреждениями союзных и автономных республик, а при организации экспедиций включать в их состав киносъёмочные группы для фиксации современной обрядности. Проектом предусматривается также издание на основе материалов конференции сборника статей по проблемам этнографического изучения современности и сборника научных и научно-методических материалов по новым обрядам.

Н. С. Полищук

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР»

С 30 ноября по 3 декабря 1976 г. в Таллине проходила Всесоюзная научная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР», организованная Научным советом по национальным проблемам АН СССР совместно с Научным советом «История социалистического и коммунистического строительства в СССР» АН СССР и Академией наук ЭССР. В ней приняли участие около 400 партийных, советских работников и ученых из всех союзных и многих автономных республик страны, в том числе представители многих отраслей гуманитарных наук: экономисты, философы, историки, социологи, этнографы, языковеды, литературоведы, искусствоведы, изучающие национальные отношения и проблемы взаимодействия культур.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: П. Н. Федосеева, М. П. Кима, Ю. В. Бромлея, В. Вяляс, Ю. В. Арутюняна и Ю. Ю. Какха,

М. И. Куличенко, Ю. Д. Дешериева, Н. С. Надъярных. В обсуждении докладов на пленарных заседаниях и заседаниях двух секций приняло участие около 80 человек.

Участников конференции приветствовал Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Эстонской ССР И. Кэбин, отметивший ее большое теоретическое и общественно-политическое значение. Он сказал, что выдвинутые на конференции проблемы неотделимы от наиболее актуальных задач развития нашего общества — экономического и культурного строительства, воспитания советского человека, дальнейшего совершенствования советского образа жизни, в котором реально воплотились ленинские принципы подлинного равенства, дружбы и братства всех наций и народов СССР.

Во вступительном докладе академик П. Н. Федосеев говорил о важности опыта СССР в осуществлении ленинской национальной политики для братских стран социализма, а также для всех развивающихся стран. Развитие и сближение социалистических наций и народов, как отметил он, сопровождалось формированием общесоветской культуры, вобравшей в себя все лучшее из национальных культур народов СССР. Благодаря интенсивному взаимодействию и взаимообогащению культур общине интернациональные тенденции проникают в национальную культуру. В культурном развитии советского общества все ярче раскрывается диалектическое единство национального и интернационального. Процесс культурной интеграции народов особенно заметен в изменении материальной культуры. Остается все меньше и меньше людей, которые носят только национальную одежду, едят только национальную пищу и живут в традиционном-национальных жилищах, и уже почти никто не пользуется только национальными орудиями труда и средствами передвижения. Все это обусловлено общими закономерностями развития человечества в XX в. и является результатом общественно-исторического процесса, протекающего не только в СССР, но и в большинстве других стран мира, и особенно усилившегося в эпоху научно-технической революции. Развернувшийся в нашей стране процесс интернационализации культуры несомненно будет идти все более интенсивно. Однако в основе интернационализации культуры лежит не нивелировка национальных культур, а их взаимообогащение.

Значительное внимание П. Н. Федосеев уделил образу жизни, языковым аспектам национальных отношений, выдающейся роли рабочего класса в решении национального вопроса и в социалистических преобразованиях, проблемам интернационального воспитания. Комплексное изучение национальных отношений и процессов взаимодействия культур народов СССР, как сказал он, включает в себя целую серию общественно значимых направлений исследований: экономических, социальных, демографических, государственно-правовых, собственно культурных, языковых, психологических и некоторых других.

В докладе «Развитие социалистических национальных отношений и взаимообогащение культур народов СССР» М. П. Ким (Москва) указал, что только социализм создает реальные условия для перехода от разнородного по своему классовому составу общества к полной социальной однородности.

Докладчик отметил, в частности, что движение к коммунистической ассоциации трудящихся — сложный и многообразный процесс, в развитии которого определяющее значение имеет соотношение классового и национального, процессов социальной интеграции и интернационализации. Пока сохраняются классы и классовые отношения, они играют здесь главенствующую роль. Ведущая сила общественного развития — рабочий класс — является и главной интернационалистической силой мирового прогресса.

Один из важнейших аспектов процесса сближения наций — это интернационализация духовной жизни, взаимообогащение и сближение культур различных народов. Культура, по словам М. П. Кима, становится в настоящее время ареной борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом.

Доклад академика Ю. В. Бромлей был посвящен этническим аспектам современных национальных процессов в СССР. Докладчик высказал положение, что этнические аспекты национальных процессов проявляются в особенностях языка и культуры, в том числе в бытовой, повседневной культуре, народном искусстве, обычаях, обрядах, национальных особенностях, психологии и национальном самосознании. Ю. В. Бромлей подчеркнул, что ведущей тенденцией в развитии наций в настоящее время является межэтническая интеграция. В основе сближения культуры и образа жизни народов лежат общие социально-экономические процессы, единство идеологии, развитие всех народов в рамках одного государства. В докладе было отмечено, что в стране сложилась общесоветская духовная культура, которая впитала в себя достижения всех народов нашей многонациональной страны. Ю. В. Бромлей считает, что «в масштабах общечеловеческой культуры относительно возрос удельный вес общечеловеческого, но на каком-то этапе может быть даже возрастание особенного. Особенное неизбежно будет не только сохраняться, но и возрастать в существенных размерах. Особенное не сводится только к традиционному и даже к возрождению традиционного. Идет процесс не просто механического возрождения традиционного, а процесс адаптации его к современному, и для современного это многообразие необходимо».

Секретарь ЦК Компартии Эстонии В. Вяляс (Таллин) охарактеризовал работу партийной организации республики по интернациональному воспитанию трудящихся Эстонской ССР, уделяющей серьезное внимание взаимному обогащению и сближению культур братских социалистических наций, дальнейшей интернационализации всей куль-

турной жизни республики как мощному источнику расцвета эстонской национальной культуры. Благодаря этой работе новые черты, например, приобрела такая национальная традиция, как певческие праздники. По составу участников, по репертуару, по своей атмосфере эти праздники стали манифестациями братства народов нашей страны.

Ряд докладов и выступлений на пленарных и секционных заседаниях — Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, А. И. Гинзбург, Л. М. Дробнижева (Москва), Ю. Ю. Кахк (Таллин), Е. И. Клементьев (Петрозаводск), М. Г. Кумахов (Нальчик), И. Г. Югай (Сырдарья) и др. был посвящен результатам конкретных этносоциологических исследований, которые помогли составить представление о направлении, темпах и перспективах взаимодействия национальных культур.

На пленарном заседании был заслушан доклад Ю. В. Арутюняна и Ю. Ю. Кахка «Этносоциологические исследования развития и взаимодействия культур советских народов», в котором отмечалось, что советская культура отличается богатством и многообразием национальных форм. Исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР во многих союзных республиках — Эстонии, Молдавии, Грузии, Узбекистане и др., свидетельствуют об интенсивных темпах сближения социальной структуры советских наций, что создает основу для активного взаимодействия и взаимообогащения национальных культур. Из поколения в поколение, например, улучшается знание русского языка среди коренных национальностей республик, и в то же время русские во многих республиках охотно осваивают языки коренных национальностей. Известная специфика национальных культур, как показало исследование, сохраняется в сфере быта, что отражается и на семейных отношениях, и на занятости женщин в производстве, и на взаимоотношениях поколений.

В своем выступлении, посвященном психологическим аспектам национальных отношений, Л. М. Дробнижева проанализировала вопрос о влиянии культурных факторов (образования, нормативной культуры, глубины проникновения культуры в сознание человека, частоты межнационального общения и др.) на психологические аспекты национальных отношений. Она отметила, что каждый элемент культуры на отдельных исторических этапах оказывает различное влияние на человеческие отношения и, естественно, воспринимается человеком в соответствии с его потребностями и интересами.

Основным закономерностям взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур (как одной из характернейших черт прогрессивного развития человечества и мировой культуры) посвятил свой доклад «Социально-экономические основы взаимодействия культур в условиях зрелого социализма», прочитанный на пленарном заседании, М. И. Куличенко (Москва). Эти закономерности, сказал он, качественно преобразуются, необычайно усиливаются и приобретают новые формы в условиях зрелого социализма. В основе взаимовлияния и взаимообогащения культур лежат объективные социально-экономические факторы: 1) развитие производительных сил и совершенствование производственных отношений; 2) сближение двух форм социалистической собственности; 3) упрочение единого народнохозяйственного комплекса; 4) углубление процессов интернационализации общественной жизни, особенно в условиях научно-технической революции; 5) становление социальной однородности советского общества и 6) возрастание руководящей роли рабочего класса в этом процессе, упрочение и дальнейшее развитие советского народа как новой исторической общности людей. М. И. Куличенко говорил о том, что на основе анализа статистических данных и материалов конкретно-социологических исследований можно найти наиболее оптимальное сочетание интернациональных и национальных факторов, необходимое для подлинно научного управления развитием и национальных отношений.

В докладах и выступлениях П. Н. Федосеева, М. П. Кима, Ю. В. Арутюняна и Ю. Ю. Кахка, Ю. В. Бромля, Ю. Д. Дешериева (Москва), Э. Н. Пялль (Таллин), М. Н. Губогло, С. А. Арутюнова (Москва), И. Г. Югай и др. затрагивались языковые проблемы. Выступавшие обращали внимание на громадную роль русского языка в развитии советского общества и всех советских народов. Они подчеркивали, что это объясняется не лингвистическими особенностями русского языка, а миссией, выпавшей на его долю в силу исторических обстоятельств, о которых говорил В. И. Ленин.

На пленарном заседании с докладом «Языковые проблемы взаимодействия культур» выступил Ю. Д. Дешериев. Он подчеркнул огромную роль русского языка в дальнейшем развитии национальных культур.

В своем докладе М. П. Ким высказал мысль о том, что распространение двуязычия — наиболее рациональный путь развития языковой культуры. В настоящее время, сказал он, наблюдается процесс создания двуязычного общества — расцвет национальных языков и рост значения русского языка, основного языка информации в нашей стране, без которого трудно представить развитие культуры в целом.

Опираясь на материалы, собранные в ходе этносоциологических исследований, М. Н. Губогло попытался определить взаимосвязь между языком и культурной деятельностью человека. По его наблюдениям, практическое употребление языка оказывает более заметное влияние на процессы культурной интеграции, чем пассивное владение вторым языком. Иными словами, практическое использование второго языка при двуязычии имеет важное значение для социально-культурной деятельности человека.

М. З. Тутаев (Казань) в своем докладе отметил, что исследователи, акцентируя внимание на общественных формах культуры, иногда недостаточно глубоко изучают

динамику развития национальной культуры на разных исторических этапах. Докладчик полагает, что такой подход в условиях широкого распространения двуязычия может привести к преждевременному массовому угасанию интереса к национальному языку, что в свою очередь, по его мнению, вызовет нарушение гармонического сочетания национального и общенационального в развитии отдельных народов.

При обсуждении языковых проблем был поднят вопрос и о функциях национального языка, в частности, в сфере науки. Об этом говорилось в выступлении Э. Н. Пялль. Он показал, что в институтах АН ЭССР 92% сотрудников ведут работу (пишут, читают, общаются между собой) на эстонском языке и 8% — на русском (данные за 1974 г.). Многие при этом владеют двумя, а иногда и тремя языками. Э. Н. Пялль считает, что очень важно выяснить, в какой мере способствуют национальные языки научной работе.

Исследователи, занимающиеся языковыми проблемами, говорили о целесообразности проведения специальной конференции по теоретическим и практическим вопросам двуязычия, что облегчило бы разработку рекомендаций для органов просвещения.

По мере приближения к коммунизму в развитом социалистическом обществе повышается значение духовной культуры.

Советская многонациональная литература, как говорила в своем докладе на пленарном заседании Н. С. Надьярных (Москва), подходит к духовной жизни советских людей конкретно-исторически, раскрывая ее изменения во времени. Докладчик показал, как в процессе литературных взаимодействий осуществляется художественное познание национальной литературой важнейших тенденций духовной жизни советских людей.

Важное значение имеет изучение роли русской литературы в развитии межнациональных отношений в сфере духовной культуры, в интенсификации взаимообмена и взаимообогащения духовными ценностями, в укреплении взаимопонимания и доверия между народами. Этой теме посвятил свое выступление У. А. Гуральник (Москва). В формировании духовного единства советского народа, отметил он, выдающаяся роль принадлежала русской художественной культуре, в первую очередь прогрессивной литературе — выразительнице лучших духовных качеств народа. Русская литература, начиная со второй половины прошлого века, принимала деятельное участие в той «европеизации России», на историческую закономерность которой указывал В. И. Ленин. Русская литература знакомила читателей, в том числе и инонациональных, с прошлым и настоящим русского народа, воспитывала доверие к нему. «Вместе с тем, поскольку речь идет о многонациональном обществе,— сказал докладчик,— русская литература в лучших ее образцах служила познанию не только русского национального характера.

Во многих произведениях русских классиков содержалась богатейшая информация о духовном облике, нравах и обычаях народов больших и малых. При анализе этих произведений нетрудно убедиться в том, что перед нами источник знаний, из которого инонациональный читатель получал сведения о своих соотечественниках — украинцах, грузинах, дагестанцах, якутах, башкирах, татарах и др. В этом отношении русская литература — явление уникальное».

В докладах и выступлениях ставились вопросы о понятиях и дефинициях, которыми оперируют исследователи национальных проблем. Так, в докладе П. Н. Федосеева был затронут вопрос о понятиях «интернационализм» и «интернационализация». Понятие «интернационализация», как и сам процесс, отметил он, приобретает в настоящее время еще более широкое и глубокое значение, чем прежде. Определенную роль в развитии процесса интернационализации сыграли такие факторы, как рост солидарности с растущей национально-освободительной борьбой, упрочение союза с рабочим классом капиталистических стран, с народами развивающихся стран.

М. П. Ким, Ю. В. Бромлей, М. И. Куличенко говорили об применении понятий «интернационализация» и «интеграция культуры» при изучении социализма и капитализма. При капитализме эти процессы носят антигуманный, антагонистический характер, в то время как в советском обществе с исчезновением антагонизма классов исчез и антагонизм наций.

В докладе М. П. Кима был также затронут вопрос о содержании понятия «культурное сотрудничество между странами социализма и капитализма». По его мнению, это определение не совсем удачно. Некоторые историки-культуроведы в социалистических странах, сказал он, правильно считают, что лучше говорить о культурном обмене, поскольку культурное сотрудничество предполагает совместное достижение какой-то общей цели.

В выступлении К. С. Халлик (Таллин) особый интерес вызвало определение национальной культуры. Национальную культуру она предложила рассматривать как сложную систему различных элементов духовной жизни различных уровней, обладающую способностью саморазвития и сохранения даже в тех условиях, которые связаны с потерей отдельных ее элементов. К. С. Халлик считает, что национальная культура по своему внутреннему содержанию может быть определена как триединая система, в которой органично связаны этническое ядро, социально-обусловленный слой и национально-смешанный фонд, который возникает как результат взаимодействия, взаимовлияния и прямого заимствования духовной деятельности других наций.

В ходе выступлений дискутировался вопрос и о русскоязычной культуре (М. П. Ким, Ю. В. Бромлей, Л. М. Зак (Москва), В. С. Зеленчук (Кишинев), К. С. Халлик и др.). Выступавшие отмечали, что в исследовании многонациональной среды выделение не только русского, но именно русскоязычного слоя культуры очень существенно

для понимания процессов складывания духовного единства в многонациональных коллективах.

О проблеме соотношения объективных и субъективных факторов в становлении социалистических наций говорили М. П. Ким, Ю. В. Бромлей, М. И. Куличенко, В. К. Гарданов (Москва), М. Шукуров (Душанбе), Р. В. Даниленко (Кишинев), В. А. Лазутка (Вильнюс), В. И. Козлов (Москва) и др. Ю. В. Бромлей подчеркнул практическую значимость этого теоретического вопроса в области национальных отношений. В. К. Гарданов отметил, что при социализме в процессе интернационализации большое значение имеют как объективные, так и субъективные факторы, причем одни (например, руководящая роль КПСС) могут стимулировать, а другие (национальная замкнутость и ограниченность, несоциалистические установки и настроения отдельных людей) — тормозить эти процессы. Поэтому группу субъективных факторов, мешающих интернационализации, необходимо постоянно иметь в виду.

В. А. Лазутка показал, что недооценка субъективного фактора в области национальных отношений приводит порой к нежелательным последствиям, в частности, в воспитательной работе.

М. И. Куличенко обратил внимание на то, что неправильная оценка субъективных факторов отрицательно сказывается не только на интернациональном воспитании, но и затрудняет выравнивание уровней экономического, социально-политического и культурного развития народов.

В. И. Козлов подчеркнул необходимость изучения того, как в культуре каждого народа соотносятся элементы национальной, интернациональной и общесоветской культуры, какими факторами — объективными или субъективными — объясняется то, что один этнос активнее другого воспринимает общесоветские элементы.

В некоторых выступлениях был затронут вопрос о методологическом подходе исследователей-историков к изучению механизма взаимодействия и взаимообогащения культур. В. Т. Ермаков (Москва) говорил о необходимости выявления тех аспектов культуры, которые позволяли бы при исследовании процессов взаимодействия национальных культур говорить не только о взаимосвязях отдельных элементов (литературы, искусства, языков), но и о взаимовлиянии культур в целом. Для историков, сказал он, очень важно сейчас определить именно те сферы деятельности, где наиболее четко прослеживаются процессы взаимовлияния, взаимообогащения, и на основании которых можно судить о процессе взаимовлияния национальных культур в целом.

Во многих выступлениях так или иначе затрагивался вопрос о роли научно-технической революции, в том числе о роли средств массовой информации в современных национальных процессах и во взаимодействии национальных культур.

В выступлении О. Ф. Нечай (Минск) на материалах белорусского телевидения была показана роль телевидения в межнациональных связях народов СССР, а Е. В. Москвина (Брест) посвятила свое сообщение роли средств массовой информации в интернациональном воспитании народов Советского Союза.

Большое влияние на формирование интернационального мировоззрения читателей, слушателей, зрителей оказывает материал с национальной окраской, получаемый ими через прессу, радио, телевидение. В Институте этнографии АН СССР было проведено исследование этой проблемы, о чем говорила В. К. Малькова (Москва). Результаты сравнительного анализа республиканской прессы показали, что в газетах различных республик прослеживаются общие тенденции в освещении межнационального сотрудничества, однако каждая республиканская газета, учитывая специфику своей республики, делает собственный акцент при пропаганде различных направлений сотрудничества в экономике, культуре, науке. Конкретные социологические исследования такого рода могут способствовать выработке научно-обоснованных рекомендаций, которые будут использованы в практической деятельности соответствующих организаций.

В отдельных выступлениях, посвященных коммунистическому и интернациональному воспитанию молодежи (Р. Даниленко, И. Калитс и И. Шевчук — Тарту), речь шла о важности семейного воспитания в раннем возрасте, о значении воспитания в коллективе, об эмоционально-эстетическом воздействии в процессе воспитания.

В ходе выступлений ставились проблемы историографии (Е. А. Зайцева — Донецк, В. Л. Сооскин — Новосибирск, М. Шукуров — Душанбе).

Серьезные упущения в библиографической работе ведут к тому, отметила Е. А. Зайцева, что многие исследователи тратят массу времени на сбор литературы по изучаемым вопросам. Вместе с тем издание квалифицированных научных библиографических указателей по истории развития советских наций и национальных культур способствовало бы в значительной мере рационализации научного труда и дало бы возможность увидеть «белые пятна», вскрыть диспропорции в изучении отдельных проблем. По мнению выступавших, подготовка такой библиографии должна быть организована ведущими научными центрами с участием представителей всех советских республик.

В научной литературе и партийных документах неоднократно подчеркивалось большое политическое и научное значение исследования образа жизни. Об этом говорил П. Н. Федосеев, призывавший к комплексному изучению образа жизни; этой проблеме были посвящены выступления Г. Е. Маркова (Москва), Н. М. Блинова (Москва), В. П. Киселева (Москва) и др.

Рассматривая содержание понятия «образ жизни», Г. Е. Марков выделил две точки зрения советских исследователей на образ жизни как социально-экономическую катего-

рию: одни относят его к надстроечным явлениям духовной жизни, другие, в том числе и он сам, полагают, что это базисное явление, очень тесно связанное со сферой духовной жизни, в том числе и с культурными явлениями. Важной составной частью образа жизни, по мнению Г. Е. Маркова, является культура всего общества в целом и отдельных составляющих его национальных, социальных и прочих слоев и групп. Хотя сами по себе факторы культуры не определяют образ жизни в целом, однако представляют собой один из важных его показателей, тем более что культура тесно связана, с одной стороны, с экономическим базисом, а с другой стороны, со всей широкой сферой духовной жизни деятельности общества. Подводя итоги конференции, Ю. В. Бромлей отметил важность ее для представителей различных научных дисциплин, занимающихся национальными проблемами. Одна из главных особенностей прошедшей конференции, сказал он, состоит в том, что на ней уделялось большое внимание теоретическим проблемам.

В резолюции, принятой участниками конференции, было записано: «В целях дальнейшего совершенствования разработки национальных проблем конференция считает необходимым более последовательно и целенаправленно осуществлять координацию деятельности научно-исследовательских учреждений, а также вузов по изучению национальных проблем. Особое значение приобретает развертывание комплексных исследований, сочетающих экономические, социальные, государственческие, этнографические, лингвистические, психологические аспекты изучения развития наций и межнационального сближения.

Следует расширить этносоциологическое изучение взаимодействия культур, исследование культуры и быта как составной части образа жизни советских народов, общесоветских черт в культуре наций и народностей нашей многонациональной страны.

Дальнейшие усилия должны быть направлены на изучение связанного с развитием культуры национального самосознания и национальных особенностей психологии народов.

Позитивную разработку проблем развития и взаимодействия культур народов нашей страны необходимо теснее связывать с научной критикой буржуазных извращений решения национальных проблем в СССР.

Изучение межнациональных связей и взаимодействий культур требует повышения профессионального уровня исследований, совершенствования методики, применения новых методов, особенно при изучении современной культуры и быта, межнациональных отношений».

Работа конференции широко и всесторонне освещалась в печати, по телевидению, радио.

В. К. Малькова

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКИЙ СИМПОЗИУМ В ШАНТИНИКЕТАНЕ

В соответствии с планом Советско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук советская делегация приняла участие в симпозиуме «Традиционные институты в процессе модернизации общества: опыт Индии и советских республик Средней Азии», проходившем с 22 по 27 февраля 1977 г. в Индии, в Шантиникетане (Западный Бенгал).

Симпозиум был посвящен одной из основных проблем общественных наук на современном этапе: изменение традиционных социальных институтов, норм быта и форм культуры в условиях модернизации общества неизменно обсуждается в последние годы на международных конгрессах, симпозиумах и конференциях историков, этнографов и социологов. Вопрос о трансформации традиций и их соотношении с инновациями в условиях социального и культурного прогресса общества особенно актуален в странах социализма, а также в развивающихся странах, где наиболее сильны сдвиги в политическом, экономическом и социальном развитии, что обуславливает и более глубокие изменения во всех сферах жизни народов этих стран. Отношение к традициям здесь научно-практическое, этим объясняется и большой интерес ученых развивающихся стран к историческому опыту Советского Союза, к мероприятиям Советского государства, способствовавшим преодолению консервативных социальных институтов, к его национальной политике и теоретическим основам марксистско-ленинской концепции проблемы традиций и инноваций в многонациональной стране, в условиях социализма. Для развивающихся стран Азии в этом аспекте наибольший интерес представляет преобразование традиционных форм социальной структуры, бы-

тового уклада и культуры у народов советских республик Средней Азии и Казахстана, поскольку многие традиционные институты, характерные для последних до революции, сопоставимы с аналогичными институтами у народов Зарубежной Азии, лишь недавно освободившихся от ига колониализма.

Это обстоятельство было учтено при выборе тем докладов советских делегатов, представленных на симпозиум.

Советскую делегацию на симпозиуме возглавляла заведующая сектором народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР Т. А. Жданко. В состав делегации входили: член-кор. АН Казахской ССР Г. Ф. Дахшлейгер, А. Оразов (Ин-т истории АН Туркменской ССР), М. К. Кудрявцев (Ин-т этнографии АН СССР) и Л. Б. Алаев (Ин-т востоковедения АН СССР). Переводчиком делегации была Н. С. Ермакова — преподаватель кафедры иностранных языков АН СССР.

Кроме докладов делегатов, были представлены доклады советских специалистов, не поехавших на симпозиум: Г. П. Васильевой, А. Н. Седловской, Л. М. Дробижевой (Ин-т этнографии АН СССР), М. А. Хамиджановой (Ин-т истории АН Тадж. ССР). Всего советская делегация представила на симпозиум девять докладов; шесть — по среднеазиатской тематике, один — по смешанной (доклад А. Н. Седловской), и два — по индийской.

Индийская делегация представила 10 докладов. В состав делегации вошли главным образом социальные антропологи (этнографы) и социологи из различных индийских университетов, а также сотрудники Антропологической службы Индии. Среди социологов были проф. А. Р. Десаи (департамент социологии Бомбейского ун-та), проф. П. Ч. Джоши (Ин-т экономического развития, Делийский ун-т) и д-р К. Парватхамма (департамент социологии Майсурского ун-та). Из этнографов в симпозиуме участвовали такие видные ученые, как проф. Б. К. Рой-Бёрман (Ун-т им. Джавахарлала Неру, Дели), проф. Л. К. Махпатра (департамент антропологии Уткарского ун-та, Бхубанешвар), д-р К. С. Сингх (глава Антропологической службы Индии, Калькутта), д-р М. К. Мисра (Южно-Индийская станция Антропологической службы Индии, Майсур), проф. С. Ч. Синха (Ун-т Вишва-Бхарати, Шантиникетан), а также специалист по истории городского населения Индии д-р С. Сабервал (Центр исторических исследований. Ун-т им. Джавахарлала Неру, Дели).

Утром 21 февраля советскую делегацию встретили в делийском аэропорту Палам организаторы симпозиума с индийской стороны — сопредседатель Советско-индийской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук, председатель Индийского совета по социальным исследованиям, глава Политического центра (Школа политических наук) Университета им. Джавахарлала Неру — проф. Рашид ад-Дин Хан и директор Индийского совета по социальным исследованиям Д. Д. Нарула¹. В Дели нам предстояло провести день — до вечернего самолета в Калькутту. Здесь была организована встреча делегации с профессорско-преподавательским составом Университета им. Джавахарлала Неру — центрального высшего учебного заведения в области общественных наук. Некоторые индийские ученые интересовались не только предстоящими выступлениями нашей делегации, но и содержанием следующих симпозиумов в Индии и Советском Союзе, в которых они собираются принять участие.

Нас познакомили со строящимися и уже функционирующими учебными и научными объектами университетского городка. На политическом факультете наши делегаты выступили перед собранием преподавателей и аспирантов с короткими сообщениями о задачах и основных проблемах советской этнографической науки, о деятельности своих институтов и о своих научных исследованиях. Было задано много вопросов, сообщения вызвали у аудитории живой интерес.

Поздно вечером делегация была уже в Калькутте, а утром 22 февраля выехала поездом в Шантиникетан. Там расположен основанный Рабиндранатом Тагором университет Вишва-Бхарати, вице-канцлер (ректор) которого, проф. Сураджит Чандра Синха, был главным научным организатором симпозиума и в дальнейшем стал гостеприимным хозяином для всех его участников.

¹ В Индии нет Академии наук. Индийский совет по социальным исследованиям является высшей инстанцией, координирующей развитие общественных наук в стране.

Торжественное открытие симпозиума состоялось в Уттараяне — бывшей резиденции Рабиндраната Тагора. Кроме делегатов, присутствовали преподаватели и сотрудники университета. Приветственные речи произнесли представители университета, главы советской и индийской делегаций, а также старейший обитатель Шантиникетана, бывший секретарь Тагора, П. К. Мухонадхьяя. Там же в 6 часов вечера состоялось первое заседание симпозиума, на котором были заслушаны вступительные доклады Т. А. Жданко, С. Ч. Синхи и Б. К. Рой-Бёрмана.

В последующие дни — 23—26 февраля — на семи заседаниях зачитывались и обсуждались остальные 16 докладов, сгруппированные по четырем основным проблемам: 1) изменения в культуре и способах производства; 2) трансформация кочевого образа жизни; 3) этнические процессы и движения протеста; 4) изменения в структуре сельских и городских общин.

Доклады советских ученых, посвященные народам Средней Азии и Казахстана, были построены в основном на конкретном материале этнографических исследований последних лет; как правило, они содержали исторические введения, а также много документальных и цифровых данных и представляли собой объективную научную информацию о путях осуществления в советский период социалистических преобразований у народов Средней Азии и Казахстана. В то же время в докладах затрагивались общие проблемы истории советского общества и ленинской национальной политики Советского государства. Это дало возможность докладчикам как в тексте докладов, так и во вступительных словах осветить ряд методологических и исторических проблем, связанных с темой модернизации традиционных институтов.

Доклады индийских ученых носили несколько иной характер. Большое место в них отводилось анализу индийских социальных институтов, трансформация которых неразрывно связана с политикой экономических и социальных преобразований в современной Республике Индии. Пути дальнейшего социального развития — здесь в настоящее время наиболее актуальная, жизненно важная проблема, и естественно, что она занимает главное место в современных исследованиях индийских социологов и этнографов. Не менее актуальна и проблема национального развития Индии — в связи с чрезвычайно сложным этносоциальным составом ее населения (племена, касты и т. д.). Все это обусловило ведущие направления исследований индийских участников симпозиума, доклады которых охватывали широкие социальные проблемы современной Индии, нередко выходящие за пределы основной темы симпозиума, такие, как социально-экономический анализ аграрного строя Индии и его эволюция; особенности социальной структуры современного индийского города; процесс консолидации индийского народа в пределах республики (индийской «нации» в понимании ее западной наукой) и роль в этом процессе народных движений; степень включенности во всеиндийскую социально-экономическую структуру так называемых «племен» и других групп населения и т. д.

Несмотря на различные направления исследований советских и индийских ученых на современном этапе, доклады обеих сторон вызвали обоюдный интерес и оживленное обсуждение. С первых часов работы симпозиума определились дружественное отношение индийских ученых к советским коллегам и глубокий интерес к преобразовательным процессам, происходящим в условиях социализма в нашей стране, в частности в республиках Средней Азии и Казахстана. Следует отметить, что с наибольшим вниманием индийские коллеги относятся к вопросам истории этих преобразований — характеристике положения народов Средней Азии накануне Октябрьской революции и к социально-экономическим мероприятиям Советского государства в первые годы социалистического строительства.

Это выявилось уже после первого доклада, сделанного Т. А. Жданко, на тему «Исторический путь трансформации этнокультурных традиций у народов советской Средней Азии и Казахстана», вызвавшего оживленное обсуждение. В докладе излагалась марксистско-ленинская концепция культурной преемственности, различающая прогрессивные народные традиции и традиции консервативные — пережитки устаревших норм быта, косности нравов; рассматривался вопрос о формировании новых, общесоветских традиций, о взаимодействии традиций и инноваций, порожденных социалистическим образом жизни; были освещены некоторые вопросы национально-государственного строительства в Советской Средней Азии, разъяснено значение образо-

вания суверенных национальных государств и их вступления в Союз Советских Социалистических Республик как факторов, способствовавших процессам развития и сближения социалистических наций; показаны некоторые особенности национальной политики Коммунистической партии и Советского государства в этом регионе, учитывавшей отсталость его народов в дореволюционном прошлом и специфику пережитков патриархально-феодальных отношений на первых этапах социалистического строительства и социально-экономических преобразований.

С докладом Т. А. Жданко были тесно связаны оглашенные на второй день заседаний доклады Л. М. Дробижевой «Образование и культурные традиции в современной жизни узбекского народа», М. Хамиджановой «Изменения традиционного бытового уклада жителей высокогорного Таджикистана после переселения в предгорья и на равнины» и Г. П. Васильевой «Положение женщины в современной семье и общественной жизни народов Советской Средней Азии». При обсуждении этой серии докладов внимание индийских ученых привлек вопрос о типах традиций и различии их исторической роли. Много вопросов вызвали разделы докладов, освещающие изменения старых обычаев; некоторые из выступавших (К. Парватхамма и др.) высказывали сомнение в целесообразности преодоления старых обычаев, указывая на то, что они составляют якобы неотъемлемую часть системы культурно-бытовых традиций народа и тесно связаны с религиозно-мировоззренческой сферой. Высказывалось предположение, что отрицательная роль таких обычаев, как, например, калым, преувеличивается докладчиками. От имени отсутствовавших на симпозиуме авторов докладов с дополнительными разъяснениями выступили Т. А. Жданко, Г. Ф. Дахшлейгер, А. Оразов; приведенные в их выступлениях конкретные этнографические материалы, характеристика обычаев и форм их бытования в наше время у разных народов Средней Азии позволили индийским коллегам яснее представить себе сущность проблемы и рассеять многие сомнения. Но все же создалось впечатление, что у индийских этнографов преобладает подход ко всем культурно-бытовым традициям как к культурным ценностям одного порядка. Поэтому мы были рады услышать на одном из последних заседаний симпозиума, что участники его, отмечая значение методологических принципов советских этнографов, говорили и о важности научной классификации традиций.

Дискуссия по этим докладам была продолжительной и оживленной. Индийские делегаты заинтересовали также некоторые специальные аспекты развития образования и культуры в Средней Азии. Так, Б. К. Рой-Бёрман и С. Синха отметили большой интерес этнографических и социологических материалов докладов, свидетельствующий о том, что рост образования не приводит к нивелировке национальных черт культуры. Были приведены в качестве аналогий примеры из жизни индийских народов высказано мнение о закономерности связи развития образования с ростом этнического самосознания и заботой о традиционных чертах культуры. В ходе дискуссии по этому вопросу советские докладчики ответили и на опасения некоторых индийских коллег по поводу того, не означает ли возрастание общесоветских элементов культуры «вытеснения» элементов национальных. Таким образом, проблема соотношения национального и интернационального в этнокультурных традициях оказалась также чрезвычайно актуальной. Много вопросов вызвал доклад Л. М. Дробижевой. Высказывалось сожаление, что он слишком краток. Приведенные в нем интересные материалы и цифровые данные требовали, по мнению выступавших, более подробных комментариев.

Доклад М. А. Хамиджановой также вызвал интерес в связи с актуальными для Индии проблемами переселения горцев на равнину.

Во второй половине того же дня продолжалось обсуждение докладов, связанных с проблемой «Изменения в культуре и способах производства». Были заслушаны доклады: А. Р. Десаи — «Меняющийся облик сельского общества в Индии», К. С. Синха — «Экономика племен в Индии», П. Ч. Джоши — «Изменения в сельскохозяйственной социальной структуре» и Л. К. Махапатры «Племенная и кастовая цивилизация национальное строительство в Индии». Доклады были интересными и вызвали продолжительную дискуссию.

Помимо обширной научной информации о современном состоянии традиционных социальных институтов у народов Индии они дали возможность составить впечатлени-

о характере и методах исследований индийских этнографов и социологов и их идейно-политической ориентации. Можно считать, что основными докладами симпозиума с индийской стороны были обстоятельные доклады профессоров А. Р. Десаи и П. Ч. Джоши, посвященные вопросам развития аграрных отношений. Оба доклада учитывали марксистскую теорию аграрного вопроса и дополняли друг друга.

А. Р. Десаи — крупный специалист в области социологии села — остановился на классовых отношениях в деревне. Приведя примеры имущественной дифференциации в деревне после аграрных реформ, докладчик доказывал, что классовые противоречия в деревне сильно обострились.

Большой интерес вызвал доклад П. Ч. Джоши (сам автор на заседаниях отсутствовал). Выступали по нему как индийские делегаты (Десаи, Нарула, Сен-Гупта), так и советские (Л. Б. Алаев, М. К. Кудрявцев, Г. Ф. Дахшлейгер). Выступавшие поддерживали тезис докладчика о том, что механическое перенесение на Индию концептуальных моделей западного феодализма препятствует пониманию истинного положения дел в этой стране. Как и А. Р. Десаи, П. Ч. Джоши считает господствующими в сельском хозяйстве капиталистические отношения.

Одну из особенностей индийского феодализма в колониальный период П. Ч. Джоши видит в нечетко выраженной классовой дифференциации, поскольку оба класса — феодалы и крестьянство — были расчленены на различные социальные группы по признакам касты, религии, различных традиционных социальных и имущественных статусов. В связи с нечеткостью классовой дифференциации в колониальный период почти не было чисто классовых освободительных движений. И в настоящее время, по мнению докладчика, большая сложность аграрного строя и запутанность социальных отношений мешают прогрессивным аграрным преобразованиям и задерживают процесс созревания классового самосознания.

В докладе главы Антропологической службы Индии К. С. Сингха имелся тезис о том, что в Индии понятие «племя» приобрело чисто политическое значение; докладчик соглашался с теми, кто утверждает, что в действительности не существует единой племенной системы. Однако в противоречие этому тезису в докладе экономика племен традиционно рассматривалась как нечто единое, хотя и проявляющее иногда этнические различия, но по уровню развития стоящее ниже некой племенной экономики. Естественно, что эта противоречивость подхода к проблеме мешала наметить какие-либо новые пути для ее разрешения.

М. К. Кудрявцев выступил с критикой доклада К. С. Сингха, отмечая необъективность самого понятия «племенной экономики», составляющего основную тему доклада. Поскольку племена в Индии находятся на очень разных уровнях социально-экономического развития (от охоты и собирательства до развитого земледелия), введение обобщенного понятия «племенной экономики», по его мнению, неправомерно.

Доклады под рубрикой «Трансформация кочевого образа жизни» были сделаны 25 февраля. Это доклады: Г. Ф. Дахшлейгера — «Влияние перехода к оседлости на традиционные социальные институты прежних кочевников (по материалам Казахской ССР)», А. О р а з о в а — «Преобразование традиционного скотоводческого быта туркмен в условиях советского строя», П. К. М и с р ы — «Существование кочевников и оседлого общества».

Учитывая интерес индийских коллег к истории социалистических преобразований в республиках Советского Востока, Г. Ф. Дахшлейгер выступил с обширным введением к своему докладу, в котором детально охарактеризовал аграрную политику Советского государства в Казахстане, историю советизации казахского аула, осуществление принципа добровольности вступления в кооперативы и перехода к оседлому образу жизни. Это выступление, как и сами доклады Г. Ф. Дахшлейгера и А. Оразова, посвященные вопросам социально-экономических и культурно-бытовых изменений в традиционном укладе жизни прежних кочевников-скотоводов Средней Азии и Казахстана, вызвали много вопросов, относящихся к особенностям аграрной политики, процессам изменения архаических форм социальной структуры кочевников (судьбы племенных групп, феодальной верхушки и др.), основным трудностям, возникавшим на пути изживания консервативных норм кочевого быта. Большой интерес проявили индийские коллеги к тому, каково было в эти годы соотношение административных мер, проводимых государством в соответствии с советским законодательством, с мето-

дом убеждения, пропаганды, развитием фактора сознательности масс, обусловившим добровольность объединения в кооперативы и перехода к оседлости. Отвечая на многочисленные вопросы, докладчики и другие советские делегаты глубже разъясняли национальную политику партии, приводили исторические факты, конкретные примеры, статистические данные.

Проблемы оседания и плановые мероприятия по переходу к оседлости кочевников Средней Азии вызвали всеобщий интерес участников симпозиума. Представлялось, что советский опыт в этом отношении может быть полезным и для практического перевода на оседлость некоторых групп «номадов» в Индии. Но в процессе дискуссии выяснилось, что проблемы номадизма в Индии и в Средней Азии несоизмеримы как по характеру, так и по значению.

Доклад П. К. Мисры показал большие расхождения в понимании номадизма индийскими и советскими исследователями. «Симбиотические номады» П. К. Мисры связаны с особенностями индийского кастового общества и не имеют отношения к номадизму в нашем понимании. П. К. Мисра в своем докладе говорил по существу даже не о кочевниках, а о бродячих профессиональных группах сезонных отходников на заработки. Но даже такие «номады» (принадлежащие к культурно-хозяйственному типу охотников и собирателей), как ченчу и бирхоры, не идут в сравнение по уровню своего социально-экономического развития ни с одним в прошлом кочевым народом Средней Азии. Это преимущественно мелкие этнические группы бродячих охотников и собирателей, еще не вышедших из стадии родовой организации.

Доклад Л. К. Махапатры по существу относился уже к третьей серии докладов — «Этнические процессы и движения протеста» — и обсуждался вместе с докладами Б. К. Рой-Бёрмана «Изучение этнических процессов в Индии», А. Н. Седловской «Изменения в традициях малых народов в связи с этническими процессами интеграции (по материалам Центральной Индии и Советской Средней Азии)», а также с докладом Ч. Парватхаммы «Роль движений протеста в социальной трансформации в Индии».

Если в докладе К. С. Сингха рассматривалась «племенная экономика», то в докладе К. С. Махапатры объектом изучения была «племенная и кастовая культура» в широком смысле слова. Доклад содержал исторический экскурс, но в основном был посвящен современному состоянию племенной и кастовой (преимущественно низших каст) проблем в индийском обществе. Докладчик не пользовался официальными терминами «зарегистрированные племена» (scheduled tribes) и «зарегистрированные касты» (scheduled castes), тем не менее все племена и все соответствующие касты рассматривал как некие общности, с общими для каждой из них проблемами. Не настаивал он и на так называемой интеграции как единственном пути решения этих проблем. Термин «этнические группы» он равно применял и к племенам, и к кастам, из чего следовало, что и проблемы существования тех и других он рассматривает как этнические. Основной его тезис заключался в том, что индийская цивилизация на протяжении веков была всегда многоплеменной и многокастовой и что консолидация «индийской нации» может происходить при сохранении племенных культур и племенного самосознания.

По докладу выступили С. Синха, М. К. Кудрявцев, Т. А. Жданко и др. С. Синха поставил важный для индийцев вопрос: племена ли должны пойти навстречу обществу или общество навстречу племенам? М. К. Кудрявцев возражал против понятия и термина «племенная цивилизация», утверждая, что не может существовать никакой общей усредненной цивилизации для 400 разных племен, расселенных по громадной стране. Между тода, бирхорами, кхаси и нага, например, нет ничего общего ни в хозяйстве, ни в культуре, ни в социальной структуре. Региональное рассмотрение культуры некоторых племен закономерно только на ограниченной территории.

Выступая по докладу К. Махапатры, наши и индийские ученые предлагали региональный и исторический подход к изучению племен, с учетом различий в уровне общественного развития, культуры и истории каждой племенной группы. В связи с развитием дискуссии по вопросам определения племени, нации и других этнических общностей индийские коллеги с большим вниманием выслушали выступление Т. А. Жданко, изложившей точку зрения советских этнографов на исторические типы этнических общностей.

Большая часть интересного доклада Б. К. Рой-Бёрмана была посвящена, вопреки заглавию, не этническим, а политическим, социальным и национальным проблемам Индии как государства, рассматриваемым в историческом плане, начиная с колониального периода. Только в конце, анализируя судьбы племен, автор говорил о действительно этнических процессах и высказал несколько важных суждений. Например, он отметил, что многие племена давно уже не примитивны (мы бы сказали, давно уже не «племена»), однако сохранились как этнические общности «и гордятся этим». Он также указывал на заблуждение некоторых ученых, предполагающих, что процесс трансформации, развития примитивных племен автоматически превратит их в крестьян, т. е. в земледельцев. Все это важно потому, что в Индии еще распространены представления о неизбежности исчезновения племен в процессе прогрессивного развития.

Доклад А. Н. Седловской дал индийским коллегам материал для сравнения изменяющихся традиций у индийских «племен» и у малых народов Средней Азии. Для сопоставления были взяты материалы по уйгурам и дунганам в Средней Азии и по народам Чхота Нагпура в Индии. Следует отметить положительную реакцию на изложенные в докладе А. Н. Седловской сведения об этнических процессах, происходящих в среде уйгуров и дунган. Выступавший по этому докладу Б. К. Рой-Бёрман горячо подтвердил достоверность и правильную трактовку процесса прогрессивного развития малых народов, указав, что сам убедился в этом во время своей поездки в Среднюю Азию, когда он посетил, в частности, и уйгурские селения. Он подчеркнул также, что достижения республик Средней Азии, о которых он может судить по личным впечатлениям, многосторонни и грандиозны.

На этом заседании, посвященном проблеме этнических процессов в Индии и Советской Средней Азии, особенно ярко выявились различия понятийного аппарата и терминологии, которыми пользуются советские и индийские ученые. Вопросы теории этноса и этнических процессов последними вообще не разрабатываются, и с советской научной литературой по этим проблемам они, как выяснилось, мало знакомы, поэтому оказалось необходимым в ходе дискуссии подробно охарактеризовать понятия этноса и этнических процессов, а также ознакомить индийских коллег с характеристикой основных типов этнических общностей, отметив как их историческую преемственность, так и возможность их сосуществования в обществах с различными социально-экономическими укладами. В частности, большое значение имело ознакомление участников симпозиума с проблемой интеграции племен, по мнению некоторых индийских коллег успешно разрешенной в Советской Средней Азии. Это мнение сложилось в результате ряда наших выступлений, характеризующих поздние племена в Средней Азии с точки зрения их социальной сущности, их места в иерархии этнических общностей и характерной для современного этапа замены у них племенного самосознания, заменившегося самосознанием национальным — принадлежности к той нации, в которой они постепенно растворялись, утратив «племенные символы» и былую обособленность. Это направление дискуссии следует считать очень важным, учитывая значение проблемы «племен» в современной Индии, перспектив их дальнейшего развития.

Особое место занял доклад Ч. Парватхаммы о роли движений протеста в социальной трансформации. Она исследовала движения социального протеста, особенно антикастовые движения, начиная с джайнизма и буддизма в древности, движения бхакти в средние века, до антибрахманских движений лингаятов в Южной Индии, всендийского движения неприкасаемых под руководством Б. Р. Амbedкара в 30—40-х годах нашего века и более поздние.

Доклад вызвал большую дискуссию. И советские, и индийские делегаты отмечали отсутствие в нем исторического подхода к анализу движений протеста, задавали вопросы о том, как изменялись их предпосылки в периоды доколониальный, колониальный и после освобождения Индии. Отмечались также неправомерность классификации движений по кастовой принадлежности их лидеров и необходимость выявлять объективные исторические причины каждого движения протеста. В обсуждении этого доклада принял участие Л. Б. Алаев. Он отметил неубедительность ряда положений Ч. Парватхаммы, неясность ее критериев для определения «успеха» или «безуспешности» движений и недостатки, ошибочность «кастового» подхода в оценке их результатов. Вместе с тем все выступавшие подчеркивали большое значение и актуальность темы, которую разрабатывает Ч. Парватхамма.

В заключительный день заседаний, 26 февраля, были заслушаны три доклада, объединенных рубрикой «Изменения в структуре сельских и городских общин»: М. К. Кудрявцева — «Черты общинной организации в современной индийской деревне», Л. Б. Алаева — «Роль исторических данных в изучении традиционных институтов современной Индии» и С. Сабервала — «Изменение городских общин».

Доклады индологов Л. Б. Алаева и М. К. Кудрявцева были встречены хорошо и получили немало одобрительных отзывов. Так, выступая по докладу М. К. Кудрявцева, С. Синха и Б. К. Рой-Бёрман выразили полное согласие с его тезисами и обратили внимание на хорошую осведомленность докладчика в вопросах современного положения индийской деревни.

Получило поддержку также основное положение доклада Л. Б. Алаева — о важности сочетания социологических и исторических методов при исследовании современного кастового строя и общинных институтов. По этому докладу выступили председательствовавший К. С. Сингх, С. Сабервал, историк Дас-Гупта, М. К. Мисра и др.

Оживленную дискуссию вызвал доклад С. Сабервала. Докладчик показал, какая сложная обстановка складывалась между кастовыми группами в городах в борьбе за и против устоявшихся традиций. Процесс изменения городских общин автор не делит на колониальный и постколониальный периоды, считая последний непосредственным продолжением первого. Он говорил о «деиндустриализации» профессиональных групп сельского населения, пополнявшей не кадры городского пролетариата, а безземельное население деревни, что, по его мнению, одновременно означало «декрестьянизацию» этого населения. В результате земельные группы деревни (в этом он соглашался с проф. Десаи) социально обособлялись от остального сельского населения.

Некоторое смягчение кастовых различий происходило в группе высших каст, что создало новую социальную элиту, забравшую в свои руки всякого рода реформаторские и национальные движения. Социальные перегородки между другими кастовыми группировками в городах не претерпели существенных изменений за время независимости.

По докладу С. Сабервала выступили А. Р. Десаи, М. К. Кудрявцев и другие. М. К. Кудрявцев высказал сомнения относительно правомерности деления индийских городов на две категории — метрополии и провинциальные; он предложил выделить также новые промышленные центры, где описанная автором ситуация уже установилась и приобрела свои особенные черты. Своеобразно там складываются даже межкастовые отношения.

Наряду с работой симпозиума осуществлялась широкая программа культурных мероприятий, организованных для его участников. Так, первая половина дня 24 февраля была посвящена знакомству делегатов с Шантиникетаном и Университетом Вишва-Бхарати. Департаменты (факультеты) университета, каждый в отдельном здании, распределены по всей территории парка Шантиникетана. Мы познакомились с департаментами иностранных языков, социологическим, искусств и сельскохозяйственным, а также с научным центром китаеведения.

В Университете Вишва-Бхарати, кроме индийцев, обучаются студенты из ряда стран Азии и Африки. При университете функционирует специальная полная средняя школа с совместным обучением, выпускники которой имеют преимущества при поступлении в этот университет. Некоторые классные помещения пустовали, а уроки младших и средних классов проходили на лужайках под открытым небом. Кроме общеуниверситетской, в каждом департаменте есть своя, иногда весьма солидная библиотека, а в департаменте искусств — и специализированные мастерские.

Рядом с Шантиникетаном, в сельской местности, именуемой Шриникетан, делегаты посетили департаменты общественных работ и сельского переустройства. Руководители департаментов познакомили гостей с учебными планами и практической деятельностью студентов по переустройству жизни в ближайших деревнях.

В один из вечеров состоялся концерт, организованный для делегатов силами студентов и преподавателей. Концерт включал сольные и групповые музыкальные и танцевальные номера. Исполнялась музыка Рабиндраната Тагора. Некоторые выступления студентов департамента искусств были на высоком профессиональном уровне. Сантальский групповой танец исполнялся с участием самих санталов, живущих в

окрестностях Шантиникетана. Концерт вызвал большой интерес у всех присутствовавших.

Вечером 25 февраля делегатам симпозиума были показаны этнографические фильмы из фильмотеки Антропологической службы Индии. Наибольший интерес вызвал фильм об онге Андаманских островов.

Была организована экскурсия в музей Рабиндраната Тагора и просмотр кинофильма об этом великом бенгальском поэте, писателе и деятеле культуры. Чрезвычайно интересной, в особенности для этнографов, была поездка делегатов в небольшую (менее 150 человек) сантальскую деревню. Санталы в Индии считаются племенем, хотя общая их численность в стране превышает 3 млн. чел. Была выбрана одна из беднейших деревень (со средним месячным доходом на семью около 60 рупий), которая с прошлого года включена в орбиту деятельности Департамента сельского переустройства с целью всестороннего ее развития в соответствии со специально разработанным планом.

Жители деревни радушно встретили гостей, чувствовали себя непринужденно, охотно фотографировались и устроили импровизированный концерт — групповой танец женщин и девочек под звуки барабанов, на которых играли юноши и подростки.

Однако условия существования санталов, живущих по соседству с Шриникетаном, а в особенности с таким культурным центром, как Шантиникетан, производят впечатление отсталых даже по сравнению с бытом санталов в Бихаре или в районе Миднапура в том же Западном Бенгале. Остается только надеяться на благополучное осуществление планов помощи в развитии деревни со стороны Департамента сельского переустройства.

26 февраля, снова в доме-музее Рабиндраната Тагора, состоялось заключительное заседание симпозиума, на котором главы делегаций подвели итоги его работы; выступили также некоторые его участники, говорившие о своих впечатлениях от дискуссий и выразившие удовлетворение от этого первого опыта совместной работы.

Обеими сторонами было признано, что симпозиум много дал для советско-индийского сотрудничества в области общественных наук. Отмечалось значение широкого обмена информацией, знакомства с материалами, которыми оперируют советские и индийские ученые, с теоретическими установками и методологическим подходом к анализу сложных проблем, с методикой исследований. Чрезвычайно важен был сам факт встречи и личного знакомства, позволивший продолжать обмен мнениями и вне заседаний.

Научные дискуссии, проходившие на симпозиуме, были очень интересными, чему во многом способствовал состав участвовавших в нем видных индийских ученых, безусловно, прогрессивно настроенных, искренне стремившихся понять современные социальные и этнокультурные процессы развития народов Советского Союза, внимательно и серьезно учитывавших объективный материал, изложенный в наших докладах, и с искренним интересом относившихся к методологии исследований советских этнографов.

Расстались участники симпозиума друзьями, готовыми на расширение и углубление научных связей.

27 февраля наша делегация отбыла в Калькутту. На следующий день мы осматривали город, ознакомились с этнографической экспозицией Индийского музея, с Национальной библиотекой и ее русским отделом, возглавляемым доктором Харишем Гуптой, участвовавшим в работе нашего симпозиума. Возвратившийся также с симпозиума глава Антропологической службы Индии советник правительства по антропологии К. С. Сингх устроил в честь делегации прием и передал в дар Институту этнографии АН СССР комплект новейших изданий трудов сотрудников Антропологической службы. Затем делегация вылетела в Дели. Здесь 1 марта делегаты были приглашены членами Индийско-советской комиссии по сотрудничеству в области общественных наук на прием в Международный центр. Проф. Рашид ад-Дин Хан в своей речи выразил удовлетворение индийской стороны успешным развитием сотрудничества советских и индийских обществоведов.

Т. А. Жданко, М. К. Кудрявцев

ИНФОРМАЦИЯ О Х МКАЭН *

Пленарные заседания конгресса состоятся 10—16 декабря 1978 г. в Нью-Дели, выездные экскурсии — 17—18 декабря, постпленарные заседания — 19—21 декабря в Калькутте, Чандигархе, Ранчи, Лакнау, Бомбее, Нью-Дели, Майсоре, Мадрасе, Хайдарабаде, Пуне и Бхубанешваре.

Конгресс будет работать по следующей программе:

I. Антропология и проблемы развития (основная тема конгресса). Двухдневные симпозиумы по Латинской Америке, Африке, Азии, индустриально развитым странам.

II. Человек, экология и население (симпозиум).

III. Биология и культура (симпозиум).

IV. Физическая антропология (научные заседания):

а) морфология, б) физиологическая адаптация, в) биологическая изменчивость, г) эволюция, благосостояние и общество, д) сравнительная биология приматов, е) биология и поведение, ж) питание, рост и развитие, з) биохимическая генетика, и) физическая антропология и спорт, к) цитогенетика человека, л) судебно-медицинская антропология, м) прикладная физическая антропология, н) дерматоглифика, о) генетическая консультация, п) этногенез.

V. Лекции приглашенных специалистов (по физической антропологии).

VI. Симпозиумы по социальной антропологии:

а) этнография горных районов, б) этническое самосознание среди индийцев за рубежом, в) идеи и тенденции в мировой этнографии, г) процесс этнической интеграции, его теоретические и методологические проблемы, д) неозоволюционизм и марксизм, е) проблемы урбанизации в «третьем мире», ж) системы родства, з) кочевничество, и) визуальная этнография (кино, фото и т. д.), к) символика биологической репродукции.

VII. Научные заседания по социальной антропологии:

а) этнография заклинаний и заговоров (вербальный текст и ритуальная структура), б) политическая антропология, в) экономическая антропология, г) этномускулогия, д) этнография традиционных драматических представлений, е) этнографическое изучение социальных движений, ж) этнопсихология, з) понятие племени, и) социальная демография, к) этнография пищи, л) литература в культурном контексте, м) проблемы и методы картографирования в этнографии.

VIII. Лекции приглашенных специалистов по социальной антропологии.

IX. Комиссии МКАЭН:

а) население, б) безотлагательная (urgent) этнография, в) геноцид и этноцид, г) футурология, д) женщины, е) музеи, ж) визуальная этнография, з) человек и среда.

X. Симпозиумы по этнолингвистике:

а) этнография коммуникаций, б) язык планирования и национальное развитие, в) этнос, самосознание и язык, г) грамотность и использование языка.

XI. Научные заседания по этнолингвистике:

а) языки мунда, б) китайско-тибетские языки, в) теоретические основы лингвистики, г) английский язык в третьем мире, д) проблемы и методы картографирования языковых изменений.

XII. Лекции приглашенных специалистов по лингвистике.

XIII. Симпозиумы по предистории:

а) третичный и четвертичный периоды — климатические изменения в аридных и полуаридных зонах; б) зарождение городов в Южной и Восточной Азии.

XIV. Научные заседания по предистории:

а) нижний палеолит, б) средний палеолит, в) верхний палеолит, г) мезолит, д) неолит и энеолит, е) бронзовый и железный века, ж) доисторическая технология, з) хараппская письменность.

XV. Лекции приглашенных специалистов по предистории.

XVI. Постпленарные заседания и симпозиумы:

1. Происхождение человека (Чандигарх, куратор — проф. С. К. Чопра, кафедра антропологии, Университет Чандигарха).

2. Структура популяций и человеческая изменчивость (Бомбей).

3. Биометрический подход к физической антропологии (Калькутта, куратор — д-р Л. Д. Сангхви, Институт изучения рака, Бомбей).

4. Мир первобытности и его преобразование: образ жизни, мировоззрение, система ценностей (Ранчи, куратор — проф. Л. П. Видьяртхи, кафедра антропологии, Университет Ранчи).

5. Социальная антропология крестьянства (Лакнау, куратор — д-р К. С. Матхур, кафедра антропологии, Университет Лакнау).

* Редакция «Советской этнографии» получила от президента предстоящего конгресса проф. Л. П. Видьяртхи более развернутую, по сравнению с опубликованной в № 5 нашего журнала, программу работ Х МКАЭН.

6. Этнография переложного земледелия (Бхубанешвар, куратор — проф. Л. К. Махатра, кафедра антропологии, Университет Уткал, Бхубанешвар).
7. Голод, работа и качество жизни (Хайдарабад, куратор — проф. Д. П. Сингха, Административный колледж Индии, Беллависта, Хайдарабад).
8. Фольклор и этнографические аспекты литературы (Калькутта, куратор — проф. П. К. Бхоумик, кафедра антропологии, Университет Калькутты).
9. Прикладная антропология (Калькутта, куратор тот же, что и в теме 8).
10. Первобытная экономическая формация (Дели, куратор — д-р С. Н. Мисра, Институт экономического роста, Нью-Дели).
11. Этнолингвистика (Майсор).
12. Этнография Нильгирийских гор (Майсор, куратор — проф. А. Айябан).
13. Социальная роль женщин в антропологии (Нью-Дели, куратор — Лила Дубе).
14. Религия и социальные изменения (Мадрас, куратор — проф. Н. Суббаредди, кафедра антропологии, Мадрасский Университет).
15. Медицинская антропология (Пуна, куратор — д-р Мутагкар, кафедра антропологии, Университет Пуны).
16. Проблемы многоязычия, выбор языка в образовании, администрации и средствах массовой коммуникации (Майсор).
17. Новейшие достижения в исследовании предыстории бассейнов Индийского и Тихого океанов (Пуна, куратор — д-р В. Н. Мишра, кафедра археологии, Университет Пуны).

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В соответствии с планом научно-исследовательской деятельности Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР на 1976 г. с 1 июня по 25 августа работало несколько фольклорно-этнографических экспедиций. Маршруты их проходили по различным районам Молдавии и селам Одесской и Черновицкой областей УССР.

С 1 июня по 1 июля 1976 г. в селах Томай, Джолтай, Беш-Гиоз и Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского, Кирсово и Бешалма Комратского районов МССР работала этнографическая экспедиция по изучению материальной и духовной культуры гагаузского населения МССР. Этнографический материал собирался по темам: традиционные и новые черты в жилищном строительстве гагаузов (М. В. Маруневич); семейные обряды, обычаи и верования гагаузского населения МССР (С. С. Курогло) и гагаузские календарные обычаи новогоднего цикла (студентка МГУ Н. И. Саакадзе). Членами экспедиции было опрошено более 40 информаторов, составлено 10 описаний гагаузской свадьбы, более 20 описаний обрядов и обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей и другими семейными календарными обрядами. В ходе экспедиции было снято более 250 кадров черно-белой фотопленки; на магнитофон записаны образцы устного народного творчества: свадебные песни, колядки и т. д. Наряду с изучением обрядности гагаузов прово-

дилось обследование надмогильных сооружений на сельских кладбищах. На плитах старинного кладбища Джолтай были обнаружены антропоморфные изображения и тамгообразные знаки, представляющие несомненный интерес.

В июле—августе 1976 г. работал этнографический отряд под руководством В. С. Зеленчука. В состав отряда входили научные сотрудники сектора этнографии Г. И. Спатару, Ю. В. Попович, М. В. Маруневич, лаборанты С. С. Татаренко, Л. Н. Богатая, студенты 1-го курса исторического факультета КГУ. Цель экспедиции — изучение календарных обычаев молдаван, традиционной и современной семейной обрядности, народного ткачества и ковроделия, народной одежды и жилища.

Экспедиция работала в селах Кодрян-ка Страшенского района, Матеуцы Резинского, Рубленица Сорокского, Наславча и Ходороуцы Окницкого районов. Она охватила различные этнографические зоны МССР: среднее Приднестровье, Центральную зону Кодр, Север республики (смешанные молдавско-украинские районы).

В с. Ходороуцы Окницкого района участники экспедиции подробно ознакомились с техникой ткачества, характерной для севера Молдавии. В этом селе до настоящего времени ткнут шерстяные хозяйственные сумы «трайстэ», которые имеют не только утилитарный, но и декоратив-

ный характер. Их изготавливают на горизонтальном ткацком станке «стативе» техникой в две или четыре подножки.

Наряду со сбором материала о семейных и общественных обычаях и обрядах, бытовавших в XIX — начале XX в., собирались данные о новых обрядах, широко распространенных в современном молдавском селе. В процессе экспедиционной работы в ряде районов и сел республики выявлены оригинальные ритуалы, посвященные труду: «Сэрбэтоаре вицей де вие» («Праздник виноградной лозы»), «Ултимул сноп» («Праздник последнего снопа») и др. Эти ритуалы, сохраняя преемственность с аналогичными сельскохозяйственными обрядами прошлых веков, включают в себя ряд новых черт, отражающих изменения в общественно-экономическом быту народа.

С 5 декабря 1976 г. по 31 января 1977 г. в северных районах МССР, в Черновицкой и Одесской областях УССР работал под руководством Г. И. Спатару этнографический отряд в составе восьми человек (студенты, местные фотографы и кинолюбители). Цель экспедиции — сбор текстов молдавской народной драмы, фотографирование и киносъемка представлений, их запись на магнитофонную ленту.

В ходе экспедиционной работы было опрошено 64 информатора, записано около 30 вариантов народной драмы, описано 10 свадеб и свадебных инсценировок, заснято 200 м киноплёнки, 240 кадров черно-белой и цветной фотоплёнки, сделаны магнитофонные записи (более 1000 м). Наряду с известными текстами народных драм выявлены новые варианты (в частности, драмы «Партизаны» в с. Хыждине Глодянского района). В селах Волока Глыбоцкого района Красноилск Сторожнецкого района Черновицкой области найдены разнообразные маски, используемые в новом варианте драмы о знаменитом гайдуке Пинти («Шайка Пинти»). В молдавских селах Бричанского района обнаружены варианты русской народной драмы «Лодка» и украинской народной драмы «Хорпына». В драмах и драматизованных инсценировках, выявленных в период экспедиционной работы, наблюдаются новые процессы, происходящие в молдавской народной драматургии: интеграция культур народов, проживающих в республике, модернизация актерской атрибутики и т. д.

Экспедиционные материалы обработаны

и хранятся в архиве Отдела этнографии и искусствоведения.

С. С. Курогло, Г. И. Спатару

* * *

Летом 1976 г. тремя группами очередной, 15-й, студенческой фольклорной экспедиции Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького было продолжено ведущееся с 1951 г. фольклористическое обследование Омской области.

С 1 по 5 июля Л. Бабешко и Т. Долгань совершили рекогносцировочный выезд в дер. Михайловку Черлакского района, основанную в начале XX в. переселенцами с Украины; в экспедиционном блокноте этой группы 29 текстов песен, быличек, произведений детского фольклора.

Со 2 по 14 июля основная экспедиционная группа в составе Н. Браженко, С. Караваевой, Л. Клевцовой, Л. Стебловской, Н. Ткаченко, Н. Фроловой, Л. Шевченко, Г. Щербаковой и Л. В. Новоселовой (руководитель экспедиции) в селах и деревнях Саргатского района: Андреевке, Милютине, Черноозерье, Ивановке и Сиб-Саргатке записала 1401 текст.

С 19 по 24 августа Л. В. Новоселова и Н. Фролова продолжили начатую в 1974 г. работу по обследованию старожильческой дер. Качесово Муромцевского района, здесь записано 218 текстов.

В результате полевой работы фольклорный архив кафедры литературы Омского пединститута пополнился следующими материалами: 141 рассказ о народном календаре, 95 календарно-обрядовых песен (колядки, щедривки, масленичные, «весняные», троицкие, отрывки купальских, «осенские»); 16 описаний свадебного обряда и его отдельных моментов, 72 свадебные песни (как и календарно-обрядовые, в основном украинского происхождения); 9 заговоров; 11 описаний вечеров; 101 хороводно-игровая песня; 120 произведений малых жанров (пословицы, поговорки, приметы и загадки); 12 сказок (волшебные и бытовые); 11 преданий (о возникновении населенных пунктов, о местных достопримечательностях, о чуде); 205 быличек (большинство быличек, как в форме хроникальных сообщений, так и мемуаров и фабулатов, связано с образами колдуна, ведьмы, домового); 78 русских и 100 украинских традиционных лириче-

ских необрядовых песен; 67 песен типа мещанских романсов и баллад; 439 частушек; 121 произведение детского фольклора (колыбельные песни, потешки, считалки, дразнилки, игровые песенки и др.). Кроме того, сделаны единичные записи рассказов-воспоминаний, поверий, свадебных причитаний, баллад, песен советской эпохи.

Участники экспедиции фиксировали произведения всех фольклорных жанров, и активно бытующие и исполненные по просьбе собирателей, однако особое внимание уделялось народной сказочной прозе и народному календарю.

Собранные сведения позволяют говорить о том, что в Сибири судьбы календарно-обрядового фольклора в значительной степени зависели от типа населенного пункта. В селах с однородным населением календарный фольклор представлен в ос-

новном произведениями малых жанров, связанными с народным календарем (календарные приметы, пословицы и поговорки); календарных песен очень мало. Большая часть их записана в с. Андреевка Саргатского района, населенном пункте со смешанным населением (переселенцы из Черниговской, Курской, Пермской и Самарской губерний). В процессе взаимодействия двух национальных традиций здесь в народном календаре ведущей оказалась украинская. В общий репертуар вошли также отдельные яркие моменты календарной обрядности других групп населения, например, самарский обряд «заклинания» весны.

Все экспедиционные материалы — записи, магнитофонные ленты, фотографии, этнографические экспонаты хранятся в архиве кафедры русской и зарубежной литературы Омского пединститута.

Л. В. Новоселова

НАРОДЫ СССР

Ч. М. Таксами. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в. Л., 1975, 238 с.

Выход в свет книги Ч. М. Таксами о нивхах весьма своевременен: за последние годы трудов о малых народах Севера появлялось мало, а интерес к ним все возрастает. Правда, нивхам в русской литературе всегда уделялось достаточно внимания. Начиная с середины XIX в., вышел ряд работ, посвященных их своеобразной материальной и духовной культуре. Однако происхождение этого народа до сих пор является загадкой. Недостаточно ясен и их социальный строй.

В рецензируемой книге суммированы данные многих предшествующих трудов, давно уже ставших библиографической редкостью. Опубликованные материалы автор значительно дополнил собственными, собранными во время экспедиций. Кроме того, он предлагает новые решения ряда вопросов нивхской этнографии и истории, что, несомненно, поднимет читательский интерес к рецензируемой работе.

В первой главе «Основные виды и формы хозяйства» (стр. 12—87) автор попытался проследить влияние русской капиталистической промышленности в конце XIX — начале XX в. на хозяйственную и экономическую жизнь нивхов. В ней подробно описано их традиционное хозяйство — рыболовство, морской зверобойный и таежный охотничий промыслы. Однако с некоторыми положениями, высказанными в этой главе, трудно согласиться. Автор пишет, например, что комплексное хозяйство нивхов слабо отражено в историко-этнографической литературе (стр. 12). Как известно, именно этой теме посвящена значительная часть второго тома монографии Л. И. Шренка¹ и отдельные разделы книги Л. Я. Штернберга². В 1911 г. кропотливое статистическое обследование хозяйства нивхов Сахалина провел В. Меркушев; опубликованные им таблицы содержат первоклассные конкретные материалы³, к сожалению, даже не упомянутые в рецензируемом труде. Отметим также ряд работ о хозяйстве нивхов, опубликованных в 30-х годах XX в., некоторые статьи 1960-х годов и монографию Е. А. Крейновича о нивхах⁴.

Изменениям в нивхском хозяйстве в связи с влиянием русской капиталистической рыбной промышленности в первой главе уделено всего восемь страниц (80—87 стр.). Кстати, этот вопрос поднимается не впервые: в работах 1950—60-х годов он разбирался весьма подробно (в том числе и в книге самого автора)⁵. Нельзя не высказать сожаления, что в этом разделе не использованы материалы многочисленных архивов (особенно Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, Государственного архива РСФСР Дальнего Востока). Архивные материалы позволили бы продемонстрировать изменения в хозяйстве нивхов более обстоятельно, показать его развитие в различных районах расселения нивхов на протяжении более 50 лет.

Глава вторая «Основные черты общественного строя» (стр. 88—129) является центральной в рецензируемой работе. Автор упрекает в ней Л. Я. Штернберга, в течение многих лет (в конце XIX — начале XX в.) исследовавшего общественный строй, религиозные верования и другие стороны жизни нивхов, в том, что он якобы не заметил экономического базиса нивхского рода — родовых промысловых угодий и того

¹ Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. II. СПб., 1899.

² Л. Я. Штернберг. Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

³ В. Меркушев. Статистическое обследование инородцев Сахалина, Сахалин, 1913.

⁴ Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, с. 73—169.

⁵ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М., 1955. О том, как русская капиталистическая промышленность конца XIX — начала XX в. повлияла на хозяйство нивхов, ульчей и других малых народов, живших на Нижнем Амуре, сообщалось в книгах: А. В. Смоляк, Ульчи. М., 1966; Ч. М. Таксами. Нивхи. Л., 1967.

факта, что у каждого рода имелась своя, строго определенная территория расселения. Л. Я. Штернберг писал (и показывал это на примерах), что нивхи свободно переселялись из одного места в другое по многим причинам, но главным образом в поисках наиболее благоприятных промысловых мест⁶. Ч. М. Таксами же утверждает, что у нивхов существовал обычай обязательного совместного проживания сородичей на родовой территории (стр. 104, 105, 107) и что родовые промысловые угодья сохранялись у них вплоть до 30-х и даже 50-х годов XX в. (стр. 97, 102 и др.). Такая позиция противоречит взглядам многих ученых. Л. И. Шренк писал, что в 50-е годы XIX в. в нивхских селениях материка вместе с нивхами жили ульчи, ороки, а в некоторых селениях Сахалина — также и айны⁷. Л. Я. Штернберг в конце XIX в. проводя подворную перепись селений Сахалина и ряда селений материка, обнаружил, что в общих с нивхами селениях жили также негидальцы, нанайцы, айны, ороки, ульчи⁸. Согласно материалам Л. Я. Штернберга, в каждом селении жили нивхи различных родов (указана родовая принадлежность жителей), причем преобладали селения (в зависимости от численности жителей) с числом родов от двух до восьми; имелись также смешанные в национальном отношении семьи. Л. Я. Штернберг писал, что члены почти всех родов расселяются на большие расстояния от своих сородичей — на огромной территории нивхского ареала — на Лимане, Амуре, Сахалине и что такое расселение было характерно для общественно-экономического уклада нивхского общества⁹. Случаи проживания в одном селении только членов одного рода были единичными (таковы несколько селений на Сахалине, насчитывающие по одному — два дома)¹⁰.

Перепись 1897 г. подтвердила смешанный состав нивхских селений: в них жили нанайцы, негидальцы, ульчи, представители других народностей¹¹.

В начале 30-х годов социальный строй нивхов исследовал А. М. Золотарев. Он не исключал, что лет триста назад нивхи жили на общих родовых землях и владели родовыми промысловыми угодьями¹², однако конкретных материалов о существовании такой стадии развития нивхского общества он не нашел.

Мало вероятно, что крупнейшие исследователи, специально изучавшие общественный строй нивхов¹³, не обратили внимания на существование единых родовых территорий. Таким образом, и в 50-х годах XIX в., и в 1897 г. и в 1930-х годах нивхи жили в селениях, смешанных по родовому и национальному составу, представлявших собой территориально-соседские общины. Таковы неопровержимые данные литературы.

Много места в рецензируемой работе отведено доказательству существования у нивхов родовой территории и родовой собственности на промысловые угодья. Автор сообщает, что нивхи до сих пор помнят род, основавший то или иное селение. Однако это отнюдь не служит доказательством его концепции: на Нижнем Амуре селения неоднократно появлялись и исчезали по различным причинам. Судя по документам XVII в.¹⁴, большая часть нивхских селений XIX в. возникла сравнительно поздно. Сведения об исконных местах промыслов, полученные от стариков во время экспедиций 1960-х годов, Ч. М. Таксами рассматривает как свидетельство существования родовых промысловых угодий, хотя нивхские роды, по данным Л. Я. Штернберга, подтвержденным позднейшими исследованиями, жили в это время децентрализованно. Семейные группы или отдельные семьи (поскольку они были оседлыми) действительно занимались промыслом в одном и том же месте из поколения в поколение, но рядом с данной семьей жили и промыслили на равных с ней основателями члены других родов, инонациональные семьи и т. п.

В рецензируемой работе идеализируется род, а нивхское общество удревняется и примитивизируется. «Господство принципов коллективного труда побуждало каждого нивха трудиться сознательно и приносить посылку своему коллективу материальные блага» (стр. 116), — пишет автор. По его мнению, промысловые угодья, орудия рыболовства и другие средства материального производства, несмотря на выделение из среды нивхов торговцев, до самого конца XIX в. продолжали оставаться в родовой собственности и в пользовании патриархальных семей (стр. 123, 124). Ничего не говорится о конфликтах между родами. Между тем Л. Я. Штернберг на основании свидетельств фольклора и реальных исторических событий XIX в. писал о том, что войны между родами и родовая месть были частыми явлениями в жизни нивхов.

⁶ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 110.

⁷ Л. И. Шренк. Указ. раб., т. I, с. 16, 130 и др. т. II, с. 7 и др.

⁸ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 286—292.

⁹ Там же, с. 110, 111.

¹⁰ Там же, с. 110.

¹¹ С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. ч. 2, СПб., 1912.

¹² А. М. Золотарев. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ.— «Советский Север», 1933, № 2.

¹³ Л. И. Шренк. Указ. раб. т. II, с. 117, 118, 120, 212, 218, 223; Н. К. Бошняк. Путешествие на Сахалин.— «Морской сборник», 1858, № 12; В. Меркушев. Указ. раб., с. 24, 26 и др.

¹⁴ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. М., 1960.

На это указывали специальные ритуалы и обряды, связанные с подобными конфликтами.

Автор приуменьшает и значение имущественного расслоения в нивхском обществе. Он спорит с конкретными данными Л. И. Шренка по этому вопросу (стр. 123—126), утверждая, что торговля как институт не создала существенных перемен в нивхском обществе, что торговцы занимались своими операциями как побочным делом. Однако аргументы Ч. М. Таксами недостаточно обоснованы. Выделение из среды нивхов эксплуататорских элементов он связывает только с приходом на Амур русских (стр. 122, 123). Между тем Л. Я. Штернберг привел убедительные доказательства начала этого процесса в значительно более ранний период; того же мнения придерживался А. М. Золотарев. Недостаточно убедительна и попытка Ч. М. Таксами доказать, что его предшественники не разобрались в вопросе о рабстве (стр. 124—127).

Каждое новое слово в этнографической науке необходимо приветствовать; выдвигая новую концепцию, автор в каждом случае обязан тщательно аргументировать свои позиции, показывать их отличие от взглядов своих предшественников. В рецензируемой работе автор не упоминает о многих расхождении с высказанными ранее концепциями. Подлинная единица социального строя нивхов конца XIX—начала XX в.—территориально-соседская община—в книге не исследована. Ч. М. Таксами пытается реконструировать нивхское общество того периода, когда оно жило компактными родами, утверждая, что эта стадия сохранилась еще в начале XX в. Приведенных в книге материалов недостаточно для подобного вывода, они противоречат данным переписей и этнографической литературы.

На стр. 119—121 говорится о децентрализации нивхских родов в начале XX в.; указанные автором причины этого явления не характерны для XX в., они существовали издавна, как и само децентрализованное состояние рода (см. у Л. Я. Штернберга).

Видимо, в этой главе следовало уделить внимание исследованию нивхской семьи как социально-экономической ячейки общества, рассмотреть соотношение больших и малых семей на протяжении исследуемого периода, а также соотношение семей разных типов с родом, общиной. Это тем более необходимо, что промысловые угодья в начале XX в. действительно находились в пользовании семей¹⁵.

Читатель вправе ожидать и разработки в главе об общественном строе таких вопросов, как племя у нивхов, трехродовая фратрия. Ведь именно эти проблемы особенно оживленно обсуждались в научной литературе 70-х годов.

Автор выделил в отдельную (третью) главу тему «Семейные отношения и похоронные обряды» (стр. 130—155). Суммировав материалы Л. И. Шренка, Е. А. Крейновича, Л. Я. Штернберга, А. М. Золотарева, Ф. Августиневича, В. Панфилова и других, Ч. М. Таксами присвоил к ним и свои полевые наблюдения. К сожалению, вопросу о структуре нивхской семьи, слабо разработанному в литературе, Ч. М. Таксами почти не уделяет внимания.

В четвертой главе «Народная духовная культура» (стр. 156—190) рассматривается устное народное творчество нивхов, их праздники и изобразительное искусство. Автор рассказывает о собраниях нивхского фольклора, особенно о самых первых — Л. Я. Штернберге и Б. О. Пилсудском.

В книге приведены фольклорные материалы из архива Л. Я. Штернберга, а также собранные самим Ч. М. Таксами. И в этом разделе и в следующем — «Народные праздники» помещено много интересных конкретных данных. Хорошо описан медвежий праздник. Так как труды первых исследователей, наблюдавших это явление нивхского быта, стали библиографической редкостью, широкому читателю будет интересно познакомиться с этим разделом.

Некоторые положения четвертой главы нам представляются спорными. Например, автор говорит, что медвежий праздник всегда проводился в январе, поэтому его можно считать сезонным (стр. 163). По нашему мнению, сезонные праздники не характерны для охотников и рыболовов. Медвежий праздники на Амуре у нивхов и их соседей проводились в январе, феврале и даже марте; в другие месяцы года их устройство по разным причинам было невозможно. Автор, по-видимому, не совсем прав, утверждая, что в основе всякого медвежьего праздника были охотничьи игрища после добычи животного в тайге (стр. 164). Аналогичный обряд проводился также и после того, как медведя содержали в неволе в течение трех лет. Происхождение этих двух обрядов различно (об этом убедительно писали Б. А. Васильев и А. М. Золотарев). Спорно мнение автора и о том, что негидальцы, ульчи, орочи позанимались основными элементами медвежьего праздника у нивхов. Это положение опровергает, например, тот факт, что терминология, относящаяся к этому обряду, у ульчей не сходна с нивхской.

В разделе «Изобразительное искусство» автор характеризует скульптуру нивхов и их орнаменты. Для анализа нивхской скульптуры широко привлечены материалы музеев Ленинграда. Это несомненное достоинство работы. Заслуживают внимания и интересные полевые данные Ч. М. Таксами относительно семантики некоторых орнаментальных элементов (стр. 185, 186). Опираясь на исследования С. В. Иванова.

¹⁵ Об этом подробно говорится в статье Е. А. Крейновича «Морской промысел гилыков деревни Куль» — «Сов. этнография», 1934, № 5. Ч. М. Таксами в своей работе не упоминает об этих данных.

Л. И. Шренка, Л. Я. Штернберга, Б. Лауфера, И. П. Лаврова, автор хорошо показал области применения орнамента в нивхском быте. Особенно богато нивхи орментировали деревянные ритуальные ковши, употреблявшиеся во время медвежьих праздников (к сожалению, образцы их в книге не показаны, а вместо них на стр. 177 под названием «Резные деревянные ковши» представлены ложки). К сожалению, без ссылки на литературу описаны медвежьи ковши с пиктографическими знаками.

Автор присоединился к точке зрения Б. Лауфера, Д. Клеменца, Л. И. Шренка, согласно которой древний местный спирально-ленточный орнамент является нивхским по происхождению (стр. 190). Между тем современные исследователи — А. П. Окладников и С. В. Иванов — доказали, что древние элементы в амурском орнаменте характерны для предков нивхов, а также нанайцев, ульчей¹⁶. Попутно отметим, что невозможно согласиться с утверждением, согласно которому искусство орнаментации тканей стало известно нивхам, как и другим народам Нижнего Амура, лишь с середины XIX в. (стр. 184).

В пятой главе «Вопросы происхождения нивхов и их культурно-исторические связи» (стр. 191—230) собственно проблеме происхождения нивхов отведено всего 12 стр., культурно-историческим связям — 28. Как видим, этногенезу нивхов уделено сравнительно мало внимания. На наш взгляд, автор недостаточно оценил вклад Л. Я. Штернберга в разработку этой проблемы. Известно, что Л. Я. Штернберг опубликовал много конкретных материалов о происхождении нивхских родов¹⁷ и сделал вывод об их чрезвычайной смешанности¹⁸. Ч. М. Таксами придерживается взгляда о сравнительной «чистоте» нивхов. По-видимому, взгляды Л. Я. Штернберга неприемлемы для него. Однако умалчивать о его концепции по рассматриваемым проблемам автор, конечно, не вправе.

Л. Я. Штернберг разработал оригинальный метод изучения происхождения бесписьменных народов путем выявления истории входящих в них родов. Правильность этого метода была подтверждена в ходе изучения Л. Я. Штернбергом происхождения нивхов, а затем нанайцев и орочей. Методом Л. Я. Штернберга пользовались ученые, исследовавшие этногенез ульчей (Н. К. Каргер), ульчей и орочей (А. М. Золотарев), нанайцев (Н. А. Липская), нганасан, долган, энцев (Б. О. Долгих). В послевоенное время этот метод широко распространился в этнографии. Ч. М. Таксами применяет его лишь по отношению к нескольким нивхским родам тунгусского происхождения (Тапкал, Нясихагил, Аюмкан), чтобы доказать, что они имели нивхское происхождение. Весьма плодотворно было бы обосновать существование группировок нивхских родов диалектными различиями; естественно было бы привлечь данные материальной культуры нивхов для решения проблем этногенеза, но автор этого не делает. О происхождении нивхов в книге говорится в духе старой шренковской гипотезы о том, что нивхи — исконные насельники данного региона, а все окружающие их соседи — поздние пришельцы. Л. И. Шренк не аргументировал свою концепцию, и это понятно, ведь 100 лет назад в России не были еще достаточно развиты ни лингвистика, ни археология, ни этнография. Работы советских лингвистов внесли существенные поправки в точку зрения Л. И. Шренка, однако в рецензируемой работе они не учтены.

В работе фактически утверждается, но не аргументируется, положение, что предки нивхов жили в современных местах еще в палеолите: на стр. 200 автор пишет, что ареал расселения предков нивхов сокращался, поскольку племена, заселявшие Америку, проходили через эти области и оседали здесь.

Значительную часть рассматриваемой главы автор посвящает доказательству более широкого расселения нивхов в XVI—XVIII в. При этом он использует старые работы, авторы которых ошибочно называли гилаканы не только нивхов, но и негидальцев, ульчей, орочей. О подобных ошибках писали еще Л. И. Шренк и С. К. Патканов¹⁹.

Ценным источником для исторической науки является топонимика. Тщательное сплошное лингвистическое исследование многих сотен топонимов на обширных пространствах Приамурья и Приморья может дать богатые материалы и для решения проблем этногенеза живущих здесь народов. В рецензируемой работе приведены выборочные топонимы для доказательства положения автора о более широком расселении нивхов в прошлом. Однако приведенные примеры не всегда удовлетворительны. Так, автор переводит с нивхского название озера Аюно, отсутствующее в этих местах. Окончание *та*, встречающееся у топонимов в нанайском и ульском регионах, он трансформирует в *ту* и толкует как нивхское — «озеро». В результате нанайское название селения Ямихта трактуется как нивхский топоним «дальнее озеро», хотя в районе

¹⁶ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 81, М.-Л., 1963; А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. — «Сов. этнография», 1959, № 2; *его же*. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — «История СССР», 1968, № 6.

¹⁷ Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 286—291.

¹⁸ Там же, с. 20, 21, 399 и др.

¹⁹ Л. И. Шренк. Указ. раб., т. I, с. 26, 27, 119 и др.; С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. — «Записки РГО по отделению этнографии», т. XXXI, ч. II, СПб, 1906, с. 143.

Ямхты нет никакого озера. Ошибочно истолковывая и другие топонимы, Ч. М. Таксами считает их нивхскими, хотя они удовлетворительно переводятся с местных тунгусских языков. Автор не учитывает также, что в нивхском амурском диалекте очень много тунгусизмов (об этом говорят многочисленные исследования советских лингвистов). Все это имеет особо важное значение, когда речь идет о языковых заимствованиях. Пытаясь доказать свое положение о широком расселении нивхов в прошлом, Ч. М. Таксами пишет о заимствовании нанайцами и орочами терминов из языка нивхов (стр. 215 и др.). В то же время лингвисты показали, что часть приводимых терминов (нарты, юбки и др.) пришли к нивхам из тунгусских языков.

Следуя Л. И. Шренку, Ч. М. Таксами относит образование ряда соседних тунгусоязычных групп к позднему времени, в частности, по его мнению, ульчи начали формироваться только в XVII в. (стр. 210). Однако это положение не подкрепляется конкретными материалами (не приводил их и Л. И. Шренк). Не только археологи, но и лингвисты считают, что предки тунгусоязычных народов Нижнего Амура, в том числе и ульчей жили в этих местах по меньшей мере на рубеже нашей эры. Вообще ульчам в рецензируемой работе не повезло. Хотя автор и говорит, что он не намерен исследовать вопросы их происхождения, но уделяет им немало места (стр. 210—214). В книге говорится, что ульчи — это нивхи, к которым лишь в XVII в. примешалась небольшая группа тунгусов. Весь ульчский ареал Ч. М. Таксами склонен рассматривать как нивхский только потому, что, вопреки мнению Л. И. Шренка считает гилакским район озера Кизи (между тем перепись 1897 г. показала, что нивхи там не жили). Автор не принимает во внимание ни языковые данные, ни процессы ассимиляции. Хотя А. М. Золотарев, описав ульчскую культуру²⁰, тщательно паспортизировал свои записи (сообщил родовую принадлежность каждого из своих информаторов, приложил к своей книге собранный им ульчский этнографический словарь) Ч. М. Таксами почему-то считает, что в его книге в действительности описана нивхская культура (стр. 214).

Ч. М. Таксами показывает нивхский ареал более широким, чем в действительности, а этнос чистым. Он ни слова не говорит о том, что в XVII в. в исконных местах расселения нивхов существовали селения с тунгусоязычными названиями и жили «гиляки» с тунгусскими именами. Это замечание касается и исследования связей нивхов с негидальцами (стр. 206—209). Негидальские этнонимы трактуются как нивхские.

На стр. 45, 46 Ч. М. Таксами пишет, что тунгусоязычные соседи нивхов в конце XIX — начале XX в. вели кочевой и полукочевой образ жизни, отправляясь с семьями на поиски охотничьих угодий и зверя, что не соответствует действительности. Ульчи, нанайцы (включая так называемых самагиров) и низовые негидальцы в середине XIX в. вели оседлый образ жизни; в их культуре не было никаких элементов кочевого быта. Они никогда не ходили на охоту вместе с семьями, жили в постоянных селениях, в прочных жилищах. Это отмечали еще Л. И. Шренк и многие другие авторы. Оседлость этих народов, а также негидальцев подтверждается данными «Историко-этнографического атласа Сибири».

В заключение пятой главы автор приводит материалы о связях населения Нижнего Амура с западными, северными, северо-восточными народами: здесь помещена сводка работ ряда археологов, лингвистов, историков, искусствоведов и этнографов, представляющая существенный интерес. Особый раздел посвящен культурно-историческим связям нивхов с русскими (стр. 226—230). В целом пятая глава, как уже отмечалось, посвящена скорее не проблемам этногенеза, а культурно-историческим связям нивхов с их многочисленными соседями.

В целом работа Ч. М. Таксами является весьма полной сводкой материалов по этнографии и истории нивхов. Хотя те или иные трактовки проблемных вопросов являются спорными, рецензируемая работа весьма полезна читателям, получившим множество сведений о нивхах, народе, мало известном, но чрезвычайно интересном во многих отношениях.

А. В. Смоляк

²⁰ А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.

PERSONALIA

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В. Ю. КРУПЯНСКОЙ *

[К 55-летию научной деятельности]

- К вопросу о создании фольклорных архивов.— «Сов. музей», 1936, № 1, с. 79—85.
- Волжский фольклор. М., 1937, 209 с. (в соавторстве с В. М. Сидельниковым).
- Спутник фольклориста. Методическое руководство по собиранию, систематизации и хранению произведений устного народного творчества. М., 1939, 128 с. (в соавторстве с В. М. Сидельниковым).
- Как записывать устное народное творчество. М., 1940, 12 с.
- Певец Волги Д. Н. Садовников. Избранные произведения и записи. Сост. и коммент. Куйбышев, 1940, 168 с.
- Фронтовой фольклор. Записи, вступит. статья и коммент. М., 1944, 132 с.
- Красноармейский фольклор Великой Отечественной войны.— «Русский патриотический фольклор. Материалы научно-творческого совещания „Великая Отечественная война в устном народном творчестве“». М., 1945, с. 22—32.
- Образы богатырей—защитников Родины в народном устно-поэтическом творчестве. Вступит. статья к передвижной выставке «Богатыри». М., 1945, 10 с.
- Фронтвая песня.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. 1, М., 1946, с. 77—79.
- Фольклор Великой Отечественной войны (Задачи и методы собирания). М.—Л., 1949, 32 с.
- Работы сектора фольклора Института этнографии АН СССР по изучению фольклора Великой Отечественной войны 1945—1949 гг.— КСИЭ, вып. VIII, 1949, с. 69—80 (в соавторстве с Б. Г. Гершкович).
- Фольклор колхозной станицы.— «Сов. этнография» (далее СЭ), 1949, № 3, с. 74—88 (в соавторстве с Л. А. Старцевой).
- Народное песенное творчество послевоенного периода (По материалам русским, украинским и белорусским).— СЭ, 1951, № 3, с. 64—85.
- Материалы по истории песни Великой Отечественной войны.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. XIX, М., 1953, 211 с. (в соавторстве с С. И. Минц).
- Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века.— СЭ, 1953, № 1, с. 64—87.
- Советское народно-поэтическое творчество 20-х годов.— «Русское народно-поэтическое творчество» (ТИЭ, т. XX), М., 1953, с. 196—223.
- В кн. «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Общ. ред. П. Г. Богатырева. М., 1954, разделы: Народный театр (с. 382—415); Русское советское народно-поэтическое творчество (с. 455—534, в соавторстве с С. И. Минц). Второе издание книги — 1956 г., с. 463—495 и 536—618.
- Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР).— СЭ, 1956, № 3, с. 25—34 (в соавторстве с Т. А. Жданко и Л. Н. Терентьевой).
- Некоторые соображения по поводу этнографического изучения рабочих (на основе русского материала).— «Acta ethnographica», t. 5, Budapest, 1956, fasc. 3—4, old. 317—329 (резюме на англ. яз.).
- Устное творчество советского народа за 30 лет.— «Минцзянь Вэньсюн» («Народная литература»), 1956, март, с. 87—100 (на кит. яз.).
- Некоторые аспекты этнографического изучения рабочих (На основе русского материала).— КСИЭ, вып. 29, 1958, с. 3—9.
- Поездка в Чехословакию.— СЭ, 1958, № 2, с. 124—128.
- В кн. «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (ТИЭ, т. XLI), М., 1958, разделы: Семья и семейный быт (с. 75—95, 205—234); Бюджет колхозной семьи (с. 162—176).
- К вопросу о проблематике и методике этнографического изучения советского рабочего класса.— «Вопросы истории», 1960, № 11, с. 40—49.

* Полный список опубликованных работ В. Ю. Крупянской включает около 100 названий.

- Основные проблемы этнографического изучения народов СССР. Доклад на VI МКАЭН (Париж, июль — авг. 1960 г.).— СЭ, 1961, № 3, с. 3—12 (в соавторстве с Л. П. Потаповым и Л. Н. Терентьевой).
- Проблемы изучения современной культуры и быта рабочих в СССР.— СЭ, 1963, № 4, с. 28—34.
- Культура и быт рабочих как предмет этнографической науки. М., 1964, 9 с. [Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].
- В кн. «Народы Европейской части СССР», т. I (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964, раздел: Семья и семейный быт [очерк «Русские»], с. 462—494.
- Этнография города и промышленного поселка.— СЭ, 1964, № 4, с. 118—125 (в соавторстве с М. Г. Рабиновичем).
- К вопросу об этнографическом изучении города и промышленного поселка (По материалам симпозиума VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук).— СЭ, 1965, № 3, с. 110—117 (в соавторстве с Ш. А. Богиней).
- Быт и его преобразование в период построения социализма.— СЭ, 1965, № 4, с. 16—31 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой).
- Вопросы этнографического изучения быта рабочих — «Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР»*, М., 1968, с. 7—36.
- Русское крестьянство в освещении американских этнографов.— СЭ, 1969, № 1, с. 164—172 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой).
- Ответ Ст. П. и Э. Даннам.— СЭ, 1970, № 4, с. 188—199 (в соавторстве с Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой).
- Эволюция семейно-бытового уклада рабочих.— «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония», М., 1970, с. 271—289.
- Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971, 288 с. (в соавторстве с Н. С. Полищук).
- Народная драма «Лодка» (Генезис и литературная история).— «Славянский фольклор», М., 1972, с. 258—302.
- В кн. «Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970)», М., 1974, главы: Промышленное и культурное развитие Нижнего Тагила за годы Советской власти (с. 9—28); Семья и семейный быт (с. 153—216); Материальный быт (с. 217—252).
- Методологические и методические проблемы этнографического изучения современного рабочего класса (на основании опыта работы в г. Нижнем Тагиле).— «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—73 гг.», Л., 1974, с. 123—125 (в соавторстве с Н. В. Юхневой).

* Была титульным редактором этой книги.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Ю. П. ПЕТРОВОЙ-АВЕРКИЕВОЙ**

(К 45-летию научной деятельности)

- Современная американская этнография.— «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1932, № 2, с. 97—102.
- Рабство у индейцев Северной Америки. М.—Л., 1941 (переведена на англ. яз. в Канаде — 1957 и 1966 гг.), 103 с.
- К вопросу о потлаче у индейцев Северо-Западной Америки.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее — КСИЭ), вып. 1, М., 1946, с. 26—29.
- Франс Боас (1858—1942).— КСИЭ, вып. 1, М., 1946, с. 101—111.
- Пережитки материнского рода у квакиутлей.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее — ТИЭ), т. II, М., 1947, с. 153—173.
- Психологическое направление в современной американской этнографии.— СЭ, 1947, № 1, с. 218—221.
- Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов.— СЭ, 1955, № 4, с. 148—155.
- Индейцы прерий.— ТИЭ, т. XXV, 1955, с. 98—118 (в соавторстве с И. А. Золотаревской).
- О постановке некоторых проблем в современной американской этнографии.— СЭ, 1958, № 3, с. 174—184.
- Неоэволюционизм в современной американской этнографии.— СЭ, 1959, № 6, с. 180—188.
- Службное значение этнографии в США.— «Вестник истории мировой культуры», 1959, № 4, с. 67—74.
- В кн.: «Народы Америки» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1959, главы: «Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки» (с. 151—170); «Индейские племена североамериканских степей и плато» (с. 243—266); «Охотничьи племена Американского Севера» (с. 171—193, в соавторстве с Е. Э. Бломквист); «Индейцы Северо-Восточного и Приозерного районов США» (с. 194—227, в соавторстве с Е. Э. Бломквист); «О современных индейцах и эксимосах Канады» (с. 330—350); «Современное население Канады» (с. 520—593, в соавторстве с Е. Э. Бломквист).
- К вопросу о тотемизме у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки.— ТИЭ, т. I, М., 1959, с. 250—265.
- К истории металлургии у индейцев Северной Америки.— СЭ, 1959, № 2, с. 61—79.
- Важные события в жизни индейцев Америки.— Там же, с. 158—160.
- К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и пимшиян к середине XIX в.).— ТИЭ, т. VIII, М., 1960, с. 5—126.
- Проблема собственности в современной американской этнографии.— СЭ, 1961, № 4, с. 200—213.
- Сучаснітєчї в буржуазній етнології.— «Народна творчість та етнологія», 1961, № 4, с. 79—84.
- Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. М., 1961, 272 с.
- Основные течения в современной этнографии США.— «Вопросы истории», 1962, № 7, с. 98—110.
- Этнофрейдизм в США.— СЭ, 1962, № 4, с. 3—15.
- В кн.: «Современная американская этнография», М., 1963, разделы: Современные тенденции в развитии этнографии США (с. 3—49); О некоторых этнопсихологических исследованиях в США (с. 64—96).
- Предисловие к русскому изданию книги Дж. Теннера «Тридцать лет среди индейцев». М., 1963, с. 5—24.
- Проблема историзма и современная буржуазная этнография.— «Вопросы истории», 1964, № 10, с. 96—107.
- Соотношение родовой и соседской общины у индейцев Северной Америки (на русском и англ. яз.). М., 1964, 12 с. [Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].
- К итогам VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук.— «Вопросы истории», 1964, № 12, с. 131—139 (в соавторстве с Н. Н. Чебоксаровым).
- Культура и личность (на русском и англ. яз.).— «Труды Международного конгресса психологов», симпоз. 36. М., 1966, с. 67—87.
- На XVIII Международном конгрессе психологов и VI Международном конгрессе социологов (впечатления этнографа).— СЭ, 1967, № 1, с. 139—148.
- Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации истории первобытного общества.— «От Аляски до Огненной Земли». М., 1967, с. 72—84.
- Род и община у алгонкинов и атапасков американского Севера.— «Разложение родо-вого строя и формирование классового общества». М., 1968, с. 7—166.

- О месте военной демократии в истории общества (на русском и англ. яз.). М., 1968, 13 с. [Доклад на VIII Международном конгрессе антропологических и этнологических наук].
- Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации.— СЭ, 1968, № 1, с. 56—70.
- Индийский павильон на ЭКСПО-67.— СЭ, 1968, № 2, с. 154—156.
- Л. Г. Морган и этнография США в XX в.— «Вопросы истории», 1968, № 7, с. 52—66.
- VIII Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1969, № 1, с. 3—11 (в соавторстве с С. А. Арутюновым и Ю. В. Бромлеем).
- О ранних формах наследования.— «Социология и идеология». М., 1969, с. 453—458.
- Неоэволюционизм и релятивизм в современной этнографии. М., 1970, 13 с. [Доклад на VII Всемирном социологическом конгрессе].
- Индийское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, 176 с.
- О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки.— СЭ, 1970, № 5, с. 33—45.
- Этнография и культурная/социальная антропология на Западе.— СЭ, 1971, № 5, с. 9—16.
- The Tlingit Indians.— «North American Indians in historical perspective». N. Y., 1971, p. 317—342.
- Неоэволюционизм, релятивизм, расизм.— «Расы и народы». М., 1971, с. 34—45.
- К истории изучения индейцев в США.— «Основные проблемы истории США в американской историографии». М., 1971, с. 6—20.
- Аборигенное население Канады.— «Национальные проблемы Канады». М., 1971, с. 22—73 (в соавторстве с Б. Суанки и Л. А. Файнбергом).
- Буржуазная этнография США и неоколониализм.— «Новая и новейшая история», 1972, № 5, с. 66—73.
- Дискриминация индейцев в США.— «Расизм — идеология империализма, враг общественного прогресса». М., 1973, с. 106—112.
- Über die Rolle der Stammeshäuptlinge unter den Bedingungen der Kolonisierung Nordamerikas.— «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», B. XXIII. Berlin, 1972, S. 351—356.
- О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада.— СЭ, 1973, № 3, с. 19—27.
- О путях распада родового строя.— «Основные проблемы африканистики». М., 1973, с. 51—57.
- Об отношении к марксизму в современной этнографии Запада.— «Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки». М., 1973, с. 6—29.
- Индейцы вчера и сегодня.— «США: экономика, политика, идеология», 1973, № 1, с. 53—61.
- Борьба индейцев в Вундед-Ни.— Там же, 1973, № 6, с. 66—68.
- On the forms of disintegration of the clan society of North American Indians. М., 1973, с. 1—13.
- Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974, 348 с.
- IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук.— СЭ, 1974, № 1, с. 3—15 (в соавторстве с Ю. В. Бромлеем).
- The fate of minority peoples in the age of scientific and technological revolution in conditions of socialism and capitalism.— «Sociological studies: ethnic aspects». М., 1974, p. 47—55.
- Вступительная статья к книге У. Майера («Разгневанного Медведя») «Коренные американцы. Новое движение сопротивления индейцев». М., 1974, с. 5—13.
- Проблемы межэтнических межрасовых отношений на VIII Международном социологическом конгрессе и ежегодном съезде Американской социологической ассоциации в 1974 г.— СЭ, 1975, № 1, с. 133—140.
- Индейцы в войне за независимость США.— «Война за независимость США». М., 1977, с. 258—267.
- Предисловие, комментарии и редактирование перевода с англ. сб. «Североамериканские индейцы». М., 1977.
- Полвека журнала советских этнографов.— «Вопросы истории», 1977, № 3, с. 40—52 (в соавторстве с А. И. Першицем).
- История теоретической мысли в американской этнографии. 400 с. (В печати).
- Historicism of Soviet ethnographic science.— «Ethnography and related sciences», М., 1977, с. 14—38.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Н. Н. ЧЕБОКСАРОВА**

(К 50-летию научной деятельности)

- Постройки Волоколамского уезда.— «Московский краевед», 1929, № 1—2, с. 3—80.
- Расы и расовая проблема в работах Маркса, Энгельса и Ленина.— «Антропологический журнал» (далее АЖ), 1933, № 1—2, с. 9—33 (в соавторстве с Т. А. Трофимовой).
- «Фетализация», расовая специфика или случайность?— АЖ, 1934, № 3, с. 204—207.
- Калмыки Западного улуса.— АЖ, 1935, № 1, с. 21—62.
- Физический тип китайцев разных социальных групп.— АЖ, 1935, № 1, с. 75—104.
- Негроиды и европеоиды в Восточной Африке.— АЖ, 1936, № 1, с. 3—46.
- Из истории светлых расовых типов Евразии.— АЖ, 1936, № 2, с. 193—227.
- Расовый отдел Государственного музея антропологии МГУ.— АЖ, 1936, № 2, с. 249—256.
- Группы крови и дальтонизм у коми.— АЖ, 1936, № 1, с. 396—413.
- Антропологическое изучение манси.— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР», вып. IX, 1941, с. 28—37 (в соавторстве с Т. А. Трофимовой).
- Монголоидные элементы в населении Центральной Европы.— «Ученые записки МГУ», вып. 63, 1941, с. 235—268.
- Антропологический состав современных немцев.— Там же, с. 269—308.
- Этногенез коми по данным антропологии.— «Сов. этнография» (далее СЭ), 1946, № 2, с. 51—80.
- Этническая антропология Германии.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (далее КСИЭ), вып. I, М., 1946, с. 55—62.
- Дунганская экспедиция.— КСИЭ, вып. III, 1947, с. 24—34.
- Ильменские поозеры.— «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. I, М., 1947, с. 235—267.
- Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии.— ТИЭ, т. II, М., 1947, с. 24—84.
- К вопросу о происхождении китайцев.— СЭ, 1947, № 1, с. 30—74.
- Кафедра этнографии Московского ордена Ленина государственного университета.— СЭ, 1947, № 1, с. 198—201.
- Некоторые вопросы изучения финно-угорских народов в СССР (по поводу одной научной конференции).— СЭ, 1948, № 3, с. 176—185.
- Этническая антропология Восточной Азии (автореферат докт. дис.).— «Труды II Всесоюзного географического съезда», М., 1949, с. 1—13.
- Северные китайцы и их соседи.— КСИЭ, вып. V, 1949, с. 64—69.
- Северные китайцы и их соседи (исследование по этнической антропологии Восточной Азии), 50 авт. листов*.
- Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстан.— КСИЭ, вып. VI, М., 1949, с. 9—19.
- Еще раз о некоторых вопросах изучения финно-угорских народов.— СЭ, 1949, № 2, с. 197—204.
- Этнографическая работа в Советской Прибалтике.— СЭ, 1949, № 4, с. 180—188.
- Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих.— СЭ, 1950, № 3, с. 107—122.
- Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики в свете данных этнографии и антропологии.— КСИЭ, вып. XII, 1950, с. 15—28 (в соавторстве с М. Г. Левиным и Я. Я. Рогинским).
- Методология этногенетических исследований...— СЭ, 1951, № 4, с. 7—26 (в соавторстве с С. А. Токаревым).
- Англо-американский расизм.— ТИЭ, т. XII, М., 1951, с. 67—91.
- В кн. «Происхождение человека и древнее расселение человечества» (ТИЭ, т. XVI), М., 1951, разделы: Основные принципы антропологических классификаций (с. 291—321); Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии (с. 325—354, в соавторстве с М. Г. Левиным); Проблемы заселения Европы по антропологическим данным (с. 409—468, в соавторстве с Г. Ф. Дебецом и Т. А. Трофимовой).
- К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы.— СЭ, 1952, № 1, с. 36—50.
- Некоторые вопросы этнической истории народов Советской Прибалтики в свете новых этнографических и антропологических данных.— «Известия АН Эстонской ССР», 1953, № 3, с. 67—76.

* Рукопись. В 1948 г. удостоена премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Отдельные главы этой работы опубликованы.

- В кн. «Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952 г.» (ТИЭ, т. XXIII), М., 1954, разделы: Некоторые вопросы этнической истории Советской Прибалтики в свете новых антропологических и этнографических данных (с. 3—12); Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики (по материалам Балтийской этнографо-антропологической экспедиции), с. 13—35.
- Этнография в Московском университете.— СЭ, 1955, № 2, с. 100—111 (в соавторстве с К. И. Козловой).
- Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса).— СЭ, 1955, № 4, с. 3—17 (в соавторстве с М. Г. Левиным).
- Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики.— СЭ, 1956, № 2, с. 3—17 (в соавторстве с С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой).
- В кн. «Очерки общей этнографии. Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка». М., 1957, разделы: Общие сведения (расы, народы, языки), (с. 6—56, в соавторстве с М. Г. Левиным).
- В кн.: «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия»*, М., 1959, раздел «Народы Восточной Азии», (с. 13—178, при участии К. В. Вяткиной, Ю. В. Ионовой, Р. Ф. Итса, М. Г. Левина); введение к разделу «Народы Юго-Восточной Азии» (с. 181—186, в соавторстве с М. Г. Левиным).
- Этническая антропология Восточной Прибалтики*.— «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. 2, М., 1959, 237 с. (в соавторстве с М. В. Витовым и К. Ю. Марк).
- Двадцать лет Союзных Советских Социалистических Республик Прибалтики.— СЭ, 1960, № 3, с. 3—20 (в соавторстве с Л. Н. Терентьевой).
- О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики.— Там же, с. 94—115.
- Основные проблемы этнической антропологии Китая.— «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». М., 1960, с. 1—11.
- Хозяйственно-культурные типы Китая.— «Восточноазиатский этнографический сборник», II (ТИЭ, т. LXXIII), М., 1961, с. 5—46 (в соавторстве с Линь Яо-хуа).
- Современный этап национального развития народов Азии и Африки.— СЭ, 1961, № 4, с. 74—99 (в соавторстве с С. И. Бруком).
- Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы.— СЭ, 1962, № 4, с. 122—137 (в соавторстве с В. П. Алексеевым и Т. А. Трофимовой).
- The teaching of ethnography in higher schools and the elements of ethnography in middle schools.— «Soviet geography review» April, 1962, p. 34—36 (в соавторстве с М. Я. Берзиной).
- Сорок дней в Индонезии.— «Вестник АН СССР», 1962, № 10, с. 18—83.
- Некоторые данные о состоянии антропологии в Польской Народной Республике.— СЭ, 1963, № 6, с. 118—123 (в соавторстве с В. В. Гинзбургом и Т. А. Трофимовой).
- В кн. «Народы Европейской части СССР», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки») *. М., 1964, разделы: Ранние этапы этнической истории (с. 26—40); Исторические судьбы народов (с. 41—57, в соавторстве с М. Г. Рабиновичем); Антропологический очерк (с. 58—71, в соавторстве с К. Ю. Марк).
- Основные этапы этнической истории.— «Народы зарубежной Европы», I (серия «Народы мира. Этнографические очерки») *. М., 1964, с. 44—68 (в соавторстве с С. А. Токаревым).
- Проблемы происхождения древних и современных народов. М., 1964, 20 с. [Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].
- Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. М., 1964, 12 с. [Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук].
- К итогам VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.— «Вопросы истории», 1964, № 12, с. 131—139 (в соавторстве с Ю. П. Аверкиевой).
- Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока.— «Вопросы истории Советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, с. 37—50.
- Этнические процессы в странах Зарубежной Азии.— «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических работ 1964 г.», М., 1965, с. 25—26.
- К итогам работы VII МКАЭН.— СЭ, 1965, № 3, с. 3—11.
- Месяц в Индии (15 сентября — 14 октября 1964 г.) — СЭ, 1965, № 3, с. 164—177 (в соавторстве с М. К. Кудрявцевым).
- В кн. «Народы Восточной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки») **, М., 1965, разделы: Природа (с. 11—12, в соавторстве с В. С. Стариковым); Древнее расселение человека (с. 36—75, в соавторстве с М. В. Крюковым); Антропологический состав населения (с. 75—89); Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии (с. 90—112); [Народы КНР]: Исторический очерк (с. 133—166, в соавторстве с Р. Ф. Итсом, М. В. Крюковым, А. М. Решетовым); Основные заня-

* Был одним из титульных редакторов книги.

** Как один из ответственных редакторов и основных авторов книги удостоен в 1966 г. премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (совместно с Г. Г. Стратановичем).

- тия и социальный состав (с. 169—239, в соавторстве с В. С. Стариковым и Г. А. Гловацким); Материальная культура (с. 240—280, в соавторстве с В. С. Стариковым); [Тибето-бирманские народы]: бай (с. 512—576, в соавторстве с Ю. И. Журавлевым).
- Происхождение финно-угорских народов в свете данных антропологии (тезисы).— «II Конгресс финно-угроведов в Хельсинки», 1965, с. 67—75 (в соавторстве с К. Ю. Марк).
- Über die Herkunft der finnisch-ugrischen Völker im Lichte anthropologischer Forschungen.— «II Конгресс финно-угроведов в Хельсинки» 1965, с. 67—75 (в соавторстве с К. Ю. Марк).
- Economic-culture types in China.— «Studies in archaic cultures of China», 1965, № 2, p. 29—44.
- Die wirtschaftlich-kulturellen Typen Chinas.— «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», B. XXII, 1966, S. 189—240.
- Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии (по данным полевых исследований советских антропологов и этнографов) — СЭ, 1966, № 2, с. 50—58.
- Антропологический состав.— «Очерки общей этнографии. Зарубежная Европа». М., 1966, с. 11—15 (в соавторстве с В. Р. Кабо).
- Первоначальное заселение и древнейшая история.— «Народы Юго-Восточной Азии». М., 1966, с. 23—64 (в соавторстве с В. Р. Кабо).
- The economic-cultural types of the Eastern Asia. M., 1966, 16 p. [Доклад на XI Тихоокеанском научном конгрессе].
- The ethnic anthropology of the Eastern Asia. M., 1966, 14 p. [Доклад на XI Тихоокеанском научном конгрессе].
- The processes of national consolidation in the countries of Southern and South-Eastern Asia. M., 1966, 11 p. [Доклад на VI Всемирном конгрессе социологов].
- Антропология и этнография на XI Тихоокеанском научном конгрессе.— СЭ, 1967, № 1, с. 155—165 (в соавторстве с Д. Д. Тумаркиным).
- Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии.— СЭ, 1967, № 3, с. 59—67 (в соавторстве с Я. В. Чесновым).
- Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4, с. 94—109.
- Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5, с. 3—24 (в соавторстве с А. И. Першицем).
- Півстоліття радянської етнографії.— «Народна творчість та етнографія», 1967, № 5, с. 46—53 (в соавторстве с А. И. Першицем).
- The main problems of the ethnic anthropology in India. M., 1967, 20 p.
- В кн.: «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР». М., 1968, разделы: Введение (с. 5—54, в соавторстве с В. И. Козловым и М. Г. Рабиновичем), Народы Прибалтики (с. 243—313, в соавторстве с Л. Н. Терентьевой).
- Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии.— «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 89—107 (в соавторстве с С. И. Бруком и Я. В. Чесновым).
- Понятие о расе в современной антропологии.— «Нет! расизму», М., 1969, с. 19—26.
- Историко-этнографическое районирование Дальнего Востока.— «Проблемы истории Дальнего Востока», М., 1969, с. 131—147.
- Essential problems of India's ethnical anthropology. M., 1970, 16 p. [Доклад на XVIII Международном конгрессе востоковедов].
- В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока.— СЭ, 1970, № 1, с. 83—98 (в соавторстве с А. М. Решетовым).
- Раса, популяция и этнос. М., 1970, 15 с. (в соавторстве с С. А. Арутюновым) [Доклад на VII Международном социологическом конгрессе].
- The problems of typology of ethnic units in the works of Soviet scholars.— «Soviet anthropology and archeology», 1970, № 2.
- Ein halbes Jahrhundert sowjetischer Ethnographie.— «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», B. XXVII, 1970, S. 5—37 (в соавторстве с А. И. Першицем).
- Народы, расы, культуры. М., 1971, 256 с. (в соавторстве с И. А. Чебоксаровой).
- Передача информации как механизм сосуществования этносоциальных и биологических групп человечества.— «Расы и народы», 1972, № 2, с. 8—31 (в соавторстве с С. А. Арутюновым).
- Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования.— СЭ, 1972, № 2, с. 3—16 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).
- Этнические процессы и информация. «Природа», 1972, № 1, с. 58—63 (в соавторстве с С. А. Арутюновым).
- Протоиндийская цивилизация и современные дравиды.— «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов», II, М., 1972, с. 153—164 (в соавторстве с С. А. Арутюновым).
- Некоторые вопросы этнической истории Тибета в свете данных антропологии (тезисы доклада).— «Центральная Азия и Тибет», I, Новосибирск, 1972, с. 29—30.
- Жилище.— «Большая Советская энциклопедия», т. 9, 1972, с. 207—215.
- Антропология и этнография о происхождении китайцев.— «Расы и народы», М., 1973, с. 89—114 (в соавторстве с А. М. Решетовым).

- L'anthropologie et l'ethnographie sur l'origine des Chinois.—«Sciences sociales», 1973, № 2 (12), p. 122—141 (в соавторстве с А. М. Решетовым).
- Новые данные по этнической антропологии Индии.—«Очерки экономической и социальной истории Индии», М., 1973, с. 3—27.
- К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун).—СЭ, 1973, № 5, с. 40—50.
- Problèmes essentiels d'anthropologie ethnique de l'Asie du Sud-Est. М., 1973, 18 p. [Доклад на XXIX Международном конгрессе востоковедов].
- К истории хозяйственно-культурной дифференциации человечества. М., 1973, 17 с. (в соавторстве с Б. В. Андриановым) [Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнологических наук].
- Капитальный труд об этносах (о книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография»).—«Природа», 1973, № 12, с. 110—113.
- Human races and populations.—«Races and Peoples. Contemporary Ethnic and Racial Problems». М., 1974, p. 45—62.
- National processes in Asiatic countries outside the USSR.—Там же, с. 182—211 (в соавторстве с С. И. Бруком и Я. В. Чесновым).
- Заключение к книге «Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии»*, М., 1974, с. 286—319 (в соавторстве с Я. В. Чесновым).
- Этносы, популяции, расы.—«Земля и люди», М., 1974, с. 211—219 (в соавторстве с И. А. Чебоксаровой).
- Языковые коммуникации и этническая консолидация.—«Социолингвистические проблемы развивающихся стран». М., 1975, с. 16—19 (в соавторстве с С. А. Арутюновым).
- Van hoa la gi? — Tap chi dan toc hoc (Ethnographic Researches), 1975, N 1—5.
- Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования).—СЭ, 1975, № 3, с. 15—25 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).
- Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии.—СЭ, 1975, № 4, с. 33—50 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).
- New data on the ethnic anthropology of India.—«New Indian Studies by Soviet Scholars», М., 1976, p. 17—33.
- Межэтнические общности.—«Расы и народы», 1976, № 6, с. 15—41 (в соавторстве с С. И. Бруком).
- Маоизм и этническая антропология.—«Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 2, с. 163—172.
- Введение к книге «Этнические процессы в Южной Азии»*. М., 1976, с. 4—39.
- 50 лет журнала «Советская этнография».—СЭ, 1976, № 4, с. 3—26 (в соавторстве с А. И. Першицем).
- О специфике расообразования у человека.—Там же, с. 139—144.
- Историко-географические аспекты хозяйственно-культурного развития народов мира (конец XIX — начало XX века).—«XXIII Международный географический конгресс. 9 — Историческая география». М., 1976, с. 7—11 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).
- Основные проблемы современного этнокультурного районирования мира.—«Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—75 гг.», Душанбе, 1976, с. 12—14 (в соавторстве с Б. В. Андриановым).
- Данные антропологии в разработке проблем происхождения и этнической истории тюркских народов (тезисы доклада).—«Всесоюзная тюркологическая конференция. Этнические и историко-культурные связи тюркских народов СССР», Алма-Ата, 1976, с. 109—111.
- Основные этапы истории антропологического состава населения Китая (палеолит и мезолит).—«Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Эпоха палеолита», Новосибирск, 1976, с. 8—24.
- Rahvad, rassid i kultuurid. Tallinn, 1976, 220 s.
- Расизм.—«Большая советская энциклопедия», т. 21, 1976, с. 463—464.
- Расы.—Там же, с. 501—503.
- Антропологический состав населения территории современного Китая в палеолите, мезолите и неолите.—«Ранняя этническая история народов Восточной Азии». М., 1977, с. 74—97.
- Tautos, rasės, kultūros. Vilnius, 1977, 216 s. (в соавторстве с И. А. Чебоксаровой).

* Титульный редактор книги.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1971—1975 гг.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

1. Абдушелишвили М. Г. Материалы совместных советско-индийских антропологических исследований в свете общих проблем генезиса индосредиземноморской расы. 1972, 6, с. 119—129.
2. Абрамзон С. М. [Рец.]: Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969, 196 стр. 1971, 5, с. 173—176.
3. Абрамзон С. М., Кисляков Н. А. Добыча золота — один из древнейших промыслов горных таджиков. 1971, 2, с. 114—122.
4. Абрамзон С. М., Потапов Л. П. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников). [Резюме на английском яз.]. 1975, 6, с. 28—41.
5. Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Новь киргизского села. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 29—45.
6. Авакян Н. Х. Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX—XX вв. (В связи с подготовкой Кавказского этнографического атласа). 1972, 4, с. 108—117.
7. Аверкиева Ю. П. О некоторых попытках интерпретации марксизма этнографами Запада. [Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 19—27.
8. Аверкиева Ю. П. О новом издании в США труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Frederick Engels. *The origin of the family, private property and the state*. Edited, with an introduction by Eleonor Burke Leacock. New York, 1972. 1973, 6, с. 162—165.
9. Аверкиева Ю. П. Проблемы межэтнических и межрасовых отношений на VIII Международном социологическом конгрессе и ежегодном съезде Американской социологической ассоциации в 1974 г. [19—24 августа в Торонто и 29 августа в Монреале]. 1975, 1, с. 133—140.
10. Аверкиева Ю. П. Этнография и культурная (социальная) антропология на Западе. [Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 9—16.
11. Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В. IX Международный конгресс антропологических и этнологических наук [с 1 по 8 сентября 1973 г. в Чикаго. Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 3—15.
12. Агранат Г. А. [Рец.]: Национальные проблемы Канады. Отв. редактор Ю. П. Аверкиева. М., 1972, 232 стр. 1973, 2, с. 183—184.
13. Айплатова М. А. Достижения советской этнографической науки в изучении материальной и духовной культуры марийского народа. 1972, 5, с. 82—88.
14. Акрамова Х. Ф. Михаил Степанович Андреев (К столетию со дня рождения). [Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 66—72.
15. Александренков Э. Г. Этнические группы индейцев Больших Антильских и Багамских островов на рубеже XV—XVI вв. [Приложены карты острова Гаити и расселения гуанакхатабеев, сибонеев, выходцев с Гаити, «немых» индейцев Гаити, сигуайев Гаити]. 1971, 3, с. 103—112.
16. Александров В. А. [Рец.]: В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. (Домарксистский период). М., 1970, 390 стр. 1973, 1, с. 176—177.
17. Александров В. А. [Рец.]: Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Е. В. Михайличенко. Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование. (середина XIX — начало XX в.). Казань, 1973, 165 стр. 1975, 1, с. 169—171.
18. Александров В. А. [Рец.]: Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора), ч. I—

- III. М., 1970, 2218 стр. 1972, 3, с. 176—179.
19. Александрова Т. М. [Рец.]: И. П. Труфанов. Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973, 144 стр. 1974, 2, с. 152—154.
 20. Алексеев В. П. Антропология в Академии наук за 250 лет. [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 3—14.
 21. Алексеев В. П. О некоторых биологических факторах, важных для формирования социальной организации. [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации». Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 104—105.
 22. Алексеев В. П. О положении папуасов в расовой систематике. [Приложена карта: Географическое положение изученных серий папуасских черепов. Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 51—59.
 23. Алексеев В. П. Теоретическое наследство Энгельса и антропологическая наука. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 3—12.
 24. Алексеев В. П. [Рец.]: Б. А. Калоев. Осетины. Историко-этнографическое исследование. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 1971, 356 стр. 1973, 6, с. 171—172.
 25. Алексеев В. П. [Рец.]: Л. А. Файнберг. Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М., 1971, 279 стр. 1972, 3, с. 186—188.
 26. Алексеев Н. А. [Рец.]: Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. Отв. редакторы Б. О. Долгих, И. С. Гурвич. М., 1970, 280 стр. 1972, 5, с. 152—154.
 27. Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. [Приложены карты: 1. Соотношение морфологических компонентов в восточнославянском населении эпохи средневековья; 2. Локальные антропологические варианты в составе восточных славян в эпоху средневековья; 3. Антропологический состав восточнославянского населения XVII—XIX вв. по данным краниологии. Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 48—59.
 28. Алексей Владимирович Ефимов. [Некролог. Приложен список основных трудов А. В. Ефимова]. 1972, 1, с. 195—197.
 29. Алфавитный указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1966—1970 г. [Приложен систематический ключ к алфавитному указателю]. 1971, 6, с. 200—236.
 30. Ананьев Б. А. Обсуждение проблем этногенеза, материальной и духовной культуры народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана в Ленинградской части Института этнографии АН СССР [22 и 24 апреля 1975 г.]. 1975, 6, с. 167—169.
 31. Андреев И. Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 13—24.
 32. Андрианов Б. В. Конференция по изучению систем земледелия (история и современная практика). [Всесоюзная научная конференция 19—21 марта 1973 г. в Москве]. 1973, 4, с. 160—162.
 33. Андрианов Б. В. [Рец.]: С. Ф. Кулик. Современная Кения (справочник). М., 1972, 466 стр. 1975, 2, с. 186—187.
 34. Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С. Земли древнего орошения юго-восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения. [Приложена схематическая археолого-геоморфологическая карта. Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 46—59.
 35. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования). [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 15—25.
 36. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и зарубежной Азии. [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 33—50.
 37. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. [Приложена карта: Хозяйственно-культурные типы земного шара на рубеже XIX—XX вв. Резюме на английском яз.]. 1972, 2, с. 3—16.
 38. Аннаклычев Ш. К истории формирования рабочего класса Туркменистана. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 17—28.
 39. Анохин Г. И. О научном наследии Е. А. Рыдзевской (1890—1941 гг.). 1971, 5, с. 132—135.
 40. Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые вопросы развития современного городского жилища (По материалам городов средней полосы РСФСР). 1972, 3, с. 98—104.
 41. Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 гг.). [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 19—27.
 42. Аншба А. А., Зухба С. Л. Этнографические и фольклористические исследования в Абхазии за годы Советской власти. 1974, 1, с. 84—92.
 43. Арановская О. Р., Ивлева Л. М. Конференция фольклористов в Ленинграде [с 24 по 26 мая 1971 г.]. 1972, 2, с. 128—131.
 44. Арапова Е. Г.—см. Некрылова А. Ф., Арапова Е. Г.
 44. Аргынбаев Х. Свадьба и свадебные обряды у казахов (в прошлом

- и настоящим). 1974, 6, с. 69—77.
45. Ариф М. Х. А. Литература на арабском и курдском языках по этнографии курдов Ирака (историографические заметки). 1975, 3, с. 156—163.
 46. Арутюнов С. А. Новая американская литература по этнографии японцев. [Обзор работ: Ed. Norbeck, S. Parman (eds.). *Studies on Japan in behavioral sciences. «Race universality studies»*, vol. 56, No. 4, 310 pp. Houston, 1970; W. Silbermann (ed). *Japanese character and culture*. Tucson, 1962; G. Yamamoto. Tsuyoshi Ishida (eds.). *Selected readings on the modern Japanese society*. Berkeley, 1970, 250 pp.; Harumi Befu. *Japan: an anthropological introduction*. Stanford, 1972, 210 pp. 1973, 6, с. 158—162.
 47. Арутюнов С. А. О форме стада предков [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации». Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 106—107.
 48. Арутюнов С. А. [Рец.]: И. В. Подберезский. Сампагита, крест и доллар. М., 1974, 336 стр. 1975, 6, с. 192—194.
 49. Арутюнов С. А. [Рец.]: Л. Е. Кубель. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974, 432 стр. 1974, 5, с. 186—188.
 50. Арутюнов С. А. [Рец.]: Н. А. Иофан. Культура Древней Японии. 1975, 5, с. 173—174.
 51. Арутюнов С. А. [Рец.]: Н. А. Красновская. Фриулы. М., 1971. 1972, 4, с. 189—190.
 52. Арутюнов С. А. [Рец.]: Э. С. Маркарян. Очерки теории культуры. Ереван, 1969, 228 стр. 1971, 6, с. 178—180.
 53. Арутюнов С. А. [Рец.]: Этнография имен. Отв. редакторы В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. М., 1971, 263 стр. 1972, 6, с. 161—163.
 54. Арутюнов С. А., Крюков М. В. [Рец.]: Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972, 306 стр. 1973, 4, с. 182—184.
 55. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Конференция «Возникновение раннеклассового общества» [26—28 декабря 1973 г. в Москве]. 1974, 4, с. 155—158.
 56. Арутюнян С. Б., Саакян А. Ш. Новые записи эпоса «Давид Сасунский» (К 100-летию первой записи и публикации армянского народного эпоса). 1975, 2, с. 80—86.
 57. Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации. [По материалам экспериментального исследования в Грузии. Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 3—13.
 58. Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (Программа, методика и перспективы исследования). [Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 3—19.
 59. Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Рисунки в пещере близ Хумары. 1975, 2, с. 106—107.
 60. Ахметов З. А. [Рец.]: История казахской литературы, т. 1 — Казахский фольклор. Отв. редактор Н. С. Смирнова. Алма-Ата, 1968, 452 стр. 1971, 5, с. 176—178.
 61. Ахметшин Б. Г. Отражение условий труда и быта горнорабочих Башкирии в преданиях и других устных рассказах (По материалам фольклорных экспедиций Башкирского государственного университета). 1974, 1, с. 119—124.
 62. Ашилова Д. О. Антропологическая характеристика современных калмыков. [Приложена схематическая карта локализации исследованных групп в Калмыцкой АССР. Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 61—74.
 63. Байпаков К. М. [Рец.]: Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в 1 тысячелетии н. э. М., 1972, 250 стр. 1974, 3, с. 182—185.
 64. Барабаш И. Пространство и время в историко-этнографическом исследовании. [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 81—88.
 65. Бараг Л. Г. [Рец.]: Українські народні казки Східної Словаччини, т. I—IV. Упорядкування, післямови та коментарі Михайла Гиряка. Пряшів, 1965—1972. 1975, 3, с. 182—185.
 66. Барнов Г. Д. Грузинская фольклористика 1960-х годов. 1972, 6, с. 98—103.
 67. Баряктарович М. К вопросу об изменении этнического самосознания (на материалах Югославии). [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 51—64.
 68. Басилов В. Н. Легенда: верить или не верить? 1974, 1, с. 163—172.
 69. Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1971 году. 1972, 3, с. 157—165.
 70. Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1972 году. 1973, 3, с. 155—162.
 71. Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1973 году. 1974, 4, с. 145—154.
 72. Басилов В. Н. Работа Института этнографии АН СССР в 1974 году. 1975, 2, с. 139—149.
 73. Басилов В. Н. Ташмат-бола. 1975, 5, с. 112—124.
 74. Басилов В. Н. Через сто лет после Маклая. 1972, 4, с. 143—158.
 75. Басилов В. Н. [Рец.]: Ф. П. Снезарев. Под небом Хорезма. М., 1973, 160 стр. 1974, 2, с. 167—169.
 76. Басилов В. Н., Кобычев В. П. Галгай — страна башен. 1971, 1, с. 120—135.
 77. Басин В. Я., Жданко Т. А. [Рец.]: В. В. Востров, Х. А. Кауанова. Мате-

- риальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата, 1972, 272 стр. с илл. 1974, 2, с. 162—165.
78. Баскаков Н. А. Душа в древних верованиях тюрков Алтая (термины, их значение и этимология). 1973, 5, с. 108—113.
 79. Баскаков Н. А. Жилища приильских казахов. 1971, 4, с. 104—115.
 80. Бахтоваршоева Л. Ткани кустарного производства в Припамирье в XIX—начале XX века (материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана). [Приложена карта распространения различных видов тканей в Припамирье]. 1973, 3, с. 110—118.
 81. Башилов В. А., Серов С. Я. [Рец.]: Новые книги по истории культуры инков. V. Angles Vargas. P'isac. Metrópoli inka. Lima, 1970, 168 p.; Machupijchu, enigmática ciudad inka. Lima, 1972, 434 p. 1975, 4, с. 184—187.
 82. Бержкович А. С. Еще раз об агро-этнографических исследованиях. [По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агро-этнографических исследований» («Сов. этнография», 1967, № 1) и др. Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 87—94.
 83. Беккер Р. И. Симпозиум «Народный свадебный обряд как предмет комплексного изучения» [17 марта 1972 г. в Ленинграде]. 1973, 1, с. 172.
 84. Белов М. И., Ляпунова Р. Г. Советские ученые на юбилейной сессии Орегонского исторического общества [в Портленде]. 1974, 4, с. 162—163.
 85. Белорукова Г. П. Лесные рабочие Коми АССР (этнокультурные процессы). [Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 29—39.
 86. Белорукова Г. П., Пименов В. В. Новые работы по этнографии народов Коми АССР. [Л. Н. Жеребцов. Расселение коми в XV—XIX вв. Сыктывкар, 1972, 63 стр.; его же. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII—начале XX в. М., 1972, 126 стр.; его же. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX в.)—Сб. «Этнография и фольклор коми». («Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР», вып. 13). Сыктывкар, 1972, стр. 105—113; его же. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональной культурной среде.—Сб. «Этнография и фольклор Коми», стр. 70—76; его же. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, 96 стр.]. 1974, 1, с. 182—184.
 87. Березкин Ю. Е. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Г. И. Лангсдорфа [22—24 октября 1974 г. в Ленинграде]. 1975, 3, с. 131—136.
 88. Березкин Ю. Е. [Рец.]: В. А. Башилов. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972, 210 стр.—илл. 1973, 3, с. 187—189.
 89. Березкин Ю. Е. [Рец.]: S. Varese. The forest Indians in the present political situation of Peru. Copenhagen, 1972, 28 p., map., tabl. 1975, 4, с. 182—184.
 90. Берзина С. Я. Материалы к этнической истории фюльбе. [Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 43—52.
 91. Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен. 1973, 6, с. 120—125.
 92. Бессмертный подвиг советского народа. 1975, 3, с. 3—6.
 93. Блинкова Л. А., Бородько Р. Г., Одинцова И. И., Савушкина Н. И. Китежская легенда и несказочная проза Заволжья. 1973, 4, с. 113—122.
 94. Блюм А. В. Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.»). 1971, 1, с. 111—114.
 95. Богина Ш. А. Международные исторические конгрессы 1970 года. [V Международный конгресс исторических наук 10—14 августа в Ленинграде и XIII Международный конгресс исторических наук 16—23 августа в Москве]. 1971, 2, с. 146—153.
 96. Богина Ш. А. Межэтнические отношения в США (XIX в.). [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 63—72.
 97. Богина Ш. А. [Рец.]: Д. Д. Тумаркин. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820—1865 гг. М., 1971, 443 стр., илл. 1972, 2, с. 169—172.
 98. Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки. [Резюме на английском яз.]. 1975, 5, с. 3—16.
 99. Боглар Л. Индейцы намбиквара — маргинальная группа в Бразилии. 1972, 3, с. 139—143.
 100. Бонгард-Левин Г. М.—см. Окладников А. П., Бонгард-Левин Г. М.
 101. Борис Осипович Долгих. [Некролог. Приложен список основных трудов Б. О. Долгих]. 1972, 2, с. 176—179.
 102. Борисенко В. К. Пища польских крестьян Подолии (конец XIX—начало XX века). 1973, 3, с. 130—133.
 103. Борисовская С. П. Выставка «Сокровища Кипра» в Эрмитаже. 1972, 2, с. 131—136.
 104. Борисовская С. П. Научная конференция, посвященная истории и культуре этрусков [с 17 по 19 ноября 1972 г. в Государственном Эрми-

- таже в Ленинграде]. 1973, 5, с. 151—153.
- Бородько Р. Г.—см. Блинкова Л. А., Бородько Р. Г., Одинцова И. И., Савушкина Н. И.
105. Борозна Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана (В связи с подготовкой Историко-этнографического атласа). [Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 32—44.
 106. Борьба с расистской идеологией и этнографическая наука. 1971, 5, с. 3—8.
 107. Бостан Г. К. [Рец.]: И. Д. Чобан. Молдавская народная лирическая поэзия. Необрядовая песня. Кишинев, 1973, 360 стр. 1975, 5, с. 170—171.
 108. Брегадзе Н. А. К вопросу о локализации ареала первичных очагов земледелия в Грузии. 1975, 4, с. 72—76.
 109. Бромлей Ю. В. Еще раз о соотношении этнической и экономической общностей. 1972, 3, с. 86—89.
 110. Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей. [Резюме на английском яз.]. 1972, 5, с. 61—81.
 111. Бромлей Ю. В. Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 20—41.
 112. Бромлей Ю. В., Козлов В. И. К изучению современных этнических процессов в сфере духовной культуры народов СССР. [Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 3—17.
 - Бромлей Ю. В.—см. Аверкиева Ю. П., Бромлей Ю. В.
 113. Брук С. И. Историко-этнографическое картографирование и его современные проблемы. [Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 3—18.
 114. Брук С. И. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 года). [Приложен список использованных материалов. Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 8—30.
 115. Брук С. И., Губогло М. Н. Двухязычие и сближение наций в СССР (По материалам переписи населения 1970 г.). [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 18—32.
 116. Брук С. И., Губогло М. Н. Факторы распространения двухязычия у народов СССР (По материалам этносоциологических исследований). [Резюме на английском яз.]. 1975, 5, с. 17—30.
 117. Будина О. Р., Иванова Ю. В. Проблемы этнографии в албанской научной печати. 1974, 6, с. 161—170.
 118. Бунак В. В. О формах полового поведения обезьян. [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации». Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 107—112.
 119. Бурнацева З. Ф. Работа Ученого совета и дирекции Института этнографии АН СССР в 1974 году. 1975, 2, с. 149—153.
 120. Бусыгин Е. П. [Рец.]: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. Отв. редакторы Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова. М., 1969, 274 стр. 1971, 3, с. 149—151.
 121. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Декоративное оформление русского сельского жилища в Чувашской и Татарской АССР. 1974, 3, с. 96—103.
 122. Бусыгин Е. П., Халиков А. Х. [Рец.]: В. Н. Белицер. Народная одежда мордвы. «Труды Мордовской этнографической экспедиции», вып. III. «Труды Института этнографии АН СССР», т. 101. М., 1973, 215 стр. 1974, 4, с. 176—178.
 123. Бутинов Н. А. Н. Н. Миклухо-Маклай и проблемы этнографии Берега Маклая на Новой Гвинее. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 69—76.
 124. Бутинов Н. А. [Рец.]: D. Pitt. Tradition and economic progress in Samoa. A case study of the role of traditional social institutions in economic development in Western Samoa. Oxford, 1970, 306 p. 1973, 4, с. 187—189.
 125. Бутинов Н. А. [Рец.]: E. Ogan. Business and cargo: socio-economic change among the Nasioi of Bougainville. («New Guinea Bulletin», N 44). Canberra, 1972, IX+207. 1974, 2, с. 187—190.
 126. Бутинов Н. А. [Рец.]: «Man in New Guinea», vol. 1—V. Port Moresby, 1968—1973. 1975, 3, с. 188.
 127. Бутинов Н. А. [Рец.]: P. Christensen. The Melanesian Cargo Cult. Millenarianism as a factor in cultural change. Translated from Danish by J. R. B. Cosney. Copenhagen, 1969, 148 p. 1971, 4, с. 179—181.
 128. Бутинова М. С. Культ карго в Меланезии (к проблеме милленаристских движений). [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 81—92.
 129. Бутинова М. С. Материалы Н. Н. Миклухо-Маклая о религии народов Океании и их значение для современного религиоведения. [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 54—66.
 130. Бутинова М. С. Проблемы происхождения и ранних форм религии в музейных экспозициях. [Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 17—28.
 131. Бутинова М. С. [Рец.]: Ewa Nowicka. Bunt i ucieczka. Zderzenie kultur i ruchy społeczne. Warszawa, 1972, 287 S. 1973, 6, с. 169—171.
 132. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (II. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии). [Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 37—52.
 133. Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. [Рец.]: Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, 176 стр. 1971, 6, с. 188—191.

134. Варданян Л. М. [Рец.]: Ст. Д. Лисициан. Армяне Зангезура. Ереван, 1969, 334 стр. с илл. (на армянском яз.). 1972, 1, с. 186—187.
135. Василевич Г. М. Дошаманские и шаманские верования эвенков. [Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 53—60.
136. Васильев В. И. О генетической природе этнических компонентов лесных ненцев. 1973, 4, с. 106—112.
137. Васильев В. И. [Рец.]: Самодийский сборник. [Автор рецензируемой работы Г. Д. Вербов]. Новосибирск, 1973, 229 стр. 1975, 5, с. 168—169.
138. Васильева Г. П. Женщины республик Средней Азии и Казахстана и их роль в преобразовании быта сельского населения. [Резюме на английском яз.]. 1975, 6, с. 17—27.
139. Васильева Г. П. Новые публикации о традиционных формах хозяйства населения Туркменской ССР. А. Оразов. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1972, 131 стр.; А. А. Канода. Переселенческие поселки в Закаспийской области (конец XIX—начало XX в.). Ашхабад, 1973, 90 стр., карты; Сб. «Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен». Ашхабад, 1973, 165 стр.; А. Н. Пиркулиева. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX—начале XX в. Ашхабад, 1973, 84 стр. 1975, 1, с. 153—158.
140. Васильева Г. П. Современное состояние народного декоративно-прикладного искусства туркмен. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 60—73.
141. Васильева Г. П. Туркменские женские украшения (Опыт картографирования). [Приложена карта распространения различных женских украшений среди туркменских племен]. 1973, 3, с. 90—98.
142. Вдовин И. С. [Рец.]: «North/Nord». A special issue on the Soviet North. March/April, 1973, 48 p. (Un numéro spécial sur le Nord Soviétique. Mars/Avril, 1973). 1975, 4, с. 173—175.
143. Вельгус В. А. Александрийские фокусники в древнем Китае (Из истории культурных связей народов Средиземноморья и Восточной Азии). 1975, 4, с. 138—144.
144. Велюс Н. Комплексные экспедиции литовских краеведов. 1972, 3, с. 171—172.
145. Велюс Н. [Рец.]: В. Kerbelytė. Lietuvių Liaudies padavimų katalogas. Vilnius, 1973, 12 str. 1975, 3, с. 176—177.
146. Вера Варденовна Бардавелидзе. [Некролог. Приложен список основных трудов В. В. Бардавелидзе]. 1971, 2, с. 179—181.
147. Викторова Л. Л. [Рец.]: Культура народов зарубежной Азии. «Сборник МАЭ», т. XXIX. Ответственный редактор Р. Ф. Итс. Л., 1973, 250 стр. 1975, 4, с. 178—180.
148. Вилкуна К. Как пахали поле до появления плуга. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 93—100.
149. Винников Я. Р. [Рец.]: А. Булатова. Лакцы (XIX—начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971, 194 стр. 1973, 5, с. 163—164.
150. Винников Я. Р. [Рец.]: Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969, 239 стр. 1971, 3, с. 151—153.
151. Виноградов А. В. Бирюза, первобытная мода, этногенез. 1972, 5, с. 120—130.
152. Виноградов В. Б. [Рец.]: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974, 275 стр. 1975, 3, с. 172—174.
153. Виноградов В. Б. [Рец.]: Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, 208 стр. 1974, 2, с. 165—167.
154. Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков [Приложена карта: Расселение гребенских казаков. Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 31—42.
155. Вишневский С. Н. «Южная стратегия» Вашингтона. [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 3—16.
156. Вишняускайте А. Надписи на орудиях обработки льна у литовцев как исторический источник. 1975, 6, с. 86—93.
157. Власова И. В., Логашова Ж. [Д. Б.]. [Рец.]: Ономастика Поволжья, вып. 3. Отв. ред. Р. Г. Кузев, В. А. Никонов. Уфа, 1973, 431 стр. 1975, 2, с. 174—177.
158. Власова И. В., Федянович Т. П. Третья поволжская конференция по ономастике [с 21 по 24 сентября 1971 г. в Уфе]. 1972, 3, с. 166—169.
159. Власюк П. А., Капитанчук В. А. [Рец.]: Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974, 296 стр. 1975, 5, с. 165—168.
160. Влчек Э. Пропорции конечностей неандертальского ребенка из Кник—Кобы. 1974, 6, с. 104—109.
161. Волкова Н. Г. Переселение с гор на равнину на Северном Кавказе в XVIII—XX вв. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 38—47.
162. Волкова Н. Г., Тер-Саркисянц А. Е. Сессия, посвященная итогам этнографических и антропологических работ в 1973 году [2—4 апреля 1974 г. в Москве]. 1974, 5, с. 155—166.
163. Володина В. Н. Языковая ситуация в Гане. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 54—62.
164. Волчок Б. Я. [Рец.]: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя

- Индия. Исторический очерк. М., 1969, 734 стр. 1972, 2, с. 161—163.
165. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. [Приложена карта: Схема размещения ацангуаров в северо-западной Абхазии. Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 30—40.
 166. Востров В. В., Дахшлейгер Г. Ф., Кауанова Х. Этнографическое изучение казахского народа (К 50-летию образования Союза ССР). [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 34—41.
 167. Вызго Т. С., Пугаченкова Г. А. [Рец.]: Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970, 137 стр. с илл. 1973, 1, с. 177—180.
 168. Гавриленко В. А. Столетие Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР. 1975, 2, с. 57—67.
 169. Гаген-Торн Н. И. Анимизм в художественной системе «Слова о полку Игореве». 1974, 6, с. 110—118.
 170. Гаген-Торн Н. И. К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева. 1973, 2, с. 158—159.
 171. Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии). 1971, 2, с. 134—145.
 172. Гаген-Торн Н. И. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве» (Заметки этнографа). [Резюме на английском яз.]. 1972, 2, с. 51—60.
 173. Гаген-Торн Н. И. [Рец.]: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Этнография. Выпуск 5. 1968, 200 стр. Составитель и редактор М. В. Воробьев. 1971, 1, с. 154—156.
 174. Гаген-Торн Н. И. [Рец.]: Н. Н. Ершов, З. А. Широкова. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969. 1972, 6, с. 179.
 175. Гаген-Торн Н. И. [Рец.]: Т. А. Крюкова. Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву. Саранск, 1969, 119 стр. с илл. 1972, 1, с. 190—192.
 176. Гаджиева С. Ш. Этнографическое изучение народов Дагестана в годы Советской власти. 1973, 6, с. 73—81.
 177. Галич З. Н. Дискуссия в Институте востоковедения АН СССР о роли общины и перспективах ее эволюции в развивающихся странах [25 апреля 1975 г.]. 1975, 6, с. 160—166.
 178. Ганковский Ю. В. Интернациональное значение опыта решения национального вопроса в СССР. [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 3—15.
 179. Ганковский Ю. В. [Рец.]: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, 272 стр. 1973, 3, с. 172—174.
 180. Ганцкая О. А. Этнос и семья в СССР. [Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 20—30.
 181. Гашпарикова В. Новые работы грузинских фольклористов. Грузинское народное творчество (перевод с грузинского). Отв. ред. Е. Б. Вирсаладзе. Тбилиси, 1972, 551 стр. Грузинские народные предания и легенды. Составление, перевод, предисловие и примечания Е. Б. Вирсаладзе. М., 1973, 368 стр. 1975, 1, с. 175—176.
 182. Гемуев И. Н., Пелих Г. И. Селькупское оленеводство. 1974, 3, с. 83—95.
 183. Георгиева И., Москова Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар. [Приложены карты распространения терминов для обозначения: а) сестры матери, б) мужа сестры матери, ареалов терминов кровного родства. Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 60—69.
 184. Герасимова М. М. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э.—IV в. н. э.). 1971, 4, с. 131—140.
 185. Герчук Ю. Я. Этнографические наблюдения русского путешественника Ф. В. Каржавина в Америке (конец XVIII в.). 1972, 1, с. 143—154.
 186. Гин Е. М. [Рец.]: Дзіцячы фальклор. Складальнік Г. А. Барташэвіч. Мінск, 1972, 763 стр. 1974, 4, с. 180—182.
 187. Гиренко Н. М. Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании). [Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 59—69.
 188. Гиренко Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий. [Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 41—50.
 189. Гиренко Н. М. Этнолингвистическая ситуация на Занзибаре. [Резюме на английском яз.]. 1972, 5, с. 51—60.
 190. Гиренко Н. М. [Рец.]: A. Harwood. Witchcraft, sorcery and social categories among the Safwa. Published for the International African Institute by the Oxford university press. London, 1970, 160 p. 1973, 2, с. 187—189.
 191. Гиренко Н. М. [Рец.]: A history of Tanzania. I. N. Kimambo, A. J. Temu (eds). East African Publishing House. Nairobi, 1969, 276 p. 1971, 4, с. 178—179.
 192. Гиренко Н. М. [Рец.]: Hasani bin Ismail. The Medicine Man. Swifa ya Nguvumali. Edited and translated by Peter Lienhardt. Oxford, 1968, 307 p. 1971, 3, с. 158—159.
 193. Гоголев З. В. [Рец.]: Yakutia before its incorporation into the Russian State. Montreal — London, 1970, XII, 499 p. 1972, 4, с. 187—189.
 194. Гольберг М. Я. [Рец.]: Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, 312 стр. 1972, 5, с. 147—149.
 195. Гольберг М. Я. [Рец.]: В. А. Маланчук. Етнографічна діяльність

- В. Ю. Охримовича. Київ, 1972, 138 стр. 1973, 6, с. 172—173.
196. Горелик М. В. Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник (Опыт изучения мужского костюма). [Приложение списки рукописей XII—XIII вв. с миниатюрами и основных публикаций миниатюр XII—XIII вв. Резюме на английском яз.]. 1972, 2, с. 37—50.
 197. Горленко В. Ф. К вопросу унификации номенклатуры пахотных орудий (украинский плуг и соха). [Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 67—71.
 198. Горленко В. Ф. Константин Григорьевич Гуслистый. [Некролог. Приложен список основных трудов К. Г. Гуслистого]. 1973, 5, с. 179—181.
 199. Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 14—24.
 200. Гохман В. И. [Рец.]: Е. В. Иванова. Тайские народы Таиланда. М., 1970, 198 стр. 1971, 2, с. 175—177.
 201. Гохман В. И., Решетов А. М. Два симпозиума по проблемам ранних этапов этнической истории народов Восточной Азии [1 июня 1973 г. и 5—6 февраля 1974 г. в Москве]. 1974, 6, с. 139—145.
 202. Гохман И. И. Роль андроновского компонента в формировании южно-сибирской расы. [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 96—106.
 203. Гоцко Г. Н. К вопросу о женском образовании в Танзании (по суахильским источникам). 1975, 6, с. 129—136.
 204. Гоцко Г. Н. [Рец.]: Н. Н. Чижов. Танзания. Экономико-географическая характеристика. М., 1972, 290 стр. 1975, 1, с. 187—188.
 205. Грацианская Н. Н. К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX—начале XX века (в связи с подготовкой Историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии). [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 25—37.
 206. Грацианская Н. Н., Померанцева Э. В. Петр Григорьевич Богатырев. [Некролог]. 1971, 6, с. 192—194.
 207. Грачева Г. Н. К методике изучения ранних представлений о человеке (на гнанаанском материале). [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 51—59.
 208. Гречина О. Н. [Рец.]: М. Н. Мельников. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970, 217 стр. 1973, 4, с. 178—179.
 209. Григулевич И. Р. Социальная антропология: есть ли у нее будущее? [Резюме на английском яз.]. 1975, 2, с. 37—50.
 210. Грица С. И. [Рец.]: З. Можейко. Песенная культура Белорусского Полесья. Село Тонез. Минск, 1971, 263 стр. с илл. и нот. прилож. 1973, 6, с. 176—178.
 211. Губогло М. Н. Некоторые вопросы методики при социологическом анализе функционального развития языков (о социолого-лингвистических исследованиях в Сибири). 1973, 2, с. 113—121.
 212. Губогло М. Н. VII Международный конгресс социологов [14—19 сентября 1970 г. в Варне]. 1971, 3, с. 135—142.
 213. Губогло М. Н. Социально-этнические последствия двуязычия. [Резюме на английском яз.]. 1972, 2, с. 26—35.
 - Губогло М. Н.—см. Брук С. И., Губогло М. Н.
 214. Гуляев В. И. [Рец.]: Р. В. Кинжалов. Культура древних майя. Л., 1971, 364 стр. с илл. 1972, 2, с. 166—169.
 215. Гумилев Л. Н. Некоторые разъяснения. [Письмо в редакцию в связи со статьей Л. В. Хомич «О содержании понятия этнические процессы», опубликованной в «Советской этнографии», 1969, № 5]. 1971, 1, с. 176.
 216. Гурвич И. С. Комментарий этнографа (к статье К. Г. Уманского). 1974, 4, с. 143—144.
 217. Гурвич И. С. Современные направления этнических процессов в СССР. [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 16—33.
 218. Гурвич И. С. Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов. [Приложены схематические карты: 1. Размещение чукотских и эскимосских поселений в Чукотском и Providенском районах по данным переписи 1926—1927 гг.; 2. Размещение поселков в Чукотском и Providенском районах в 1972 г. Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 3—16.
 219. Гурвич И. С. [Рец.]: В. А. Куманев. Революция и просвещение масс. М., 1973, 334 стр. 1974, 4, с. 166—168.
 220. Гурвич И. С. [Рец.]: З. В. Гоголев. Якутия на рубеже XIX—XX вв. Новосибирск, 1970. 1972, 2, с. 159—161.
 221. Гурвич И. С. [Рец.]: И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, 439 стр. с илл. 1971, 1, с. 157—160.
 222. Гурвич И. С. [Рец.]: Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, 455 стр. 1975, 6, с. 177—179.
 223. Гурвич И. С., Долгих Б. О., Туголуков В. А. [Рец.]: Г. М. Васильевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969, 304 стр. 1971, 1, с. 166—168.
 224. Гурьев Д. В. [Рец.]: Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой дея-

- тельности и культуры. Ереван, 1973, 144 стр. 1975, 6, с. 174—177.
225. Гусев В. Е. Конгресс фольклористов Югославии [5—9 сентября 1972 г. в Македонской социалистической республике]. 1973, 2, с. 159—161.
 226. Гусев В. Е. На XVII конгрессе фольклористов Югославии [в сентябре 1970 г. в Порече]. 1971, 3, с. 146—147.
 227. Гусев В. Е. Поездка в Польшу. 1974, 3, с. 147—153.
 228. Гусев В. Е. Семинар словацких фольклористов [в июне 1971 г. в Мораванах, под Братиславой]. 1971, 6, с. 169—171.
 229. Гусев В. Е. У гуслиаров Боснии и Черногории. 1973, 5, с. 132—142.
 230. Гусев В. Е. [Рец.]: «Slovenské národné povstanie v ľudovej tvorbe». Kolektívnu prácu pripravil Národopisný Ústav Slovenskej Akadémie Vied. Autori: dr. S. Burlasová CSc., dr. B. Filová CSc., dr. S. Kovacevicová CSc., dr. Ián Michálek CSc., plk. dr. J. Solc. Zostavateľ, dr. B. Filová CSc. Bratislava, 1974, 256 стр. 1975, 4, с. 176—177.
 231. Гусева Н. Р., Потабенко С. И. Находка в Верхней Сванетии. 1975, 1, с. 119—124.
 232. Давидсон А. Б. И. И. Потехин и советская африканистика. [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 73—87.
 233. Давудов О. М.—см. Даниялов Г. Д., Давудов О. М.
 234. Давыдова Г. М. Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза. 1975, 6, с. 114—120.
 235. Данилова Е. Н. Семья и патронимия в системе сельской общины абазин во второй половине XIX века. 1973, 5, с. 79—87.
 236. Даниялов Г. Д., Давудов О. М. Хаджи-Мурад Омарович Хашаев. [Некролог. Приложен список основных трудов Х. О. Хашаева]. 1972, 2, 173—175.
 237. Дарбиниеце Я. [Рец.]: *Jēkabs Viņtolīns. Latviešu tautas mūzika. Gadskartu ieražu dziesmas*. Rīga, 1973, 594 lpp.; 1975, 6, с. 183—184.
 238. Дахшлейгер Г. Ф. К истории объединения казахских земель в Казахской ССР. [Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 13—24.
 239. Дахшлейгер Г. Ф.—см. Востров В. В., Дахшлейгер Г. Ф., Кауанова Х.
 240. Дементьев Ю. Г. Проблемы этнографии и смежных дисциплин в трудах В. Д. Бонч-Бруевича. [Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 3—14.
 241. Денисов П. В. Этнографическое изучение чувашского народа за годы Советской власти. [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 28—37.
 242. Денисова Р. Я. Антропологический состав и генезис мезолитического населения Латвии. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 60—69.
 243. Деопик Д. В., Лескинен А. Н. [Рец.]: Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама. Ханой, 1970, 490 стр. (на вьетнамском яз.). 1975, 6, с. 189—192.
 244. Джаббаров И. М. Некоторые этнографические материалы в узбекской версии эпоса «Алпамыш», 1971, 2, с. 128—132.
 245. Джанумов С. А. [Рец.]: Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, 356 стр.; Исторические песни XIX века. Издание подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973, 284 стр. 1974, 6, с. 177—179.
 246. Джарылгасинова Р. Ш. XI Междunarодный конгресс по ономастике [с 28 июня по 4 июля 1972 г. в Софии]. 1973, 4, с. 163—165.
 247. Джарылгасинова Р. Ш. Основная проблематика исследований группы ономастики Института этнографии АН СССР. 1974, 3, с. 141—144.
 248. Джарылгасинова Р. Ш. Сокровища Никко. 1975, 1, с. 125—132.
 249. Джарылгасинова Р. Ш. Там, где цветет мугунхва (Корейские зарисовки). 1972, 2, с. 108—119.
 250. Джарылгасинова Р. Ш. Танцы Окинавы и... происхождение рюкюсцев. 1971, 5, с. 136—149.
 251. Джарылгасинова Р. Ш. Удивительный остров Чеджудо. 1973, 1, с. 156—165.
 252. Джарылгасинова Р. Ш. [Рец.]: Высокоученый Куинь и другие забавные истории. Перевод с вьетнамского, предисловие и примечания Н. И. Никулина. М., 1974, 120 стр. 1975, 5, с. 175—177.
 253. Джахонов У. Пахотные орудия у таджиков Соха в конце XIX—начале XX века (К историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). 1975, 6, с. 109—113.
 254. Дзенискевич Г. И. [Рец.]: Bill Vaudrin. Tanaina tales from Alaska. Introduction by Joan B. Townsend. Norman, 1969, XXXVI+127 p. 1972, 4, с. 193—195.
 255. Дибиров М. О канатоходстве в Дагестане. 1972, 1, с. 122—127.
 256. Дмитриева С. И. О специфике культурного развития русского Севера. (Был ли Север глухой окраиной России?). 1972, 2, с. 68—73.

- Долгих Б. О.— см. Гурвич И. С., Долгих Б. О., Туголуков В. А.
257. Долгих Т. Б. Конференция по итогам и проблемам изучения народного творчества в автономных республиках (областях) РСФСР [с 23 по 25 октября 1972 г. в Ленинграде]. 1973, 2, с. 156—157.
 258. Долгих Т. Б. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур. 1971, 4, с. 93—103.
 259. Долгих Т. Б. [Рец.]: Одежда народов Сибири. Отв. редактор С. В. Иванов. Л., 1970, 222 стр. 1972, 5, с. 154—156.
 260. Драгун В. И. Деревянные жилища крестьян Закарпатья конца XVIII—начала XX века (По материалам Закарпатского музея народной архитектуры и быта). 1972, 3, с. 121—127.
 261. Дражева Р. Д. Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян. 1973, 6, с. 109—119.
 262. Дридзо А. Д. Новые работы об индейцах Тринидада. A. and J. Niehoff. *East Indians in the West Indies*. Milwaukee, 1960, 192 p.; M. Klass. *East Indians in Trinidad. A study of cultural persistence*. New York, 1961, 265 p.; K. Bahadoorsingh. *Trinidad electoral politics. The persistence of the race factor*. London, 1968, 98 p.; Y. K. Malik. *East Indians in Trinidad. A study in minority politics*. London—New York—Toronto, 1971, 199 p. 1974, 2, с. 144—149.
 263. Дробижева Л. М. Международный симпозиум по методологическим проблемам этнографического изучения современного социалистического быта и культуры [в октябре 1974 г. в Болгарии, в г. Приморске Бургасского округа]. 1975, 1, с. 141—142.
 264. Дробижева Л. М. Об изучении социально-психологических аспектов национальных отношений (некоторые вопросы методологии). [Резюме на английском языке]. 1974, 4, с. 15—25.
 265. Дробижева Л. М. Социально-культурные особенности личности и национальные установки (по материалам исследований в Татарской АССР). [Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 3—15.
 266. Дубравин В. В. [Рец.]: Поэзия крестьянских праздников. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970, 636 стр., 1973, 4, с. 176—177.
Дурново Ю. А.— см. Дебец Г. Ф., Дурново Ю. А.
 267. Европа: мир, безопасность, дружба народов. 1975, 6, с. 3—7.
 268. Евстигнеев Ю. А. Национально-смешанные браки в Махачкале. 1971, 4, с. 80—85.
 269. Евсюгин А. Д. Свадебные обряды европейских ненцев в XIX—начале XX века. 1975, 1, с. 85—91.
 270. Ершов Н. Н. Собрание этнографических коллекций Института истории им. А. Дониша Академии наук Таджикской ССР. 1975, 4, с. 89—102.
 271. Жирнова Г. В. О современном городском свадебном обряде (по материалам экспедиции в малые и средние города центральной полосы РСФСР). 1971, 3, с. 68—78.
 272. Жданко Т. А. Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана (Принципы и методы составления). [Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 31—42.
 273. Жданко Т. А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии. [Резюме на английском яз.]. 1972, 5, с. 13—29.
 274. Жданко Т. А., Шалекенов У. Х. [Рец.]: Х. Аргынбаев. Казактың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы, 1969, 170 стр. (на казахском яз.). 1971, 2, с. 169—172.
Жданко Т. А.— см. Басин В. Я., Жданко Т. А.
 275. Жолтовский П. Н. О пропорциях в народном зодчестве Украинских Карпат. 1975, 6, с. 79—85.
 276. Жорницкая М. Я. Отражение в современном хореографическом искусстве этнокультурных связей в СССР. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 26—33.
 277. Жорницкая М. Я. [Рец.]: С. С. Лисициан. Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. II. Ереван, 1972, 502 стр. СХIII табл. илл. 1973, 6, с. 178—180.
 278. Жорницкая М. Я., Соколова З. П. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1971 года [с 24 по 29 апреля 1972 г. в Москве]. 1972, 5, с. 131—139.
 279. Жуков А. А. К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили). [Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 46—53.
 280. Жуков А. А. [Рец.]: Сказки народов Бисау. Перевод Ф. Николькова. Обработка и предисловие Ф. Мендельсона. М., 1971, 224 стр. 1973, 6, с. 191.
 281. Жуковская Н. Л. Второй Международный конгресс монголоведов [в сентябре 1970 г. в Улан-Баторе]. 1971, 1, с. 138—140.
 282. Жуковская Н. Л. Этнографические исследования в МНР (Некоторые итоги и перспективы советско-монгольской историко-культурной экспедиции). 1972, 5, с. 103—113.
 283. Жуковская Н. Л., Хазанов А. М., Членов М. А. Проблемы алтаистики и монголоведения [О Все-

- союзной научной конференции по алтаистике и монголоведению, посвященной столетию со дня рождения В. П. Котвича, проходившей 17—19 мая в г. Элисте]. 1972, 5, с. 139—141.
284. Журов Р. Я. Об одной из гипотез происхождения искусства. [По поводу гипотезы А. Д. Столяра. Резюме на английском яз.]. 1975, 6, с. 51—62.
 285. Журов Р. Я. [Рец.]: А. Marshack. The roots of civilization. The cognitive beginnings of man's first art, symbol, and notation. New York, 1972, 413 p. 1975, 2, с. 164—167.
 286. Заж С. Д., Тюльпанов С. И. [Рец.]: М. К. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). 1972, 4, с. 190—193.
 287. Зеленчук В. С. Этнографическое изучение населения Молдавии. [Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 3—12.
 288. Зеленчук В. С. [Рец.]: F. B. Florescu, P. Petrescu, P. H. Stahl. Arta populara de pe valea Bistriței. București, 1969, 250 p. 1971, 1, с. 169—170.
 289. Землянова Л. М. Структурализм и его новейшие модификации в современной фольклористике США. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 75—86.
 290. Земцовский И. И. Песни, исполнявшиеся во время календарных обходов дворов у русских. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 38—47.
 291. Зиберт Э. В. [Рец.]: Paul Kane's Frontier. Including wanderings of an artist among the Indians of North America by Paul Kane. Edited with a biographical introduction and a catalogue raisonne by J. Russel Harpen. Austin, 1971, 350 p. 1973, 1, с. 187—189.
 292. Зинич В. Т., Наулко В. И. Культурно-бытовое сближение народов Украинской ССР. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 28—37.
 293. Златковская Т. Д. Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван. [Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 25—40.
 294. Златковская Т. Д., Маркова Л. В. [Рец.]: Етногенезис и культурно наследство на българския народ. Сборник. София, 1971. 1972, 5, с. 165—169.
 295. Золотарева И. М. Геногеографическая характеристика Монголии по системе крови АВО. [Приложена карта: Частота генов *r*, *p*, *q* (группы крови O, A, B) у разных групп монголов территории МНР. Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 66—72.
 296. Золотарева И. М. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии (в связи с работами Г. Ф. Дебеца). [Приложена карта административного деления МНР с указанием центров аймек, антропологические материалы о населении которых изложены в статье. Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 36—45.
 297. Золотарева И. М. Советско-финляндский симпозиум «Вопросы этногенеза финно-угорских народов по данным антропологии» [20—25 ноября 1972 г. в Москве]. 1973, 3, с. 168—169.
 298. Золотарева И. М., Зубов А. А. Советско-финская генетико-антропологическая экспедиция в Марийскую АССР в 1970 году. 1971, 1, с. 136—138.
 299. Золотов Ю. М. Страничка из истории дохристианских верований восточных славян. 1973, 2, с. 146—148.
 300. Золототрубов В. С., Ларищева И. П., Широбокова Н. Н. Конференция «Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока» [с 18 по 20 декабря 1973 г. в Новосибирске]. 1974, 6, с. 124—128.
 301. Золотов В. И., Цыдендамбаев Ц. Б. [Рец.]: Бурятские народные сказки. Волшебнo-фантастические. Составители Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Под общей редакцией Е. В. Баранниковой. Улан-Удэ, 1973, 462 стр. 1975, 3, с. 177—178.
 - Зорин Н. В.—см. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.
 302. Зотова Ю. И. Проблема «косвенного управления» в современной англоязычной западноафриканской историографии. 1973, 6, с. 126—134.
 303. Зубов А. А. Материалы по одонтологии казахов. [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 51—63.
 304. Зубов А. А. Одонтологические данные по населению Прибалтики. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 68—72.
 305. Зубов А. А., Пучков П. И. [Рец.]: Н. Н. и И. А. Чебоксаровы. Народы, расы, культуры. М., 1971, 256 стр., карты. 1972, 4, с. 180—182.
 - Зубов А. А.—см. Золотарева И. М., Зубов А. А.
 - Зухба С. Л.—см. Аншба А. А., Зухба С. Л.
 306. Ибрагимов М. Р. Численность и расселение лакцев (1870—1970 гг.). [Приложена карта: Расселение лакцев в Дагестане (1867—1970 гг.)]. 1975, 6, с. 101—108.
 307. Иванов В. Ф. [Рец.]: И. В. Константинов. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). Якутск, 1971. 1973, 2, с. 171—173.
 308. Иванов Е. Ф. «Описание якутов» Я. И. Линденау. 1971, 3, с. 89—95.
 309. Иванов С. В. Книги по декоративно-прикладному искусству калмыков. [Рец. на книги: И. Г. Ковалев. Калмыцкий народный орнамент. Элиста, 1970, 158 стр., 28 фотоснимков, 6 цвет.

- табл.; Д. В. Сычев. Хальмг улсин эрдм. (Калмыцкое народное искусство. Альбом. Элиста, 1970)]. 1973, 2, с. 173—176.
310. Иванова С. В. [Рец.]: Первобытное искусство. Отв. редактор Р. С. Васильевский. Новосибирск, 1971, 202 стр., 17 илл. 1973, 6, с. 167—169.
 311. Иванов Ю. М. [Рец.]: Д. Б. Малышева. Религия и политика в странах Восточной Африки. М., 1974, 168 стр. 1975, 2, с. 184—186.
 312. Иванова Е. В. [Рец.]: Michael Moerman. Agricultural Change and Peasant Choice in a Thai-Village. University of California Press. Berkeley and Los Angeles. 1968, 227 p. 1971, 5, с. 181—183.
 313. Иванова Е. В. [Рец.]: S. J. Tambiah. Buddhism and the spirit cults in Northeast Thailand. Cambridge University Press. 1970, 388 p. 1973, 3, с. 186—187.
 314. Иванова Ю. В. [Рец.]: С. Димитров. К. Манчев. История на балканските народи. XV—XIX век. София, 1971, 422 стр. 1973, 6, с. 182—184. Иванова Ю. В.—см. Будина О. Р., Иванова Ю. В.
 315. Ивлева Л. М., Рогачевская Е. М. Чтения памяти П. Г. Богатырева [11—12 декабря в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии]. 1975, 6, с. 170—171. Ивлева Л. М.—см. Арановская О. Р., Ивлева Л. М.
 316. Ильина Н. Г. [Рец.]: С. А. Гонимонский. Колумбия. Историко-этнографические очерки. М., 1973, 382 стр. 1975, 1, с. 184—186.
 317. Имяреков М. Г. [Рец.]: Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. VII, ч. 1-я—Эрзянские причитания—плачи. Под редакцией К. Чистова и К. Самородова. Саранск, 1972, 374 стр. 1974, 3, с. 181—182.
 318. Инал-Ипа Ш. Д., Малия Е. М. [Рец.]: Б. А. Калоев. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973, 148 стр. 1975, 3, с. 175.
 319. Исламов Т. М. [Рец.]: Карнатский сборник. Отв. редактор Ю. В. Бромлей. М., 1972, 139 стр. 1973, 6, с. 165—167.
 320. Итина М. А. Средняя Азия на карте Страленберга. [Приложены карты: 1. Среднеазиатская часть карты Страленберга (1730 г.); 2. Схема древних русел Амударьи и Сырдарьи. Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 70—83. Итина М. А.—см. Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С.
 321. К IX Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. 1973, 2, с. 3—9.
 322. К пятидесятилетию образования СССР. 1972, 5, с. 3—12.
 323. К 70-летию со дня рождения Д. А. Ольдерогге. 1973, 6, с. 147—150.
 324. Кабо В. Р. Айнская проблема в новой перспективе. [Резюме на английском яз.]. 1975, 6, с. 42—50.
 325. Кабо В. Р. [Рец.]: A. Lommel. Masken. Gesichter der Menschheit. Zürich, 1970, 230 S. 1972, 2, с. 146—149.
 326. Каждан А. П. [Рец.]: Д. Ангелов. Образуване на българската народност. София, 1971, 415 стр. 1973, 2, с. 178—180.
 327. Каландадзе С. Л. «Талавари» — народный костюм хевсуров. 1972, 6, с. 112—118.
 328. Каландадзе Ц. П. К истории культурных взаимосвязей народов Закавказья. [Резюме на английском яз.]. 1972, 5, с. 30—38.
 329. Калиновская К. П. Возрастные группы как элемент социальной организации консо. 1974, 3, с. 120—125.
 330. Калиновская К. П. К вопросу о соотношении функций и структуры системы возрастных групп у галла (Эфиопия). 1972, 4, с. 136—142.
 331. Калиновская К. П. [Рец.]: C. R. Hallpike. The Konso of Ethiopia. A study of the values of a Cushitic people. London, 1972, XVI+342 p.; glossaries, bibl., index, 16 pls., 13 fig., 8 cartes, 48 tabl. 1974, 2, с. 183—187.
 332. Калоев Б. А. Земледелие у горских народов Северного Кавказа (Некоторые итоги работы над Кавказским историко-этнографическим атласом). [Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 43—53.
 333. Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели. [Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 20—30.
 334. Калоев Б. А. [Рец.]: Г. Х. Мамбетов. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. (Вторая половина XIX—60-е годы XX века). Нальчик, 1971, 406 стр. 1972, 6, с. 174—176.
 335. Кальщикова Е. Н. Основные этапы развития поземельных отношений и их влияние на социальную организацию волофов Сенегала. [Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 72—81.
 336. Каменецкая Р. В. Заседание памяти Д. К. Зеленина [24 октября 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР]. 1975, 2, с. 157—158.
 337. Каменецкая Р. В. Критико-библиографический отдел в журнале «Советская этнография», 1971, 1, с. 149—154.
 338. Каменецкая Р. В., Шафрановская Т. К. Пятая и шестая ежегодные научные сессии в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР [в апреле 1971 г. и в октябре 1972 г.]. 1973, 2, с. 149—154.
 339. Кан А. С. [Рец.]: Г. И. Анохин. Общинные традиции норвежского крестьянства. М., 1971, 208 стр. 1972, 3, с. 182—185.

- Капитанчук В. А.—см. Власюк П. А., Капитанчук В. А.
340. Карлов В. В. Социальная и этническая структура енисейских эвенков в XVII—XVIII веках. [Резюме на английском яз.]. 1971. 1, с. 14—25.
 341. Кармышева Дж. Х. Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбангали Халиди. 1971, 1, с. 100—110.
 - Кауанова Х.—см. Востров В. В., Дахшлейгер Г. Ф., Кауанова Х.
 342. Кацман В. Я. Традиции и национально-освободительная революция. Критический обзор работ: *Revolution und Tradition. Zur Rolle der Tradition im antiimperialistischen Kampf der Völker Afrikas und Asiens*. Leipzig, 1971; *Tradition und nachkapitalistischer Entwicklungsweg in Africa. Probleme der Überwindung vorkapitalistischer gesellschaftlicher Verhältnisse in Basis und Überbau*. Berlin, 1971. 1972, 6, с. 156—158.
 343. Кашуба М. С. Работа Института этнографии АН СССР в 1970 году. 1971, 5, с. 150—157.
 344. Кейзеров Н. М., Мальцев Г. В. Современные буржуазные теории происхождения политической власти. 1974, 6, с. 148—161.
 345. Кербелите Б. [Рец.]: *Lietuvių tautosaka dainos, t. I—V*. Vilnius, 1962—1968. [В работе над отдельными томами участвовали: I и II тома — В. Бараускене, Б. Казлаускене, Б. Угинчюс; вступительные статьи А. Йонинаса; III том — Л. Саука, А. Сесельските; вступительная статья Л. Сауки; IV том — Л. Саука, А. Сесельските. Н. Велюс, К. Вишинис; вступительная статья А. Йонинаса; IV том — К. Григас; вступительная статья К. Григаса, Л. Сауки]. 1971, 6, с. 183—185.
 - Кербелите Б.—см. Померанцева Э. В., Кербелите Б.
 346. Керейтов Р. Х. Новые черты в свадебном обряде кубанских ногайцев. 1973, 3, с. 82—89.
 - Кесь А. С.—см. Андрианов Б. В., Итина М. А., Кесь А. С.
 347. Ким Н. В. Судьба одной рукописи. [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 107—112.
 348. Кинжалов Р. В. Новые исследования по культуре майя. [Критический обзор работ]: Р. Becquelin. *Archéologie de la région de Nébaj (Guatemala)*. «Université de Paris. Mémoires de l'Institut d'Ethnologie», II. Paris, 1969, 321 p.; G. F. Andrews. *Edzna, Campeche, Mexico, Settlement patterns and monumental architecture*. Eugene. 1969. 149 p.; W. R. Bullard (ed.). *Monographs and papers in Maya archaeology*. «Papers of the Peabody Museum of archaeology and ethnology», vol. 61. Cambridge. Mass. 1970, 502 p. 1972, 6, с. 158—161.
 349. Кирьянов В. И. [Рец.]: Wilfred Whiteley. *Swahili. The rise of a national language*. London, 1969, 159 p. 1971, 1, с. 175.
 350. Кисляков В. Н. Хазарейцы, аймаки, моголы (К вопросу об их происхождении и расселении). 1973, 4, с. 130—139.
 351. Кисляков В. Н. [Рец.]: А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. 1974, 4, с. 182—183.
 352. Кисляков Н. А. [Рец.]: В. В. Антропова. Культура и быт коряков. Л., 1971, 216 стр. 1972, 5, с. 160—162.
 353. Кисляков Н. А. [Рец.]: Из культурного наследия народов России. «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. 28. Отв. ред. Т. В. Станюкович. Л., 1972, 303 стр. 1974, 2, с. 159—161.
 354. Кисляков Н. А. [Рец.]: Х. Г. Ишанкулов. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX — начало XX века). Душанбе, 1972, 120 стр. (ротапринт). 1972, 6, с. 179—182.
 - Кисляков Н. А.—см. Абрамзон С. М., Кисляков Н. А.
 355. Киуру Э. Отражение матрилинейного счета родства в ижорских причитаниях. 1975, 4, с. 103—109.
 356. Кишкин Л. С. О синтезе народного и профессионального искусства (размышления над «Шпаличком» М. Алеша). 1972, 5, с. 94—102.
 357. Кияткина Т. П. Применение перфокарт в краниологии. 1972, 4, с. 132—135.
 358. Клементьев Е. И. Развитие языковых процессов в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского городского населения). [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 26—36.
 359. Клементьев Е. И. Языковые процессы в Карелии (по материалам конкретно-социологического исследования карельского сельского населения). [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 38—44.
 360. Кнорозов Ю. В. Две книги Майкла Ко. [Рец. на книги]: Michael D. Coe. 1) *America's first civilization*. New York, 1968; 2) *The archeological sequence at San Lorenzo Tenochtitlan*. Veracruz, Mexico, Milwaukee, 1969. 1973, 2, с. 184—187.
 361. Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя. Общий обзор. I. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 77—86.
 362. Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя. Общий обзор. II. [Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 33—39.
 363. Кнорозов Ю. В. Заметки о календаре майя. 365-дневный год. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 70—80.

364. Кобычев В. П. Язык есть нем. 1973, 4, с. 149—159.
365. Кобычев В. П. [Рец.]: В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972, 389 стр. 1973, 5, с. 165—166.
Кобычев В. П.—см. Басилов В. Н., Кобычев В. П.
366. Коган Д. М. Особенности быта сельского населения, работающего в городе (по материалам городов средней полосы РСФСР). 1975, 6, с. 71—78.
367. Коган М. А. [Рец.]: Материалы экспедиций академика Георгия Ивановича Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг. Научное описание. Издание подготовил Д. Е. Бертельс, Б. Н. Комиссаров, Т. И. Лысенко. Отв. ред. Б. В. Лившиц.—«Труды Архива АН СССР», вып. 25. Л., 1973, 228 стр. 1975, 3, с. 167—168.
368. Кожановский А. Н. Симпозиум «Культуроведческие аспекты археологических и этнографических исследований» [18—19 июня 1974 г. в Ленинграде]. 1975, 3, с. 138—141.
369. Кожин П. М., Фролов Б. А. Представление о пространстве в творчестве населения палеолитической Европы. [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 10—22.
370. Козенко А. В., Моногарова Л. Ф. Статистическое изучение показателей однонациональной и смешанной брачности в Душанбе. 1971, 6, с. 112—118.
371. Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников. 1971, 6, с. 148—152.
372. Козинцев А. Г. [Рец.]: Т. А. Тот, Б. В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970, 202 стр. 1972, 6, с. 165—167.
373. Козинцев А. Г. [Рец.]: A. Basu, A. K. Ghosh, S. K. Biswas, R. Ghosh (eds). Physical anthropology and its extending horizons. S. S. Sarkar memorial volume. Bombay—Calcutta—Madras—New Delhi. 1973, XI, 234 p. 1975, 4, с. 165—166.
374. Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 79—92.
375. Козлов В. И. Этнос и территория. [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 89—100.
376. Козлов В. И. [Рец.]: А. Т. Базиев, М. И. Исаев. Язык и нация. М., 1973, 248 стр. 1974, 1, с. 180—182.
377. Козлов В. И. [Рец.]: М. И. Куличенко. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, 565 стр. 1973, 3, с. 174—178.
378. Козлов В. И. [Рец.]: Национальные процессы в США. Отв. редактор С. А. Гонионский. М., 1973, 400 стр. 1975, 1, с. 181—184.
379. Козлов В. И., Покшишевский В. В. Этнография и география. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 3—13.
380. Козлов В. И., Шелепов Г. В. «Национальный характер» и проблемы его исследования. [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 69—82.
Козлов В. И.—см. Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.
Козлов В. И.—см. Бромлей Ю. В., Козлов В. И.
381. Колева Т. А. Весенние девичьи обычаи у некоторых южнославянских народов. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 74—85.
382. Колева Т. А. Зимний цикл обычаев южных славян (к вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности). [Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 40—50.
383. Колесницкая И. М. Польские работы о русском исследователе. E. Kucharska, A. Masz, S. Rospond. Wiek śląski w 1840. Relacje z podróży naukowej J. J. Srezniewskiego po śląsku. «Prace i materiały etnograficzne», t. XXVII. Wrocław. 1973. 1975, 6, с. 185—186.
384. Колосова Ю. А. Программирование развития индейских резерваций в США. 1974, 4, с. 129—132.
385. Комаровский Г. Е. [Рец.]: Н. Byron Earhart. Japanese religion; unity and diversity. Belmont, California. 1969. 127 p.; его же. The new religions of Japan. A Bibliography of Western language materials. Tokyo, 1970, 227 p.; его же. A religious study of the Mount Haguro, sect of Shugendō. Tokyo, 1970, 230 p. 1971, 1, с. 171—174.
386. Комиссаров Б. Н. Этнографические исследования академика Г. И. Лангсдорфа. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 83—97.
387. Кондратьев В. С. Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 года [с 10 по 16 апреля в Тбилиси]. 1971, 5, с. 158—163.
388. Королев С. И. [Рец.]: Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, 406 стр. 1975, 1, с. 179—181.
389. Королев С. И., Кочнев В. И. [Рец.]: А. Ф. Коробков. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. М., 1972, 200 стр. 1974, 2, с. 175—177.
390. Королева Н. С. Развитие национальных традиций в современных художественных промыслах СССР. [Резюме на английском яз.]. 1972, 5, с. 39—50.
391. Королева Э. А. Танец, его происхождение и методы исследования (по работам зарубежных ученых XX века). [Критический обзор работ

- Х. Эллиса, У. Сорелла, А. Мэррея, А. Л. Хаскелла, К. Закса, М. Шитса, А. Ломакса]. 1975, 5, с. 147—155.
392. Корольюк В. Д. Выставка произведений народного искусства «Русские мастера» [с 19 декабря 1972 г. по 27 января 1973 г. в Москве в выставочном зале Союза художников РСФСР]. 1973, 3, с. 163—167.
393. Корольюк В. Д. К вопросу об изучении русского народного изобразительного искусства (крестьянские образы — «примитивы»). 1971, 3, с. 79—89.
394. Корольюк В. Д. [Рец.]: Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Отв. редактор И. Р. Григулевич. Ежегодник, т. I. М., 1971, 363 стр. 1971, 6, с. 172—174.
395. Коротко об экспедициях [1972 г. Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, кафедры русского народного творчества филологического факультета МГУ, фольклорно-этнографической секции Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Восточнославянского сектора Института этнографии АН СССР. Авторы сообщений: Э. Киуру, Н. М. Ведерникова и Н. И. Савушкина, М. Н. Мельников и А. А. Лебедева]. 1973, 5, с. 154—156.
396. Коротко об экспедициях [1972 года. Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, кафедры русской литературы факультета языка и литературы Московского областного педагогического Института, Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Томского государственного университета, Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР, Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики. Авторы сообщений: М. А. Лобанов, А. М. Новикова, Н. В. Бикбулатов, Л. Саука, Г. Х. Мамбетова]. 1973, 6, с. 156—157.
397. Коротко об экспедициях [1973 г. Института этнографии АН СССР, сектора этнографии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Авторы сообщений: З. П. Соколова, Х. Есбергенов]. 1974, 1, с. 177—178.
398. Коротко об экспедициях [1973 г. фольклористов Института этнографии АН СССР, филологического факультета МГУ, Туркменской группы среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, Ташкентского отряда этой же экспедиции, индивидуальных поездок на Западный Памир, фольклорной экспедиции, организованной кафедрой русской литературы Горьковского педагогического института, этнографической экспедиции 1972 г., организованной кафедрой истории Ленинадского государственного педагогического института. Авторы сообщений: Э. В. Померанцева, Н. В. Ведерникова, В. Н. Кочетов и И. И. Савушкина, Т. Н. Смешко, А. Н. Жилина, Л. Ф. Моногарова и И. Мухиддинов, К. Е. Корепова, У. Джахонов]. 1974, 2, с. 140—143.
399. Коротко об экспедициях [Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, кафедры белорусской и русской советской литературы Белорусского государственного университета. Авторы сообщений: Н. А. Томилов, К. П. Кабашников, В. А. Захарова]. 1974, 3, с. 154—155.
400. Коротко об экспедициях [1973 г. Государственного музея этнографии народов СССР, сектора этнографии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики, сектора этнографии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. Авторы сообщений: Л. Н. Молотова, Г. Х. Мамбетов, Х. Есбергенов]. 1974, 4, с. 164—165.
401. Коротко об экспедициях [1973 г. фольклорно-этнографического кружка при Институте этнографии АН СССР (Ленинградское отделение), Львовского государственного института прикладного и декоративного искусства, а также комиссии львовских художников. Авторы сообщений: Г. Г. Шаповалова, С. В. Савин, В. А. Гудак]. 1974, 5, с. 166—167.
402. Коротко об экспедициях [1974 г. Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, сектора этнографии Института истории АН Таджикской ССР. Авторы сообщений: А. М. Решетов, Л. Ф. Моногарова, Л. А. Фирштейн, И. Мухиддинов]. 1974, 6, с. 145—147.
403. Коротко об экспедициях [1974 г. кафедры русской литературы Горьковского государственного университета, Северо-Восточного отряда северной экспедиции и антропологического отряда Чукотской экспедиции Института этнографии АН СССР. Авторы сообщений: К. Е. Корепова, М. Я. Жорницкая, Т. С. Балуева и Н. А. Никольская]. 1975, 1, с. 151—152.
404. Коротко об экспедициях [1974 г. Института славяноведения и балканистики АН СССР и филологического факультета МГУ, Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Авторы сообщений: Д. А. Бейлина, Р. Р. Рахимов и Г. Цэрэнхайд]. 1975, 2, с. 161—163.
405. Коротко об экспедициях [1974 г. Института искусствоведения, этногра-

- фии и фольклора АН БССР, Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР, совместной экспедиции Института мировой литературы АН СССР и Института языка и литературы АН МНР. Авторы сообщений: К. П. Кабашников, Х. Есбергенев, С. Ю. Неклюдов]. 1975, 3, с. 147—149.
406. Коротко об экспедициях [1974 г. кафедры этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета, филологического факультета МГУ, юных этнографов московской областной детской экскурсионно-туристской станции. Авторы сообщений: Р. Ф. Итс, В. Н. Кочетов, А. В. Кулагина и Ф. М. Селиванов, В. М. Григорьев]. 1975, 4, с. 151—153.
407. Коротко об экспедициях [поездка в 1975 г. авторов сообщения А. Л. Гринберга и И. М. Стеблин-Каменского в Южную Туркмению; экспедиция 1974 г. этнографического отряда Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Автор сообщения Н. В. Лукина]. 1975, 5, с. 136—137.
408. Коротко об экспедициях [1975 г. Института этнографии АН СССР. Авторы сообщений: М. Н. Шмелева, Г. В. Жирнова, Н. Г. Волкова]. 1975, 6, с. 172—173.
409. Костюхин Е. А. [Рец.]: Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972, 382 стр. 1974, 5, с. 177—178.
410. Кочешков Н. В. Головные уборы монголов XIX—начала XX века (по материалам музеев МНР и частного собрания У. Ядамсурэна). 1973, 3, с. 134—141.
411. Кочешков Н. В. Шахматы у монголоязычных народов XIX—XX вв. 1972, 1, с. 132—138.
412. Кочешков Н. В. [Рец.]: Д. В. Сычев. Из истории калмыцкого костюма. Очерк с приложением материалов из документов, дневников и сочинений путешественников, ученых и служивых людей. Элиста, 1973, 168 стр. с илл. 1975, 4, с. 170—171.
413. Кочешков Н. В. [Рец.]: Ю. А. Сем. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX—середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973, 313 стр. 1974, 4, с. 178—179.
414. Кочиев Р. С. Редукция зубной системы в этнических группах Кавказа в связи с вопросами их происхождения. 1971, 3, с. 96—102.
415. Кочнев В. И. [Рец.]: Гуру Нанак (к 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии). М., 1972, 198 стр. 1973, 2, с. 180—182.
416. Кочнев В. И. [Рец.]: Э. Д. Талмуд. История Цейлона. 1795—1965. М., 1973, 312 стр. 1975, 3, с. 185—187.
417. Кочнев В. И., Петров Т. В. Народная Республика Бангладеш. [Приложены карты Народной Республики Бангладеш и расселения малых народностей Народной Республики Бангладеш]. 1972, 4, с. 88—101.
Кочнев В. И.—см. Королев С. И., Кочнев В. И.
418. Крамаржик Я. Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии. [По поводу статьи Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований». («Сов. этнография» 1967, № 1) и др.]. 1974, 3, с. 71—82.
419. Краснодембская Н. Г., Рудин С. Г. [Рец.]: [Сообщение об исследовании протоиндийских текстов]: Proto-Indica. 1972, ч. I и II. М., 1972, 378 стр. 1973, 6, с. 184—187.
420. Кремлева И. А. Отмирание старообрядчества в заволжской деревне. 1974, 6, с. 87—97.
421. Кремлева И. А. [Рец.]: Фольклор Нижегородского края. Библиографический указатель. Составители: М. Н. Андреева, А. Н. Донин, К. Е. Корепова. Горький, 1971, 144 стр. 1973, 4, с. 179—180.
Кремлева И. А.—см. Кудряшов Г. Е., Кремлева И. А.
422. Криничная Н. А. Элементы обряда в преданиях о заселении края. 1973, 3, с. 125—129.
423. Круглов Ю. Г. [Рец.]: Чардынская свадьба. Записал И. Зырянов. Пермь, 1969, 246 стр. 1971, 3, с. 155—156.
424. Круглова О. В. Центры крестьянской резьбы по дереву в Ярославской области (Новые данные о теремковых и столбчатых прялках). 1972, 4, с. 118—125.
425. Круше Р. Неопубликованные материалы по этнографии района верхнего течения Шингу (Мато Гроссо, Бразилия). 1975, 6, с. 137—142.
426. Крывелев И. А. Клерикализм и некоторые секулярные тенденции в Израиле. [Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 39—51.
427. Крылова Н. Л., Сванидзе И. А. Сельское хозяйство народов Эфиопии. [Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 31—43.
428. Крюков М. В. А остров свой они называют Эроманга. 1974, 2, с. 114—131.
429. Крюков М. В. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы»? [По поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому». («Сов. этнография», 1970, № 5). Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 60—70.
430. Крюков М. В. К методике сбора полевого материала по системам родства. [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 42—50.

431. Крюков М. В. Симпозиум по этнической истории китайцев [2—3 декабря 1974 г. в Москве]. 1975, 4, с. 148—150.
432. Крюков М. В. [Рец.]: В. Ф. Геннинг. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, 126 стр. 1973, 3, с. 178—181.
Крюков М. В.—см. Арутюнов С. А., Крюков М. В.
433. Куббель Л. Е. Заседание, посвященное памяти И. И. Потехина [2 октября 1973 г. в Москве]. 1974, 1, с. 173—174.
434. Куббель Л. Е. [Рец.]: В. Б. Мириманов. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973, 319 стр. 1975, 4, с. 163—165.
435. Куббель Л. Е. [Рец.]: La tradition orale. Problématique et méthodologie des sources de l'histoire africaine. Edité par Diouldé Laya. Centre Régional de documentation pour la tradition orale. Niamey—Niger, 1972, 197 p. 1974, 6, с. 181—184.
436. Кубьяс Э. [Рец.]: Eesti muistendid huu-ja vagilasmuistendid. Tallin. R. 1—Muistendid kalevipojast, 1959, 669 l.; r. 2—Muistendid Suurest Tõllust ja teistest, 1963, 466 l.; r. 3—Muistendid vanapaganast, 1970, 606 c. [Составители 1-го тома—Е. Laugaste, Е. Normann; 2-го тома—Е. Laugaste, Е. Liiv, Е. Normann; 3-го тома—Е. Laugaste, Е. Liiv.] 1972, 1, с. 188—190.
437. Кудрявцев М. К. [Рец.]: «Census of India 1961», vol. 1. Monograph series, pt. VI, N 3. «Socio-economic survey report on Chetlat island». New-Delhi, 1970, 240 p. [Материалы собрал и систематизировал Рамунни Наир, обработал и подготовил к печати Б. К. Рой Бёрмак.] 1972, 2, с. 163—165.
438. Кудряшов Г. Е., Кремлева И. А. Конференция по проблемам религиозного синкретизма [и развития атеизма 27—29 мая 1973 г. в Чебоксарах]. 1973, 6, с. 153—155.
439. Кузakov К. Г. Социолого-лингвистические исследования в Корякском национальном округе. 1972, 5, с. 89—93.
440. Кузеев Р. Г. [Рец.]: С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М., 1971. 403 стр. 1972, 5, с. 156—159.
441. Кузнецов А. И. [Рец.]: Этнические процессы в странах Юго-восточной Азии. Отв. редактор А. М. Решетов. М., 1974, 319 стр. 1974, 5, с. 179—182.
442. Кузьмин А. Н. [Рец.]: Мартин Лютер Кинг. Есть у меня мечта. М., 1970, 224 стр. 1971, 4, с. 176—178.
443. Кузьмин А. Н. [Рец.]: Э. Л. Нитобург. Черные гетто Америки. М., 1971, 160 стр. 1972, 5, с. 169—172.
444. Кузьмина Л. П. Песни горнозаводских и приисковых рабочих как источник изучения положения сибирского пролетариата (XVIII—начало XX века). 1974, 1, с. 113—118.
445. Кулемзин В. М. Материалы по шаманскому костюму хантов. 1973, 2, с. 130—134.
446. Курылев В. П. Материалы по земледелию казахов Мангышлака в конце XIX—начале XX в. (К Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). 1975, 3, с. 98—108.
447. Курылев В. П. [Рец.]: Древнетюркский словарь. Л., 1969, XXXVIII+676 стр. 1971, 4, с. 174—175.
448. Курылев В. П. [Рец.]: Занятия и быт народов Средней Азии. Отв. редактор Н. А. Кисляков. «Среднеазиатский этнографический сборник», III, «Труды Института этнографии АН СССР», т. 97. Л., 1971, 284 стр. 1972, 6, с. 177—178.
449. Курылев В. П. [Рец.]: Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Отв. редакторы С. М. Абрамзон и А. Оразов. «Труды Института этнографии АН СССР», н. с., т. XCVIII. Л., 1973, 260 стр. 1975, 1, с. 171—173.
450. Кучинский А. Описание Сибири XVIII. (Материалы Л. Сеницкого о сибирских аборигенах и их культуре). [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 31—38.
451. Кызласов Л. Р. Еще раз о терминах «хакас» и «кыргызы». [По поводу статьи Н. А. Сердобова «О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири». («Сов. этнография», 1971, № 4). Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 59—67.
452. Кычанов Е. И. Тангутские изречения. 1971, 3, с. 113—119.
453. Кюлеш И. Венгерская этнографическая энциклопедия. 1972, 3, с. 172—173.
454. Лабзина В. П. [Рец.]: Etudes Maliennes. Revue périodique de l'Institut des Sciences Humaines». Bamako, 1970—1973, NN-7. 1974, 4, с. 184—186.
455. Лавонен Н. А. Карельская загадка в свете этнографии. 1973, 6, с. 90—99.
456. Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде. [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 3—6.
457. Ладария И. П. К изучению дерматоглифики населения Западного Кавказа. [Приложена карта: Локализация исследованных групп Западного Кавказа], 1975, 4, с. 121—130.
458. Лазарев Г. З. Из истории японского жилища. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 73—84.
459. Лапин В. А. [Рец.]: Русские народные песни Карельского Поморья. Составители: А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова, редактор

- Н. П. Колпакова, муз. редактор Ю. М. Зарицкий. Л., 1971, 452 стр. 1973, 6, с. 173—176.
- Ларичева И. П.—см. Золототрубов В. С., Ларичева И. П., Широкова Н. Н.
460. Лашук Л. П. Кочевничество и общие закономерности истории. [По поводу статьи Г. Е. Маркова «Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии». (Сов. этнография», 1970, № 6). Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 83—95.
461. Лебедева А. А. [Рец.]: Художественные промыслы РСФСР. Справочник. Составители В. Г. Смолицкий и З. С. Савронская. М., 1973, 302 стр. 1975, 1, с. 173—174.
462. Лебедева А. А., Сафьянова А. В. Русское население Курганской области и его хозяйственный быт во второй половине XIX—начале XX века. (Материалы к Историко-этнографическому атласу). [Приложена карта: Схема маршрутов Курганского отряда в 1972 г.]. 1974, 1, с. 93—103.
463. Лебедева Ж. К. Некоторые черты материальной и духовной культуры аркинских эвенов. 1971, 5, с. 103—107.
464. Левкович В. П., Панкова Н. Г. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных ученых. 1973, 5, с. 123—131.
- Левкович В. П.—см. Гофман А. Б., Левкович В. П.
465. Лейнасаре И. А., Меркене Р. Р., Терентьева Л. Н. Советско-финляндский симпозиум по этнографическому картографированию [29 мая 1974 г. в Хельсинки]. 1975, 1, с. 142—146.
466. Лелеков Л. А. К истолкованию погребального обряда в Тагискене. 1972, 1, с. 128—131.
467. Леонтьев А. А. О начале человеческой истории. Размышления над книгой Б. Ф. Поршнева [«О начале человеческой истории». М., 1974, 487 стр.]. 1975, 5, с. 138—147.
- Лескинен А. Н.—см. Деопик Д. В., Лескинен А. Н.
468. Линдер И. М. У порога открытия. 1975, 2, с. 125—138.
469. Липец Р. С. О значении сводных фольклорно-этнографических собраний (Создание единого фонда И. В. Костоловского). [Приложение: Содержание сводного фольклорно-этнографического собрания И. В. Костоловского. Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 72—84.
470. Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. [Резюме на английском яз.]. 1975, 5, с. 31—41.
471. Литвин Э. С. Песенные жанры русского детского фольклора. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 58—67.
472. Литвин Э. С. [Рец.]: В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970. 1971, 6, с. 180—182.
473. Литвин Э. С. [Рец.]: В. Н. Морозин. Хрестоматия по истории русской фольклористики. М., 1973, 316 стр. 1974, 1, с. 184—186.
474. Лобачева Н. П. О процессе формирования новой семейной обрядности (по материалам Узбекистана). [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 3—13.
475. Лобачева Н. П. О формировании новой обрядности у народов СССР (Опыт этнографического обобщения). [Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 14—24.
476. Логашова Д. Б. Кавказский ономастический семинар [с 5 по 15 апреля 1971 г. в Махачкале]. 1971, 6, с. 162—164.
477. Логашова Д. Б. Международная научная конференция ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии в XIX—XX веках [с 26 сентября по 5 октября 1972 г. в Ашхабаде]. 1973, 1, с. 166—172.
478. Логашова Ж. [Д.]. Б. Международный год женщины [Резюме на английском яз.]. 1975, 6, с. 8—10.
479. Логашова Дж. Б. [Рец.]: Этнонимы. Отв. редактор В. А. Никонов. М., 1970, 267 стр. 1972, 3, с. 174—176.
- Логашова Ж. [Д.]. Б.—см. Власова И. В., Логашова Ж. [Д.]. Б.
480. Лувсандорж Д. Русская фамилия тибетского происхождения. 1973, 2, с. 135—136.
481. Лукин Б. В. О жанровом своеобразии поэтического фольклора Кубы. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 65—76.
482. Лукина Н. В., Томилов Н. А. О работе Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета. 1971, 6, с. 167—169.
483. Лукьянова Т. П. О некоторых старинных обрядах на Брянщине (Из дневника фольклориста). 1972, 2, с. 85—87.
484. Лукьянченко Т. В. [Рец.]: В. Пименов, Е. Эпштейн. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX вв. Петрозаводск, 1969, 262 стр. 1971, 3, с. 154.
485. Людмила Алексеевна Анохина. [Некролог. Приложен список основных трудов Л. А. Анохиной]. 1972, 2, с. 180—181.
486. Люшкевич Ф. Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье. [Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 25—32.
487. Ляпунова Р. Г. Этнографическое значение экспедиций капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова на Алеутские острова (1764—1769 гг.).

- [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 67—80.
- Ляпунова Р. Г.—см. Белов М. И., Ляпунова Р. Г.
488. Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс и некоторые вопросы эволюции общинного землевладения на Руси IX—XII вв. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 14—23.
- Магомадова Т. С.—см. Виноградов В. Б., Магомадова Т. С.
489. Мак Дьонг. Расселение и этнический состав народов в горных районах севера Центрального Вьетнама. 1972, 5, с. 114—119.
490. Макаренко В. А., Мешков К. Ю. Основные проблемы исследования древнефилиппинского письма. [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 42—50.
491. Макашина Т. С. [Рец.]: Русский фольклор в Латвии. Песни, обряды и детский фольклор. Составитель И. Д. Фридрих. Рига, 1972, 484 стр. 1973, 5, с. 173—175.
- Малия Е. М.—см. Инал-Ипа Ш. Д., Малия Е. М.
- Мальцев Г. В.—см. Кейзеров Н. М., Мальцев Г. В.
492. Мальцев Н. В. Типы народной художественной резьбы в бывшей Оленецкой губернии, 1974, 4, с. 88—100.
493. Мамбетов Г. Х. [Рец.]: А. Х. Магометов. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, 366 стр. 1975, 6, с. 179—181.
494. Маммаев М. М., Марковин В. И. [Рец.]: Декоративное искусство Дагестана (автор-составитель Д. Чирков). М., 1971, 277 стр., 165 илл. 1974, 6, с. 173—177.
495. Маретин Ю. В. Библиография трудов Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая за 1900—1962 гг. и дальнейшие задачи библиографической работы по этнографии и антропологии. [Критический обзор изданной Библиотекой АН СССР и Институтом этнографии АН СССР книги: Библиография трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. 1900—1962. Составители О. В. Бунакова, Р. В. Каменецкая. Л., 1967, 218 стр.]. 1971, 1, с. 141—148.
496. Маретин Ю. В. Этнография, антропология и другие науки о человеке на XIII Международном конгрессе по истории науки. [Конгресс проходил 18—24 августа 1971 г. в Москве]. 1972, 4, с. 159—172.
497. Марков Г. Е. К проблеме возникновения социальной организации гоминоид. [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации»]. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 112—114.
498. Марков Г. Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 101—113.
500. Марков Г. Е. [Рец.]: Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Ethnographische Studien. Herausgegeben von Laszlo Földes. Budapest, 1969, 900 S. 1971, 2, с. 161—164.
501. Маркова Л. В. О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар. [Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 45—58.
502. Маркова Л. В. [Рец.]: Ю. В. Иванова. Северная Албания в XIX—начале XX в. Общественная жизнь. М., 1973, 256 стр. 1974, 2, с. 171—175.
503. Маркова Л. В., Рождественская С. Б. Проблемы общинной организации сельского населения на XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [в сентябре 1972 г. в Гродно]. 1973, 3, с. 170—171.
- Маркова Л. В.—см. Златковская Т. Д., Маркова Л. В.
504. Марковин В. И. [Рец.]: В. А. Татаев, Н. Ш. Шабаньянц. Декоративно-прикладное искусство Чечено-Ингушетии. Грозный, 1974. 1975, 6, с. 181—183.
- Марковин В. И.—см. Маммаев М. М., Марковин В. И.
505. Мартынова А. Н. Опыт классификации русских колыбельных песен. 1974, 4, с. 101—115.
506. Мартынов В. Н. Материалы по резному орнаменту мордвы. 1974, 1, с. 125—130.
507. Маруневич М. В. Некоторые особенности развития народного жилища гагаузов в XIX и начале XX века. 1975, 5, с. 82—95.
508. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 34—44.
509. Мелетинский Е. М. Виктор Максимович Жирмунский [Некролог. Приложен список основных трудов В. М. Жирмунского]. 1971, 3, с. 160—163.
510. Мелик-Пашаян К. В. Жизнь и деятельность Хачика Самуэляна. [Резюме на английском яз.]. 1975, 2, с. 51—56.
511. Мелик-Пашаян К. В. Основные направления этнографических исследований в Армянской ССР. [Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 16—24.
512. Меновщиков Г. А. Дикие растения в рационе коренных жителей Чукотки. 1974, 2, с. 93—99.
513. Меновщиков Г. А. Эскимосский субстрат в топонимике Чукотского побережья. 1971, 4, с. 116—120.
- Меркене Р. Р.—см. Лейнасаре И. А., Меркене Р. Р., Терентьева Л. Н.
- Мешков К. Ю.—см. Макаренко В. А., Мешков К. Ю.
514. Мизиев И. М. [Рец.]: Кавказский этнографический сборник, т. IV. Отв. редактор В. К. Гарданов. М., 1969, 200 стр. 1971, 2, с. 165—166.
515. Миненко Н. А. Брак у русского

- крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века. [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 37—54.
516. Миненко Н. А. Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX века. 1971, 6, с. 119—127.
 517. Митков Г. Н., Миткова Е. С. Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар (Методика и методология регионального социологического исследования в Великотырновском округе Болгарии). [Резюме на английском яз.]. 1975, 2, с. 12—23.
Миткова Е. С.—см. Митков Г. Н., Миткова Е. С.
 518. Мкртумян Ю. И. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа. 1972, 2, с. 61—67.
 519. Моздыр Н. И., Рождественская С. Б. Новые труды по словацкой культуре. [Обзор 7 книг научно-популярной серии «Сокровищница словацкой народной культуры» («Klepotnica slovenskej ľudovej kultúry»)]. 1973, 5, с. 157—159.
 520. Мокшин Н. Ф. Вторые имена у мордвы. 1975, 3, с. 115—119.
 521. Мологин М. Н. Бурунди. Исследования в области этнографии, права, истории и языка. 1975, 2, с. 117—124.
 522. Молотова Л. Н. [Рец.]: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. 1. Приангарье. Отв. редакторы И. В. Маковецкий, Г. С. Маслова. Новосибирск, 1971, 198 стр. 1972, 6, с. 171—173.
 523. Моногарова Л. Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 52—63.
Моногарова Л. Ф.—см. Козенко А. В., Моногарова Л. Ф.
 524. Мордасова И. В. Разложение родового строя и формирование фаталистических представлений (социально-психологический аспект). [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 63—71.
Москова Д.—см. Георгиева И. Москова Д., Радева Л.
 525. Мочанов Ю. А. Новые данные о Берингоморском пути заселения Америки. (Стоянка Майорыч — первый верхнепалеолитический памятник в долине Колымы). [Приложена карта: Распространение памятников дюктайской верхнепалеолитической культуры]. 1972, 2, с. 98—101.
 526. Мошинская В. И. [Рец.]: С. В. Иванов. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX века. Л., 1970, 295 стр, 268 рис. 1971, 1, с. 161—162.
 527. Мункуев Н. Ц., Таскин В. С. Об общности института побратимства и термина JAD у киданей и монголов. 1971, 4, с. 149—152.
 528. Мурзина Е. И. Всесоюзный семинар молодых фольклористов [с 17 по 27 апреля в г. Дилижане (Армянская ССР)]. 1975, 1, с. 150—151.
 529. Муродов О. Представления о дэвах у таджиков долины Зеравшана. 1973, 1, с. 148—155.
 530. Муродов О. Традиционные представления таджиков об аджине. 1975, 5, с. 96—105.
 531. Мухиддинов И. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашме (XIX — начало XX века). Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии. 1971, 5, с. 118—127.
 532. Мухиддинов И. Обряды и обычаи, связанные с земледелием, у памирских таджиков Вахана и Ишкашмы в XIX — начале XX века. (Материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана). 1973, 3, с. 99—109.
 533. Мухиддинов И. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашмского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (Горон, Ишкашим, Вахан). 1971, 1, с. 90—99.
 534. Мухиддинов И. Традиционная ирригация памирских таджиков в XIX — начале XX века. (К Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). 1975, 4, с. 77—88.
 535. Мухин И. А. Орудия лова фазана в Маньчжурии. 1974, 5, с. 150—154.
 536. Мухитдинов Х. Ю. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонохура. 1973, 5, с. 99—107.
 537. Мухлинов А. И. [Рец.]: Данг Фонг. Первобытная экономика Вьетнама. Ханой, 1970, 400 стр. (на вьетнамском яз.). 1972, 6, с. 182—186.
 538. Мухлинов А. И. [Рец.]: Ла Ван Ло, Данг Нгхьем Ван. Краткое знакомство с группой народов тай, нунг и тхай Вьетнама. 1972, 2, с. 165—166.
 539. Навстречу X Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. 1975, 6, с. 155—156.
Намсарайнай дан Л.—см. Хить Г. Л., Намсарайнай дан Л.
Наулко В. И.—см. Зинич В. Т., Наулко В. И.
 540. Нгуен Куок Лок. Системы родства горных индонезийских народов Вьетнама. 1974, 6, с. 98—103.
 541. Нгуен Куок Лок. Этнический состав современного населения плато Тэйнгвен. [Приложена карта: Расселение народов на плато Тэйнгвен]. 1974, 1, с. 158—162.
 542. Некрылова А. Ф. Генезис одной из сцен «Петрушки». 1972, 4, с. 126—131.
 543. Некрылова А. Ф. Чтения памяти П. Г. Богатырева [первая серия — в ноябре 1972 г., вторая — в ноябре

- 1973 г. в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии]. 1974, 3, с. 144—146.
544. Некрылова А. Ф., Арапова Е. Г. Первая комплексная экспедиция Ленинградского семинара молодых фольклористов. 1971, 1, с. 115—119.
 545. Неразик Е. Е. Из истории хорезмского сельского жилища. [Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 43—54.
 546. Нестерова С. Л. Двухязычие и культура населения Молдавии (По материалам этносоциологического исследования в Молдавской ССР). 1975, 5, с. 71—81.
 547. Никкуль К. Некоторые особенности оленеводства у саамов (по материалам района Суеньеля). [Приложены карты: 1. Районы Финляндии, где в середине XVIII в. водились олени; 2. Отступление саамов к северу Финляндии; 3. Районы Суеньеля]. 1975, 4, с. 131—137.
 548. Николаев Р. В. Общие элементы в кетских и хакасских эпических сказаниях. 1974, 1, с. 145—150.
 549. Николай Андреевич Кисляков [Некролог. Приложен список основных трудов Н. А. Кислякова]. 1974, 3, с. 186—189.
 550. Никонов В. А. Обычай связанных имен у тюркоязычных народов. 1973, 6, с. 82—89.
 551. Никонов В. А. Этнография и ономастика (на материале Украины). [Приложены карты: 1. Зоны преобладания некоторых формантов украинских и белорусских фамилий; 2. Где обитали дулебы? 3. Сопоставление ареалов типов поселений, видов народного танца, типов жилищ, типов музыкального фольклора, диалектов и преобладания топонимов с *-ици* к северу и с *івці* к югу; 4. Ареал гидронимов на *-ла*; 5. Ареал гидронимов на *-ава* на Украине. Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 25—36.
 552. Нитобург Э. Л. К вопросу о так называемом распаде негритянской семьи в США. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 64—74.
Нитобург Э. Л.—см. Богина Ш. А. Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.
 553. Новиков Ю. А. Былины Андрея Сорокина (К вопросу о творческой манере сказителя). 1972, 2, с. 88—97.
 554. Новицкая А. П. Численность и состав семьи в Молдавской ССР (по материалам этносоциологического исследования). 1974, 6, с. 62—68.
- Одинцова И. И.—см. Блинкова Л. А., Бородько Р. Г., Одинцова И. И., Савушкина Н. И.
555. Ожегов С. С. Наскальные рисунки Падалинских пещер (Бирма). 1972, 1, с. 139—142.
 556. Окладников А. П. Лоси на Долгом пороге (периодизация нижнеангарских наскальных изображений). [Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 53—59.
 557. Окладников А. П. [Рец.]: С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, 224 стр. 1975, 2, с. 168—171.
 558. Окладников А. П., Бонгард-Левин Г. М. [Рец.]: Первобытное общество. Основные проблемы развития. Отв. ред. А. И. Першиц. М., 1975, 285 стр. 1975, 5, с. 156—159.
 559. Окладников А. П., Таксами Ч. М. [Рец.]: К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, 218 стр. 1971, 1, с. 160—161.
 560. Ольдерогге Д. А. Готтлоб Краузе — выдающийся немецкий ученый-африканист (1850—1938 гг.). [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 86—93.
 561. Ольдерогге Д. А. Японские исследования по этнографии Африки. [Обзор восьми сборников издания «Африканские исследования университета Киото» («Kyoto University African Studies», ed. Tadao Umesao): Vol. I — 1966; II — 1968; III — 1969; IV — 1969; V — 1970; VI — 1971; VII — 1972; VIII — 1973]. 1974, 3, с. 165—177.
 562. Оразов А. Скотоводческие обряды у туркмен долин Сумбара и Чендыра (материалы к Историко-этнографическому атласу народов Средней Азии и Казахстана). 1974, 2, с. 100—105.
 563. Остапенко Л. В. Влияние новой производственной роли женщины на ее положение в семье (по материалам обследования в Вышневолоцком районе Калининской области). 1971, 5, с. 95—102.
 564. Остапенко Л. В. [Рец.]: Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972, 366 стр. 1974, 2, с. 150—152.
 565. Островский Г. С. О природе русского городского изобразительного фольклора. 1974, 1, с. 104—112.
 566. Павлинская Л. Р. [Рец.]: И. И. Соктоева, Р. Д. Бадмаева. Бурятский художественный металл. Улан-Удэ, 1971, 82 стр., 69 илл. 1973, 6, с. 180—181.
Панкова Н. Г.—см. Левкович В. П., Панкова Н. Г.
 567. Пармон Ф. М. Народная одежда из овчины у славян и их соседей и возможности использования некоторых ее элементов в современной одежде. 1971, 2, с. 99—113.
 568. Пармон Ф. М. [Рец.]: Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX в.). Определитель. Литературная обработка Н. И. Воробьева и А. А. Лебедевой. Отв. редактор А. А. Лебедева. М., 1971, 365 стр., илл. 1974, 4, с. 180.
Пелих Г. И.—см. Гемуев И. Н., Пелих Г. И.

569. Першиц А. И. [Рец.]: Ю. В. Кышенко. История первобытного общества. Ростов-на-Дону, 1973, 142 стр. 1974, 1, с. 179—180.
570. Пестряков А. П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана. 1975, 1, с. 102—112.
571. Пестряков А. П. Всесоюзная конференция по этнографическим аспектам изучения народной медицины [10—12 марта 1975 г. в Ленинграде]. 1975, 6, с. 156—160.
- Петров Т. В.—см. Кочнев В. И., Петров Т. В.
572. Петросян Э. Х. Образы животных в армянском народном театре. 1974, 5, с. 131—138.
573. Петрухин В. Я. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX—XI вв.). [Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 44—54.
574. Пилипенко М. Ф. Исследования по истории белорусской этнографии. [Рец.]: В. К. Бандарчук. Гісторыя беларускай этнографіі XIX ст. Мінск, 1964, 282 стр.; его же. Гісторыя беларускай этнографіі. Пачаток XX ст. Мінск, 1970, 123 стр.; его же. Гісторыя беларускай савецкай этнографіі. Мінск, 1972, 166 стр. 1974, 5, с. 172—173.
575. Пименов В. В. [Рец.]: М. Зайцева, М. Муллонен. Образцы веппской речи. Л., 1969, 296 стр., карта обследованных населенных пунктов. 1971, 4, с. 173.
Пименов В. В. см.: Белорукова Г. П., Пименов В. В.
576. Пиотровский Б. Б. [Рец.]: Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, 253 стр. 1972, 5, с. 162—164.
577. Плисецкий М. М. [Рец.]: Украинские народные думы. Издание подготовил Б. П. Кирдан. М., 1972, 560 стр. 1974, 5, с. 174—177.
578. Плотникова Н. И. [Рец.]: Antoni Kuczyński. Syberyjskie szlaki. Wrocław, 1972, 468 str. 1974, 6, с. 179—180.
579. Подольный Р. Г. Фантастическая этнография и этнографическая фантастика. 1972, 6, с. 145—155.
580. Покровская Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов. 1974, 1, с. 139—144.
581. Покровская Л. В. Первый Международный конгресс европейской этнологии [24—28 августа 1971 г. в Париже]. 1972, 1, с. 178—182.
582. Покшишевский В. В. Новейшие данные о миграционной подвижности населения Индии. 1975, 1, с. 113—118.
583. Покшишевский В. В. О динамике численности и некоторых этнических показателях городского населения Эфиопии. 1973, 4, с. 140—148.
584. Покшишевский В. В. Первые результаты индийской переписи 1971 года. 1972, 2, с. 102—107.
585. Покшишевский В. В. Городская жизнь стран Переднего Востока в освещении французской школы «географии человека» («Revue Géographique de l'Est». 1969, t. IX). 1972, 3, с. 185—186.
586. Покшишевский В. В. [Рец.]: Edward Rosset. Przemiany Demograficzne w Polsce. Gdansk, 1970, 51 str. 1971, 3, с. 156—157.
587. Покшишевский В. В. [Рец.]: Migracije stanovništva Jugoslavije. Institute društvenih Nauka. Beograd, 1971. 1973, 1, с. 180—182.
588. Покшишевский В. В. [Рец.]: R. C. Nigam. Language handbook of mother tongues in Census. [«Census Office of India, 1971»]. New Delhi, 1972, p. 340+LXI. 1974, 1, с. 187—189.
589. Покшишевский В. В., Пучков П. И. [Рец.]: В. И. Наулок. Развитие межэтнических связей на Украине (историко-этнографический очерк). Киев, 1975, 276 стр. 1975, 5, с. 162—164.
Покшишевский В. В.—см. Козлов В. И., Покшишевский В. В.
590. Полевой Б. П. Еще раз о Каменском-Длужке. 1974, 4, с. 116—120.
591. Полевой Б. П. К трехсотлетию создания этнографического чертежа Сибири 1673 г. (из истории становления русской этнокартографии.) [Приложена карта: Этнографический чертеж Сибири 1673 г. (по исправленной копии С. У. Ремезова). Резюме на английском яз.]. 1973, 4 с. 78—89.
592. Полевой Б. П. [Рец.]: Советские историки-якутоведы. Библиографический справочник. Отв. редактор В. Ф. Иванов. Якутск, 1973, 86 стр. 1975, 2, с. 180—181.
593. Полевой Б. П., Решетов А. М., В. К. Арсеньев как этнограф. [Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 74—87.
594. Полищук Н. С. Всесоюзная конференция, посвященная этнографическому изучению современности [14—17 мая 1975 г. в Нальчике]. 1975, 5, с. 125—134.
595. Полищук Н. С. Научная конференция, посвященная столетию Государственного музея этнографии и художественного промысла АН УССР [19—20 сентября 1974 г. во Львове]. 1975, 2, с. 154—157.
596. Померанцева Э. В. Изучение устной прозы в Германской Демократической Республике (1955—1970 гг.). [Резюме на английском яз.]. 1974, 4, с. 55—62.
597. Померанцева Э. В. Фольклорные материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева. 1971, 6, с. 137—147.
598. Померанцева Э. В. Художник и колдун. 1973, 2, с. 137—145.
599. Померанцева Э. В. Ярилки. 1975, 3, с. 127—130.

600. Померанцева Э. В. [Рец.]: Венгерские народные сказки. Составление, вступительная статья и примечания Дюла Ортутай. Будапешт, 1974, 476 стр. 1975, 2, с. 181—182.
601. Померанцева Э. В. [Рец.]: Л. Г. Барат. Беларуская казка. Минск, 1969. 1971, 2, с. 172—174.
602. Померанцева Э. В. [Рец.]: Н. В. Новиков. Павел Васильевич Шейн. Минск, 1972, 222 стр. 1974, 2, с. 169—171.
603. Померанцева Э. В. [Рец.]: Die gläserne Linde. Westslavische Märchen. Bautzen, 1972. 1974, 5, с. 178—179.
604. Померанцева Э. В. [Рец.]: Meklenburgische Volksmärchen. Herausgegeben von S. Neumann. Berlin, 1971, 359 S. 1973, 4, с. 180—181.
605. Померанцева Э. В. [Рец.]: Siegfried Neumann. Eine Meklenburgische Märchenfrau. Academie—Verlag. Berlin, 1974, 223 S. 1975, 5, с. 171—172.
606. Померанцева Э. В., Кербелите Б. [Рец.]: Gy. Örtutay. Hungarian folklore. Essays. Budapest, 1972, 430 p. 1974, 1, с. 186—187.
- Померанцева Э. В.—См. Грацианская Н. Н., Померанцева Э. В.
607. Помишин С. Б. О транспортном использовании оленя тофаларами. 1971, 5, с. 128—131.
608. Поплинский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос». 1973, 1, с. 128—134.
609. Попов В. А. IX Всесоюзная студенческая этнографическая конференция, посвященная 50-летию образования СССР. [Конференция проходила в Ленинграде с 4 по 7 мая 1972 г.]. 1973, 2, с. 154—156.
610. Постникова Н. М. К вопросу о брахицефализации населения Болгарии (по краниологическим материалам XIX—XX вв.). 1973, 4, с. 123—129.
- Потабенко С. И.—см. Гусева Н. Р., Потабенко С. И.
611. Потапов Л. П. [Рец.]: Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Под редакцией С. М. Абрамзона. Фрунзе, 1972, 168 стр. 1973, 5, с. 166—168.
- Потапов Л. П.—см. Абрамзон С. М., Потапов Л. П.
612. Пранда А. Влияние билингвизма на некоторые явления народной культуры. [Резюме на английском яз.]. 1972, 2, с. 17—25.
- Пугаченкова Г. А.—см. Вызго Т. С., Пугаченкова Г. А.
613. Путилов Б. Н. В Бонгу звучат окамы. 1972, 3, с. 144—156.
614. Путилов Б. Н. Владимир Яковлевич Пропп. [Некролог. Приложен список основных трудов В. Я. Проппа]. 1971, 1, с. 178—179.
615. Путилов Б. Н. Встреча славистов в Югославии [в сентябре 1974 г. в Белграде и Новом Саде]. 1975, 3, с. 144—146.
616. Путилов Б. Н. Встречи с эпосом в Черногории. 1973, 3, с. 142—154.
617. Путилов Б. Н. 2-й болгарский Национальный симпозиум по фольклористике [с 8 по 11 мая 1973 г. в Болгарии]. 1973, 6, с. 151—153.
618. Путилов Б. Н. Научная конференция «Эпическое творчество народов Сибири» [17—20 июля 1973 г. в Улан-Удэ]. 1974, 1, с. 175—176.
619. Путилов Б. Н. Новые труды по эпосу народов Сибири и Крайнего Севера (1965—1969). [Обзор книг: Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Васильевич. М.—Л., 1966; Эпические песни ненцев. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев З. Н. Куприянова. М., 1965; Еренсей. Подготовка текста, перевод и примечания М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968; Н. О. Шаракшинова. Героический эпос о Гэсэре. Учебное пособие для студентов филологического факультета. Иркутск, 1969; Н. Шаракшинова. Героический эпос бурят. Иркутск, 1968; А. Уланов. Бурятские улигеры. (Исполнение, композиция, изображение человека). Улан-Удэ, 1968 и др.]. 1971, 2, с. 154—161.
620. Путилов Б. Н. О современной фольклористике Югославии. [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 60—71.
621. Путилов Б. Н. Основные аспекты связи фольклора с традиционной бытовой культурой. [Резюме на английском яз.]. 1975, 2, с. 3—11.
622. Путилов Б. Н. Остров песен (на атолле Фунафути). 1974, 3, с. 126—138.
623. Пучков П. И. Научная конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая [18 и 19 мая 1971 г. в Ленинграде]. 1971, 5, с. 164—168.
624. Пучков П. И. О соотношении профессиональной и этнической общностей. [Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 51—65.
625. Пучков П. И. Современная конфессиональная ситуация в Океании и ее влияние на этническое развитие океанийских стран. [Резюме на английском яз.]. 1975, 5, с. 53—62.
- Пучков П. И.—см. Зубов А. А., Пучков П. И.
- Пучков П. И.—см. Покшишевский В. В., Пучков П. И.
626. Пушкарев Л. Н. [Рец.]: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. V. Отв. редактор Р. С. Липец, («Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР», новая серия, т. 95). М., 1971, 234 стр. 1972, 2, с. 150—152.
627. Пушкарев Л. Н. [Рец.]: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. VI. Отв. редактор Р. С. Липец. «Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Мак-

- лая АН СССР». новая серия, т. 102. М., 1974, 191 стр. 1975, 3, с. 170—172.
628. Пушкарев Л. Н. [Рец.]: Славянский фольклор. Отв. редакторы Б. Н. Путилов и В. К. Соколова. М., 1972; 328 стр. 1974, 2, с. 156—159.
 629. Рабинович М. Г. [Рец.]: Сельские поселения Прибалтики XIII—XX вв. Отв. редакторы В. А. Александров, Н. В. Шлыгина. М., 1971, 250 стр. 1974, 6, с. 171—173.
 630. Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. [Резюме на английском яз.]. 1975, 4, с. 7—17. Радева Л.—см. Георгиева И., Москова Д., Радева Л.
 631. Раевский Д. С. Позднескифская семья по археологическим данным [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 60—68.
 632. Разумовская Р. С. [Рец.]: Erna Siebert, Werner Forman. Indianerkunst der Amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967. 1971, 1, с. 174.
 633. Рассудова Р. Я. Значение термина *кош* в некоторых земледельческих районах Средней Азии в XIX—начале XX века. 1974, 6, с. 78—86.
 634. Рассудова Р. Я. К истории сельской общины в Средней Азии во второй половине XIX—начале XX века. 1971, 1, с. 78—89.
 635. Ревуненкова Е. В. О личности шамана. 1974, 3, с. 104—111.
 636. Ревуненкова Е. В. [Рец.]: А. Д. Бурман. Бирманская драма середины XIX века. М., 1973, 143 стр. 1975, 4, с. 180—182.
 637. Рехвиашвили С. И. Рачинские кузнецы. 1975, 2, с. 94—98.
 638. Решетов А. М. Население Сингапура. 1971, 2, с. 87—98.
 639. Решетов А. М. Четвертая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии Академии наук СССР [с 11 по 15 мая 1970 г.]. 1971, 3, с. 132—135.
 640. Решетов А. М. [Рец.]: Маски народов Сибири. Текст и подбор иллюстраций С. В. Иванова. Фотографии В. А. Стукалова. Л., 1975, 31 стр. + 50 илл. Текст на русском и английском языках.
 641. Решетов А. М. [Рец.]: Музей антропологии и этнографии. Авторы Т. Ганюшкина, Р. Разумовская, И. Шаврина. Фотографии В. Стукалова. Л., 1973. 1974, 3, с. 178—179.
 642. Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. [Рец.]: М. Я. Сушанло. Дунгане. (Историко-этнографический очерк). Фрунзе, 1971, 305 стр. 1972, 3, с. 181—182. Решетов А. М.—см. Гохман В. И., Решетов А. М. Решетов А. М.—см. Полевой Б. П., Решетов А. М.
 643. Рикман Э. А. Новая экспозиция по этнографии Молдавии [в Государственном историко-краеведческом музее Молдавии в Кишиневе]. 1972, 1, с. 182—185.
 644. Рикман Э. А. [Рец.]: Древности Московского Кремля. Отв. редакторы Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М., 1971, 291 стр., илл. 1973, 5, с. 171—173.
 645. Рикман Э. А. [Рец.]: J. Vlăduțiu. Etnografia românească. București, 1973, 507 p.+planes. 1975, 6, с. 187—188.
 646. Рихтер Е. В. «...Лучше чая ничегнет». 1971, 6, с. 153—155.
 647. Робакидзе А. И. [Рец.]: Л. А. Чибиров. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, 215 стр. 51 илл., таблицы 1—XXIII. 1972, 2, с. 152—155. Рогачевская Е. М.—см. Ивлева Л. М., Рогачевская Е. М.
 648. Родионов М. А. Из истории формирования этноконфессиональной структуры населения Ливана. [Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 25—38.
 649. Родионов М. А. [Рец.]: И. Н. Винников. Язык и фольклор бухарских арабов. М., 1969, 359 стр. 1972, 3, с. 179—181. Рождественская С. Б.—см. Маркова Л. В., Рождественская С. Б. Рождественская С. Б.—см. Моздыр Н. И., Рождественская С. Б.
 650. Розенфельд А. З. Новые работы таджикских фольклористов (1969—1973 гг.). 1975, 2, с. 177—180.
 651. Розина Л. Г. Мемориальная выставка, посвященная Н. Н. Миклухо-Маклаю [в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде]. 1971, 6, с. 159—162.
 652. Романовская Т. Н. Некоторые особенности урбанизации и демографических процессов в Марокко. 1975, 6, с. 121—128. Рудин С. Г.—см. Краснодембская Н. Г., Рудин С. Г. Рунич А. П.—см. Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. Саакян А. Ш.—см. Арутюнян С. Б., Саакян А. Ш.
 653. Сабирзянов Г. С. [Рец.]: Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. Отв. редактор Ю. В. Арутюнян. М., 1973, 330 стр. 1974, 5, с. 168—172.
 654. Сабурова Л. М. [Рец.]: В. Ю. Крупнянская, Н. С. Полищук. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX—начало XX в.). М., 1971, 288 стр. 1973, 4, с. 170—174.
 655. Савватеев Ю. А. Ценные исследования по первобытному монументальному искусству (Работы В. Н. Чернецова о наскальных изображениях Урала). [В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4—12. М., 1964, 52 стр.+26 табл.; его же.

- Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников, вып. В4—12. М., 1971, 120 стр. + 16 табл.]. 1972, 5, с. 142—146.
656. Савоскул С. С. Социально-этнические аспекты духовной культуры сельского населения Татарской АССР. [Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 3—13.
- Савушкина Н. И.—см. Блинкова Л. А., Бородько Р. Г., Одицова И. И., Савушкина Н. И.
657. Садоков Р. Л. Загадочные глиняные музыканты. 1971, 3, с. 120—131.
658. Сазонова М. В. Новое в изучении социально-экономических отношений в Кокандском ханстве XIX в. [О публикации «Каталога архива кокандских ханов XIX в.» и о написанных на его основе работах А. А. Троицкой, посвященных исследованию социально-экономических отношений в ханстве]. 1975, 2, с. 108—111.
659. Самойлов Ю. Г. Горьковский архитектурно-этнографический музей под открытым небом. 1972, 6, с. 104—111.
660. Самойлов Ю. Г. Изделия из кованого железа в архитектуре русского народного жилища (По материалам Горьковской области). 1975, 2, с. 68—79.
661. Санаров В. И. Проблемы историко-этнографического изучения цыган. 1971, 3, с. 59—67.
662. Санаров В. И. [Рец.]: Etudes Tsiganes. Bulletin de l'Association des Etudes Tsiganes. Année 1—17. Paris, 1955—1971. 1973, 1, с. 173—175.
663. Санникова А. П., Токарев С. А. [Рец.]: Matti Sarmela. Reciprocity systems of the rural society in the Finnish-Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth. FF Communications, vol. 88, N 207. Helsinki, 1969, 347 стр. + карты. 1971, 5, с. 178—181.
664. Сапожникова М. К. К вопросу о периодизации первобытнообщинного строя. [По поводу схем периодизации, предложенных Ю. И. Семеновым, Н. А. Бутиновым, И. Зельнов (Ir. Sellnow) Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 60—72.
665. Сафьянова А. В. Изменение положения женщины за годы Советской власти (по материалам Алтайского края). 1973, 2, с. 122—129.
- Сафьянова А. В.—см. Лебедева А. А., Сафьянова А. В.
666. Сванидзе А. А. [Рец.]: М. М. Фрейденберг. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII—XV вв. Калинин, 1972, 252 стр. 1973, 5, с. 176—178.
667. Сванидзе И. А. Влияние социальной психологии африканского крестьянства на сельское хозяйство. [Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 75—86.
- Сванидзе И. А.—см. Крылова Н. Л., Сванидзе И. А.
668. Свет Я. М. [Рец.]: Н. Г. Фрадкин. Географические открытия и научное познание Земли. М., 1972, 132 стр. 1974, 2, с. 154—156.
669. Свет Я. М. [Рец.]: С. Г. Федорова. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века—1867 г.). М., 1971, 275 стр., илл., прилож. 1973, 1, с. 184—187.
670. Свет Я. М. [Рец.]: Th. Vaughan, A. A. St. C. M. Murray-Oliver. Captain Cook, R. N., the resolute mariner. An international record of Oceanic discovery. Oregon Historical Society, Portland, Oregon, 1974, 97 p. 1975, 3, с. 168—170.
671. Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (По данным палеоантропологии). [Приложена карта: Распространение антропологических типов и археологических памятников. Резюме на английском яз.]. 1974, 1, с. 16—31.
672. Селиванов В. В. [Рец.]: А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М., 1972, 249 стр. 38 табл. 1973, 5, с. 168—171.
673. Семашко И. М., Соколова З. П. Сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1972 года [с 10 по 14 апреля 1973 г. в Самарканде]. 1973, 5, с. 142—148.
674. Семен Александрович Гонионский. [Некролог]. 1975, 2, с. 189.
675. Семенов Ю. И. Еще раз о материнском роде и брачных классах. [Ответ автора М. А. Членову, А. М. Хазанову и М. В. Крюкову, выступившим по поводу статей Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)» («Сов. этнография», 1970, № 5), «Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии» («Сов. этнография», 1971, № 6) и «О материнском роде и оседлости в позднем палеолите» («Сов. этнография», 1973, № 4)]. Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 55—71.
676. Семенов Ю. И. Марксизм и первобытность (о книге Э. Террея «Марксизм и примитивные общества»). 1975, 4, с. 154—162.
677. Семенов Ю. И. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите. [В связи со статьей А. М. Хазанова «Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода», «Сов. этнография», 1973, № 1. Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 52—65.
678. Семенов Ю. И. Объединения обезьян и человеческое общество. [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации». Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 115—119.

679. Семенов Ю. И. Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать „австралийскую контроверзу“ разрешенной?») [«Сов. этнография», 1971, № 4. Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 101—111.
680. Семенов Ю. И. [Рец.]: М. В. Крюков. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972, 325 стр. 1973, 2, с. 165—169.
681. Семенов Ю. И. [Рец.]: Общественный строй у народов Северной Сибири. Отв. редакторы И. С. Гурвич и Б. О. Долгих. М., 1970, 454 стр. 1971, 4, с. 169—172.
682. Семенов Ю. И. [Рец.]: M. Sahlin. Stone Age economics. Chicago and New York, 1972, 348 p. 1974, 4, с. 168—172.
- Семенов Ю. И.—см. Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.
683. Сеньюта Т. В. [Рец.]: R. A. Yould. Yiwara: Foragers of the Australian Desert. New York, 1969, 240 p. 1972, 3, с. 188—189.
684. Сергеева В. Г. [Рец.]: «Estudios de cultura N'ahuatl», vol. I—IX. México, 1959—1971. 1974, 5, с. 182—186.
685. Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкаска). 1971, 4, с. 86—92.
686. Сердобов Н. А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. [По поводу некоторых выводов Л. Р. Кызласова и К. Г. Копкоева. Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 53—58.
687. Серебрякова М. Н. Формы современной семьи в сельских районах Центральной Анатолии. 1974, 1, с. 151—157.
688. Серебрякова М. Н. [Рец.]: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Отв. редактор Н. А. Кисляков. Сборник МАЭ, т. XXVI. Л., 1970, 384 стр. с илл. 1972, 6, с. 163—165.
689. Серов С. Я. «Кастовая система» в колониальном Перу. 1972, 6, с. 130—138.
Серов С. Я.—см. Башилов В. А., Серов С. Я.
Симаков Г. Н.—см. Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А.
690. Славный юбилей. [К пятидесятилетию образования республик Средней Азии. Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 3—16.
691. Смешко Т. Н. Характер животноводческого хозяйства у туркмен Хорезма (по материалам колхоза «Коммуна» Техтинского района Туркменской ССР). Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 45—53.
692. Смирнов Ю. И. [Рец.]: Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Отв. редактор Э. В. Померанцева. Л., 1970, 447 стр. 1971, 6, с. 185—186.
693. Смирнов О. И. К вопросу о среднеазиатских культах (О культах Артавахиты и Митры по данным топонимики). 1974, 1, с. 131—138.
694. Смирнова Я. С. Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы Советской власти. 1973, 1, с. 122—127.
Смирнова Я. С.—см. Сергеева Г. А., Смирнова Я. С.
695. Смолицкий В. Г. [Рец.]: Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963—1969 гг.) Отв. редактор и автор введения Э. В. Померанцева. М., 1972, 215 стр. 1973, 2, с. 176—178.
696. Смоляк А. В. К вопросу о масках и культах нанайцев и удэгейцев. 1973, 3, с. 119—124.
697. Смоляк А. В. Новые данные по анимизму и шаманизму у нанайцев. 1974, 2, с. 106—113.
698. Смоляк А. В. [Рец.]: Е. А. Крейнович. Нивхгу. М., 1973, 496 стр. 1975, 2, с. 171—174.
699. Смоляк А. В., Соколова З. П. [Рец.]: Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969, 304 стр. 1971, 1, с. 163—166.
700. Смутин Л. С. Выставка «Русский пряник и фигурное печенье» [с 1 сентября по 10 октября 1973 г. в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде]. 1974, 4, с. 158—162.
701. Снесарев Г. П. Люди и звери (Этнографические поиски в области культа животных). 1972, 1, с. 166—177.
702. Снесарев Г. П. По следам Анахиты. [Приложен список литературы]. 1971, 4, с. 153—165.
703. Снесарев Г. П. Три хорезмские легенды в свете демонологических представлений. [Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 48—59.
704. Соколова В. К. Баллады и исторические песни (о характере историзма баллад). [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 52—57.
705. Соколова В. К. Из истории изучения фольклора Великой Отечественной войны. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 7—14.
706. Соколова В. К. Конференция «Прозаические жанры фольклора народов СССР» [21—23 мая 1974 г. в Минске]. 1974, 6, с. 128—135.
707. Соколова В. К. Современная болгарская фольклористика. [Резюме на английском яз.]. 1975, 2, с. 24—36.
708. Соколова В. К. Фольклористика в Академии наук. [Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 3—19.
709. Соколова З. П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров

- и связанные с ними обычаи. [Резюме на английском яз.]. 1975, 5, с. 42—52.
710. Соколова З. П. Находки в Шингах (Куль лягушки и угорская проблема). 1975, 6, с. 143—154.
 711. Соколова З. П. Третий Международный конгресс финно-угроведов [с 17 по 23 августа 1970 г. в Таллине]. 1971, 3, с. 142—146.
 712. Соколова З. П. Финноугроведение в Венгерской Народной Республике. 1974, 4, с. 121—128.
Соколова З. П.—см. Жорницкая М. Я., Соколова З. П.
Соколова З. П.—см. Семашко И. М., Соколова З. П.
Соколова З. П.—см. Смоляк А. В., Соколова З. П.
 713. Список основных работ доктора исторических наук, профессора Л. П. Потапова (к 70-летию со дня рождения). 1975, 6, с. 197—198.
 714. Список основных трудов доктора исторических наук С. В. Иванова (к 50-летию научной деятельности). 1975, 4, с. 188—189.
 715. Список основных работ доктора исторических наук С. М. Абрамзона (к 70-летию со дня рождения). 1975, 6, с. 194—196.
 716. Станчу Е. С. Старинное сукноделие молдаван. 1972, 1, с. 119—121.
 717. Станюкович Т. В. Выставка коллекций Музея антропологии и этнографии к 250-летию Академии наук СССР. 1974, 6, с. 119—124.
 718. Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии в системе Академии наук. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 3—11.
 719. Станюкович Т. В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. 1975, 5, с. 63—70.
 720. Станюкович Т. В., Шафрановская Т. К. Сессия, посвященная 125-летию со дня основания Географического общества [16—18 декабря 1970 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР]. 1971, 4, с. 166—168.
 721. Старовойтова Г. В. Научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР [19—21 марта 1974 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР]. 1975, 1, с. 146—149.
 722. Старостин П. Н., Уразманова Р. К. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание [24—26 декабря 1974 г. в Казани]. 1975, 4, с. 145—148.
 723. Стеблин-Каменский И. М. [Рец.]: Л. Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре приамирских народностей. М., 1972, 174 стр. 1973, 4, с. 174—176.
 724. Стродс Х. Этнографическая наука в Латвийской ССР. [Резюме на английском яз.] 1972, 1, с. 24—30.
 725. Стужина Э. П. Восточные коллек-
- ции Иркутского и Якутского краеведческих музеев. 1971, 4, с. 121—126.
 726. Суринов В. М. К определению этнических традиций в земледелии. [По поводу статьи Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований» («Сов. этнография», 1967, № 1) и др. Резюме на английском яз.]. 1971, 3, с. 51—58.
 727. Сурхаско Ю. Ю. Об историко-этнической типологии карельской свадьбы. [Приложены карты: 1. Ареалы северокарельского и южнокарельского обрядов «пеяпанента» (перемена прически и надевание головного убора замужней женщины); 2. Бытование института «пятьвашки» и терминов «клиетника», «найтинмиес», «дружка»; 3. Бытование карельско-финского («хият») и заимствованного русского названия свадьбы; 4. Бытование традиционных свадебных песен «Летел орел с северо-востока» и «Свадьство кузнеца Илмойллинена»]. 1972, 4, с. 102—107.
 728. Сусоколов А. А. Непосредственное межэтническое общение и установливание на межличностные контакты. 1973, 5, с. 73—78.
 729. Сухарева О. А. [Рец.]: В. Н. Басилов. Культ святых в исламе. М., 1970, 143 стр. 1972, 2, с. 157—159.
 730. Сухарева О. А. [Рец.]: Таджики Каратегина и Дарваза. Отв. редакторы Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик. вып. 1—1966, 379 стр. с илл.; вып. 2—1970, 312 стр. с илл. 1971, 2, с. 166—169.
 731. Сухачев Н. Л. Лингво-этнографические атласы романских языков. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 45—53.
 732. Таксами Ч. М. Глафира Макарьевна Василевич [Некролог. Приложен список основных печатных трудов Г. М. Василевич], 1971, 5, с. 184—186.
Таксами Ч. М.—см. Окладников А. П., Таксами Ч. М.
Таксин В. С.—см. Мункуев Н. Ц., Таксин В. С.
 733. Таубе Л. Изучение фольклора у тауинцев Монгольской Народной Республики. 1975, 5, с. 106—111.
 734. Ташбаева Т. Из истории аренды (ижора) и товарищества (ширкат) в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана. 1975, 3, с. 109—114.
 735. Теплинский Л. Б. Расизм в политике израильских сионистов. [Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 55—65.
 736. Тер-Акопян Н. Б. [Рец.]: Ю. И. Семенов. Происхождение брака и семьи. М., 1974, 310 стр. 1975, 5, с. 159—162.
 737. Тер-Саркисянц А. Е. О национальном аспекте браков в Армянской ССР. (По материалам загсов). 1973, 4, с. 89—95.

- Тер-Саркисянц А. Е. — см. Волкова Н. Г., Тер-Саркисянц А. Е.
738. Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 38—52. Терентьева Л. Н. — см. Лейна-саре И. А., Меркене Р. Р., Терентьева Л. Н.
739. Титова З. Д. Дневник Т. Кенигсфельда — этнографический источник первой половины XVIII в. по народам Сибири. 1975, 6, с. 94—100.
740. Титова З. Д. Обзор этнографических материалов XVII—XIX вв. о народах Сибири Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1972, 2, с. 74—84.
741. Токарев С. А. Из истории этнографических исследований в Академии наук. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 11—19.
742. Токарев С. А. Народные обычаи календарного цикла в странах зарубежной Европы (Опыт структурно-исторического анализа). [Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 15—29.
743. Токарев С. А. [Рец.]: А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества. Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1974, 223 стр. 1975, 3, с. 163—166.
744. Токарев С. А. [Рец.]: Р. Н. Исмаилова. Этнические проблемы современной Тропической Африки. М., 1973, 416 стр. 1974, 2, с. 181—183.
745. Токарев С. А. [Рец.]: Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970, 317 стр. 1971, 2, с. 174—175.
746. Токарев С. А. [Рец.]: Jacques Lombard. L'anthropologie britannique contemporaine. Presses Universitaires de France, 1972, 260 p. 1973, 4, с. 166—170.
747. Токарев С. А. [Рец.]: Wendel H. Oswalt. Other peoples, other customs. World ethnography and its history. New York, 1972, 430 p. 1974, 4, с. 172—175.
748. Токарев С. А. [Рец.]: Raoul et Laura Makarius. Structuralism ou ethnologie. Pour une critique radicale de l'anthropologie de Lévi-Strauss. Paris, 1973, 360+16 p. 1975, 1, с. 163—169. Токарев С. А. — см. Рабинович М. Г., Токарев С. А. Токарев С. А. — см. Санникова А. П., Токарев С. А.
749. Толстова Л. С. Древнейшие юго-западные связи в этногенезе каракалпаков. [Резюме на английском яз.]. 1971, 2, с. 25—37.
750. Толстова Л. С. Древние мотивы в фольклоре узбеков Южного Хорезма (по материалам полевых исследований). [Резюме на английском яз.]. 1973, 2, с. 23—31.
751. Томилов Н. А. Современные этнические процессы у татар городов Западной Сибири. 1972, 6, с. 87—97.
752. Томилов Н. А. [Рец.]: Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. Отв. редактор И. С. Гурвич. М., 1971, 344 стр. 1973, 2, с. 169—171. Томилов Н. А. — см. Лукина Н. В., Томилов Н. А.
753. Троицкий В. А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке. [Приложены карты местоположения развалин поселений XVIII в.: а) в р-не Таймырской губы; б) в Пясинском заливе. Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 120—126.
754. Трофимова А. Г. [Рец.]: А. С. Фарраджев. Ордубад. Историко-экономический очерк. Баку, 1970, 151 стр. 1972, 1, с. 187—188.
755. Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик (предварительные данные). 1974, 5, с. 139—149.
756. Труфанов И. П. О некоторых тенденциях в исследованиях этносоциальных процессов в США. 1972, 4, с. 175—179.
757. Туголуков В. А. Институт «доха» у удгейцев и орочей. 1972, 3, с. 105—115. Туголуков В. А. — см. Гурвич И. С., Долгих Б. О., Туголуков В. А.
758. Тудоровская Е. А. Проблема взаимоотношений народных верований и сказки (на материале сюжета «О запродаже Водяному»). 1974, 3, с. 112—119.
759. Тумаркин Д. Д. По островам Океании (Этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») [в июле — октябре 1971 г.]. 1972, 2, с. 120—128.
760. Тумаркин Д. Д. Пятая Всесоюзная конференция океанистов и австраловедов [18—19 декабря 1973 г. в Москве]. 1974, 3, с. 139—141.
761. Тумаркин Д. Д. Шестая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов [21 и 22 января 1975 г. в Москве]. 1975, 3, с. 136—138.
762. Тумаркин Д. Д. [Рец.]: И. Л. Андреев. Общинные структуры и некапиталистический путь развития. Владимир, 1973, 336 стр. 1975, 1, с. 158—163.
763. Турсунов Н. Из истории ремесленных цехов Средней Азии (на материалах ткацких промыслов Ходжента конца XIX — начала XX в.). 1972, 1, с. 110—118. Тютьпанов С. И. — см. Зак С. Д., Тютьпанов С. И.
764. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале [«Сов. этнография»] в 1971 г. 1971, 6, с. 195—199.

765. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале [«Сов. этнография»] в 1972 году. 1972, 6, с. 191—195.
766. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале [«Сов. этнография»] в 1973 г. 1973, 6, с. 192—197.
767. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале [«Сов. этнография»] в 1974 году. 1974, 6, с. 185—189.
768. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале [«Сов. этнография»] в 1975 г. 1975, 6, с. 199—204.
769. Уманский К. Г. «Бохорор» (Этнографический анализ проблемы вилюйского энцефаломиелита). 1974, 4, с. 133—142.
770. Уорнер Л. О фольклорном происхождении некоторых эпизодов русской народной драмы «Царь Максимилиан» и ее сходстве с народным театром Англии. [Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 51—59.
Уразманова Р. К.—см. Старостин П. Н., Уразманова Р. К.
771. Урушадзе Н. Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из Мцхета — Самтавро. 1971, 6, с. 128—136.
772. Фабри К. Э. Стадное поведение обезьян и социальная организация. [Обсуждение статьи Л. А. Файнберга «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации»]. 1974, 5, с. 120—123.
773. Файнберг Л. А. Научно-теоретическая конференция «Атеизм и проблемы происхождения человечества» [18 октября 1975 г. в Москве]. 1975, 3, с. 142—144.
774. Файнберг Л. А. О некоторых предпосылках возникновения социальной организации. [Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 94—103.
775. Файнберг Л. А. Ответ оппонентам. [По поводу статьи автора «О некоторых предпосылках возникновения социальной организации». Резюме на английском яз.]. 1974, 5, с. 123—128.
776. Файнберг Л. А. Роль индейцев в истории формирования бразильского народа. [Резюме на английском яз.]. 1974, 2, с. 42—50.
777. Файнберг Л. А. [Рец.]: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. Редакция: Ю. В. Бромлей, И. А. Першиц, С. А. Токарев. М., 1972, 181 стр. 1972, 5, с. 150—152.
778. Файнберг Л. А. [Рец.]: Р. С. Васильевский. Древние культуры тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973, 267 стр. 1974, 3, с. 179—180.
779. Файнберг Л. А. [Рец.]: Ю. П. Аверкиева. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974, 347 стр. 1975, 2, с. 182—184.
780. Файнберг Л. А. [Рец.]: Circumpolar problems. Habitat, economy and social relations in the Arctic. A symposium for anthropological research in the North. September, 1969. Oxford, 1973, 194 p. 1973, 5, с. 159—160.
781. Файнберг Л. А. [Рец.]: Völkerkundliche Abhandlungen (Niedersächsisches Landesmuseum, Abteilung für Völkerkunde), Bd. I—V. Herausgegeben von Hans Becher, Hannover, 1964—1974. 1975, 5, с. 177—181.
782. Фараджев С. Б. Всесоюзная конференция «Проблемы хранения художественных ценностей в музеях» [с 11 по 14 ноября 1970 г. в Москве]. 1971, 5, с. 168—169.
783. Фараджев С. Б. Всесоюзный семинар-совещание работников музеев [с 25 по 29 мая 1971 г. в Риге и Даугавпилсе]. 1972, 3, с. 169—171.
784. Фараджев С. Б. Проблемы музейного хранения, консервации и реставрации произведений декоративно-прикладного искусства. [Семинар по названной проблеме проходил с 27 ноября по 2 декабря 1972 г. в Москве]. 1973, 5, с. 148—151.
785. Федорова С. Г. Новые советские издания материалов путешествий Джемса Кука. [Рецензия на книги: Первое кругосветное плавание Джемса Кука. Плавание на «Индевре» в 1768—1771 гг. М., 1960, 503 стр., илл.; Второе кругосветное плавание капитана Джемса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964, 624 стр., илл.; Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971, 636 стр., илл.]. 1973, 5, с. 160—162.
786. Федянович Т. П. IV конференция по ономастике Поволжья [с 18 по 21 сентября 1973 г. в Саранске]. 1974, 2, с. 136—139.
Федянович Т. П.—см. Власова И. В., Федянович Т. П.
787. Фельдман Н. И. Японские праздники. 1972, 1, с. 155—165.
788. Феоктистова Л. Х. [Рец.]: Kustaa Viikuna. Die Pflugeräte Finnlands. Studia Fennica, 16. Helsinki, 1971, S. 178 (93 илл. + 15 карт). 1973, 1, с. 182—184.
789. Филимонова Т. Д. [Рец.]: В. Ф. Горленко, И. Д. Бойко, О. С. Куницыкий. Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971, 164 стр. 1973, 3, с. 184—185.
Фирштейн Л. А.—см. Абрамзон С. М., Симakov Г. Н., Фирштейн Л. А.
790. Фрейденберг М. М. Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет. 1972, 2, 139—146.
791. Фрейденберг М. М. [Рец.]: N. F. Pavković. Pravo prćce kupovine u običajnom pravu Srba i Hrvata. Studija iz pravne ethnologije. Beograd, 1972, 226 Str. 1975, 1, с. 176—178.

- Фролов Б. А.—см. Кожин П. М., Фролов Б. А.
792. Фроянов И. Я. Семья и вервь в Киевской Руси. [По поводу статьи Ю. М. Рапова «Была ли вервь „Русской правды“ патрономией?» («Сов. этнография», 1969, № 3). Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 90—97. Фроянов И. Я.—см. Мавродин В. В., Фроянов И. Я.
793. Фурсова Л. Н. [Рец.]: М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады. Этностатистическое исследование. М., 1971, 192 стр. 1972, 4, с. 195—197. Фурсова Л. Н.—см. Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н.
- 794. Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. (Логические и лингвистические замечания к обсуждению «первопричины» образования белорусской народности). [По поводу статей: В. В. Седов. К происхождению белорусов. Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов. («Сов. этнография», 1967, № 2); его же. Еще раз о происхождении белорусов. («Сов. этнография», 1969, № 1); П. Н. Третьяков. Восточные славяне и балтский субстрат. («Сов. этнография», 1967, № 4); В. А. Жучкевич. К вопросу о балтском субстрате и этногенезе белорусов. («Сов. этнография», 1968, № 1); М. Я. Гринблат. К происхождению белорусской народности (по поводу теории субстрата). («Сов. этнография», 1968, № 5). Приложены карты: 1. Этнический состав Древнерусского государства (IX—XIII вв.); 2. Ареал славянизации балтов в эпоху феодальной раздробленности; 3. Русско-белорусские изоглоссы в пределах домонгольских славянских поселений; 4. Позднедревнерусские (XII—XIV вв.) диалектно-этнографические зоны лесной полосы. Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 85—99.
795. Хазанов А. М. О связи линейности и локальности с образом жизни. [По поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии» («Сов. этнография», 1971, № 6). Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 58—61.
796. Хазанов А. М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы). [Резюме на английском яз.]. 1971, 6, с. 17—27.
797. Хазанов А. М. Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода. [По поводу статей Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)». («Сов. этнография», 1970, № 5) и «Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии» (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать „австралийскую контроверзу“ разрешенной?»). («Сов. этнография», 1971, № 6). Резюме на английском яз.]. 1973, 1, с. 114—121.
798. Хазанов А. М. Скифское жречество. [Резюме на английском яз.]. 1973, 6, с. 41—50.
799. Хазанов А. М. [Рец.]: Каменный век на территории СССР. Отв. редактор А. А. Формозов. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 166. М., 1970, 1971, 5, с. 170—173. Хазанов А. М.—см. Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Хазанов А. М.—см. Жуковская Н. Л., Хазанов А. М., Членов М. А.
800. Халиков А. Х. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 100—109. Халиков А. Х.—см. Бусыгин Е. П., Халиков А. Х.
801. Ханпиря Э. И. «Разведка об Ахиллесе», или несостоявшееся открытие. [Письмо в редакцию по поводу книги А. Югова «Думы о русском слове» (М., 1972)]. 1974, 4, с. 187—189.
802. Хармандарян С. В., Шерстобитов В. П. Юбилей братского союза советских народов. [Резюме на английском яз.]. 1972, 6, с. 3—18.
803. Хартвинг В. Некоторые вопросы общественной структуры нага конца XIX—начала XX столетия. [Приложена карта размещения групп нага (1900 г.). Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 54—66.
804. Хасиев С. А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX—начале XX века. 1973, 1, с. 139—147.
805. Хачатрян Ж. К. Традиционные свадебные пляски армян. 1975, 2, с. 87—93.
806. Хить Г. Л. Дерматоглифика населения Финляндии. [Приложены карты распределения различных признаков и карта территориального распределения полигональных популяций. Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 54—71.
807. Хить Г. Л., Намсарайнайдан Л. Новые данные по дерматоглифике монголов. 1975, 2, с. 112—116.
808. Хмелинский В. М. О понятии «военная демократия». [Резюме на английском яз.]. 1973, 4, с. 66—74.
809. Хокконен А. П. Карельская народная вышивка второй половины XIX—начала XX века. [Приложена карта: Распространение геометрических и сюжетных узоров в карельской народной вышивке второй половины XIX—начала XX вв.]. 1975, 1, с. 92—101.
810. Хомич Л. В. Ответ на письмо Л. Н. Гумилева [по поводу статьи Л. В. Хомич «О содержании понятия

- „этнические процессы“». («Сов. этнография», 1969, № 5)]. («Сов. этнография», 1969, № 5)]. 1971, 1, с. 176—177.
811. Хомич Л. В. [Рец.]: Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970, 266 стр. 1972, 4, с. 182—184.
 812. Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингисхане. 1973, 5, с. 114—122.
 813. Цулая Г. В. Два комментария к хронике Леонти Мровели. 1971, 2, с. 123—127.
 814. Цулая Г. В. Кавказские сказания о Петре I. 1972, 3, с. 134—138.
 815. Цулая Г. В. Обезы по русским источникам. 1975, 2, с. 99—105.
 816. Цулая Г. В. [Рец.]: А. А. Глonti. Топонимические разыскания, вып. 1. Тбилиси, 1971, 108 стр. (на грузинском яз.). 1972, 2, с. 155—156.
 817. Цулая Г. В. [Рец.]: Г. Н. Джавахишвили. Быт и культура шахтеров Тбилиси, 1971, 132 стр. (на грузинском яз.). 1972, 6, с. 173—174. Цыдендамбаев Ц. Б.—см. Золхоев В. И., Цыдендамбаев Ц. Б.
 818. Чвырь Л. А. Ювелиры-ремесленники и местная художественная традиция в Таджикистане. [Резюме на английском яз.]. 1972, 1, с. 39—51.
 819. Чебоксаров Н. Н. К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун). [Резюме на английском яз.]. 1973, 5, с. 40—50. Чебоксаров Н. Н.—см. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Чебоксаров Н. Н.—см. Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н.
 820. Чернецов С. Б. К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий. [Резюме на английском яз.]. 1975, 3, с. 72—82.
 821. Чернецов С. Б. Эфиопская магическая литература. 1972, 6, с. 139—144.
 822. Чернецов С. Б. [Рец.]: А. К. Булатович. С войсками Менелика II. Под редакцией, с предисловием и примечаниями И. С. Кацнельсона. М., 1971, 351 стр. 1972, 5, с. 172—173.
 823. Чернецов С. Б. [Рец.]: M. Powne. Ethiopian music. An introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments. London — New York — Toronto. 1968, 153 p. 1971, 2, с. 177—178.
 824. Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно? 1973, 6, с. 135—146.
 825. Чеснов Я. В. Новые работы вьетнамских этнографов. [Обзор изданий: «Ethnographical Data», vol. 1—2 «Vietnamese Studies», NN 32, 36). Hanoi, 1972, 1973; Données ethnographiques, t. 1—2 («Etudes vietnamiennes», N 32, 36)]. Hanoi, 1972, 1973. 1975, 3, с. 150—155.
 826. Чеснов Я. В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии. [По поводу статьи Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований» («Сов. этнография», 1967, № 1). Резюме на английском яз.]. 1972, 4, с. 64—73.
 827. Чеснов Я. В. [Рец.]: Этническая история народов Азии. Отв. редакторы С. М. Абрамзон, Р. Ф. Итс. М., 1972, 293 стр. 1973, 2, с. 162—165.
 828. Чижилова Л. Н. Этнографические особенности русского населения Молдавии. [Резюме на английском яз.]. 1973, 3, с. 28—42.
 829. Чистов К. В. Анна Михайловна Астахова. [Некролог. Приложен список основных трудов А. М. Астаховой]. 1971, 5, с. 187—189.
 830. Чистов К. В. Конференция «Этнография славянских стран» в Варшаве [17—20 марта 1975 г.]. 1975, 5, с. 134—135.
 831. Чистов К. В. О взаимоотношении фольклористики и этнографии. [Резюме на английском яз.]. 1971, 5, с. 17—24.
 832. Чистов К. В. Соповещение представителей этнографических учреждений славянских стран [12—13 июля 1973 г. в Москве]. 1974, 2, с. 132—133.
 833. Чистов К. В. Фольклористика и этнография на VII Международном конгрессе славистов [21—27 августа 1973 г. в Варшаве]. 1974, 2, с. 133—136.
 834. Чистов К. В. VI Конгресс Международного общества исследователей фольклора [16—21 июня 1974 г. в Хельсинки]. 1975, 2, с. 158—161.
 835. Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. [Резюме на английском яз.]. 1972, 3, с. 73—85.
 836. Чистов К. В. [Рец.]: П. Г. Богатырев. Вопросы теории народного искусства. М., 1971, 544 стр. 1971, 6, с. 175—178.
 837. Членов М. А. Еще раз об «австралийской контроверзе» и методике ее рассмотрения. [По поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)». («Сов. этнография», 1970, № 5). Резюме на английском яз.]. 1974, 6, с. 51—57.
 838. Членов М. А. Можно ли считать «австралийскую контроверзу» разрешенной? [По поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (Опыт теоретического анализа)». («Сов. этнография», 1970, № 5). Резюме на английском яз.]. 1971, 4, с. 68—71. Членов М. А.—см. Жуковская Н. Л., Хазанов А. М., Членов М. А.
 839. Шавкунов Э. В. Антропоморфные подвесные фигурки из бронзы и культ

- предков у чжурчженей. 1975, 4, с. 110—120.
840. Шавкунов Э. В. О семантике тамбообразных знаков и некоторых видов орнамента на керамике с Шайгинского городища. 1972, 3, с. 128—133.
 841. Шаврина И. Ф. Музей и школа (Из опыта МАЭ). 1972, 2, с. 136—138.
 - Шалекенов У. Х.—см. Жданко Т. А., Шалекенов У. Х.
 842. Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев. 1971, 5, с. 108—117.
 843. Шамшуров В. Н. Сочетание по социологическим проблемам сельского расселения [3—4 марта 1971 г. в Москве]. 1971, 6, с. 156—159.
 844. Шангина И. И. Изображение коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX—начала XX века. 1972, 3, с. 116—120.
 845. Шаповалова Г. Г. Вторая научная конференция «Этнография и фольклор» [с 1 по 5 февраля 1971 г. в Ленинградском отделении Института этнографии]. 1971, 6, с. 164—167.
 846. Шаповалова Г. Г. Третья научная конференция «Фольклор и этнография» [с 13 по 15 ноября 1973 г. в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР]. 1974, 6, с. 135—139.
 847. Шаповалова Г. Г. Фольклорно-этнографический кружок при Институте этнографии АН СССР. 1972, 4, с. 172—174.
 - Шафрановская Т. К.—см. Каменецкая Р. В., Шафрановская Т. К.
 - Шафрановская Т. К.—см. Станюкович Т. В., Шафрановская Т. К.
 848. Шевченко А. В. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старинного могильника). 1973, 6, с. 100—108.
 849. Шейнман М. М. [Рец.]: И. Р. Григулевич. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972, 408 стр. 1973, 4, с. 184—186.
 - Шелепов Г. В.—см. Козлов В. И., Шелепов Г. В.
 850. Шелов Д. Б. [Рец.]: Е. С. Голубцова. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.—III в. н. э. М., 1972, 188 стр. 1974, 2, с. 177—180.
 851. Шенников А. А. Необходимые разъяснения. [По поводу статьи А. С. Бежковича «Еще раз об агро-этнографических исследованиях». («Сов. этнография», 1971, № 5)]. 1973, 4, с. 76—77.
 852. Шереметьева Л. Д. К вопросу об исследовании народного календаря (на материалах украинской этнографии). 1973, 1, с. 135—138.
 - Шерстобитов В. П.—см. Хармандарян С. В., Шерстобитов В. П.
 853. Шерхунаев Р. А. [Рец.]: Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ээляна Овла Элиста. 1969, 117 стр. 1971, 6, с. 186—187.
 - Широбокова Н. Н.—см. Золототрубов В. С., Ларичева И. П., Широбокова Н. Н.
 854. Широкова З. А. Туникообразные платья таджиков горного Таджикистана. 1973, 5, с. 88—98.
 855. Ширяева П. Г. Из истории развития некоторых революционных традиций (по материалам газет «Вперед» и «Пролетарий»). 1975, 6, с. 63—70.
 856. Шифельбейн-Соколевич З. О применимости функционально-структурного метода в толковании изменений культуры. 1971, 4, с. 72—79.
 857. Шлыгина Н. В. [Рец.]: Elina Örik. Vadjalastest ja isurizest XVIII saj. lopul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Toimetanud A. Viires. Tallinn, 1970, 206 стр. + VIII табл. 1972, 4, с. 185—187.
 858. Шлыгина Н. В. [Рец.]: J. U. E. Lehtonen, Matti Räsänen. Kuopion Naapaniemi. Kansatieteellinen tutkimus. Kuopio, 1973, 109 S., 34 juhl. 1975, 3, с. 179—182.
 859. Шляпентох В. Э. [Рец.]: Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971, 373 стр. 1972, 6, с. 167—171.
 860. Шмелева М. Н. Об основных тенденциях развития материальной культуры русского городского населения за последнее столетие (Из опыта изучения малых и средних городов средней полосы РСФСР). [Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 31—40.
 - Шмелева М. Н.—см. Анохина Л. А., Шмелева М. Н.
 861. Шнирельман В. А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. [Резюме на английском яз.]. 1974, 3, с. 41—52.
 862. Штаерман Е. М. [Рец.]: Т. Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев. (VII—V вв. до н. э.). М., 1971, 256 стр. 1972, 1, с. 192—194.
 863. Эндзеле М. Свадебные обряды латышского городского населения в XX веке (по материалам малых городов Латгале и Курземе). 1973, 4, с. 96—105.
 864. Эрдели И. [Рец.]: I. Kiszely. Sirok, csontok, emberek Budapest, 1969, I. 430 [Автор главы IX—Г. Э. Ерем, главы XIII—А. Тома]. 1971, 3, с. 148.
 865. Юхнева Н. В. Вопросы формирования, положения и облика рабочего класса Петербурга — Ленинграда (Заметки этнографа по поводу книги «История рабочих Ленинграда», Л., 1972, т. I, 554 стр.; т. II, 459 стр.). 1974, 3, с. 156—164.

866. Юхнева Н. В. Производственная жизнь рабочих как предмет этнографического изучения. [Резюме на английском яз.]. 1975, 1, с. 18—30.
867. Юхнева Н. В. [Рец.]: Л. Н. Семёнова. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974, 214 стр. 1975, 4, с. 166—170.

868. Ямпольский З. И. О безрелигиозности первобытной магии. [Резюме на английском яз.]. 1971, 1, с. 72—77.
869. Яндаров А. Первый ингушский этнограф Чах Ахриев (к 120-летию со дня рождения). 1971, 4, с. 127—130.
870. Янkelович Л. Ю. Гердер о народных песнях Прибалтики. 1971, 4, с. 141—148.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К АЛФАВИТНОМУ УКАЗАТЕЛЮ

(Указаны его порядковые номера)

Общие вопросы; теория и методология

- 1, 4, 7—11, 21, 23, 31, 32, 35—37, 41, 47, 52, 55, 57, 58, 64, 67, 82, 92, 95, 106, 109, 110, 112, 113, 117, 118, 130—132, 138, 155, 156, 159, 177—179, 188, 199, 209, 215, 217, 219, 224, 237, 238, 240, 264, 265, 267, 273, 283, 284, 289, 302, 305, 321, 322, 324, 325, 342, 344, 368, 374, 377, 379, 380, 389, 418, 429, 432, 434, 435, 456, 460, 464, 467, 469, 475, 478, 488, 495, 497—498, 503, 508, 523, 524, 539, 558, 579, 589, 608, 609, 612, 621, 624, 653, 664, 668, 675—679, 690, 726, 728, 736, 747, 748, 752, 762, 772—775, 777, 780, 795, 797, 801, 802, 808, 810, 824, 826, 831, 835—838, 841, 845, 846, 851, 856, 861, 866, 868

Методика исследований; программы, вопросники, анкеты; разработка материалов

- 58, 113, 207, 211, 239, 271, 272, 357, 370, 391, 430, 517, 523, 597, 609, 656, 856

История этнографии, антропологии и фольклористики

- 10, 13, 16, 41, 42, 66, 69—72, 117, 119, 166, 168, 171, 176, 209, 232, 238, 241, 247, 273, 287, 289, 302, 343, 347, 379, 453, 456, 464, 469, 473, 482, 484, 495, 511, 574, 578, 591, 592, 596, 597, 620, 626, 627, 630, 705, 707, 712, 719, 724, 740, 746, 790
- Этнография, антропология и фольклористика в АН СССР — 20, 111, 708, 718, 741

Personalia

- Абрамзон С. М. — 715
Алеш М. — 356
Андреев М. С. — 14
Анохина Л. А. — 485
Арсеньев В. К. — 170, 593
Астахова А. М. — 829
Ахриев Чах — 869
Бардавелидзе В. В. — 146
Богатырев П. Г. — 206; см. также 315, 543
Бонч-Бруевич В. Д. — 240
Василювич Г. М. — 732
Гердер Иоганн Готфрид — 870
Гонионский С. А. — 674
Гуслистый К. Г. — 198
Долгих Б. О. — 101

- Ефимов А. В. — 28
Жирмунский В. М. — 509
Иванов С. В. — 714
Каменский-Длужик Адам — 590
Кенигсфельд Тобиас — 739
Кержавин Ф. В. — 185
Кисляков Н. А. — 549
Костоловский В. — 469
Котвич В. Л. — 283
Краузе Готтлоб — 560
Креницын П. К. — 487
Кук Джемс — 670, 785
Лангсдорф Г. И. — 87, 367, 386
Левашов М. Д. — 487
Леви-Стросс Клод — 748
Линденау Я. И. — 308
Максимов В. М. — 598
Миклухо-Маклай Н. Н. — 123, 129, 651; см. также 74, 613, 623, 759
Мровели Леонти — 813
Нанак гуру — 415
Ольдерогге Д. А. — 323
Охримович В. Ю. — 195
Потанин Г. Н. — 409
Потапов Л. П. — 713
Потехин И. И. — 232; см. также 433
Пропп В. Я. — 614
Ренье — 347
Рыдзевская Е. А. — 39
Самуэлян Хачик — 510
Сеницкий Л. — 450
Сорокин Андрей — 553
Срезневский И. И. — 383
Столяров А. Д. — 284
Страленберг (Табберт) Ф. И. — 320
Татаринов М. — 347
Тенишев В. Н. — 597
Туманский Ф. — 857
Халиди Курбангали — 341
Хашаев Хаджи-Мурат Омарович — 235
Шабара Г. С. — 598
Шейн П. В. — 602
Энгельс Фридрих — 8, 23, 488, 777
Ээлян Овла — 853
Ядамсурэн У. — 410
Kane Paul — 291
Sarkar S. S. — 373

Библиография

- 16, 28, 29, 45, 101, 114, 146, 196, 198, 235, 337, 421, 485, 495, 509, 549, 592, 614, 702, 713—715, 732, 764—768, 829

Периодика, журналы

94, 126, 142, 147, 337, 353, 394, 454, 781, 825, 855

Учебники, учебные пособия

473, 743, 864

Антропология

1, 20—23, 27, 62, 69—72, 90, 160, 162, 184, 201, 202, 233, 239, 242, 278, 283, 296—298, 307, 343, 350, 357, 368, 371, 372, 373, 397, 403, 406, 482, 496, 570, 610, 626, 627, 661, 749, 755, 773, 777, 819, 848, 864
Дерматоглифика этническая — 457, 806, 807
Одونتология этническая — 296, 303, 414
Серология — 295

Социология; этносоциология

10, 19, 38, 46, 57, 58, 69—72, 110, 116, 162, 180, 211—213, 264, 265, 278, 292, 331, 343, 358, 359, 376, 397, 439, 463, 496, 517, 546, 552, 554, 564, 612, 653, 712, 728, 756, 843, 859

Этническая и социальная психология

46, 48, 67, 264, 380, 464, 496, 524, 666, 728, 835

Фольклор

4, 39, 42, 43, 56, 60, 61, 65, 66, 68—72, 83, 86, 93, 94, 107, 135, 145, 162, 166, 169, 181, 186, 192, 194, 208, 210, 221, 225—230, 236, 244, 245, 249, 251, 252, 254, 256, 257, 261, 266, 271, 278, 280, 283, 289, 290, 293, 301, 308, 315, 317, 333, 343, 345, 355, 356, 364, 383, 396—398, 401, 403, 405—407, 409, 421, 422, 423, 428, 436, 444, 452, 455, 459, 463, 469, 471—473, 481, 483, 491, 496, 505, 509, 522, 528, 542—544, 548, 553, 577, 596—606, 613—622, 626—628, 636, 649, 650, 692, 695, 701—708, 712, 733, 749, 750, 757, 758, 769, 770, 812, 814, 823, 829, 831, 833, 834, 836, 845—847, 853, 869, 870

Литература

60, 66, 169, 172, 192, 203, 283, 356, 452, 481, 579, 615, 636, 750, 812, 813, 821, 836

Ономастика

4, 39, 53, 157, 158, 246, 247, 476, 551, 749, 786
Антропонимия — 53, 480, 520, 550, 709
Топонимия — 154, 333, 513, 693, 757, 813, 816
Этнонимия — 153, 333, 451, 479, 486, 687, 710, 751, 757, 824

История первобытного общества

8, 21, 31, 47, 55, 118, 222, 243, 284, 310, 429, 432, 434, 467, 497, 524, 537, 558, 569, 664, 672, 675—679, 682, 743, 772, 774, 775, 778—780, 795—797, 799, 808, 837, 838, 850, 862, 868

Этническая география и картография; география населения; этническая демография и статистика

15, 86, 113—155, 123, 152, 154, 161, 180, 218, 273, 292, 306, 320, 350, 371, 375, 378, 417, 437, 462, 489, 502, 541, 582—588, 591, 638, 652, 661, 738, 769, 793

Этнографические атласы; тематическое картографирование (этнографическое, антропологическое и др.)

6, 22, 27, 34, 37, 62, 80, 105, 113, 141, 183, 205, 206, 253, 272, 295, 296, 320, 332, 405, 446, 457, 462, 465, 518, 525, 531, 532, 534, 547, 551, 562, 671, 691, 727, 731, 753, 794, 803, 806, 809, 828

Этногенез; этническая история

1, 2, 4, 15, 18, 22, 25, 27, 30, 54, 67, 68, 90, 115, 131, 136, 151, 152, 184, 201, 202, 215, 216, 218, 233, 242, 250, 273, 282, 294, 297, 300, 308, 324, 326, 333, 340, 350, 365, 372, 414, 431, 432, 440, 451, 482, 489, 513, 548, 609, 625, 661, 671, 686, 710, 723, 749, 750, 755, 769, 776, 793, 794, 800, 810, 811, 813, 819, 827, 848

Теория и типы этнических общностей

67, 109, 110, 179, 215, 374—376, 608, 624, 835

Современные этнические и культурно-бытовые процессы

в СССР — 26, 57, 58, 85, 96, 98, 112, 114, 178, 213, 217, 218, 264, 265, 268, 276, 292, 358, 359, 370, 377, 394, 408, 439, 482, 523, 546, 589, 609, 653, 656, 685, 738, 751, 826
за рубежом — 12, 163, 279, 378, 441, 744, 835

Национально-освободительная борьба; борьба против расизма

9, 97, 106, 131, 155, 342, 389, 442, 443, 735

Общественный строй

4, 21, 31, 47, 49, 55, 99, 123, 133, 177, 183, 187, 188, 190, 234, 286, 308, 312, 329—331, 335, 339, 340, 344, 355, 365, 429, 460, 487, 488, 493, 497, 502, 503, 527, 634, 658, 661, 667, 675, 677—679, 681, 682, 689, 734, 757, 762, 763, 772, 774, 775, 779, 790—792, 796, 799, 803, 808, 837, 838, 850, 862

Семья и брак

5, 8, 17, 44, 83, 120, 123, 180, 183, 188, 203, 234, 244, 268, 269, 271, 335, 341, 346, 354, 355, 370, 423, 429, 430, 474, 502, 515—517, 522, 552, 554, 563, 631, 665, 675, 677, 679, 680, 687, 694, 727, 736—738, 751, 757, 790, 792, 795, 797, 803, 805, 837, 838, 863

Системы родства

183, 188, 355, 430, 540, 675, 678—680, 795, 797

Родоплеменной (этнический) состав

2, 4, 15, 79, 136, 153, 244, 333, 340, 440, 463, 634, 757, 803, 812

Обычное право

417, 502, 667, 791, 869

Этнографическое изучение сельского населения

5, 13, 17, 30, 77, 86, 138, 139, 263, 315, 359, 366, 448, 463, 522, 563, 609, 656, 665, 723

Этнографическое изучение рабочих

38, 61, 77, 85, 263, 444, 564, 609, 654, 817, 865—867

Этнографическое изучение городского населения

в СССР — 19, 40, 58, 263, 268, 271, 354, 358, 408, 523, 565, 609, 685, 730, 754, 860, 863, 865, 867
за рубежом — 249, 263, 583, 585, 652, 667, 858

Хозяйство

5, 26, 97, 120, 139, 161, 318, 334, 417, 427, 448, 449, 460, 462, 497, 501, 502, 522, 638, 677, 795, 797, 803
Земледелие — 32, 34, 82, 108, 148, 197, 302, 332, 363, 418, 428, 446, 531, 532—534, 576, 633, 666, 726, 734, 788, 789, 804, 826, 842, 851
Скотоводство — 90, 132, 165, 182, 274, 308, 452, 500, 518, 547, 562, 607, 666, 691, 842, 861
Промыслы, ремесла — 3, 6, 139, 637, 763
Охота, рыболовство — 453, 535, 607

Орудия производства

3, 80, 82, 120, 148, 156, 197, 253, 318, 332, 333, 418, 424, 487, 501, 531, 533, 535, 716, 788, 789, 799, 803, 804, 820, 826, 828

Пища

5, 102, 270, 271, 282, 318, 333, 334, 382, 417, 429, 512, 646, 700, 751

Поселения и жилище; архитектура

5, 40, 74, 76, 79, 86, 120, 121, 139, 159, 161, 165, 205, 248, 249, 258, 260, 275, 288, 292, 308, 318, 333, 334, 417, 429, 458, 462, 470, 487, 501, 507, 522, 545, 629, 647, 660, 738, 753, 792, 828, 843, 866

Одежда; ткачество

5, 6, 80, 103, 120, 121, 159, 174, 175, 196, 249, 250, 259, 270, 282, 288, 292, 308,

318, 327, 334, 353, 381, 390, 410, 412, 417, 445, 448, 487, 501, 522, 567, 568, 657, 716, 738, 763, 828, 836, 854, 857

Гончарство

63, 103, 165, 270, 390, 657, 840

Транспорт

182, 282, 318, 487, 607

Народный календарь

361—363, 842, 852

Народная медицина

571

Театр; музыка; танцы; игры; художественная самодеятельность

43, 74, 143, 167, 206, 210, 229, 236, 248, 250, 255, 266, 276, 277, 315, 318, 325, 333, 391, 403, 406, 411, 459, 468, 542—544, 572, 613, 622, 636, 640, 656, 657, 805, 823, 836

Изобразительное и прикладное искусство

6, 59, 76, 103, 105, 120, 140, 141, 151, 167, 168, 169, 175, 196, 230, 231, 248, 249, 256, 270, 284, 285, 288, 291, 293, 309, 310, 315, 318, 324, 325, 327, 353, 356, 364, 369, 390, 392, 393, 401, 411, 419, 424, 434, 461, 468, 492, 494, 504, 506, 508, 519, 522, 526, 536, 555—557, 565, 566, 595, 632, 655, 657, 659, 660, 672, 710, 714, 749, 771, 784, 809, 818, 836, 839, 840, 844

Верования и обряды; преодоление религиозных пережитков; формирование новых обрядов и обычаев

4, 44, 59, 73—76, 78, 83, 91, 93, 103, 120, 128—131, 135, 169, 190, 192, 206, 207, 231, 236, 248, 251, 255, 261, 266, 269, 271, 282, 285, 290, 292, 299, 307, 311, 313, 315, 325, 333, 341, 346, 353, 354, 360—363, 364, 381, 382, 385, 389, 393, 417, 420, 422, 423, 426, 428, 436, 438, 445, 463, 466, 474, 475, 483, 487, 517, 524, 529, 530—532, 536, 556, 562, 572, 573, 580, 597—599, 611, 613, 624, 625, 635, 640, 648, 655—657, 693, 696, 701—703, 709, 710, 727, 729, 742, 745, 749, 751, 758, 771, 773, 787, 798, 800, 805, 821, 823, 836, 839, 842, 849, 855, 863, 868, 869.

Язык; этно- и социологолингвистические исследования

14, 15, 78, 90, 91, 114—116, 136, 137, 163, 172, 182, 189, 192, 201, 211, 213, 273, 279, 283, 308, 323, 333, 340, 349, 351, 353, 355, 358, 359, 361, 362, 364, 376, 383, 404, 407, 419, 439, 447, 452, 463, 490, 513, 546, 560, 575, 580, 588, 612, 649, 661, 727, 731, 738, 745, 751, 794, 800, 824, 857

Древние народы

34, 160, 164, 165, 184, 201, 242, 243, 282, 360, 365, 388, 452, 468, 537, 655, 677, 794, 796, 800, 850
Авары—372
Аланы—333
Андроновцы—202
Балты—794
Грузинские племена—771
Египтяне древние—143
Индийцы древние—164
Инки—81
Кельтеминарцы—151
Кидани—527
Китайцы древние—143
Майя—214, 348, 360—363
Монгольские племена, монголы—91, 527
Обезы—815
Ольмеки—361
Половцы—333
Русские древние—488, 792, 794, 815
Сарматы—372, 631
Скандинавы—573
Скифы—631, 798, 813
Славяне восточные—792
Славяне Среднего Поднепровья—671
Тангуты—452
Тюрки древние—447, 800
Фракийцы—293, 862
Хорезмийцы—167, 545, 657
Чжурчжени—839
Этруски—104
Японцы древние—50

Древние культуры

63, 81, 88, 103, 201, 231, 282, 284, 285, 310, 419, 482, 490, 522, 556, 557, 576, 644, 657, 773, 778
Анангула стоянка (Алеутские о-ва)—778
Анауская культура—239
Ангка-Кала—657
Бронза—672, 848
Джетысарская культура—63
Донгшон культура (Вьетнам)—827
Дюктайская культура—525
Звейниекский могильник (Латвия)—242
Инди древней культуры—164
Каменный век—797, 799
Камчатки культуры—778
Каунчинская культура—63
Каякентско-хорочаевская культура—365
Киик-Коба пещера—160
Кобанская культура—365
Кой-Крылган-Кала—657
Курильских островов и Сахалина культуры—778
Лявлякан стоянка—151
Майорыч стоянка (долина Колымы)—525
Майя культура—214, 348
Неолит—310, 672
Неаполь некрополь—631
Ольмекская культура—360

Отарско-Каратауская культура—63
Падалинские пещеры (Бирма)—555
Палеолит—310, 369
Пянджикента древнего культуры—657
Саксонохур городище (Южный Таджикистан)—536
Самтаврское погребение—771
Старицкий могильник—848
Сунгирь стоянка—151
Тагарский могильник—371
Тагискенские могильники—466
Танаисский некрополь—184
Шайгинское городище—840
Энеолит—239
Эц'на городище—348
Японии древней культуры—50

Народы СССР

1, 19, 58, 112, 114—116, 178, 180, 217, 219, 276, 297, 377, 390, 475, 564, 673, 705, 706, 802, 855, 859

Народы Европейской части СССР

Общие работы—581, 722, 738
Общие работы по восточным славянам—261, 299, 353, 567, 794, 820, 830, 832, 833
Общие работы по народам Поволжья—157, 158, 722, 738, 786, 800
Общие работы по народам Прибалтики—304, 465, 629
Общие работы по народам Приуралья—722, 738, 800
Общие работы по народам УССР—292, 319, 551
Общие работы по финно-угорским народам—233, 297, 709—712
Башкиры—4, 61, 550, 800
Белорусы—186, 210, 292, 404, 551, 574, 601, 602, 628, 794
Вепсы—422, 575
Водь—857
Гагаузы—507, 580
Ижора—355, 857
Калмыки—62, 309, 411, 412, 853
Карелы—213, 353, 355, 359, 422, 455, 484, 663, 727, 738, 809
Коми—86, 450, 738, 800
Латыши—236, 724, 863, 870
Литовцы—144, 145, 156, 345, 870
Марийцы—13, 298, 738, 800
Молдавانه—58, 107, 287, 292, 293, 551, 643, 716, 828
Мордва—122, 175, 317, 506, 520, 738
Поляки Украины—102
Русские—16, 17, 39, 40, 58, 61, 85, 93, 94, 121, 154, 159, 169, 172, 194, 206, 208, 213, 240, 245, 256, 265, 266, 271, 290, 292, 299, 304, 336, 366, 370, 392, 393, 403, 406, 408, 420—424, 444, 459, 462, 469—473, 480, 483—485, 488, 491, 492, 505, 508, 515, 516, 522, 542, 544, 553, 554, 563, 565, 578, 591, 597—599, 602, 614, 626—628, 644, 646, 653, 654, 656, 659, 660, 665, 669, 692, 695, 704, 705, 738, 751, 753, 758, 770, 792.

794, 814, 828, 829, 836, 844—847, 860, 865, 867
Татары—213, 265, 550, 653, 656, 751
Удмурты—738
Украинцы—168, 195, 197, 198, 205, 260, 275, 292, 319, 406, 551, 577, 589, 595, 628, 789, 794, 836, 852
Цыгане—661, 662
Чуваши—241, 353, 738
Эстонцы—353, 436, 870

Народы Кавказа

Общие работы—30, 59, 365, 476, 514, 518, 814
Общие работы по народам Закавказья—328, 486
Общие работы по народам Западного Кавказа—457
Общие работы по народам Северного Кавказа—152, 153, 332, 364, 685, 694
Абазины—см. Абхазы и абазины
Абхазы и абазины—42, 165, 234
Адыгейцы и кабардинцы—334, 813
Азербайджанцы—196, 550, 737, 754, 868
Айсоры—737
Армяне—6, 56, 134, 277, 510, 511, 572, 737, 805
Балкарцы—333, 334, 842
Грузины—57, 66, 108, 146, 181, 231, 408, 637, 812—814, 816, 817
Дагестанские народы—176, 235, 255, 267, 494
Ингуши—76, 504, 804, 869
Кабардинцы—см. Адыгейцы и кабардинцы
Карачаевцы—333, 406, 842
Курды—737
Лакцы—149, 306
Ногайцы—346
Осетины—24, 318, 333, 493, 647, 813
Хевсуры—327
Чеченцы—154, 504, 804, 869

Народы Средней Азии и Казахстана

Общие работы—4, 30, 105, 138, 272, 449
Общие работы по народам Средней Азии—151, 273, 320, 448, 477, 486, 498, 576, 634, 688, 690, 693, 729, 763
Белуджи—150, 407, 688
Берберы—407
Джемшиды—407
Дунгане—642
Казахи—34, 44, 77, 79, 166, 202, 237, 274, 295, 303, 341, 409, 446, 550
Каракалпаки—4, 34, 749
Киргизы—5, 202, 295, 402, 550, 611, 715, 827
Корейцы—251
Таджики и припамирские народы—3, 14, 80, 174, 253, 270, 354, 370, 402, 404, 448, 523, 529—534, 549, 570, 650, 688, 723, 730, 818, 854
Теймури—407
Туркмены—38, 68, 139—141, 239, 448, 550, 562, 691

Узбеки—73, 75, 244, 354, 370, 448, 474, 545, 550, 570, 658, 688, 701—703, 734, 749, 750

Уйгуры—295, 402

Систанцы—407

Народы Сибири и Дальнего Востока

Общие работы по народам Дальнего Востока—170, 300, 593
Общие работы по народам Севера—26, 41, 142, 619, 752, 827
Общие работы по народам севера Сибири—526
Общие работы по народам Сибири—16, 101, 259, 296, 300, 450, 482, 578, 590, 591, 618, 619, 640, 681, 714, 739, 740, 827
Общие работы по народам Чукотки—222
Общие работы по народам Южной Сибири—4, 202, 451, 686
Айны—324
Алтайские народы—283
Алтайцы—2, 4, 78, 283, 295, 713
Буряты—295, 301, 374, 411, 450, 566, 619
Ительмены—439
Кеты—296, 548
Коряки—352, 439, 827
Манси—450, 709, 710
Монгольские народы—283
Нанайцы—295, 413, 696, 697
Нганасаны—207, 258, 296
Ненцы—136, 137, 258, 269, 450, 619, 811
Нивхи—324, 698
Орочи—757
Русские Сибири—16, 159, 208, 442, 462, 470, 522, 665
Селькупы—182, 296
Татары сибирские—482, 751
Тофалары—296, 607
Тувинцы—4, 78, 295, 296, 406, 499, 557, 713
Удегейцы—696, 757
Хакасы—4, 78, 451, 548, 619
Ханты—406, 407, 445, 450, 482, 709, 710
Чукчи—218, 403, 439, 512, 513, 827
Шорцы—4, 713
Эвенки—223, 340, 450, 463, 619, 732
Эвены—439, 463
Энцы—258, 811
Эскимосы—12, 218, 512, 513
Юкагиры—296, 827
Якуты—18, 193, 216, 220, 221, 295, 307, 308, 450, 592, 769

Народы и страны зарубежной Европы

Общие работы—98, 581, 742, 796
Албания, албанцы—117, 502
Англия, англичане—10, 746, 770
Балканские страны—314
Болгария, болгары—183, 294, 326, 501, 517, 610, 617, 707
Босния—229
Венгрия, венгры—453, 567, 600, 606, 712
ГДР, немцы—596, 604, 605, 833
Далмация—667
Испанцы—15

Норвежцы — 339
 Польша, поляки — 227, 319, 353, 383, 578, 586
 Романские народы — 731
 Румыния, румыны — 288, 567, 645
 Саамы — 547
 Сербия, сербы — 745, 791
 Славяне западные — 603, 628
 Славяне южные — 194, 261, 381, 628
 Славянские народы — 567, 830, 832, 833
 Словакия, словаки — 65, 519, 836
 Украинцы Словакии — 65
 Финляндия, финны — 297, 298, 465, 663, 788, 806, 858
 Финно-угорские народы — 711, 712
 Франция — 10
 Фриулы — 51
 Хорватия — 791
 Цыгане — 662
 Черногория — 229, 616
 Чехословакия, чехи — 356, 836
 Шотландцы — 464
 Югославия — 67, 225, 226, 587, 615, 620, 790

Народы и страны Передней Азии

Общие работы — 688
 Аймаки — 350
 Арабы — 585, 649, 735
 Афганистан, афганцы — 350, 351
 Израиль — 426, 735
 Ирак — 196
 Иран, иранцы (персы) — 196, 486, 585
 Кипр — 103
 Курды — 45
 Ливан — 648
 Моголы — 350
 Сирия — 196
 Турки — 585, 687
 Хазарейцы (хазара) — 350

Народы и страны Южной Азии

Общие работы — 147, 342, 641
 Бангладеш — 417
 Бенгальцы — 417
 Гаро — 417
 Индия, индийцы — 1, 164, 286, 373, 388, 415, 419, 437, 582, 584, 588, 803, 827
 Кхаси — 417
 Марма — 417
 Мейтхей — 417
 Мизо — 417
 Морунги (мронг, мро) — 417
 Нага — 803
 Пакистанцы — 464
 Типера (типура) — 417
 Чакма — 417
 Шри Ланка (Шейлон) — 416

Народы и страны Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии

Общие работы по народам Восточной Азии — 36, 54, 201, 641, 827
 Общие работы по народам Центральной Азии — 36, 477

Общие работы по народам Юго-Восточной Азии — 147, 342, 394, 441, 498, 641
 Банар — 541
 Бирма — 636
 Вьетнам — 243, 252, 489, 537, 538, 540, 541, 825
 Дауры КНР — 295
 Джарай — 540, 541
 Индонезия — 324, 389, 827
 Ицзу — 54
 Китай, китайцы — 54, 295, 431, 638, 680, 725, 819, 827
 Корея, корейцы — 249, 251, 295
 Лу — 312
 Ма — 541
 Маньчжурия, маньчжуры — 295, 535
 Мыонги — 489, 541
 Мон-кхмерские народы — 489
 Монголия, монголы — 281, 282, 295, 405, 410, 411, 725, 807, 812
 Мяо — 54
 Нунг — 538
 Раглай — 540
 Седанг — 541
 Сингапур Республика — 638
 Стиенг — 541
 Тагалы — 48
 Таиланд — 200, 312, 313
 Тай — 538
 Тайские народы — 200
 Тибетцы — 295
 Тувинцы МНР — 733
 Тхай, тайские народы — 489, 538
 Тьюру — 540
 Филиппины — 48, 324, 490, 827
 Хрой — 540
 Чжуан — 54
 Эде — 540, 541
 Япония, японцы — 46, 50, 248, 250, 295, 385, 458, 561, 787

Народы и страны Африки

Общие работы — 36, 232, 302, 323, 342, 394, 435, 560, 561, 641, 666
 Африка Восточная — 192, 279, 311, 561
 Африка Западная — 561
 Африка Тропическая — 36, 744
 Африка Южнее Сахары — 177
 Акикуйю — 279
 Баганда — 279
 Баланте — 280
 Бисау — 280
 Бурунди — 521
 Волофы — 335
 Галла — 330
 Гана — 163
 Датога — 561
 Занзибар — 189
 Иракв (ираку) — 561
 Кения — 33, 279, 349
 Консо — 329, 331
 Мали — 454
 Марокко — 652
 Сафва — 190
 Сенегал — 335
 Сонгай — 49
 Танзания — 187, 189, 191, 203, 204, 279, 349, 561

Уганда—279, 349
Хадзапи—561
Эфиопия—329, 331, 427, 583, 821—823

Народы и страны Америки

Общие работы—97, 185, 394, 487, 525, 641, 674, 780
Америка Латинская—849
Америка Северная—98, 131, 133, 291, 386
Алеуты—487
Аляска—25, 254, 669
Багамские о-ва—15
Боливия—88
Большие Антильские о-ва—15
Бразилия—99, 367, 386, 425, 776
Гаити—15
Гренландия—25, 780
Индейцы—12, 81, 88, 89, 99, 128, 133, 254, 291, 360, 384, 386, 425, 632, 689, 776, 779—781
Индийцы Тринидада—262
Калифорния—669
Канада—12, 793
Канадская Арктика—25
Колумбия—316
Куба—15, 481
Лабрадор—25
Мезоамерика—348, 361—363
Мексика—360, 361, 684
Нахау—684
Негры—185, 442, 443, 552, 689
Перу—81, 88, 89, 689
Русские Аляски—669
Русские Калифорнии—669
США—8, 10, 84, 96, 289, 291, 378, 384, 442, 443, 552, 756
Эскимосы—12

Народы и страны Австралии и Океании

Общие работы—760, 761
Австралия—324, 429, 623, 679, 683, 837, 838
Океания—129, 324, 386, 623, 625, 759
Берег Маклая—74, 123, 129, 613, 623, 759
Бугенвиль о-в—125
Гавайские острова, гавайцы—97
Западное Самоа—124
Меланезия, меланезийцы—127—129, 131, 428
Микронезия—129
Насион—125
Новая Гвинея—123, 127, 129, 613, 623
Новые Гебриды—428
Папуа Новая Гвинея—125, 126
Папуасы—22, 74, 123, 127—129, 613, 623, 759
Перу—81, 689
Полинезийцы—622
Эллис о-ва—622
Эроманга о-в—428

Хроника антропологической и этнографической работы

Экспедиции—61, 69—72, 144, 278, 282, 298, 343, 367, 387, 395—408, 482, 487, 544, 594, 670, 673

Экспедиция в Океанию в 1971 г.—74, 428, 613, 622, 759
Сессии, конференции, совещания, конгрессы, симпозиумы, семинары и пр. в СССР—30, 32, 43, 55, 69—72, 83, 87, 95, 104, 158, 162, 177, 201, 257, 278, 283, 297, 300, 315, 336, 338, 343, 368, 387, 431, 433, 438, 476, 477, 496, 503, 528, 543, 571, 594, 595, 609, 618, 623, 639, 673, 706, 711, 720—722, 760, 761, 773, 782—784, 786, 832, 843, 845, 846
Сессии, конференции, совещания, конгрессы, симпозиумы, семинары и пр. за рубежом—9, 11, 84, 212, 225, 226, 228, 246, 264, 281, 321, 465, 539, 581, 617, 830, 833, 834
Музеи, выставки в СССР—103, 104, 130, 147, 168, 270, 353, 392, 456, 482, 568, 595, 632, 641, 643, 651, 659, 688, 700, 717—719, 725, 782—784, 841
Музеи, выставки за рубежом—249, 410, 670, 712

Этнографическая и антропологическая работа в СССР (в республиках и городах)

РСФСР—257
Белорусская ССР—399, 405
Литовская ССР—144, 396
Латвийская ССР—724
Грузинская ССР—66
Армянская ССР—511
Таджикская ССР—270, 402
Башкирская АССР—396
Дагестанская АССР—176
Кабардино-Балкарская АССР—396, 400
Каракалпакская АССР—397, 400, 405
Карельская АССР—395
Чувашская АССР—241
Ашхабад—477
Горький—398, 403, 659
Гродно—503
Даугавпилс—783
Дилижан (Армянская ССР)—528
Иркутск—725
Казань—722
Кишинев—643
Кяхта—725
Ленинабад—398
Львов—168, 401, 595
Москва, Ленинград—30, 32, 43, 55, 69—72, 83, 87, 95, 103, 104, 119, 162, 171, 177, 201, 247, 257, 278, 297, 315, 336, 338, 343, 368, 392, 395—398, 400—408, 431, 433, 456, 496, 543, 544, 571, 609, 630, 632, 639, 641, 651, 700, 717, 720, 721, 760, 761, 773, 782, 784, 832, 841, 843, 845—847
Махачкала—476
Минск—706
Нальчик—594
Новосибирск—300, 395
Рига—783
Самарканд—673
Саранск—786
Таллин—711
Тбилиси—387

Томск—396, 399, 407, 482
Улан-Удэ—618
Уфа—158
Чебоксары—438
Элиста—283

**Этнографическая и антропологическая
работа за рубежом
(в странах и городах)**

Венгерская Народная Республика—712
Македонская социалистическая республика—225
Монгольская Народная Республика—282, 405, 410
Албена (Болгария)—617
Белград—615
Варна—212
Варшава—830, 833
Монреаль—9
Мораваны (Словакия)—228
Новый Сад (Югославия)—615
Париж—581
Пореч (Югославия)—226
Портленд (США)—84, 670
Приморск (Болгария)—263
София—246
Торонто (Канада)—9
Улан-Батор—281
Хельсинки—465, 834
Чикаго—11

**Авторы (редакторы, составители,
переводчики, издатели)
рецензированных работ**

Абрамзон С. М.—440, 449, 611, 827
Абрамова З. А.—310, 799
Аверкиева Ю. П.—12, 133, 779
Александров В. А.—629
Алексеев В. П.—743
Алексеева О. Б.—245
Аксеенко Е. А.—752
Ангелов Д.—326
Андреев И. Л.—762
Андреева М. Н.—421
Андрианов Б. В.—576
Анохин Г. И.—339
Антропова В. В.—352, 752
Аргынбаев А. А.—274
Арутюнов С. А.—419
Арутюнян Ю. В.—653, 859
Ашрафян К. З.—415
Бадер Н. О.—799
Бадер О. Н.—799
Бадмаева Р. Д.—566
Базиев А. Т.—376
Балашов Д. М.—692
Бандарчук В. К.—574
Бараг Л. Г.—601
Баранникова Е. В.—301
Бараускене В.—345
Бардаханова С. С.—301
Барташэвич—186
Басилов В. Н.—729
Башилов В. А.—88
Баялиева Т. Д.—611
Беленкин И. Ф.—752
Белицер В. Н.—122
Белявский В. А.—173
Берзина М. Я.—12, 793

Бертельс Д. Е.—367
Богатырев П. Г.—836
Бойко И. Д.—789
Бойцова А. Ф.—752
Бонгард-Левин Г. М.—164, 388
Брежнев Д.—587
Брейль А.—310
Бромлей Ю. В.—179, 319, 394, 777
Булатова А.—149
Булатович А. К.—822
Бунакова О. В.—495
Бурман А. Д.—636
Бусыгин Е. П.—17
Бютнер Т.—342
Вайнштейн С. И.—499, 557
Василевич Г. М.—223, 619, 699
Васильев В. И.—752
Васильевский Р. С.—310, 778
Васильков Я. В.—419
Велюс Н.—345
Вербов Г. Д.—137
Винников И. Н.—649
Виноградов В. Б.—365
Вирсаладзе Е. Б.—181
Вишинис К.—345
Владыкина-Бачинская Н.—522
Владуциу И.—645
Волкова Н. Г.—152, 153, 514
Волчок Б. Я.—419
Воробьев М. В.—173
Воробьев Н. И.—568
Воронин Н. Н.—644
Востров В. В.—77
Вяткина К. В.—559
Габиев Д.—М. С.—514
Ганюшкина Т.—641
Гарданов В. К.—514
Гарибай А. М.—684
Гафуров Б. Г.—415
Гафурова Н. Б.—415
Гафферберг Э. Г.—150
Гашпарикова В.—603
Генинг В. Ф.—432
Гинич И.—587
Гиряк М.—65
Глонти А. А.—816
Гоголев З. В.—220
Голендухин Ю. Н.—310
Голубцова Е. С.—850
Гонионский С. А.—316, 378
Гордон Л. А.—564
Горелов В. А.—522
Горленко В. Ф.—789
Григас К.—345
Григорьев Г. П.—799
Григулевич И. Р.—394, 849
Грюнберг А. Л.—351
Гумилев Л. Н.—173
Гунгаров В. Ш.—301
Гурвич И. С.—18, 26, 681, 752
Гурина Н. Н.—799
Гуров Н. В.—419
Данг Нгхием Ван—538
Данг Фонг—243, 537
Джаббаров И. М.—448
Джавахишвили Г. Н.—817
Димитров С.—314
Дмитриева С. И.—695
Долгих Б. О.—18, 26, 681, 811
Домановский Л. В.—245
Донин А. Н.—421
Дридзо А. Д.—442

- Емельянов Л. И.— 245
 Ерем Г. Э.— 864
 Ершов Н. Н.— 174
 Жеребцов Л. Н.— 86
 Зайцева М.— 575
 Закс К.— 391
 Зарицкий Ю. М.— 459
 Зельнов И.— 342
 Земцовский И. И.— 266
 Златковская Т. Д.— 862
 Зорин Н. В.— 17
 Зырянов И.— 423
 Иванов В. Ф.— 592
 Иванов С. В.— 259, 526, 640
 Иванова Е. В.— 173, 200
 Иванова Ю. В.— 502
 Иех Я.— 603
 Ильин Г. Ф.— 164
 Иофан Н. А.— 50
 Исаев М. И.— 376
 Исмаилова Р. Н.— 394, 744
 Итс Р. Ф.— 54, 147, 827
 Ишанкулов Х. Г.— 354
 Понина А.— 345
 Кабанова И. К.— 752
 Казлаускене Б.— 345
 Калоев Б. А.— 24, 318
 Каменецкая Р. В.— 495
 Канода А. А.— 139
 Капелюш Е.— 603
 Кауанова Х. А.— 77
 Кацнельсон И. С.— 822
 Кинг Мартин Лютер — 442
 Кинжалов Р. В.— 214
 Кирдан Б. П.— 577
 Кисляков Н. А.— 448, 688, 730
 Клопов Э. В.— 564
 Кнорозов Ю. В.— 419
 Кышченко Ю. В.— 569
 Ковалев И. Г.— 309
 Колпакова Н. П.— 459
 Комиссаров Б. Н.— 367
 Константинов И. В.— 307
 Копкоев К. Г.— 686
 Корепова К. Е.— 421
 Коробков А. Ф.— 389
 Коски Т. А.— 459
 Кочешков Н. В.— 173
 Красновская Н. А.— 51
 Крейнович Е. А.— 698
 Крупянская В. Ю.— 654
 Крюков М. В.— 680
 Крюкова Т. А.— 175
 Куббель Л. Е.— 49
 Кудрявцев М. К.— 286
 Кузаков К. Г.— 752
 Кузеев Р. Г.— 157
 Кулик С. Ф.— 33
 Куличенко М. И.— 377
 Кулишић Ш.— 745
 Куманев В. А.— 219
 Куницкий О. С.— 789
 Куприянова З. Н.— 619
 Кызласов Л. Р.— 686
 Ла Ван Ло— 538
 Лавров Л. И.— 514
 Лалавич М.— 587
 Лебедева А. А.— 522, 568
 Левина Л. М.— 63
 Леон-Портилья Мигель — 684
 Леруа-Гуран А.— 310
 Лившиц Б. В.— 367
 Липец Р. С.— 626, 627
 Лисициан С. С.— 277
 Лисициан Ст. Д.— 134
 Литвин Э. С.— 245
 Лобачева Н. П.— 448
 Ломакс А.— 391
 Лукьянченко Т. В.— 752
 Лысенко Т. И.— 367
 Любин В. А.— 799
 Люшкевич Ф. Д.— 448
 Магомедов А. Х.— 493
 Маковецкий И. В.— 522
 Маланчук В. А.— 195
 Малышева Д. Б.— 311
 Мамбетов Г. Х.— 334
 Манчев К.— 314
 Маркарян Э. С.— 52, 224
 Марков Г. Е.— 139
 Мартынов А. И.— 672
 Маслова Г. С.— 120, 522
 Мельников М. Н.— 208
 Мендельсон Ф.— 280
 Меновщиков Г. А.— 173
 Мёрдок Г.— 342
 Мёрнер М.— 394
 Мирзоев В. Г.— 16
 Мириманов В. Б.— 434
 Мисюгин В. М.— 419
 Митрофанова А. А.— 459
 Михайличенко Е. В.— 17
 Михайлов И. В.— 442
 Можейко З.— 210
 Монгайт А. А.— 743
 Моногарова Л. Ф.— 723
 Морозова А. С.— 448
 Морохин В. Н.— 473
 Мостовец Н. В.— 442
 Муллонен М.— 575
 Мэррей А.— 391
 Наир Рамунни— 437
 Наулко В. И.— 589
 Недо П.— 603
 Никольникова Ф.— 280
 Никонов В. А.— 53, 157, 479
 Никулина Н. И.— 252
 Нитобург Э. Л.— 442, 443
 Новиков Н. В.— 602, 695
 Носова Г. А.— 695
 Окладников А. П.— 193, 310, 522, 672, 799
 Оразов А.— 139, 449
 Ортутай Дюла— 600
 Пантелић Н.— 745
 Першиц А. И.— 558, 743, 777
 Петревич П. Ж.— 746
 Пименов В.— 484
 Пиркулиева А. Н.— 139
 Писарчик А. К.— 730
 Подберезский И. В.— 48
 Полищук Н. С.— 654
 Померанцева Э. В.— 692, 695
 Поршнев Б. Ф.— 467
 Потабенко С. И.— 415
 Потапов Л. П.— 2
 Путилов Б. Н.— 194, 628
 Рабинович Б. И.— 644, 695
 Рабинович М. Г.— 644
 Разумова А. П.— 459
 Разумовская Р.— 641
 Ранчич М.— 587
 Рассудова Р. Я.— 448
 Рашович М.— 587

- Решетов А. М.—173, 441
 Рогачев А. Н.—799
 Рой Берман Б. К.—437
 Руденко С. И.—173
 Рыбаков Б. А.—799
 Сабурова Л. М.—120, 522
 Садоков Р. Л.—167
 Самородова К.—317
 Саука Л.—345
 Сем Ю. А.—413
 Семенов С. А.—799
 Семенов Ю. И.—736, 837
 Семенова Л. Н.—867
 Сентич М.—587
 Сергеева Г. А.—514
 Сердобов Н. А.—451
 Серебряков И. Д.—415
 Сесельските А.—345
 Симченко Ю. Б.—752
 Сингх Гурбаки—415
 Сингх Маданджит—415
 Сингх Коли Суриндар—415
 Славинская З. С.—461
 Смирнов Ю. А.—415
 Смирнова Н. С.—60
 Смолицкий В. Г.—461
 Смоляк А. В.—752
 Снесарев Г. П.—75, 448
 Соколова В. К.—472, 628
 Соколова З. П.—752
 Соктоева И. И.—566
 Сорелл У.—391
 Сороко-Цюпа О. С.—12
 Ставский Б. Я.—173
 Станюкович Т. В.—353
 Столяр А. Д.—310
 Стратанович Г. Г.—53
 Стукалов В.—641
 Суанкей Бен—12
 Сухарева О. А.—448
 Сушанло М. Я.—642
 Сычев Д. В.—309, 412
 Таксами Ч. М.—752
 Талмуд Э. Д.—416
 Татаев В. А.—504
 Террей Э.—676
 Токарев С. А.—18, 777
 Тома А.—864
 Тот Т. А.—372
 Троицкая А. Л.—448, 658
 Трофимова А. Г.—514
 Труфанов И. П.—19
 Туголуков В. А.—752
 Тумаркин Д. Д.—97
 Угинчус Б.—345
 Уланов А.—619
 Уханова И. Н.—173
 Файнберг Л. А.—12, 25
 Фараджев А. С.—754
 Федорова С. Г.—669
 Филиппова С. С.—18
 Фирштейн Б. В.—372
 Формозов А. А.—799
 Фрадкин Н. Г.—668
 Фрейденберг М. М.—667
 Фридрих И. Д.—491
 Фролов Б. А.—310
 Фурсова Л. Н.—12
 Хаскелл А.—391
 Хлобистина М. Д.—310
 Хомич Л. В.—752
 Худяков И. А.—221
 Чебан И. Д.—107
 Чебоксаров Н. Н.—305, 419, 441
 Чебоксарова И. А.—305
 Чернецов В. Н.—655
 Чеснов Я. В.—441
 Чибиров Л. А.—647
 Чижов Н. Н.—204
 Чирков Д.—494
 Чистов К. В.—317
 Шабаньянц Н. Ш.—504
 Шаврина И.—641
 Шаракшинова Н. О.—619
 Шенников А. А.—173
 Широкова З. А.—174
 Шитс М.—391
 Шлепаков А. Н.—12
 Шлыгина Н. В.—629
 Шнейдеров В. А.—752
 Эллис Х.—391
 Эпштейн Е.—484
 Югов А.—801
 Andrews G. F.—348
 Bahadoorsingh K.—262
 Basu A.—373
 Bednarik Rudolf—519
 Becher Hans—781
 Befu Harumi—46
 Becquelin P.—348
 Biswas S. K.—373
 Bullard W. R.—348
 Burlasová S.—230
 Christiansen P.—127
 Coe Michael D.—360
 Cosney J. R. B.—127
 Earhart H. Byron—385
 Filová B.—230
 Florescu F. B.—288
 Földes Laszlo—500
 Forman Werner—632
 Ghosh A. K.—373
 Ghosh R.—373
 Gould R. A.—683
 Hallpike C. R.—331
 Harper Russel—291
 Harwood A.—190
 Hasani bin Ismail—192
 Holéczyova Elena—519
 Jamamoto G.—46
 Kahounová Ema—519
 Kerbelýtē B.—145
 Kimambo I. N.—191
 Kiszely I.—864
 Klass M.—262
 Kocharska E.—383
 Kovačevićová S.—230
 Kuczynski Antoni—578
 Langaste E.—436
 Laya Diouldé—435
 Leacock E. B.—8
 Lehtonen J. U. E.—858
 Lienhardt Peter—192
 Liiv E.—436
 Lommel A.—325
 Lombard Jacques—746
 Makarius Laura—748
 Makarius Raoul—748
 Malik Y. K.—262
 Marshack A.—285
 Michálek Ján—230
 Micháides Pavol—519
 Moerman Michael—312
 Murray Oliver A. A. St. C. M.—670

Nasz A.—383
Neumann S.—604, 605
Niehoff A.—262
Niehoff F.—262
Norbeck Ed.—46
Normann E.—436
Nowicka Eva—131
Ogan E.—125
Öpik Elina—857
Ortutay Gy.—606
Oswalt Wendel H.—747
Parman S.—46
Pavkovič N. F.—791
Petrescu P.—288
Pitt D.—124
Podolak Jan—519
Powne M.—823
Räsänen Matti—858
Rospond S.—383

Rosset Edward—586
Sahlins M.—682
Sarmela Matti—663
Siebert Erna—632
Silbermann W.—46
Solc J.—230
Stahl P. H.—288
Tambiah S. J.—310
Temu A. J.—191
Terray E.—676
Tsuyoshiy Ishida—46
Umesao Tadao—561
Varese S.—89
Vargas V. Angies—81
Vaudrin Bill—254
Vaughan Th.—670
Vilkuna Kustaa—788
Vitols Jekabs—236
Whiteley Wilfred—349

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1977 ГОДУ

Статьи	№	стр.
Абрамян Л. А. О некоторых особенностях первобытного праздника	1	19
Батнасан Г. Некоторые особенности перехода к оселлому образу жизни в Монгольской Народной Республике	2	68
Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности	1	3
Бромлей Ю. В. Интернациональное и национальное в строительстве социализма	5	11
Будина О. Р., Шмелева М. Н. Этнографическое изучение города в СССР	6	21
Васильев В. И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Севера (на самодийских материалах)	4	3
Великая Октябрьская социалистическая революция и торжество пролетарского интернационализма	5	3
Великий Октябрь и народы Востока	6	3
Вурм С. А. Лингвистическая ситуация в новогвинейском регионе	1	49
Губогло М. Н. К изучению двуязычия в истории народов мира	5	46
Гурвич И. С. Этнокультурное сближение народов СССР	5	23
Дашдамиров А. Ф. Социально-психологические проблемы национальной определенности личности	3	3
Дробищева Л. М. Сближение культур и межнациональные отношения в СССР	6	11
Жданко Т. А., Итина М. А. <u>Сергей Павлович Толстов</u>	2	3
Итина М. А.—см. Жданко Т. А.	2	3
Киселев Г. С. Некоторые проблемы этногенеза хауса	3	22
Кожанов А. А. Внешность как фактор этнического сопоставления (К вопросу о методике изучения)	3	14
Крюков М. В. Клановые общества китайцев-иммигрантов на Кубе в первой половине XX века (к проблеме структуры и функций традиционных социальных институтов в инонациональной среде)	2	55
Крывелев И. А. Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении	5	36
Левисон М.—см. Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М.	4	29
Лобачева Н. П., Тульцева Л. А. Традиции в современной обрядности узбеков	6	32
Попов В. А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха	2	43
Попов В. А. Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа	6	45
Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.)	1	31
Семенов Ю. И. Об изначальной форме первобытных социально-экономических отношений	2	15
Сычев В. Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (К проблеме классификации)	3	32
Талбот С. «Свободный Алькатрас»	5	60
Тульцева Л. А.—см. Лобачева Н. П.	6	32
Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М. Заселение Полинезии: дрейф или навигация? Применение имитационного моделирования к решению вопроса	4	29
Уэбб Дж. У.—см. Уорд Р. Дж., Уэбб Дж. У., Левисон М.	4	29
Царенко Е. И. Лингвистические данные к этнической истории кечуа	4	18
Шмелева М. Н.—см. Будина О. Р.	6	21
Шнирельман В. А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки)	2	29

Дискуссии и обсуждения

Алексеев В. П. Некоторые дополнительные соображения о соотношении исторического процесса и биологической дифференциации человечества	4	49
Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации	3	47
Гурьев Д. В. О специфике производственных отношений первобытного общества (в связи с обсуждением концепции Ю. И. Семенова)	1	71
К итогам дискуссии по статье В. П. Алексеева «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций»	4	64
Козинцев А. Г. Социальная среда и биологическая дифференциация человечества	4	44
Козодоев И. И. О необходимом и прибавочном продукте в первобытной экономике	3	59
Селиванов В. В. О путях становления изобразительного творчества (в связи с обсуждением концепции А. Д. Столяра)	1	66
Тер-Акопян Н. Б. О социально-экономических отношениях в первобытном обществе	3	64

Сообщения

Авербух С. И. О некоторых этнических названиях бассейна Кабула у античных историков Александра	4	112
Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам	1	101
Баглай В. Е. Эволюция представления о Солнце в древнеацтекской мифологии	4	122
Вайнштейн С. И., Трайде Д. Научная работа этнографов университета им. Карла Маркса (ГДР)	5	106
Волкова Н. Г. Бацбийцы Грузии (этнографические заметки)	2	84
Гаджиев Г. А. Верования лезгин, связанные с животными	3	117
Глинский Е. Н.—см. Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.	1	101
Грусман В. М., Яглинская Э. С. Современные праздники и обряды народов СССР (К созданию экспозиции в ГМЭ)	3	68
Джавадов Г. Д. Орудия боронования в Азербайджане (XIX—начало XX века)	4	68
Джарылгасинова Р. Ш. Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения)	6	59
Дурасов Г. П. Каргопольское «заветное шитье»	1	110
Етоева З. И. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья	1	85
Ике-Швальбе Л. Историко-этнографические данные по древнейшей истории доарийских племен на Южноазиатском субконтиненте	1	114
Казаков Е. П. Древние языковые музыкальные инструменты Прикамья и Приуралья	1	107
Кенин-Лопсан М. Б. К вопросу о категориях тувинских шаманов	4	92
Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о «зачарованных кладах» (по материалам русских северных преданий)	4	105
Круглов Ю. Г. Календарные обряды и обрядовая поэзия в Калужской области	4	96
Лебедева А. А. Роль материальных компонентов в традиционном свадебном обряде русских старожилов Сибири (вторая половина XIX—начало XX в.)	3	104
Малькова В. К. Применение контент-анализа для изучения сотрудничества советских народов (по материалам республиканских газет)	5	71
Мельник В. М. Украинско-венгерские отношения в украинском фольклоре Карпатского региона	5	93
Миненко Н. А. Свадебные обряды у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX века	3	91
Никитин В. А. Маори в современном новозеландском обществе	1	121
Николаева Т. А. Народное моделирование женской одежды и применение его традиций в современной практике (на материалах Украины)	3	72
Островский Г. С. Сценография фольклорного театра	2	90
Сергеев Д. А.—см. Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А.	1	101
Симаков Г. Н. Киргизские национальные развлечения (конец XIX—начало XX века)	4	79
Смирнова Я. С. Некоторые количественные показатели отхода от обычаев избегания у кабардинцев и балкарцев	2	77
Смирнова Я. С. Культурное взаимодействие и семья (по материалам Северного Кавказа)	5	81
Томтосова Л. Ф. Череп человека из древнего погребения на Олёкме	3	133

Трайде Д.—см. Вайнштейн С. И., Трайде Д.	5	106
Трофимова Т. А. Черепа из склепа курганного могильника близ городища Джеты-асар 2	2	97
Трояков П. А. К вопросу об историко-генетическом изучении ранних форм эпоса	3	125
Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией	6	71
Уразманова Р. К. Народный праздник сабантуй у татар	1	94

Поиски, факты, гипотезы

Арутюнов С. А. Древние мифы и инопланетные пришельцы	3	137
Басилов В. Н. Мужские дома в Бонгу	6	89
Гусев В. Е. Пути песен народно-освободительной борьбы	5	111
Дридзе А. Д. «Братство по кораблю»	2	108
Соколова З. П. Загадка Юильского городка	4	129
Файнберг Л. А. Представления о времени в первобытном обществе	1	128

Хроника

Басилов В. Н., Семашко И. М. Работа Института этнографии АН СССР в 1976 году	5	129
Семашко И. М.—см. Басилов В. Н., Семашко И. М.	5	129

Научная жизнь

Басилов В. Н., Султанов Т. И. Всесоюзная тюркологическая конференция (Алма-Ата, 27—29 сентября 1976 г.)	3	142
Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И. Второе Поволжско-Уральское археолого-этнографическое совещание	5	139
Варжека И.—см. Сук Р., Варжека И.	5	145
Гвоздиков Л. С. Вторая научная конференция по проблемам этнографии Северо-Запада СССР	1	137
Гусев В. Е. В дни VI Международного симпозиума славистов. (Заметки фольклориста)	3	149
Джарылгасинова Р. Ш., Рождественская С. Б. Первый Всероссийский фестиваль юных этнографов	1	140
Жданко Т. А., Кудрявцев М. К. Советско-индийский симпозиум в Шантиникетане	6	117
Ивлева Л. М. Чтения памяти П. Г. Богатырева	4	139
Информация о X МКАЭН	6	126
Козлов В. И. Методологические проблемы этнографии (К итогам международного симпозиума)	2	117
Комарова Г. А. Взаимосвязи музыкальных культур народов РСФСР (музыкально-этнографический концерт)	4	149
Коротко об экспедициях	1	146
Коротко об экспедициях	2	138
Коротко об экспедициях	3	157
Коротко об экспедициях	4	151
Коротко об экспедициях	5	147
Коротко об экспедициях	6	127
Кудрявцев М. К.—см. Жданко Т. А., Кудрявцев М. К.	6	117
Лашук Л. П. Всесоюзная этнографическая студенческая конференция 1976 года	2	136
Лебедева А. А., Шмелева М. Н. Выставка работ Стефании Кульчицкой «Народные традиции в современной одежде и вышивке»	4	146
Липинская В. А., Рождественская С. Б. Выставка «Жостовский расписной поднос» (К 150-летию промысла)	4	144
Малькова В. К. Всесоюзная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР»	6	112
Морохин В. Н. V областная фольклорная конференция «О задачах собирания и пропаганды фольклора в Горьковской области»	5	142
Митлянская Т. Б. Выставка «Народное искусство Чукотки»	3	153
Мыльников А. С. В гостях у австрийских этнографов (заметки и наблюдения)	2	132
Нагаева Л. И.—см. Бикбулатов Н. В., Нагаева Л. И.	5	139
Некрылова А. Ф. Заседание секции фольклора ЛГИТМиК, посвященное 50-летию первой экспедиции по комплексному изучению русского народного искусства	4	143
Никольская Р. Ф., Пименов В. В. Советско-финляндский семинар «Происхождение карельского народа»	3	147
О X Международном конгрессе антропологических и этнологических наук	5	146
Пименов В. В.—см. Никольская Р. Ф., Пименов В. В.	4	143
Полищук Н. С. Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности	6	104

Рожественская С. Б.—см. Джарылгасинова Р. Ш., Рожественская С. Б.	1	140
Рожественская С. Б.—см. Липинская В. А., Рожественская С. Б.	4	143
Сук Р., Варжека И. Конференция «Этнографические журналы в социалистических странах»	5	145
Султанов Т. И.—см. Басилов В. Н., Султанов Т. И.	3	142
Шмелева М. Н.—см. Лебедева А. А., Шмелева М. Н.	4	146

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

Арутюнов С. А. Новые книги о ранних формах религии	2	145
Бутинова М. С. Миссионерство в Океании (историографический обзор)	1	150
Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинг)	5	148
Куббель Л. Е. Доколониальные политические структуры Африки в западно-европейской этнографии	4	155
Маретин Ю. В. Этнография в Восточной комиссии Географического общества СССР (обзор работы за два десятилетия)	2	140

Общая этнография

Богина Ш. А. О. Н. Яницкий. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии	1	159
Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И. Г. Е. Марков. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации	5	163
Еремина В. И. Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Пропта (1895—1970)	4	169
Королюк В. Д. Карпатский сборник	5	158
Семенов Ю. И.—См. Вайнштейн С. И., Семенов Ю. И.	5	163

Народы СССР

Алексеев В. П., Басилов В. Н. Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)	5	171
Аврутин С. Р., Решетов А. М. Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX в. (историко-этнографические очерки)	5	174
Арутюнов С. А. Древнее жилище народов Восточной Европы	3	170
Басилов В. Н.—см. Алексеев В. П., Басилов В. Н.	5	171
Бахтина В. А. Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка	5	177
Вайнский В. М. В. А. Александров. Сельская община в России (XVII—начало XIX в.)	3	165
Вайнштейн С. И. А. П. Окладников. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири	4	183
Вайнштейн С. И. Б. А. Фролов. Числа в графике палеолита	2	166
Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Л. Е. Киселев. От патриархальщины к социализму	2	165
Винников Я. Р. А. И. Робакидзе, Г. Г. Гегечкори. Формы жилища и структура поселения горной Осетии.—«Кавказский этнографический сборник», V, 1	5	176
Жданко Т. А., Федорович Б. А. М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II—начало I тысячелетия до н. э.)	4	178
Кармышева Б. Х. Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения	1	162
Кербелите Б., Новиков Ю. А. Фольклор русского населения Прибалтики	5	178
Липин В. А., Путилов Б. Н. И. И. Земцовский. Мелодика календарных песен	2	172
Липец Р. С. Кобланды батыр. Казахский героический эпос	1	171
Литвинский Б. А., Григулевич И. Р., Стратанович Г. Г. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии	1	164
Лобачева Н. П. Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков	3	161
Мелетинский Е. М. Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия	4	181
Невская В. П. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.	3	168
Неклюдов С. Ю. В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Избранные труды	2	169
Переведенцев В. И. В. И. Козлов. Национальности СССР (Этнодемографический обзор)	5	166

Решетов А. М.—см. Аврутин С. Р., Решетов А. М.	5	174
Рикман Э. А. М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровско-го междуречья	3	173
Рожественская С. Б. С. К. Жегалова. Русская народная живопись	2	175
Симченко Ю. Б.—см. Васильев В. И., Симченко Ю. Б.	2	165
Савоскул С. С. Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта	2	159
Смоляк А. В. Ч. М. Таксами. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX—начало XX в.	6	130
Сухарева О. А. А. К. Писарчик. Народная архитектура Самарканда	1	170
Сухарева О. А. Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки	4	174
Толстой Н. И. Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре	1	176
Федорович Б. А.—см. Жданко Т. А., Федорович Б. А.	4	178
Чебоксаров Н. Н. Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики	4	171
Шлыгина Н. В. История Эстонской ССР, тт. I—III	2	161

Народы зарубежной Европы

Возгрин В. Е. A. From, K. J. Jensen, P. Friis, A. Kjaer. Sociale problemer i Grønland	5	180
Громов Г. Г. Н. Н. Грацианская. Этнографические группы Моравии	1	179

Народы зарубежной Азии

Джарылгасинова Р. Ш. Г. Б. Навлицкая. Бамбуковый город	1	183
Иванова Е. В. Jane Bunnag. Buddhist Monk, Buddhist Layman. A study of urban monastic organization in Central Thailand	3	178
Маслоу Ю. Н. В. И. Кочнев. Шри Ланка. Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в.	2	176
Мешков К. Ю. Я. В. Чеснов. Историческая этнография стран Индокитая	5	183

Народы Америки

Александренков Э. Г. Ю. А. Зубрицкий. Инки-кечуа. Основные этапы истории народа	5	186
Агранат Г. А. Л. Н. Фурсова. Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946—1970 гг.	3	182
Арутюнов С. А. Л. А. Файнберг. Индейцы Бразилии	1	185
Баглай В. Е. Mercedes de la Garza. La conciencia historica de los antiguos Mayas	3	184
Гуляев В. И. Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя	4	185
Покшишевский В. В. Ш. А. Богина. Иммигрантское население США. 1865—1900	2	180

Народы Африки

Куббель Л. Е. М. А. Коростовцев. Религия Древнего Египта	1	186
Никитин А. Л. Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки	5	187
Чернецов С. Б. М. Stahl. Ethiopia: political contradictions in agricultural development	2	184
Чернецов С. Б. Tesfaye Lemma. Ethiopian musical instruments	3	186

Народы Океании

Тумаркин Д. Д. М. С. Бутинова. Миссионерство и колониализм в Океании	2	187
--	---	-----

Personalia

Список основных работ кандидата филологических наук В. Ю. Крупянской (К 55-летию научной деятельности)	6	135
Список основных работ доктора исторических наук Ю. П. Петровой-Аверкиевой (К 45-летию научной деятельности)	6	137
Список основных работ доктора исторических наук Н. Н. Чебоксарова (К 50-летию научной деятельности)	6	139
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1971—1975 гг.	6	143
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1977 году	6	143

СОДЕРЖАНИЕ

1917—1977

Великий Октябрь и народы Востока	3
Л. М. Дробижева (Москва). Сближение культур и межнациональные отношения в СССР	11
О. Р. Будина, М. Н. Шмелева (Москва). Этнографическое изучение города в СССР	21
Н. П. Лобачева, Л. А. Тульцева (Москва). Традиции в современной обрядности узбеков	32
В. А. Попов (Ленинград). Системы терминов родства народов акан. Опыт историко-типологического анализа	45

Сообщения

Р. Ш. Джарылгасинова (Москва). Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана (на примере сельского населения)	59
Д. Д. Тумаркин (Москва). Новая встреча с Океанией	71

Поиски, факты, гипотезы

В. Н. Башилов (Москва). Мужские дома в Бонгу	89
--	----

Научная жизнь

Н. С. Полищук (Москва). Всесоюзная конференция по вопросам этнографического изучения современности	104
В. К. Малькова (Москва). Всесоюзная конференция «Межнациональные связи и взаимодействие культур народов СССР»	112
Т. А. Жданко (Москва), М. К. Кудрявцев (Ленинград). Советско-индийский симпозиум в Шантиникетане	117
Информация о X МКАЭН	126
Коротко об экспедициях	127

Критика и библиография

Народы СССР

А. В. Смоляк (Москва). Ч. М. Таксами. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX — начало XX в.	130
--	-----

Personalia

Список основных работ кандидата филологических наук В. Ю. Крупянской (К 55-летию научной деятельности)	135
Список основных работ доктора исторических наук Ю. П. Петровой-Аверкиевой (К 45-летию научной деятельности)	137
Список основных работ доктора исторических наук Н. Н. Чебоксарова (К 50-летию научной деятельности)	139

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1971—1975 гг.	143
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1977 году	186

СОММАИРЕ

1917—1977

Le Grand Octobre et les peuples de l'Orient	3
L. M. Drobijéva (Moscou). Le rapprochement des cultures et les rapports entre les nations	11
O. R. Boudina, M. N. Chmélioïva (Moscou). Etude ethnographique de la ville chez les peuples de l'U. R. S. S.	21
N. P. Lobatchioïva, L. A. Toul'tseva (Moscou). Traditions dans le rituel moderne des Ouzbeks	32
V. A. Popov (Léningrad). Les systèmes des termes de parenté chez les populations Akan. Essai d'une analyse historico-typologique	45

Communications

R. Ch. Djarylgassinova (Moscou). Le nouveau dans la culture et le mode de vie des Coréens de l'Asie Centrale et du Kazakhstan	59
D. D. Toumarkine (Moscou). Nouvelle rencontre avec l'Océanie	71

Recherches, faits, hypothèses

V. N. Bassilov (Moscou). Les maisons d'hommes à Bongou	89
--	----

Vie académique

N. S. Polichtchouk (Moscou). Conférence nationale pour les problèmes de l'étude ethnographique de l'actualité	104
V. K. Malkova (Moscou). «Contacts interethniques et l'interaction des cultures des peuples de l'U. R. S. S.» — une Conférence nationale	112
T. A. Jdanko (Moscou), M. K. Koudriavtsev (Léningrad). Un Symposium soviético-indien à Shantiniketan	117
Sur le Xème Congrès International des Sciences anthropologiques et ethnologiques	126
Missions en bref	127

Critiques et bibliographie

Peuples de l'U. R. S. S.

A. V. Smoliak (Moscou). <i>Tch. M. Taksami</i> . Problèmes principaux de l'ethnographie et de l'histoire des Nivkh. Milieu XIXe—début XXe siècles	130
---	-----

Personalia

Liste des travaux principaux de dr. V. Yu. Kroupianskaïa (pour le 55-e anniversaire des activités scientifiques)	135
Liste des travaux principaux de Yu. P. Pietrova-Avierkiéva, docteur ès histoire (pour le 45-e anniversaire des activités scientifiques)	137
Liste des travaux principaux de N. N. Tchéboksarov, docteur ès histoire (pour le 50 anniversaire des activités scientifiques)	139
Index des articles et matériaux publiés par la revue aux années 1971—1975	143
Index des articles et matériaux publiés par la revue en 1977	186

Технический редактор *Т. И. Сироткина*

Сдано в набор 12/IX-1977 г.	Т-16859	Подписано к печати 16/XI-1977 г.	Тираж 2680 экз.
Зак. 4720.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 16,8.	Бум. л. 6.
			Уч.-изд. л. 21,2